

Ричард Пайнс

Струве • Биография

Том 1

**Московская школа
политических
исследований**

Ричард Пајнс

Ричард Пайпс

Струве: левый либерал
1870–1905

Перевод с английского
А. Цуканова

Московская школа
политических исследований

Москва 2001

Культура политика философия

Серия основана в 2000 году Московской школой
политических исследований и издается под общей редакцией
Ю.П. Сенокосова

*Перевод и издание осуществлены при поддержке
Авиакомпании «Волга–Днепр»*

Гафурова Ильшата Рафкатовича (г. Елабуга)

ГК КАСКОЛ

John M. Olin Foundation, Inc.

Пайпс Ричард

П 37 Струве: левый либерал, 1870–1905. Том 1. / Печ. по
изданию: Richard Pipes. Struve: Liberal on the Left,
1870–1905. Harvard University Press, Cambridge, Massachu-
setts and London, England, 1970. — М.: Московская школа
политических исследований, 2001. — 552 с.

ISBN 5-93895-025-2

Написанная известным американским историком 2-х томная биография П.Б. Струве издается в России впервые. По мнению специалистов — это самая интересная и важная работа Р. Пайпса по истории политической мысли России XX века. В первом томе, опираясь на архивные материалы, историческую и мемуарную литературу, автор рассказывает о жизни и деятельности Струве до октябрьских событий 1905 года, когда Николаем II был подписан известный Манифест, провозгласивший гражданские права и создание в России Государственной Думы. Второй том посвящен событиям и обстоятельствам жизни Струве на родине, а затем в эмиграции вплоть до его кончины в 1944 году.

Согласно Пайпсу, разделяя идеи свободы и демократии, как политик Струве всегда оставался национальным мыслителем и патриотом.

ББК 66(США)

© Richard Pipes, Struve: Liberal on
the Left, 1870–1905; 1970

© Цуканов А., перевод, 2001

© Московская школа

политических исследований, 2001

ISBN 5-93895-025-2

Предисловие к английскому изданию

В процессе работы над этой книгой мне оказали большую помощь многие свидетели описываемых событий, а также многие ученые. Некоторых из них уже нет среди нас. Все они перечисляются во втором томе, описывающем жизнь Струве с 1905 года вплоть до его смерти, последовавшей в 1944 году. Этот том называется «Правый либерал». Здесь же я хочу выразить особую благодарность сыновьям Петра Струве, профессору Глебу Струве и Алексею Струве, оказавшим мне неоценимую помощь при разрешении огромного количества трудных вопросов. Чрезвычайную любезность по отношению ко мне проявил М. Максимилиан Рубель, согласившийся быть экспертом-консультантом тех разделов книги, которые касаются Маркса, марксизма и социал-демократии. Я также хочу поблагодарить за щедрую помощь, оказанную мне в ходе проведения моих исследований, Русский исследовательский центр Гарвардского университета, Фонд Гуггенхайма и Центр передовых исследований в области бихевиористских наук в Стэнфорде, Калифорния.

*Р.П.
Менло-парк, Калифорния,
март 1970*

ем русских оригиналов цитат, которые я привожу в тексте книги. Существенную финансовую поддержку проекту оказал фонд Олина (Нью-Йорк). И наконец, я хотел бы выразить благодарность сотрудницам трех институтов, оказавшим мне помощь в разыскании некоторых оригинальных текстов Струве — г-же Молли Молой и г-же Мириам Лефлох из Гуверовского института, г-же Тане Чеботаревой из Библиотеки редких книг и рукописей Колумбийского университета и г-же М. Иджерманс из Международного института социальной истории (Амстердам).

*Ричард Пайнс,
Чешам, Нью-Хэмпшир,
август 2001*

Посвящается Исaйе Берлину

От издателя

Что нам известно о Петре Бернгардовиче Струве — фактически нашем современнике?

Если учесть, что мы оказались сегодня, после завершения коммунистического эксперимента, в том же историческом пространстве и перед теми же проблемами, когда он начинал свой путь политического мыслителя и общественного служения.

В сущности — ничего.

Двухтомная биография Струве, написанная Ричардом Пайпсом, по сути возвращает нам этого человека из небытия — его личность, обстоятельства жизни, напряженность мысли. Вызывая по мере погружения в сопутствующую всему этому общественную атмосферу естественное чувство уважения к нему.

Я давно мечтал об издании этой работы профессора Пайпса, так как считаю ее одной из самых интересных по истории политической мысли России XX века. Несмотря на обширный справочный аппарат, книга читается легко, композиция ее ясна, концепция убедительна, интонация и пафос изложения благородны. Разделяя идеи свободы и демократии, подчеркивает автор, как политик, Струве всегда оставался национальным мыслителем и патриотом.

И еще — биография появляется вовремя. В том смысле, что пережитые нами в последнее десятилетие со-

бытия, на мой взгляд побуждают смотреть нас на свою историю внимательнее, чем раньше. И потому издание ее на русском языке сейчас, как никогда оправдано и своевременно. Она, безусловно, станет стимулом для более серьезного отношения наших политиков к историческим урокам XX столетия.

И в этой связи мне представляется важным назвать уже опубликованные в последние годы в России работы самого П.Б. Струве* и воспоминания о нем С.Л. Франка**, а также обратить внимание тех, кто интересуется отечественной историей, на архивные материалы, которые публикуются, начиная с 1997 года в серии «Исследования по истории русской мысли» под редакцией М.А. Колерова***. Что явно свидетельствует о появившемся и растущем в нашем обществе интересе к личности и идеям этого, несомненно, выдающегося человека.

Но, я уверен, работа Ричарда Пайпса сохранит свое основополагающее значение в качестве фундаментального труда и отправной точки для последующих исследований.

Ю.П. Сенокосов

* См.: П.Б. Струве. Избранные сочинения. — М.: РОССПЕН, 1999; PATRIOTICA. Россия Родина, Чужбина. СПб., 2000.

** См.: Семен Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

*** См. также: Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы (К 125-летию со дня рождения П.Б. Струве). Материалы международной научной конференции. Пермь, 1996.

Предисловие к русскому изданию

Приступая летом 1958 года к написанию биографии П. Б. Струве, я и помыслить не мог, что когда-нибудь буду держать в руках изданный в Москве русский перевод этой книги. Поскольку согласно советским понятиям Струве воспринимался в лучшем случае как боявшийся революции «легальный марксист», а в худшем, следуя ленинскому определению, как ренегат и «иуда». Немногим больше могли сказать о нем и на Западе, поскольку для тамошних историков гораздо более интересными фигурами были революционеры — Ленин, Троцкий, Сталин и другие, менее известные. Струве же, как относящийся к лагерю «проигравших», такого интереса не вызывал.

Тем не менее, по мере изучения обстоятельств жизни и трудов этого человека трагической судьбы мне все яснее становилось, какую грандиозную роль сыграл он в интеллектуальной и политической жизни двух последних десятилетий Российской империи и двух первых десятилетий Советского Союза. Объем и разносторонность его познаний поражали воображение, суждения его, как правило, отличались глубиной и точностью, его личное поведение было выше всякой критики. Должен признаться, что десять лет, отданных исследованию его жизни и творчества, стали для меня своего рода школой: мои представ-

ления о коммунизме и Советском Союзе, равно как и о том, что связывает между собой две России — царскую и советскую, — в большой степени сформировались под влиянием работ Струве.

В настоящее время фигура Струве как мыслителя и политического деятеля приобретает особую актуальность, поскольку одной из уникальных особенностей его мировоззрения было органичное сочетание национализма и западничества. Традиционный русский национализм всегда противостоял западничеству. Убеждение, что национальное величие России может быть достигнуто только неким «особым путем», превращает Запад и его культуру в нечто враждебное и таящее угрозу. Согласно опросам общественного мнения, подобные взгляды преобладают и донныне. Тогда как Струве, ревностный патриотизм которого не вызывает сомнения, считал, что величие России невозможно без впитывания ею западной культуры. В этом смысле его идолами были Петр Великий и Пушкин. Лично я разделяю мнение Струве и считаю подобный взгляд единственно плодотворным для достижения посткоммунистической Россией настоящего национального величия, а не базирующегося на весьма шаткой платформе ядерного потенциала и возможности шантажировать с его помощью весь мир.

В заключение я хотел бы выразить благодарность, в первую очередь — тем, кто принял решение перевести и опубликовать эту книгу на русском языке и проделал огромную работу по привлечению спонсорских средств для осуществления этого проекта — Елене Немировской и Юрию Сенокосову — основателям Московской школы политических исследований. Без их усилий эти тома никогда не были бы опубликованы. Выражаю также огромную признательность переводчикам 1-го и 2-го томов, соответственно Андрею Цуканову и Андрею Захарову, проделавшим большую работу, связанную не только с переводом довольно непростого текста, но и разыскани-

Часть I

**ИМПЛАНТАЦИЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ**

Спросите молодых; они все знают.

Джозеф Джуберт

Глава 1

Юность и первые размышления

Петр Струве происходит из семьи обрусевших немцев, историческая родина которых — частично немецкая, частично датская провинция Шлезвиг-Гольштейна. В XVI веке — а родословная семьи прослеживается до этого времени — Струве занимались в основном сельским хозяйством. Первым интеллектуалом, давшим начало весьма примечательной династии ученых и просто высокообразованных людей, стал Якоб Струве (1755–1841). Будучи профессиональным резчиком по камню, он сумел получить образование и в качестве математика занимал различные преподавательские должности в Гамбурге и его окрестностях¹. Именно его сын, Вильгельм Струве, родившийся в 1793 году, основал русскую ветвь этой фамилии. Спасаясь от призыва на военную службу в армию Наполеона, он оставил родной город Алтон и переехал в Дерпт, где поступил в местный университет. Дерпт (ныне Тарту) еще в эпоху правления Петра I был аннексирован Российской империей и номинально считался российским городом. Но, как это было и со всеми другими прибалтийскими городами, местная власть находилась в руках немецкого дворянства и бюргерства, да и культура

¹ Большею частью сведений, касающихся генеалогии семейства Струве, автор обязан ныне покойной Ольге Томашек из Вены, члену этой семьи.

оставалась преимущественно немецкой. После непродолжительных филологических штудий Вильгельм Струве перешел на факультет математики и астрономии. На этом поприще он продемонстрировал столь недюжинные способности, что в 1819 году, в неполные двадцать шесть лет, ему было присвоено звание полного (ординарного) профессора и доверено управление университетской обсерваторией. Через несколько лет он заслужил репутацию равного среди самых выдающихся астрономов Европы. Это произошло благодаря его исследованиям в области распознавания и описания так называемых «двойных звезд», то есть звезд, находящихся так близко друг к другу, что они представляются наблюдателю единым небесным телом. В 1827 году он опубликовал первый из двух своих каталогов, содержащий перечень более чем трех тысяч этих небесных объектов, большая часть которых была впервые описана им самим.

Публикация этого каталога по времени совпала с принятием Николаем I решения о создании в России первой национальной обсерватории, которая должна была быть не хуже лучших европейских обсерваторий, как в Англии, так и на континенте. Вместе с другими немецкими учеными Вильгельм Струве принял активное участие в проектировании Пулковской обсерватории, а в 1839 году, когда она была построена, стал ее первым директором. В связи с этим он в том же году вместе со всей своей огромной (тринадцать детей) семьей переехал из Дерпта в Санкт-Петербург и принял российское подданство. Одновременно он получил звание наследственного дворянина и был избран в Российскую Академию наук. Под его руководством Пулковская обсерватория очень скоро не только сравнялась с лучшими европейскими, но и превзошла их всех, став центром мировой астрономии того времени. Благодаря Вильгельму Струве в России сформировалась своя собственная великая астрономическая школа. Пользуясь заслуженными почетом и уважением, Струве занимал свой пост до 1857 года, пока

тяжелая болезнь не вынудила его уйти в отставку. Умер он в 1864 году².

Вильгельм (или Василий — это имя он принял при переходе в российское подданство) Струве стал родоначальником четырех поколений выдающихся астрономов, некоторые из них продолжили его исследования в области двойных звезд. Последний из этой научной династии Струве, возможно не имевшей себе равных в истории науки, умер в 1963 году в США³. Другие потомки Вильгельма Струве избрали для себя либо преподавательскую деятельность, либо гражданскую службу. Авторитет и связи отца позволили им получить работу в лучших учебных заведениях России, и они довольно быстро ассимилировались. В середине XIX века, несмотря на короткий срок пребывания в России, Струве чувствовали себя в этой стране как дома. Воспитанные в рамках протестантской культуры, усвоенной ими в Гамбурге и Дерпте, они хранили верность ее основным принципам, что позволяло им весьма гармонично вписываться в систему правления Николая I, пытавшегося привить своим подданным европейские идеалы бескорыстного служения государству и уважения к учености. Им было легче приспособиться к службе в империи с национально-консервативными принципами, заимствованными из времен австрийской и германской Реставра-

² Биография Вильгельма Струве была написана его сыном Отто (Wilhelm Struve, Karlsruhe, 1893). Сведения о его жизни также можно почерпнуть в Русском Биографическом Словаре. — Т. XIX. — 1909. — С. 549-557 и в Encyclopaedia Britannica. — 11th ed. — Vol. XXV. — 1911. — P. 1044-1045. Недавно А. А. Михайлов (ред.) и З. Н. Новокшанова опубликовали исследования, касающиеся жизни и научной работы Вильгельма Струве.

³ Отто Струве сменил своего отца на посту директора Пулковской обсерватории в 1862 году. Его сыновья, Герман и Людвиг, соответственно возглавляли Берлинскую и Харьковскую обсерватории. У обоих были сыновья, пошедшие по их стезе. Сын Людвига, Отто, возглавлял до самой своей смерти (в 1963 году) несколько крупных Северо-американских обсерваторий, включая National Radio Astronomical Observatory (Green Bank, West Virginia). Немецкая ветвь этой семьи тоже дала целый ряд ученых и преподавателей.

П.Б. Струве — студент, начало 1890-х годов

ции, чем довольно заметной части русского дворянства, воспитанного на идеалах французского Просвещения или немецкого романтического идеализма. Поэтому они весьма преуспели в России и стали такими ее патриотами, какими могли быть только обрусевшие немцы.

Отец Петра Струве, Бернгард, был сыном Вильгельма Струве от его первой жены, немки из гугенотского семейства. Родившись в Дерпте в 1827 году, он провел в этом городе первые двенадцать лет своей жизни. После переезда в Санкт-Петербург он поступил в Царскосельский Лицей, самое престижное учебное заведение в России, учащиеся которого, происходившие из самых блестящих помещичьих и сановных семейств страны, подготавливались для занятия высоких государственных постов. Бернгард окончил Лицей в 1847 году и некоторое время работал в Санкт-Петербургском архиве, но недолго, поскольку вскоре нашел для себя более интересное поприще. Именно в это время Николай I назначил Н. Н. Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири и поставил перед ним задачу провести там широкие преобразования, призванные прекратить вопиющие налоговые злоупотребления и притеснение местных народностей, а также установить над этой огромной территорией более строгий контроль со стороны центральных государственных структур. Будучи типичным представителем класса просвещенных государственных чиновников, которых в России было гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд, Муравьев привлек на свою сторону многих идеалистически настроенных молодых людей. Бернгард Струве служил под его началом пять лет, в течение которых вдоль и поперек изъездил Сибирь. Поскольку на окраинах империи был постоянный недостаток заслуживающих доверия людей, Бернгард получил гораздо больше возможностей для стремительной карьеры, чем если бы оставался в Санкт-Петербурге. Ему было всего двадцать пять лет, когда Муравьев поставил его во главе администрации Иркутской губернии, чья территория занимала большее пространст-

во, чем любая из стран Западной Европы. То были счастливейшие годы его жизни, ностальгические воспоминания о которых он оставил в своих мемуарах о Муравьеве, написанных сорок лет спустя, незадолго до смерти⁴.

Однако уже тогда в нем проявилась какая-то склонность, преследовавшая его всю жизнь, попадать в различного рода затруднения. Бернгард Струве, судя по всему, принадлежал к тому разряду людей, которых Достоевский называл «странным типом “несчастных” немцев», формирующих особый слой населения имперской России. Многие из них, подобно Струве, ревностно работали на благо царя и отечества, но, тем не менее, чувствовали по отношению к себе непреходящую враждебность, и это ощущение рано или поздно приводило их в состояние глубокой печали. Они никогда не переставали считаться «иностранцами», даже если не знали никакой другой страны, кроме России. (Так, во время войны 1812 года русский генерал князь Багратион — сам, по иронии судьбы, обрусевший грузин — выразил желание быть произведенным в чин Немца, озвучив таким образом отнюдь не только личное негодование по поводу службы под началом Барклая де Толли.) Коллеги Струве решили «проучить этого немца» и начали строить против него интриги. Его несчастья приумножились после 1853 года, когда он женился на Анне Федоровне Розен, тоже происходившей из семьи прибалтийских немцев. Это была весьма темпераментная особа с недопустимо властными манерами. После этой женитьбы отношения Струве и Муравьева сложились таким образом, что Струве счел за лучшее сказать больным и просить о переводе. Просьба была удовлетворена, и в 1855 году он вместе с женой и их годовалым первенцем Василием вернулся в Санкт-Петербург⁵.

⁴ Б. В. Струве. Воспоминания о Сибири. Впервые они были опубликованы в: *Русский вестник*. — апрель-июнь, октябрь и ноябрь, 1888, а затем под тем же названием в виде книги (СПб., 1889).

⁵ *Русский вестник*. — ноябрь 1888. — С. 207-216.

Некоторое представление об облике родителей Петра Струве дает отрывок из принадлежащего его перу романа, имеющего явно автобиографический характер и публиковавшегося в 1926–1928 годах в Париже⁶. Действие этого романа происходит в Одессе во время русско-турецкой войны 1877 года. Отец Струве выведен здесь под именем Александра Гавриловича Десницкого, здорового и крепкого, степенного, здравомыслящего человека, привыкшего к активной и упорядоченной жизни и любящего собак и лошадей. Именно таким он выглядит на единственной сохранившейся фотографии, на которой снят вместе со своей женой. Эта фотография сделана, скорее всего, сразу после женитьбы. Каждая черточка открытого лица отца дышит целостностью и уравновешенностью. Мать Струве, Анна Федоровна, производит совсем другое впечатление: нахмуренные брови и надутые губки придают ее лицу выражение вечного недовольства и раздражительности. В повести Струве она выведена под именем Антонины Федоровны, тучной, вялой и легко возбудимой особы. В юности очень привлекательная, с годами она, «сильно уже располневшая, наоборот, неспособна была вести тот правильно размеренный и деятельный, «рабочий» образ жизни, которому отдавался ее здоровый муж. Она всегда хворала, непрерывно жаловалась на что-то и, кажется, в самом деле рано стала страдать подагрой и одышкой... Мышц, казалось, вовсе не было в ее рыхлом теле, и она боялась органически всякой

⁶ Роман, названный «Времена», печатался в отрывках за подписью «Сергей Лунин» в двух газетах, которые Струве редактировал в Париже — *Возрождение* и *Россия*; *Возрождение*: № 264. — 21 февраля 1926; № 275. — 4 марта 1926; № 513. — 2 октября 1926; № 537. — 2 ноября 1926; *Россия*: № 26. — 18 февраля 1928 и № 27. — 25 февраля 1928. Факты из истории семьи Десницких настолько совпадают с фактами из биографий родителей Струве, что автобиографический характер романа не вызывает сомнений. Как и Бернгард Струве, А. Г. Десницкий окончил Царскосельский Лицей, а годы, когда шла Крымская война, провел в Сибири (на Камчатке). Во «Временах» Струве попытался соединить историческое повествование в духе Толстого с политической полемичностью в духе Достоевского. Роман прерывается на шестой части.

физической работы и содрогалась перед всякой физической опасностью... Работать она не умела и не любила.

За всем тем она была неглупая и интересная женщина, с той неизъяснимо притягательной, хотя и неназойливой, женственностью, которая всегда смешана из беспомощности, естественно-пристойного кокетства и капризности, и которая часто бывает особенно неотразима для неглупых и физически сильных мужчин»⁷.

Ее муж был ей чрезвычайно предан, но для Антонины (читай: Анны) Федоровны «мир мужчин не исчерпывался вовсе мужем, хотя она ему никогда не изменяла и, вероятно, не смогла бы изменить. Но у нее постоянно бывали увлечения другими мужчинами, и были сильные привязанности помимо мужа, поскольку вообще ей было доступно что-нибудь сильное. Она была нервна и чувствительна. Почти все ее волновало»⁸.

Сведения о том, что мать Струве имела репутацию «нарушительницы спокойствия» и «склочницы», почерпываются и из нескольких касающихся ее замечаний, содержащихся в современных источниках⁹. Все они говорят о том, что она несет, по крайней мере, некоторую ответственность за постигшую ее мужа неудачу в осуществлении ранних надежд на успешную гражданскую службу.

Вернувшись из Сибири в Санкт-Петербург, Струве получил назначение на пост вице-губернатора Астраханской губернии. Хотя Астрахань была расположена гораздо ближе к центру России, чем Иркутск, она представляла собой не менее значительный пограничный аванпост империи, поскольку ее население составляли в основном мусульмане, занимавшиеся торговлей и рыбным промыслом. Как раз в то время, когда Струве управлял вверенной его

⁷ *Возрождение*. – № 264. – 21 февраля 1926.

⁸ Там же.

⁹ См., например, заметки ссыльного декабриста Волконского, помещенные в: *Н. П. Чулков. Декабристы*. – М., 1938. – С. 102; и заметки поэта П. В. Шумахера в: *Щукинский сборник* (под ред. П. И. Щукина). – Т. VII. – М., 1907. – С. 186.

попечению губернией, в Астрахани побывал французский писатель Александр Дюма-старший, совершавший путешествие по югу России. В отчете о своем путешествии он не слишком доброжелательно отозвался об этом азиатском городе, в котором все его просьбы, включая требование предоставить обыкновенную кровать, вызывали нескрываемое удивление у содержателей местных постоялых дворов. По счастью, довольно скоро после приезда Дюма в Астрахань, Струве, в качестве губернатора, пригласил его к себе и, после того, как официальное представление было закончено, постарался разрешить все затруднения своего знаменитого гостя, сэкономив ему массу сил, времени и денег, которые пришлось бы затратить на переговоры с местным населением. Дюма пришел в восторг от того, что губернатор столь отдаленной и варварской провинции знает французский не хуже самих французов (Струве получил такое знание языка в Царскосельском Лицее), да еще создал у себя домашнюю обстановку, казавшуюся настоящим оазисом западной цивилизации. «*A table chez M. Struve... nous étions a Paris, – писал он в своих путевых записках, – au milieu des arts, de la civilisation, du monde enfin*». Пытаясь объяснить этот странный феномен, он заявил своим читателям, что Струве — «*d'origine française*»¹⁰.

¹⁰ *Alexander Dumas. Voyage en Russie. – Oeuvres, IV. – Paris, 1866. – 16ff.* Вряд ли Дюма подозревал, что предупредительность Струве, по крайней мере отчасти, диктовалась скрытыми мотивами. Имперская полиция пристально следила за Дюма в продолжение всего его путешествия и из его разговоров с разными людьми сделала вывод о том, что истинной целью его поездки было подстрекательство крестьян к восстанию. Поэтому Струве было дано указание не спускать глаз с французского визитера во все время его пребывания в Астрахани. После отъезда Дюма местный начальник жандармерии доложил в Санкт-Петербург: «Как при прежних посещениях иностранцами г. Астрахани, так в особенности и при этом случае управляющий губернией г. статский советник Струве старался оказываемым вниманием привлечь этого иностранца к себе для удобнейшего за действиями его надзора...». – Александр Дюма-отец и Россия. – Литературное наследство. – ТТ. XXXI-XXXII. – 1937. – С. 544. См. также заметки Струве в: *Россия*. – № 30. – 17 марта 1928. Сколько же иностранцев, приезжавших в Россию с тех пор, ошибочно принимали полицейскую слежку за искреннее и бескорыстное гостеприимство!

Однако Струве недолго оставался в Астрахани. В 1861 году, по причинам, которые трудно установить по доступным нам документам, он подал прошение об отставке и покинул город. Как и где провел он последующие четыре года, тоже неизвестно. В 1865 году он был назначен губернатором в Пермь, еще одну дальнюю провинцию — в западном предгорье Уральского хребта. К тому времени у него было уже пятеро детей — все мальчики, — и именно в период пребывания в Перми, 26 января/7 февраля 1870 года, его жена родила шестого и последнего — Петра.

Сразу же после рождения Петра Струве в судьбе его отца произошел трагический перелом. Санкт-Петербургские власти, вняв, очевидно, тревожным донесениям из Перми, 5/17 марта 1870 года назначили комиссию во главе с сенатором П. Н. Клушиным для осуществления того, что на бюрократическом языке того времени называлось «ревизией». Клушину и его следователям не понадобилось много времени, чтобы подтвердить слухи, вызвавшие необходимость этого мероприятия. Они вскрыли массу фактов, свидетельствующих о таких масштабах чиновничьей некомпетентности, коррупции и вымогательства, что это выглядело шокирующе даже на фоне низких административных стандартов имперской России. Под слишком мягким руководством Струве местные чиновники, особенно полиция, обращались с населением так, словно были оккупантами на завоеванной территории. Полицейские чины отдавались вымогательству с таким рвением, что у них просто не оставалось времени исполнять свои непосредственные обязанности, в результате чего по уровню преступности Пермская губерния обогнала все остальные губернии России. Сборы государственных доходов, напротив, производились в более чем милоненстойчивой манере. В итоге уклонение от налогов приняло столь явный и открытый характер, что в одном из районов местные жители даже создали Общество неплательщиков налогов. Факты, вскрытые комиссией Клушина, получили широкую огласку, особенно в либераль-

ной прессе, всегда готовой поведать о бюрократических злоупотреблениях. По окончании расследования Струве был отправлен в отставку в звании действительного статского советника — четвертого по табелю о рангах. Это говорит о том, что непосредственно его обвинения не коснулись. Однако его больше никогда не назначали на государственные посты¹¹.

Жизнь Бернгарда Струве и его семьи после пермской катастрофы можно проследить лишь в самых общих чертах. В своей повести Петр Струве предполагает, что в 1877 году семья жила в Одессе, но никаких твердых доказательств этого факта нет. Зато достаточно определенно известно, что в 1879 году Струве покинули Россию и поселились в Штутгарте. Здесь они провели три года, в течение которых дети учились в немецких школах. Именно в это время Петр в совершенстве овладел немецким языком, на котором он говорил и писал так же легко, как и на родном ему русском¹².

Летом 1882 года Струве вернулись в Санкт-Петербург¹³, и Петр поступил в Третью Гимназию, одну из самых престижных в столице¹⁴. Его отец, Бернгард Струве, занял

¹¹ Документы клушинской комиссии, к которым я не имел доступа, хранятся в Центральном Государственном Историческом Архиве в Санкт-Петербурге, Фонд 1390. Выводы, сделанные этой комиссией, были обобщены в: *Московские ведомости*. — № 12. — 16 января 1871; *Вестник Европы*. — октябрь 1871. — С. 629-659 (статья «Дореформенная губерния»). Струве, судя по всему, было предъявлено обвинение скорее в халатности, чем в соучастии в коррупции и вымогательстве. Б. И. Николаевский уверен, что Струве не был причастен ни к каким правонарушениям и пал жертвой бюрократических интриг в отсутствие каких-либо законных оснований: *Новый журнал*. — № 10, 1945. — С. 311.

¹² Дома, среди своих, члены семьи Струве общались только на русском языке: *Биржевые ведомости*. — 17/30 декабря 1914. — утренний выпуск.

¹³ Единственным авторитетным источником для датировки времени пребывания семьи Струве в Германии является случайное замечание Струве в его воспоминаниях об Иване Аксакове: Аксаковы и Аксаков. — *Русская мысль*. — №№ VI-VIII, 1923. — С. 350.

¹⁴ Третья Гимназия была расположена рядом с домом, в котором жили Струве (Гагаринская, 5).

должность главы крупного издательства, а в свободное время трудился над биографией Муравьева, историей освобождения крестьян и собственными мемуарами¹⁵. О жизни матери Петра в эти и последующие годы известно только то, что ее полнота достигла таких размеров, что, согласно семейной сплетне, «die grosse Tante Annette» однажды застряла в дверях поезда, и его отправку пришлось задержать до времени ее высвобождения. За исключением одного, попавшего в затруднительное положение вследствие финансового скандала, братья Струве сделали весьма успешные, если не блестящие, преподавательские и дипломатические карьеры¹⁶.

Таким, вполне традиционным, было это семейство — семейство государственного служащего, уволенного за потакание коррупции, — из которого вышел один из наиболее независимых и нестигаемых умов современной России.

Необходимо заметить, что о детстве и юности Петра Струве известно очень мало. Он не оставил мемуаров, и, за исключением случайных реминисценций, разбросанных им по некрологам друзей и общественных деятелей, держал свои воспоминания при себе. Его самая ранняя работа датируется 1890 годом, когда он уже был студентом

¹⁵ *Новое время*. — № 4657. — 14/26 февраля 1889. Публикации Бернгарда Струве, в дополнение к вышеупомянутым воспоминаниям (сноска 4), включают: Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: эпизод из его жизни. — *Русская старина*. — декабрь 1883. — С. 505-512; Несколько слов о графе Муравьеве-Амурском. — *Русский вестник*. — июль 1884. — С. 354-361; К истории раскола и упразднения крепостного права в Пермской губернии. — *Русская старина*. — сентябрь 1884. — С. 663-676; К истории упразднения крепостного права в Пермской губернии. — *Русь*. — № 13. — 1 июля 1883. — С. 50-58. Сохранилось также его письмо к редактору ежедневной газеты *Новое время*: О возможности удобного внутреннего пути по Сибири. — *Новое время*. — 21 сентября 1880. Струве рассказывал А. А. Кизеветтеру, что его отец относился «с каким-то прямо религиозным чувством поклонения и восхищения» к Манифесту об освобождении крестьян и стал специалистом по истории этого вопроса: *Голос минувшего*. — № 2. — февраль 1915. — С. 230-233.

первого курса университета¹⁷. Очень немного можно почерпнуть и из воспоминаний других людей: лишь маленький отрывочек был написан спустя полвека уже очень пожилым человеком. Такой недостаток информации о годах формирования исследуемой личности является серьезным осложнением в работе биографа, а в случае Струве это особенно печально, поскольку он был не по летам развитым молодым человеком и сделал себе имя в петербургских интеллигентских кругах, будучи еще гимназистом, а в двадцать четыре года стал национальной знаменитостью.

Словесный портрет Струве, сделанный в 1944 году его санкт-петербургским однокашником В. А. Оболенским, характеризует его как бледного и болезненного молодого человека девятнадцати лет, более напоминающего о нервической натуре матери, чем здоровой и крепкой конституции отца: «Это был худой, высокий юноша с впалой грудью и коротко подстриженными белокурыми с рыжеватым оттенком волосами. Несмотря на довольно правильные черты лица, он казался некрасивым из-за исключительной белизны покрытого веснушками лица и влажного рта с бледными губами»¹⁸. Позже он отрастил густую бороду, чтобы скрыть слабость рта, и волосы до плеч, прикрыв ими столь же некрасивые крупные и оттопыренные уши. Вообще, внешний вид этого молодого человека выказывал такую явную беспомощность, что Вера Засулич, встретившись с ним в 1896 году в Женеве, назвала его «теленком» — это имя и стало его партийной кличкой в среде социал-демократов.

Но в этом слабом теле ощущался неукротимый морально-интеллектуальный огонь такой силы, что все, кто имел с ним дело, вскоре забывали о впечатлении, производимом его внешностью. Струве являл собой тот тип ин-

¹⁷ См.: Реформа средней школы в Германии. — *Русские ведомости*. — № 30. — 31 января 1890.

¹⁸ В. А. Оболенский. — воспоминания о Струве (без заглавия), написанные в 1944 году; рукопись хранится в архиве Б. И. Николаевского, Hoover Institution, Stanford, California.

теллектуала, который уже сегодня почти вымер, а в следующем веке его, возможно, так же трудно будет себе представить, как в наши дни средневекового аскета, ренессансного гуманиста или прусского юнкера. С момента осознания себя до самой смерти жизнь такого человека строится на внутреннем диалоге. Прежде всего он занят тем, что спорит с самим собой. Все, что происходит вокруг, даже если это касается его самого, совершенно неважно до тех пор, пока каким-то образом не задевает то, что занимает его разум. Он не испытывает особого интереса к людям, за исключением тех случаев, когда либо учится у них чему-то, либо они хотят научиться чему-то у него. Он способен на дружеские чувства, но обзаводится друзьями только среди тех, кто разделяет его убеждения и согласен с его взглядами. Оболенский метко указал на то, что среди окружавших его «эгоцентриков чувств» Струве был «единственным эгоцентриком мысли». Он никогда не заботился о личных интересах и даже не вспоминал о них, пока не оказывался в отчаянном положении. Само предположение о том, что он мог бы направить свои силы на улучшение собственного положения, казалось ему неприличным. В 1938 году, живя в Белграде и сильно нуждаясь, на предложение друга сделать что-нибудь для изменения этой ситуации, Струве возмущенно ответил: «Я должен сказать, что из всей моей “натуры” следует, что я никогда и никому не навязывался, и ничего для себя, как деятеля, и только в крайнем случае для себя как человека, не ищу и не “устраиваю”. Поэтому я в свое время сам делал только то, чего не мог не делать, “неким демоном (в греческом смысле *δαίμον*’а) внушаем”... Это моя “натура”, я иначе действовать не мог».

Когда его жизнь нуждалась в «устроении», добавил он, то это беспокоило его друзей, а не его самого¹⁹. И это не было бахвальством человека, обиженного судьбой и пыта-

¹⁹ Письмо к Н. А. Цурикову, датированное 31 марта 1938 года; рукопись находится в Hoover Institution, Stanford, California.

ющегося оправдать себя, это была твердая принципиальная линия поведения, которой он придерживался и тогда, когда жизнь была более милостива к нему и требовалось лишь небольшое усилие, чтобы выстроить себе комфортабельное гнездышко.

Думать для Струве означало рассуждать, но не в вакууме, а с позиции знания. Этого он придерживался еще в ранние годы. Поэтому учеба была для него столь важна, что в минуты воспоминаний он ни о чем другом и не говорил. И если обычно люди делят свою жизнь на этапы, ориентируясь на то, что с ними происходило, то он ориентировался на то, что и когда сумел узнать, выучить. Еще будучи школьником, он выказывал необычайно высокий интерес к интеллектуальным занятиям и много читал, осваивая области социологии, политики, литературы, филологии, экономики, философии и истории. Еще до подросткового возраста он успел освоить классику русской прозы (например, Толстого, Тургенева и Достоевского)²⁰ столь же успешно, как и стандартную социологическую литературу, включая бóльшую часть трудов Дарвина и всего Спенсера²¹. Он также регулярно следил за тем, что печатали «толстые» журналы, и с начальной школы с жадностью набрасывался на политическую периодику и памфлеты. Много лет спустя он вспоминал, какое яркое впечатление произвели на него протест Ивана Аксакова, направленный против Берлинского соглашения, и пушкинская речь Достоевского, хотя эти события произошли тогда, когда самому Струве было 8 и 10 лет соответственно²². Ему так нравил-

²⁰ *Россия и славянство*. – № 83. – 29 июня 1930; *Возрождение*. – № 362. – 30 мая 1926.

²¹ Памяти В. А. Герда. – *Возрождение*. – № 450. – 26 августа 1926.

²² Аксаковы и Аксаков. – С. 350; *Россия и славянство*. – № 117. – 21 февраля 1931. «Это открытие и раскрытие Пушкина через вещее слово Достоевского есть для меня, который был в это время ребенком, первое сильное, чисто духовное, чисто культурное переживание, потрясение и откровение». – П. Б. Струве. Дух и слово Пушкина. – Белградский Пушкинский сборник. (ред. Е. В. Аничков). – Белград, 1937. – С. 270. Струве также вспоминал о сильном впечатлении, которое произвела на

ся сам процесс обучения, что он даже «пропахал» конспекты университетских лекций своего старшего брата²³. Кроме того, он часто посещал дискуссии по докторским диссертациям на исторические и филологические темы, похороны писателей и известных ученых²⁴.

Все это происходило еще до того, как он окончил школу. Со временем вышеописанные качества дали ему возможность создать своего рода удивительный информационный кладезь, включавший в себя широкий круг предметов и тем. Все, что он изучал, тут же отпечатывалось в его мозгу, поскольку он обладал фотографической памятью и никогда ничего не забывал:

«Памятью своей, которую он сохранил до старческого возраста, он поражал всех своих знакомых. Все им прочитанное, виденное и слышанное запоминалось им на всю жизнь, запоминал он даже самые ненужные мелочи, которые запечатлевались в его памяти как-то автоматически, без всякого усилия, даже без напряжения внимания и вопреки присущей ему рассеянности. Он мог восстановить в подробностях разговор, который с вами вел 20 лет тому назад, указать где и в какой обстановке он происходил. Если в его памяти сохранялись совершенно безразличные и неинтересные ему мелочи, то нечего и говорить о том, насколько прочно запоминалось им все то, что он воспринимал с интересом. ... [Струве] был замечательным библиологом; знал где, кем и когда была издана та или иная книга. А что касается великих и даже не очень великих людей всех времен и народов, писателей, ученых, музыкантов, ху-

него, когда ему было 11 лет (1881), речь Владимира Соловьева, произнесенная на похоронах Достоевского, хотя в данном случае, по словам Струве, он испытал в большей степени ощущение растроганности, чем просвещенности. – Из воспоминаний о Владимире Соловьеве. – *Россия и славянство*. – № 95. – 20 сентября 1930.

²³ Из воспоминаний о Санкт-Петербургском университете. – *Россия и славянство*. – № 65. – 22 февраля 1930.

²⁴ Русско-славянские поминки. – *Россия и славянство*. – № 223. – август 1933; в июне 1889, например, Струве присутствовал на похоронах Ореста Миллера: *Слово*. – 10/23 мая 1909.

дожников, коронованных особ и политических деятелей, то [он] не только безошибочно знал их имена, но мог часто с точностью указать годы их рождения и смерти.

П. Б. носил в своей голове как бы целую библиотеку, которая в течение его долгой жизни пополнялась новыми томами»²⁵.

Эти заметки, относящиеся к зрелому Струве, можно распространить и на его юность. А. Мейендорф, поступивший в школу в Штутгарте вскоре после того, как двенадцатилетний Петр Струве уехал вместе с родителями обратно в Россию, вспоминал, что ему рассказывали целые легенды о том, как маленький Петр, взгромоздившись на парту, наизусть декламировал стихи²⁶.

Во времена юности Струве страсть к знанию как таковому, а особенно — к не имевшему социальной или политической «релевантности», была не только не в моде, но и решительно не поощрялась. Российские юноши, возвращенные на идеях анархизма, предполагавшего решительность действия, рассматривали чистое знание как несовместимое со служением народу. Они считали, что необходимо выбирать между учебой и революцией. Активные революционеры по самому характеру своей профессии имели мало времени на чтение и весьма смутно представляли себе любой предмет, выходящий за рамки горячих революционных споров. Однако и те, кто лишь симпатизировал революционерам, учась в школах и аплодируя их действиям со стороны — а они составляли подавляющее большинство, — ограничивали круг своего чтения стандартными «прогрессивными» ежемесячниками, социологическими отчетами и брошюрами. В беллетристике их интересы ограничивались романами, «реалистично» и «натуралистично» (иными словами, в отрицательном свете) живописующими условия российской жизни. И даже

²⁵ Неопубликованные воспоминания В. А. Оболенского о Струве.

²⁶ А. Мейендорф. П. Б. Струве (неопубликованная рукопись). — Archive Hoover Institution, Stanford, California.

такая литература воспринималась как нечто более низкое по сравнению с литературной критикой, которая в 1860-х годах превратилась в России в мощный инструмент политической пропаганды. Поэзия и изобразительное искусство практически полностью игнорировались. Исключение составляли стихи Некрасова или картины «передвижников», поскольку отражали социальную тематику. Из академических дисциплин интеллигенция 1860–90 годов тяготела лишь к естественным наукам, особенно к химии и биологии как наиболее действенным в борьбе с идеализмом и религиозностью старшего поколения.

Струве был в достаточной степени человеком своего времени, и его интересы распространялись как на социологию, так и на естественные науки. Но в силу врожденных качеств он был неспособен ограничивать свою любознательность или судить о чем-либо интеллекте или вкусе исходя из стандартов «релевантности» и относился к невежеству и воинствующему анти-интеллектуализму русской интеллигенции 1880-х с глубоким презрением — как к симптому культурного упадка.

В сущности, он никогда, даже в юности, не был русским интеллигентом. Его способность к неподдельному восхищению великим проявлением человеческого духа, независимо от политической ориентации или пользы, весьма озадачивала тех, кто знал его, особенно его друзей из молодых радикалов. Н. К. Крупская, товарищ по партии и жена Ленина, с изумлением вспоминала, что однажды застала Струве, уставшего от работы над очередной марксистской публикацией, уютно устроившимся с томиком Фета в руках²⁷. Ее Володя, в этом отношении куда более типичный представитель русской интеллигенции того

²⁷ *Н. К. Крупская. Из воспоминаний.* — Истпарт. — О Ленине. — Т. I. — Л., 1925. — С. 19. Струве открыл для себя Фета в 1888 году, взяв в библиотеке своего друга книгу стихотворений Фета «Вечерние огни». Он прочел ее с необычайным интересом, хотя и был вполне осведомлен о реакционных политических убеждениях поэта: О Фете — прозвала ли Россия Фета? — *Россия и славянство.* — № 214. — 11 февраля 1933.

периода, никогда бы не сделал ничего подобного, поскольку вообще мало интересовался поэзией, тем более стихами такого «реакционера», как Фет. Радикалы, в среде которых Струве провел большую часть своей жизни до тридцати лет, инстинктивно (и в сущности правильно) интерпретировали его настойчивое стремление отделить познание и искусство от политики как симптом неполной преданности «делу». По этой причине они никогда полностью не доверяли ему, и он отвечал им взаимностью, смотря на них несколько свысока. Таким образом, можно сказать, что причина его размолвки с русской интеллигенцией, открыто проявившаяся после 1905 года и составившая один из самых бурных этапов его биографии, коренится в фундаментальных свойствах его характера, давших знать о себе еще в ранней юности.

Одним из принципов, сформировавших глубинный субстрат мышления Струве, был национализм. До того, как он стал кем-то еще — социал-демократом или тем, что он сам именовал как консервативный либерал, — он был монархистом, славянофилом и панславистом. Национализм, тесно связанный с идеей свободы, является одним из незыблемых столпов его интеллектуальной биографии, можно сказать, ее константой, тогда как в отношении остального его политическая и социальная точки зрения постепенно менялись. Великая, полнокровная, культурная русская нация была для него, с самых ранних моментов его политического самосознания, главной целью всей его общественной деятельности.

Дух национализма он впитал еще в семье родителей, которые были подписчиками и активными читателями главных панславистских изданий: *Руси* (Ивана Аксакова), *Дневника писателя* (Достоевского), равно как и «полулегальных, оппозиционно-консервативных» (как он их называл) брошюр А. И. Кошелева и Р. А. Фадеева²⁸.

²⁸ Времена. — *Возрождение*. — № 264. — 21 февраля 1926.

Интеллектуальным идиологом семейства Струве был Иван Аксаков, которому они писали письма, выражавшие признательность и восхищение за его смелую критику внутренней и внешней политики правительства. Летом 1882 года, когда, возвращаясь из Штутгарта в Санкт-Петербург, Струве остановились в лучшей гостинице Москвы, «Славянском базаре», Аксаков лично посетил их, чтобы поблагодарить за эти выражения поддержки²⁹. Мать Струве также имела переписку с Достоевским, у которого искала духовного водительства³⁰. Исходя из этого, нетрудно представить себе политическую атмосферу, в которой рос Петр Струве: лояльность короне, отвращение к нигилизму и террору, восхищение Великими Реформами, беспредельная вера в будущее России как великой нации, одобрение имперской экспансии на Балканах. Это была идеология верхних эшелонов просвещенной имперской бюрократии, к которой принадлежал отец Петра Струве. До 15 лет, как вспоминал сам Струве, он разделял эти взгляды: «У меня были патриотические, националистические устремления, с оттенком династических и в то же время славянофильских симпатий, граничащие с ненавистью к революционному движению. Иван Аксаков и Достоевский в качестве автора *Дневника писателя* были моими главными проводниками в царстве идей»³¹.

Национализм, о котором говорится в вышеприведенных заметках, представлял собой довольно необычное для России явление и был связан с реформами Александра II. Цель этих Великих Реформ заключалась в попытке подвигнуть российское общество к более активному и заинтересованному участию в жизни страны, иными словами, превратить пассивных подданных в активных граждан. В ходе этих реформ в 1860-х годах российская монар-

²⁹ Аксаковы и Аксаков. – С. 350-351.

³⁰ *Россия и славянство*. – № 117. – 21 февраля 1931; Аксаковы и Аксаков. – С. 350.

³¹ *My Contacts and Conflicts with Lenin*. – *The Slavonic and East European Review*. – XII. – № 36. – April 1934. – P. 575.

хия на некоторое время отказалась от следования устаревшим традициям бюрократического авторитаризма и государственных привилегий и попыталась вызвать к жизни русскую нацию. Состояние российских умов в эти годы напоминало состояние умов в Пруссии полувеком ранее — в период реформ Штейна и Гарденберга. Личности, у которых период формирования и активной деятельности пришелся на это десятилетие, уже никогда не могли полностью избавиться от того оптимистически-либерального национализма, который характерен для обществ, находящихся на стадии перехода от традиционной к модернизированной политике, от статического бюрократизма к динамическому демократизму. Когда царствование Александра II уже подходило к концу, монархия, пытаясь противостоять растущему настроению революционного насилия, практически свела на нет прежний либеральный курс и вернулась к опоре на бюрократию и полицию. Но либеральный национализм, инициированный реформами 1860-х, продолжал жить в умах россиян и в последующее десятилетие — время, когда не по годам зрелый подросток Петр Струве ощутил интерес к политике. Поэтому можно сказать, что его сознание формировалось под влиянием Великих Реформ, и он всю жизнь твердо держался убеждения, что национальное величие реально достижимо исключительно в условиях той всенародной заинтересованности, которая вдохновила эксперимент 1860-х.

Мыслителем, от которого юный Струве воспринял этот тип национализма, был Иван Аксаков. Восхищение Аксаковым, который из всех действующих лиц истории русской мысли оказал на него наибольшее влияние, проявилось у Струве в очень раннем возрасте и никогда не угасало. Вспоминая себя, двенадцатилетнего, Струве отметил, что «его первой любовью в мире идей были славянофилы вообще и [Аксаков] в особенности»³². Еще ребенком, увлеченный зажигательными редакционными статьями Акса-

³² *The Slavonic and East European Review*. — II. — № 6, 1924. — P. 515.

кова, он написал, втайне от семьи, статью для *Руси*³³. Сорока годами позднее, по случаю столетия Аксакова, Струве охарактеризовал его как «первейшего среди российских публицистов», поставив выше Герцена и Каткова, которые, по его словам, «исчерпали себя в делании для своей эпохи»³⁴. Мировоззрение Аксакова, его уникальная консервативно-либерально-националистическая идеология действительно дают ключ к самым глубоким тайнам политического мышления Струве, объясняя те особенности его взглядов, которые подчас кажутся необъяснимыми.

Политические взгляды Аксакова плохо поддаются формулировкам, оперирующим привычными для западной политической философии категориями. Это был рупор славянофильства в его завершающей фазе, после того, как оно растеряло присущий его ранней стадии этнокультурный идеализм и превратилось в политическое движение с отчетливо выраженными чертами ксенофобии. В преклонные годы поведение Аксакова все в большей степени приобретало параноидальный характер. Он науськивал своих читателей против поляков, немцев и евреев, ставя им в вину все неурядицы российской действительности, взвинчивал общественную истерию, доводя ее до воинственно-имперских устремлений. В принципе, Аксакова последнего периода его жизни можно охарактеризовать как националиста-реакционера и одного из идеологических предшественников фашизма XX века.

Но с другой стороны, аксаковский национализм имел сильную либеральную направленность, странным образом связанную с некоторыми положениями его ксенофобской установки. Как и все славянофилы, он проводил границу, разделяющую власть и «землю», или народ. Государство наделялось всей полнотой политической власти, не ограниченной ни конституцией, ни парламентом; единственным ограничением было традиционное для славяно-

³³ Аксаковы и Аксаков. – С. 350.

³⁴ Там же. – С. 349.

филов требование уважения гражданских свобод народа. Интерпретируя взаимоотношения власти и «земли», Аксаков шел дальше тех неопределенных обобщений, которыми ограничивались его соратники. В отличие от них, он не идеализировал народ России и не считал, что тот содержит «в своей душе» секрет некой высшей правды, потерянной для образованных людей. Не разделял он и того мнения, что народ, якобы, сам по себе способен создать в России действительно национальную культуру. Безграмотный и вследствие этого пассивный в культурном отношении, русский народ представлялся ему нацией в потенции. Для того чтобы эта нация могла стать реальностью, народу необходимо было поднять себя на более высокий уровень — общества. Кстати, само слово «общество» Аксаков употреблял в том смысле, в каком оно употребляется в английском языке (*society*)³⁵, обозначая то, что народ образует из себя на более высокой стадии исторического развития. Общество — это «та среда, в которой совершается сознательная, умственная деятельность известного народа; которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознание»³⁶.

Подъем на этот уровень сознания невозможен без гражданских свобод: активное «общество» может быть создано «пассивным» народом только в том случае, если ему позволят образовывать себя, предоставят свободу проведения дискуссий и экспериментаторства в рамках местного самоуправления. Неоспоримой заслугой Аксакова является то, что он упорно боролся за распространение и улучшение качества начального и среднего образования, за сохранение земского управления и реформированных судов, а также за установление в стране свободы слова. Он ненавидел полицейско-бюрократический режим Ни-

³⁵ Замечательные статьи Аксакова, посвященные проблеме «общества», написаны им в начале 1860-х; их можно обнаружить во II томе его Сочинений. — М., 1886.

³⁶ *И. С. Аксаков. Сочинения.* — М., 1886. — Т. II. — С. 33.

колая I, на который пришлась его юность. В 1880-х, когда реакционеры убеждали Александра III окончательно ликвидировать то, что еще оставалось от реформ, проведенных его отцом, и вернуться к николаевскому авторитаризму, среди голосов, предупреждавших о разрушительных последствиях такого поворота, голос Аксакова был едва ли не самым громким. Он считал существенно важным, чтобы правительство набирало силу, опираясь на просвещенную часть граждан, а не на полицейские репрессии. Резко критикуя внутреннюю и международную политику правительства, он постоянно подвергался притеснениям со стороны властей, но попавших в цель публикаций у него было побольше, чем у любого современного либерального или радикального публициста.

Не меньше, чем бюрократии и полиции, аксаковский национализм был враждебен радикальной интеллигенции. По его мнению, она не представляла собой желаемой альтернативы вестернизированной элите, сформировавшейся в стране во времена Петра I, поскольку также самолично присвоила право говорить от имени народа. Ее стремление преобразовать страну по определенному плану, по мнению Аксакова, также не соответствовало действительным российским интересам, как и усилия бюрократии прекратить вообще какое-либо развитие страны. Только народ, сам по себе, свободно говоря и действуя, мог бы выработать национальную линию развития, и никто, считал Аксаков, не имел права препятствовать ему в этом, так же как никто не имел права действовать от его имени.

На первых порах Струве принял аксаковский национальный идеал создания российской нации путем внедрения просвещения, местного самоуправления и свободы слова. Как и Аксаков, он никогда не рассматривал нацию как нечто уже данное, как нечто, что для своего процветания требует единственно обособления от «иностранного влияния», чего, в угаре национального самолюбования, добивались ультра националисты. С ранних лет Струве считал, что формирование русского национального созна-

ния — дело будущего: для него это было задачей, а не данностью. Но то, что Аксаков обозначал английским словом «общество» (society), Струве обозначал немецким словом «культура» (Kultur): этот термин был одним из основных в его словаре и означал сознательное формирование среды, обеспечивающей неограниченные возможности индивидуальной и общественной самоидентификации. Когда в 1894 году Струве говорил о Соединенных Штатах как о стране, достигшей высочайшего, относительно мирового, уровня культуры³⁷, он использовал слово «культура» именно в аксаковском смысле; в этом же смысле оно часто употреблялось и в его последующих работах.

До пятнадцати лет Струве исповедовал национализм именно этого типа: частично консервативный, частично либеральный. Он ожидал от монархии продолжения линии Великих Реформ, подъема уровня «культуры» и помощи в формировании нации, порицая революционеров за то, что они мешали осуществлению этой возможности. И если бы монархия осталась верной реформизму 1860-х, то Струве, возможно, никогда бы не изменил своих политических взглядов, поскольку в глубине души он был слишком немец и испытывал инстинктивное уважение к государству как к созидательной силе. Однако правительство, как известно, избрало другой путь. В 1881 году, после короткого колебания, оно решило отказаться от попыток преобразования общества в духе социального партнерства и перешло к репрессивному управлению с опорой на полицейско-бюрократический аппарат. История российской политики последней четверти XIX века, после убийства Александра II, стала историей жестокого подавления даже той сравнительно ограниченной сферы общественной активности, которая являлась результатом Великих Реформ.

³⁷ #15/91-92. (Здесь и далее см. Библиографию работ П. Б. Струве в конце II-го тома настоящего издания. — *Прим. ред.*)

Аксаков полностью отдавал себе отчет в происходящем, но был слишком стар, чтобы изменить линию поведения, и до конца жизни продолжал работать на дело создания русского «общества» внутри структуры монархического абсолютизма. Он отвергал конституцию и парламент, полагая, что они способны только отвлечь внимание русского народа от более важных для него культурных задач и способствовать подчинению страны западнически настроенной элите. В силу этого он даже был готов частично ограничить свои требования в области гражданских свобод.

Пока Аксаков был жив, Струве, судя по всему, придерживался той же позиции. Но зимой 1885–86 года наступил первый из нескольких, имевших место в его жизни интеллектуальных кризисов: его приверженность монархизму рухнула. Иными словами, он осознал фатальность пропасти, образовавшейся между правительством и страной. Самодержавие, которое со времен Петра I тащило упирающуюся страну в цивилизацию и культуру, после 1881 года потеряло всякое право на лидерство — хуже того, оно превратилось в тяжкий груз, препятствующий естественному развитию страны. Косный полицейско-бюрократический истеблишмент не мог больше управлять народом, образованный слой которого предавался бесконечным и страстным спорам по поводу фундаментальных религиозных, политических и социальных вопросов, а его передовые умы творили литературу и искусство мирового значения. Страна переросла свое правительство и более не могла жить без политической свободы. Как вспоминал Струве полвека спустя, его приверженность политической свободе была «рождена невероятным богатством российской духовной и культурной жизни, которая с очевидностью отказывалась соответствовать традиционной законодательной и политической структуре автократии или абсолютизма, даже и просвещенного»³⁸.

³⁸ My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 584.

Убежденность в этой мысли явилась, должно быть, результатом внезапного прозрения, поскольку сам он говорил о своем обращении к либерализму как о происшедшем под воздействием «нечто, подобного стихийной силе»³⁹. При каких обстоятельствах это произошло, мы можем только догадываться. Однако имеются твердые указания на то, что этот интеллектуальный кризис был инициирован последним столкновением, имевшим место между Аксаковым и цензурой незадолго до его смерти в январе 1886 года.

В ноябре 1885 года Аксаков опубликовал в *Руси* статью, содержащую резкие нападки на политику царского правительства в Болгарии и ставящую в вину российским дипломатам ухудшение позиции России на Балканах. Результатом публикации явилось письмо министра внутренних дел, обвинившего Аксакова в том, что он изложил интерпретацию событий «в тоне, несовместимом с истинным патриотизмом». Как того требовало тогдашнее законодательство, Аксаков опубликовал это письмо без каких-либо комментариев в следующем выпуске *Руси*. Но затем не преминул использовать его текст для язвительного разоблачения бюрократической концепции патриотизма, распространенной среди царских чиновников:

«Но мы позволяем себе утверждать, что и самый закон не уполномочивает Главное Управление по делам печати на подобную формулу обвинения; не предоставляет полиции, хотя бы и высшей, делать кому-либо внушения по части «патриотизма». Говорим: «полиции», потому что Министерство внутренних дел, в ведение которого передана в 1863 г. из Министерства народного просвещения русская литература, есть по преимуществу министерство государственной полиции и обязано ведать литературу лишь с точки зрения полицейской...

В самом деле, что такое «истинный» и «неистинный патриотизм»? Где надежные признаки того и другого? Где

³⁹ Там же. – Р. 576.

критерий для оценки или даже распознавания? С нашей точки зрения, например, истинный патриотизм для публициста заключается в том, чтобы мужественно, по крайнему разумению, высказывать правительству правду — как бы она горька и жестка ни была, а для правительства — в том, чтобы выслушивать даже и горькую, жесткую правду. По мнению же многих в так называемых высших сферах, наиистиннейший патриотизм — в подобострастном молчании...

Да и всегда ли само правительство стоит на точке зрения безошибочного патриотизма?... Истинными патриотами считали себя ведь и русские радетели Берлинского трактата, тогда как «неистинные патриоты», вроде редактора *Руси*, видят в их действиях только малоосмысленность и малодушие патриотизма. И может ли быть обозвано, например, непатриотичным то чувство срама, которым содрогнулась почти вся Россия, познав себя с содержанием этого договора, и которое было высказано пишущим эти строки в его публичной речи, навлекшей на него известную правительственную кару?.. Но ведь в таком случае пришлось бы подчас обвинить все русское общество и весь Русский народ в недостатке «истинного патриотизма», признав монополию истинности лишь за официальной средой?!..

Дело в том, что самое это слово «патриотизм» понимается у нас еще очень неопределенно. В переводе на русский язык оно означает «любовь к отечеству». Однако ж, вследствие особенных условий нашего общественного развития со времен Петра, развелось в России, особенно в верхних общественных слоях, немало таких «патриотов», которые идею «отечества» умудрились отвлечь от идеи русской национальности, и готовые, пожалуй, пожертвовать жизнью на поле битвы за внешнюю неприкосновенность и честь государства, в то же время чуждаются, знать не хотят, да и вовсе не знают ни своей русской народности, ни русской истории и ее заветов! Одним словом, любя сосуд, пренебрегают его содержанием; любя «отечество», не ведают и

даже презирают то, в чем заключается внутренний смысл и причина его исторического бытия, что дает ему духовное, нравственное и политическое определение в мире, — чем, стало быть, определяются и самое его призвание, и задачи.

Понятно, что такой пустопорожний и односторонний патриотизм сплошь да рядом становится в бессознательное противоречие с русской народной жизнью, с истинными народными интересами России: между ним и ими вырастает порой целая непроходимая чаща печальных недоразумений...»⁴⁰.

Статья Аксакова ошеломляюще подействовала на Струве. Позднее он писал, что она «читалась и перечитывалась людьми нашего поколения буквально с трепетом и восторгом, как беспримерно-мужественное обличение бюрократической тупости и как такая же защита свободной речи»⁴¹. И еще: «В нашей семье все с энтузиазмом прочли страстный и мощный ответ Аксакова департаменту цензуры, а на меня он подействовал как теплый или даже горячий ветер, в порывах которого моя собственная любовь к свободе окончательно созрела»⁴².

Для Струве квинтэссенция содержания аксаковской статьи выражалась последним предложением из вышеприведенной цитаты, суть которого состояла в том, что имперское правительство, следуя своей идеологии, отказалось представлять «истинные народные интересы России». Однако сам Аксаков не извлек из собственных обвинений напрашивающихся политических выводов. Верный славянофильским взглядам, он критиковал правительство лишь за то, что оно «сбилось с пути». Удовлетворяясь ролью критика, он полагал, что, говоря правительству правду о том, что чувствует народ, можно привести это правительство в чувство. Струве пошел дальше подобных посы-

⁴⁰ Русь. — № 23. — 6 декабря 1885. — С. 1-2.

⁴¹ Аксаковы и Аксаков. — С. 352.

⁴² My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 575.

лок: если то, что самодержавие больше не служит российским национальным интересам, правда, оно непригодно и должно уйти.

Таким образом, либерализм Струве вышел из национализма и корни его остались там. Поэтому Струве никогда не терял надежды на то, что правительство в конце концов осознает, что страна нуждается прежде всего в свободе, и ради спасения будущего России добровольно передаст власть народу. Решительный отказ правительства сделать то, что Струве полагал одновременно справедливым и неизбежным, раздражал его и постепенно сдвигал влево — от позиции ненависти к революционерам в сторону восхищения ими и даже словесной поддержки. Но в сущности Струве всегда стремился к миру с монархией и в любое время предпочел бы получение политической свободы из ее рук, нежели вырывание у нее этой свободы силой. Для того чтобы понять эволюцию политических взглядов Струве, важно помнить об этом. Его оппозиция абсолютизму была результатом разочарования человека, выросшего на идеалах Великих Реформ, всю свою юность наблюдавшего, как эти идеалы предавались, и для которого предпочтительней всего была бы ситуация их реанимации.

Между 1885 и 1888 годами Струве черпал свое либеральное вдохновение в основном из двух источников. В качестве первого можно назвать ежемесячник *Вестник Европы*. Около 1885 года Струве познакомился и сдружился с одним из основных его авторов — К. К. Арсеньевым. Ему очень нравилась колонка «Внутреннее обозрение», в которой Арсеньев из месяца в месяц разносил бюрократию и отстаивал закон и свободу⁴³. В своей квартире на Мойке Арсеньев открыл литературный салон, в котором молодежь могла свободно общаться с цветом санкт-петербургской интеллигенции, в том числе со многими сотрудниками *Вестника*. Струве начал посещать этот салон, еще буду-

⁴³ Там же. — P. 575-576.

чи гимназистом, и продолжал посещать его после того, как поступил в университет. В салоне он познакомился с философом Владимиром Соловьевым, историком литературы Александром Пыпиным, юристом Александром Ф. Кони и другими⁴⁴. Там же состоялся его литературный дебют: по настоянию Арсеньева он прочел свои работы, посвященные «Буре» Шекспира и поэзии Надсона. Лекция по Шекспиру была столь блистательна, что поразила как самого Арсеньева, так и искушенную аудиторию его салона⁴⁵. Благодаря покровительству Арсеньева Струве необычайно рано вошел в круг Санкт-петербургских литераторов⁴⁶.

Вторым источником либеральных настроений Струве были повести Салтыкова-Щедрина, любимые им

⁴⁴ Струве оставил отрывочные воспоминания о салоне Арсеньева в следующих газетных статьях: Памяти А. Ф. Кони. – *Россия*. – № 12. – 12 ноября 1927; *Россия и славянство*. – № 38. – 17 августа 1929; № 39. – 24 августа 1929; № 214. – 11 февраля 1933. Среди постоянных посетителей салона, он, в частности, называет историков литературы В. Д. Спасовича и С. А. Андреевского, а также своих университетских друзей Б. В. Никольского, Н. В. Водовозова и Н. П. Павлова-Сильванского.

⁴⁵ *И. В. Гессен*. В двух веках. – Берлин, 1937. – С. 252. По поводу надсоновской лекции Струве см. его собственные заметки в: *Россия и славянство*. – № 214. – 11 февраля 1933.

⁴⁶ 15 ноября 1907 года по случаю литературного юбилея Арсеньева Струве адресовал ему следующее послание: «В Вашем лице я хотел приветствовать замечательного западника-гуманиста, твердо державшего знамя истинного либерализма в самые трудные годы русской жизни. Я хотел сказать Вам, сколь многим обязан я Вам, в своем политическом развитии и лично и как представитель той части русской молодежи, которая в 80-е и 90-е годы многому училась из Вестн. Европы». – Рукопись. – Пушкинский дом. – СПб. – Архив Арсеньева. – Фонд 359. – ед. хр. № 467. В этом же архивном депозите хранится другое письмо Струве Арсеньеву, датированное 3 декабря 1894 года и выражающее восхищение по поводу мастерски сделанного обзора итогов правления недавно скончавшегося Александра III, опубликованное в *Вестнике Европы*. *Вестник Европы*. – декабрь 1894. – С. 840-853. В одном из случайных высказываний, столь раздражительных для его биографа, Струве оговорился, что еще студентом он регулярно составлял списки вновь вышедших книг для «периодики»: *Меч*. – Варшава. – № 42/75. – 27 октября 1935. Этой «периодикой» почти наверняка был *Вестник Европы*.

еще со школы⁴⁷. Картина современной России, рисуемая писателем в стиле мрачного гоголевского гротеска, усиливала отвращение Струве к царской России и укрепляла его решимость увидеть ее радикально измененной.

В свой последний гимназический год (1888–89) Струве был одновременно и националистом, и либералом, но без какой-либо конкретной политической программы. Он знал, чего хочет, но не знал, как этого достичь. На тот момент его политическая позиция еще нуждалась в идеологическом оформлении.

В феврале 1889 года неожиданно умер отец Струве. О причине его скоропостижной смерти не было объявлено, и это породило слухи о больших долгах и самоубийстве⁴⁸. Поскольку к тому времени отношения Петра и его невротической матери совершенно разладились⁴⁹, сразу же после похорон, сопровождаемый своим одноклассником, сыном сенатора А. Д. Калмыкова, он покинул родительский дом. Нет никаких свидетельств, что позже он поддерживал отношения с матерью. За исключением беллетризованного описания, процитированного выше, он никогда не упоминал о ней в своих работах. И ее смерть в 1905 году не оказала на него сколько-нибудь заметного воздействия⁵⁰.

⁴⁷ My Contacts and Conflicts with Lenin. – P. 576. Салтыков умер в том доме, в котором Струве жил с весны 1889 года в качестве постоянного гостя А. М. Калмыковой (о ней см. ниже): *Россия и славянство*. – № 83. – 29 июня 1930. Вполне вероятно, что Струве присутствовал на похоронах Салтыкова: *Россия*. – № 26. – 18 февраля 1928.

⁴⁸ Эта версия была высказана Ольгой Томашек. В некрологе, помещенном в газете *Новое время*, сказано, что смерть наступила внезапно: *Новое время*. – № 4657. – 14/26 февраля 1889.

⁴⁹ В. А. Поссе, шурин Василия, старшего брата Петра Струве, писал, что Петр рано встал «в оппозицию к своей матери». – В. А. *Поссе*. Мой жизненный путь. – М.-Л., 1929. – С. 123.

⁵⁰ Мать Струве умерла 11 июня 1905 года и была похоронена на Смоленском протестантском кладбище Санкт-Петербурга. – *Великий князь Николай Михайлович*. Петербургский некрополь. – СПб., 1913. – Т. IV. – С. 186. В биографии Струве нет никаких намеков на наличие у него т.н. «эдипова комплекса», которым, по мнению некоторых «психоисториков», объясняется появление юношеского радикализма. Ничего подобного, кстати, не обнаруживается и в биографии Ленина, архетипического революционера.

Возможно, что Струве намеревался пожить у Калмыковых в качестве постояльца очень небольшое время — до поступления в университет. Но получилось иначе: в его жизни начался один из сложных и длительных этапов. Мать его одноклассника, Александра Михайловна Калмыкова, сразу взяла его под свое покровительство, предложив ему нечто вроде крепкого взрослого руководства. В силу слабого здоровья и беспомощности в практических делах он испытывал нужду в таком руководстве, но никогда не получал его от своей матери. В квартире Калмыковой, в самом сердце петербургского литературного района (Литейный, 60), Струве суждено было прожить целых семь лет.

Ко времени встречи с Петром Струве А. М. Калмыковой было около сорока лет. Она была родом из Екатеринослава и еще молодой женщиной преподавала там в средней школе и работала в различных филантропических и просветительских организациях, принадлежа к первому поколению эмансипированных русских женщин, которые освобождались из-под семейной опеки и страстно и энергично погружались в общественную работу. В двадцать лет она влюбилась в судью, который был на пятнадцать лет старше ее. Прельщенная его демократическим происхождением (его предки были крепостными), она согласилась выйти за него замуж. Однако брак оказался неудачным. Калмыков, несмотря на свое низкое происхождение (а может быть, именно из-за него) не интересовался ничем, кроме своей карьеры, и считал общественно-гражданские устремления жены глупостью. Вскоре они отдалились друг от друга, и каждый зажил своей жизнью, сохраняя видимость семьи и общего дома. Калмыков изо всех сил карабкался по служебной лестнице, Калмыкова же продолжала свою гражданскую деятельность, а в свободное время много читала⁵¹. В начале 1880-х, когда ее

⁵¹ Сведения о биографии Калмыковой содержатся в следующих источниках: фрагмент из ее мемуаров. — А. М. Калмыкова. Обрывки воспо-

муж был послан служить в Харьков, она познакомилась там с группой «прогрессивных» писателей, издававших газету *Южный край*, и под их влиянием радикализировалась. Успешно опубликовав несколько просветительских брошюр, предназначенных для массового распространения, Калмыкова занялась подобными изданиями и даже снискала на этом поприще некоторую известность⁵².

В 1885 году Калмыков достиг вершины своей государственной карьеры: он был назначен сенатором и вернулся в Санкт-Петербург. В столице Калмыкова опять занялась широкой и разнообразной гражданской деятельностью. Она стала вдохновителем Комитета грамотности при Вольном Экономическом Обществе, чьей целью было распространение народного образования. Также на общественных началах она преподавала в воскресной и вечерней школах для рабочих. Эти школы были основаны просвещенным петербургским промышленником В. П. Варгуниным. Там она познакомилась с молодыми радикалами, среди которых была Н. К. Крупская, будущая жена Ленина⁵³.

Калмыкова была очень активной и конструктивно мыслящей женщиной, но ощущала себя одинокой и не-

минаний. – *Былое*. – № 1/35, 1926. – С. 64-80; *А.М.Калмыкова. – Красная летопись*. – № 4/19, 1926. – С. 138-155; *Энциклопедический словарь Об-ва Брокгауза и Ефрона*. – 1895. – Т. XIV. – С. 64; короткий некролог в *Ленинградской правде*. – № 75. – 2 апреля 1926. В романе Струве «Времена» она выступает под именем Дарьи Михайловны Кольчугиной: *Возрождение*. – № 537. – 2 ноября 1926.

⁵² *М. В. Муратов*. Книжное дело в России в XIX и в XX вв. – М.-Л., 1931. – С. 122-123. В данном издании содержатся сведения о литературной деятельности Калмыковой в Харькове. В этот период Калмыкова издала брошюру, посвященную еврейскому вопросу (Еврейский вопрос в России. – Харьков, 1881), участвовала в составлении большого указателя литературы для народа, а также написала несколько брошюр по проблеме санитарии.

⁵³ *А. М. Калмыкова*. Обрывки воспоминаний. – С. 64; *Richard Kindersley*. The First Russian Revisionists. – Oxford, 1962. – P. 44-45; *Richard Pipes*. Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement, 1885–1897. – Cambridge, Mass., 1963. – P. 45.

счастливой. От какой-либо близости с мужем она отказалась очень давно. Сын не дал ей утешение в ее несчастном браке, поскольку, кажется, больше походил на отца и недолюбливал мать, которая была «не как другие». Однажды он представил ей своего школьного друга. «Вот тебе, мама, настоящий сын, — сказал он, знакомя ее с Петром Струве, — ходит всегда с опущенной головой, вечно думает, по истории знает лучше учителя»⁵⁴. После окончания (вместе со Струве) школы весной 1889 года сын, поступив на дипломатическую службу, кажется, исчез из ее жизни⁵⁵. Чуть позднее, в этом же году, умер муж. Но теперь в ее опустевшей квартире жил Струве, который вскоре был представлен везде как ее приемный сын. С тех пор они стали неразлучны.

⁵⁴ *Красная летопись*. — № 4/19, 1926. — С. 141. Ариадна Тыркова-Вильямс сообщила мне, что она была уверена в том, что Струве впервые встретил Калмыкову, когда ему было 16 лет.

⁵⁵ *R. Kindersley*. — Р. 44. В 1971 году Йельский университет издал его воспоминания «Memory of a Russian Diplomat».

Глава 2

1880-е: интеллектуальный фон

Для того, кто пришел к выводу, как это произошло со Струве в 1885 году, что для его страны вопрос политической свободы есть вопрос национального выживания, было бы естественно присоединиться к тому политическому движению, которое в XIX веке провозгласило главной целью достижение политической свободы, то есть к либерализму. Но в 1885 году в России еще не было либерального движения, если иметь в виду точное значение этого термина. Причины этого мы обсудим позднее (в главе 12). А пока достаточно сказать, что в то время, когда Струве начал поиски подходящей для него антиавторитарной идеологии, те из его соотечественников, кто подписывались под либеральными принципами, не включали в их число борьбу с монархией. Оставив в стороне мысли о конституции, парламенте и гражданских правах, они посвятили себя великой задаче улучшения материальных и культурных условий жизни российского народа. Ценность этой деятельности, обозначаемой обычно как «малые дела», была несомненна для Струве уже и в то время, и он всегда говорил о ней с большим пиететом. Но совершенно очевидно, что занятия типа организации в деревнях кооперативов и обществ взаимного страхования, ликвидации неграмотности и улучшении санитарных норм не могли удовлетворить пятнадцатилетнего юношу,

убежденного в необходимости борьбы за свержение тирании. Поэтому до 1900 года Струве относился к российским либералам с некоторым пренебрежением, вызванным их молчаливым соглашательством с незаконным правительством. В 1898 году в тексте Манифеста российской социал-демократии он охарактеризовал их поведение знаменитой фразой, которая гласила, что «чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия».

Казалось бы, у Струве не было другой альтернативы, кроме как двинуться влево, к радикалам. Но и там ситуация была далека от удовлетворительной. В 1880-х годах российский радикализм находился в состоянии замешательства, потеряв какое-либо представление о своих целях и задачах. Анархическое движение, активное при Александре II, после его убийства пришло в упадок. И тогда, и потом предпринимались попытки оживить «Народную Волю» и террор. Но преобладающие настроения левого фланга соответствовали настроениям либерального центра, то есть были вполне примиренческими. Некоторые радикалы перешли в толстовство и оставили политику. Другие, и их было большинство, приняли тактику «малых дел» и пошли работать в деревню, в основном в качестве наемных служащих земств. Ведущие радикальные журналисты продолжали критиковать беззаконие и несправедливость, оперируя лозунгом о свободном и равноправном обществе, но при этом были склонны смотреть на свободу и равенство скорее как на отдаленные идеалы, чем предметы насущной необходимости. Их виды на будущее были связаны с реформами и культурой и мало чем отличались от либеральных.

Именно неудовлетворенность настроением, царящим в антиавтократическом движении, как либеральном, так и радикальном, подтолкнула Струве в 1888 году в сторону марксизма и социал-демократии. Однако перед тем, как подробно рассмотреть этот этап его жизни, необходимо несколько отвлечься и сделать небольшой экскурс в историю русского социализма 1880-х годов. Поскольку,

не ответив на вопрос, что Струве привлекало в социализме времен его юности и что он в нем отвергал, невозможно понять, что именно он защищал в качестве альтернативы. Не разобравшись в этих обстоятельствах, невозможно отследить истоки социал-демократии в России, поскольку именно Струве стоял у этих истоков.

Существующая историческая литература подходит к данному предмету весьма некритично и безнадежно путается в полемиках прошлого. В каждой уважаемой истории России сообщается, что Струве был «марксистом» (обычно его характеризуют как «легального» марксиста) и что в России «марксизм» заменил нечто, называемое «народничеством». В подобной историографической схеме под народничеством подразумевается теория, разработанная Герценом и Чернышевским, согласно которой русским, в силу уникальности их духовных качеств, предопределено разрешить социальные проблемы, тревожащие современный мир. Эту историческую миссию они осуществляют путем создания в России социалистического общества, основой которого будут крестьянские объединения (общины и артели), миновав таким образом чистилище капитализма. Причем решающая роль в этом процессе должна принадлежать интеллигенции. Пишут, что эта утопическая схема в 1890-х годах была высмеяна «марксистами», которые взяли верх над радикальной интеллигенцией тем, что выдвинули якобы более реалистичный тезис, гласивший, что экономическое и социальное развитие России должно неуклонно следовать пути, проторенному развитыми странами Западной Европы, и, как и там, социализм придет в Россию в результате естественного вырастания из капитализма.

На самом деле все обстояло гораздо сложнее, чем это представляется из традиционно рисуемой схемы. То, что лежало в основе этой схемы, — принцип вытеснения полуправды «народничества» полной правдой «марксизма», — берет свое начало от христианской концепции, представляющей Новый Завет. Оно не имеет никакого отношения

к действительности. Никогда не существовало никакого «народничества» как движения, обладающего сформированной теорией и последовательной стратегией, равно как и на Западе никогда не существовало того, что можно было бы обозначить как «утопический социализм»: оба эти термина были введены Марксом и его последователями для того, чтобы дискредитировать соперничавшие с ними социалистические движения. Феномен, обозначаемый обычно как народничество, представлял из себя широкое и многообразное анархистское движение, приверженцы которого постоянно экспериментировали с теориями и стратегиями революций. Они пытались вычлнить наиболее эффективные средства для свержения режима, зиждящегося на не-западных экономических и социальных структурах — иными словами, разрабатывали технику осуществления революции в стране, которую сегодня можно было бы назвать развивающейся или неразвитой. И никогда они не относились к теории Маркса и Энгельса как к чему-то противостоящему им. Напротив, они впитали значительную часть этой доктрины, веря, что им удастся обнаружить в ней удовлетворительное «научное» доказательство того, что России нет необходимости следовать по западному пути. Маркс и Энгельс сами поощряли в русских радикалах стремление творчески развивать их теории, вводя в них дополнительные аспекты.

В ходе анализа русского социализма я позволю себе критический разбор тех доктрин народничества, которые в свое время Струве и другие социал-демократы избрали предметом для критики как «утопические»: теорию исторического прогресса, связанную с так называемым субъективным методом в социологии; теорию экономического развития, базирующуюся на идее «особого пути»; и интерпретацию теорий Маркса и Энгельса в их приложении к России.

Радикальная мысль в России в течение второй половины XIX века опиралась на положения, взятые из позитивизма Конта. Этот позитивизм имел две очень при-

влекательные для русских интеллектуалов особенности. Одна из них заключалась в отрицании какого-либо качественного различия между природой и обществом со следующим из этого выводом о том, что в обеих областях действуют схожие законы. Вторая — в определении осуществляемого человечеством прогресса как прогресса просвещения, понимаемого, в свою очередь, как переход от «теологической» и «метафизической» форм мышления к научной или «позитивной». Объявляя научное знание высшим, позитивизм возводил его носителя, интеллигенцию, в ранг первого движителя истории. Иными словами, интеллектуал уже тем, что переводит свое мышление в «научную» форму, делает ценный вклад в дело продвижения вперед всей человеческой расы. Такая точка зрения прекрасно удовлетворяла амбиции той, весьма значительной, части элиты, которая, получив отличное образование, не имела ни богатств, ни политического влияния. Как таковая эта идея имела успех не только в России, но и в тех, периферийных по отношению к Европе, странах (например Бразилии), где вестернизация образования и мышления значительно обогнала модернизацию общества и правительства.

Однако вскоре на российских юношей, уже видевших себя авангардом человечества, обрушился первый внезапный удар, который последовал от Дарвина. Теория естественного отбора, особенно после того, как Спенсер интерпретировал ее с социологической точки зрения, описывала прогресс в терминах, совершенно отличных от контовских. Исходя из этой теории, главным было не участие в процессе просвещения, а приспособляемость и то, что в большинстве случаев квалифицируется как ловкость, жадность и грубая физическая сила. Проводником прогресса становилась не отдельная личность — «пустое место», по выражению Спенсера, — а биологическая или социальная группа. Эти идеи поставили российских радикалов перед трудной дилеммой. Следуя позитивизму, на все смотрящему с научной точки зрения, они вынуждены

были признать, что естественный отбор, как и любой другой обнаруженный и доказанный закон природы, универсален, в силу чего пригоден для объяснения общественных процессов. Но принять естественный отбор в качестве движущей силы человеческой эволюции было равносильно отрицанию собственной сколько-нибудь значительной роли в истории. Другая альтернатива — отказ от универсальной применимости научных законов — вела к тому же, поскольку означала отказ от базового положения позитивизма, гласящего, что переход к научному мышлению составляет сущность прогресса, а ведь именно на этом интеллигенция основывала свои притязания на то, чтобы быть авангардом новой эры.

В поисках выхода из этого затруднительного положения российские интеллектуалы прежде всего попытались опровергнуть теорию Дарвина с помощью науки. Именно это сделал Чернышевский. Другие, не отказываясь полностью от идеи естественного отбора, приписывали ему ограниченную применимость. По мнению Кропоткина, например, для выживания рода или вида в процессе эволюции, и это относится как к животным, так и к человеку, гораздо важнее кооперация (взаимопомощь), чем соревнование или борьба. В сущности, в России дарвинизм встретил плохой прием: избежав религиозной враждебности, с которой его встретили в протестантских странах, он натолкнулся на серьезное идеологическое сопротивление со стороны интеллигенции, поскольку серьезно угрожал ее амбициям и представлению о себе. И когда Н. К. Михайловский приравнял Дарвина к Оффенбаху на том основании, что псевдонаука одного и псевдооперы другого служат одной цели, а именно — оправданию или прикрытию буржуазной эксплуатации¹, он, фактически, озвучил охватившее всех чувство.

Из существующих в то время антидарвинистских и антиспенсериянских теорий наибольшее распростране-

¹ См.: *Н. К. Михайловский. Дарвинизм и оперетки Оффенбаха (1871).* — Сочинения. — СПб., 1896. — Т. 1. — С. 391-422.

ние получила теория «субъективного метода», сформулированная около 1870 года Н. Михайловским и П. Лавровым. Они устранили противоречие, возникшее при столкновении в умах русских интеллигентов позитивизма и дарвинизма, путем модификации первого таким образом, чтобы он включал в себя антидарвинистскую теорию прогресса. Согласно теории Михайловского и Лаврова, человек и общество не могут быть подвержены той грубой объективации, к которой обычно прибегают при изучении природных феноменов, поскольку человеку присуща способность устанавливать для себя цели и ценности: в силу этого автоматический перенос на человеческое общество законов, действующих в природе, не имеет под собой оснований. Интеллектуальным источником «субъективной социологии» послужили поздние работы Конта, в особенности его «*Système de politique positive*», в которой основатель позитивизма, после того как его в преклонном возрасте посетила любовь, допустил мысль о том, что в человеческих делах действительно большую роль играют субъективные факторы, отсутствующие в неодушевленной природе. На этой весьма непрочной платформе русские социологи и выстроили детально разработанную философию истории, которая доминировала в умах российских радикалов с 1870 по 1890 годы и которая, по мнению некоторых ученых, является главным вкладом российских мыслителей в мировую социологическую науку².

Честь создания этой теории равным образом принадлежит Лаврову и Михайловскому. Но повлиявшие на многие умы «Исторические письма» Лаврова писались им в сибирской ссылке, откуда он бежал в Западную Европу, в силу чего его общение с читателями было затруднено. Михайловский же, являясь одним из авторов *Отечественных записок*, подобных трудностей не испытывал: его идеи сра-

² Вклад русской социологической школы рассматривается в книге: T. G. Masaryk. *Spirit of Russia*. – Vol. 2. – London and New York, 1968. – P. 115-190.

зу находили огромное число приверженцев. Не будучи систематическим мыслителем, он сумел создать вполне цельную теорию в области социологии и философии истории³. Именно против его теоретических установок были направлены первые социологические сочинения Струве, и именно Михайловского он сверг в середине 1890-х годов с занимаемого им трона главного идеолога левых.

Исходная посылка рассуждений Михайловского заключается в том, что основное различие между естественным и социологическим феноменами состоит в отсутствии или присутствии целеустановки. По его мнению, сама по себе природа бесцельна. Ее длящееся день за днем существование происходит в соответствии с определенными правилами, но при этом у нее нет никаких целей или задач, кроме самосохранения. Закон естественного отбора, лежащий в основе биологического прогресса, в силу своего негативного характера не затрагивает целенаправленную активность: ограничиваясь описанием техники сохранения того, что уже существует, он ничего не говорит о том, каким образом существующее может улучшить себя⁴. Другое дело — история. Человек способен иметь идеалы и борется не только за самосохранение, но и за самосовершенствование. При этом, следуя идеалам, он изменяет среду своего обитания. «История жизни на земле устремлена к тому, чтобы стать историей человеческих идеалов». Стремления человека являются существенной частью его природы и, соответственно, его эволюции. Это

³ Идеи Михайловского тщательно собраны Е. Е. Колосовым и апологетически изложены в его книге «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского». — СПб., 1912. Критический их анализ дан С. Н. Ранским в его книге «Социология Н. К. Михайловского». — СПб., 1901. См. также вышеуказанное исследование Масарика, а также *Arthur P. Mendel. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia.* — Cambridge, Mass., 1961; *James H. Billington. Mikhailovsky and Russian Populism.* — Oxford, 1958.

⁴ Этой идеей, как и несколькими другими, Михайловский был, скорее всего, обязан своему другу Н. Д. Ножину, блестящему молодому человеку, умершему в возрасте двадцати трех лет.

остается таковым даже в том случае, если доказано, что он находится во власти иллюзии. Могут ли стремления человека быть реализованными или нет, имеет ли он свободную волю или нет — никакой ответ на эти вопросы не опровергнет тот факт, что у человека есть идеалы и он верит в то, что поступает согласно своей свободной воле. Цель «субъективной социологии» состояла в том, чтобы внести необходимые коррективы в грубый эмпиризм, побудив его считаться с этими факторами. Суть этой корректировки, согласно Михайловскому, заключается в выработке у исследователя способности поставить себя на место объекта исследования, понять его чаяния и страдания, и, таким образом, понять как его самого, так и его поведение.

Главным объектом исследования при использовании субъективного метода являлся индивидуум. Будучи последовательным номиналистом, Михайловский отказывался гипостазировать нацию, общество или класс. Ничего, кроме презрения, не испытывал он к абсурдному утверждению Спенсера о том, что между обществом и биологическим организмом существует аналогия. В организме, утверждал Михайловский, есть нечто цельное, что испытывает боль и удовольствие, а в обществе есть индивидуальное человеческое существо. Таким образом, в социологическом плане биологическим организмом является индивидуальный человек. Из этого следует, что общество может быть квалифицировано как положительное только в том случае, если составляющие его члены находятся в состоянии удовлетворения: счастливое общество, состоящее из несчастных индивидуумов, — бессмыслица.

В чем состоит человеческое счастье? Что является главной целью для человека? Следуя за Контом, Михайловский полагал, что человек стремится к целостности своей личности, то есть к наиболее полной реализации своих умственных и физических способностей. Достичь этого можно только с помощью осмысленного труда, поскольку человек по природе своей есть делатель, *homo*

faber. Но для того, чтобы человек получил возможность развить все свои способности, эта работа должна быть разнообразной и достаточно полно задействовать его как умственные, так и физические возможности. Работа монотонно повторяющаяся, при которой задействована только одна какая-нибудь специфическая способность человека, оглуляет его и превращает просто в винтик общественного механизма.

Огромная проблема заключается в том, что стремление человека достичь целостности своей личности наталкивается на противодействующие этому тенденции общества, поскольку по мере развития общества для него все более характерным становится разделение труда. Первый шаг — отделение умственной работы от физической, затем внутри каждой из этих двух областей по мере усложнения их структуры все больше усиливается специализация производительных функций. В результате невероятно повышается эффективность производства, но цена ее высока, поскольку все это ведет ко все большему сокращению для человеческого индивидуума возможностей развивать свои латентные способности. По мнению Михайловского, разделение труда — наиболее угрожающий человеку фактор его эволюции.

Пытаясь противостоять этому, он предпринимал огромные усилия для того, чтобы опровергнуть созданную Спенсером органическую теорию общества. Распространив на общество понятие биологического организма, Спенсер получил возможность смотреть на происходящее в нем разделение труда как на развившуюся в процессе эволюции специализацию его органов, характеризуя происходящее как прогресс. Для Михайловского же в данном случае речь идет о регрессивном явлении, поскольку оно ведет к вырождению индивидуальности, представляющей собой истинный «организм» общества. В своем знаменитом определении прогресса он обозначил его суть как «постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда

между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми».

Одним из наихудших последствий разделения труда стала классовая борьба. В обществе, где каждый может делать всю работу полностью, классовая борьба, по мнению Михайловского, невозможна — в таком обществе просто не существует социальных различий (он отождествлял их с профессиональными). Но стоило только появиться тому, что можно назвать специальностью или профессией, как общество расколосилось на профессиональные группы, каждая с присущими ей идеями и интересами. Разделившись таким образом, люди перестали понимать друг друга, лишились чувства общечеловеческого единства и обрели причины для столкновений. Итак, классовая борьба, как и породившее ее разделение труда, является следствием не биологической природы человека, а специфической организации создаваемого им производства⁵.

Альтернативой всему этому могла бы стать кооперация. Разделение труда, естественно, тоже предполагает кооперацию, но на более низком уровне; такую кооперацию Михайловский обозначал как «сложную». Он отдавал предпочтение «простой» кооперации, при которой каждый индивидuum выполняет все производственные функции, и был убежден, что исторический прогресс подразумевает замену сложной кооперации на простую. Если же этого не произойдет — а вопрос об этом оставался открытым, поскольку в философии истории Михайловского не было места неизбежности, — человечество постепенно дегуманизируется и в конце концов прекратит свое существование.

Социологическая система Михайловского, несвободная от несоответствий и в основном эклектичная, имела огромное достоинство: она убедительным образом уст-

⁵ Михайловский различал то, что он называл «техническим» и «социальным» разделением труда, высказывая возражения только против второго.

раняла возникшую в умах интеллигенции нестыковку между привязанностью к науке и страстным желанием играть заметную роль в истории. Как говорили Михайловский и теоретики его школы, «субъективная социология» устанавливала достаточно гибкую связь между научной необходимостью и человеческой волей. Благодаря этому в 1870–1880 годах она заняла едва ли не монопольное место в социологических и исторических взглядах российских радикалов.

Неожиданную поддержку «субъективному методу» оказала теория, завоевавшая в то время российскую экономическую мысль. Речь идет о популярной теории «особого пути», согласно которой развитие сельского хозяйства и промышленности России должно пойти по некапиталистическому пути. Я говорю «неожиданная», поскольку эти теории, часто воспринимаемые как тесно связанные друг с другом, имели совершенно различное происхождение и никак не зависели друг от друга: социологическая теория была создана путем философской дедукции, а экономическая — путем эмпирической индукции. Тем не менее они усиливали друг друга, поскольку рисовали будущее не как нечто predetermined, а как нечто, формируемое в результате осознанных человеческих действий; неудивительно поэтому, что обе они получили в России широкое распространение.

Убежденность в том, что народ России имеет судьбу, в корне отличную от судеб других народов, ведет свое происхождение от теорий славянофилов, зародившихся в Польше и в Богемии в начале XIX века. Пытаясь защитить свои страны от экономически развитой Германии, столь мощно давящей на них, что им грозила утрата независимости, польские и чешские интеллектуалы противопоставили романтическому германскому национализму идею о том, что неразвитые славянские государства имеют превосходство над Германией, поскольку самой историей предназначены для мирового лидерства. Особой

славянской добродетелью основатели славянофильства Лелевель, Мациеновский и Шафарик провозгласили общинный дух — якобы присущую славянам способность жить и работать друг с другом, находясь в естественной гармонии и без какого-либо принуждения со стороны государства, закона, института собственности — вообще каких-либо репрессивных институтов, наличие которых необходимо для народов, принадлежащих к германской расе. В 1820-х годах эти теории проникли в Россию и породили местный вариант славянофильства, связавший идею о якобы присущих славянам природных добродетелях с русскими национальными и религиозными традициями. Подобно своим польским и чешским предшественникам, русские славянофилы подчеркивали огромное значение для организации русской жизни духа общинности или соборности, находя реальное подтверждение этому в общине (миру) и артели. «Общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории, прошлой, настоящей и будущей, — писал в 1847 году Юрий Самарин, — семена и корни всего возносящегося на поверхности зарыты в его плодотворной глубине»⁶. В период, когда шли бурные дискуссии по вопросам ликвидации крепостного права, эти идеи получили широкое распространение. Среди поддержавших их публицистов были Герцен и Чернышевский — радикалы, которые во всем прочем демонстрировали явное презрение к российской действительности.

Все это хорошо известно и не требует комментариев. Специального разъяснения требует тот факт, что в течение десятилетий, последовавших за отменой крепостного права, славянофильские идеи в России продолжали оставаться очень влиятельными. Существует совершенно неправильное представление о том, что вера в крестьянскую общину и в «особый путь» российской экономики, широко распространенная в 1855–1890 годы, берет свое

⁶ Цитируется по: В. В. Святловский. К истории политической экономики и статистики в России. — СПб., 1906. — С. 103н.

начало от теорий Герцена и Чернышевского. На самом деле влияние этих двух мыслителей на российское общество сильно ослабло после 1862–63 годов, когда Чернышевский был арестован, а *Колокол* Герцена, продолжая ратовать за освобождение Польши, растерял свою аудиторию. Вплоть до революции 1905 года их труды находились в России под цензурным запретом. Теория особого пути возникла не из отвлеченной идеи и относительно мало чем обязана своим интеллектуальным предпосылкам. Основным источником ее формирования были сложившиеся после освобождения крестьян реалии российской экономики. Эта теория являла собой первую попытку разобраться с теми проблемами, которые в XX веке были обозначены как проблемы развивающихся стран⁷.

Любой анализ российской экономики, сделанный после 1861 года, вынужден был начинаться с констатации того факта, что Россия практически полностью является сельскохозяйственной страной и каждые девять из десяти ее жителей принадлежат к крестьянскому сословию. Вплоть до 1890 года, когда уже довольно стремительно пошел процесс индустриализации, большинство российских экономических проблем относилось к сельскому хозяйству. Его состояние, в свою очередь, определил Манифест об освобождении крестьян, согласно которому основная часть негосударственных пахотных земель была поделена на две примерно равные половины: одна осталась у помещиков, а другая была передана крестьянству. И с экономической, и с юридической точек зрения помещичье и крестьянское владение землей базировалось на разных принципах. Земля, оставшаяся в помещичьем владении, равно как и та, которую они постепенно продавали коммерсантам и разбогатевшим крестьянам, являлась частной собственностью. Ее можно было закладывать или продавать, и, как правило, обрабатывалась она не владельцами, а наемными рабочи-

⁷ Эта точка зрения неоднократно встречается в «Дилеммах» Менделя.

ми или арендаторами. По марксистской терминологии, эта земля стала основой капиталистического сектора российской сельской экономики. Тогда как земля, переданная, согласно Манифесту, крестьянам, содержалась и эксплуатировалась на основе другого принципа, благодаря русской литературе известного как «народное производство». В этом секторе каждому труженику был гарантирован (по крайней мере, теоретически) прямой доступ к средствам производства и земельный надел; но он не имел права распоряжаться ими как своей собственностью — это право принадлежало общине, членом которой он являлся. Сосуществование в России после 1861 года двух различных экономических систем, одна из которых соответствовала западной схеме, а другая имела местный характер, позволило российским экономистам проводить между ними сравнительную оценку и выявлять достоинства обеих систем.

Сравнение было не в пользу капиталистического сектора. Почти сразу же после провозглашения отмены крепостного права помещики начали терять свою часть земли. Они закладывали и продавали свои поместья так стремительно и по столь низким ценам, что правительство, встревоженное перспективой исчезновения класса, на который оно все еще, хотя и с трудом, опиралось в деле поддержания внутренней стабильности, предприняло ряд компенсирующих шагов. Так, например, в 1885 году был основан Дворянский Банк, выдававший ссуды под проценты, ниже обычных коммерческих. Но никакая помощь правительства уже не могла ощутимо приостановить процесс разорения помещичьего дворянства. Каждый год примерно 1 процент помещичьих владений терял своих исконных владельцев — либо в случае продажи, либо в случае потери права выкупа из залога. Если бы этот процесс шел своим естественным путем, то российское дворянство было бы полностью оттеснено от владения землей где-нибудь к середине XX века — безотчетно происшедшей революции. (В действительно-

сти к 1916 году 89,3 процента пахотных земель и более чем 94 процента поголовья крупного рогатого скота в европейской части России находились в руках крестьян⁸.) Данные такого рода, тщательно фиксируемые земскими статистиками и анализируемые профессиональными экономистами, неизбежно наводили на мысль, что капиталистическое сельское хозяйство в России не имело будущего. Ибо если даже образованное дворянство, в распоряжении которого были мощные материальные ресурсы и изрядная поддержка со стороны правительства, не смогло пойти по этому пути, то какие шансы могли быть у крестьянина, владеющего небольшим или хотя бы средним хозяйством? На праздновании десятилетия отмены крепостного права А. И. Чупров, в то время преподаватель Московского университета и позднее один из ведущих экономистов страны, выразил убеждение в том, что если общины распадутся на индивидуальные частные владения, то крестьянству ничего не останется, как распродать свое имущество и превратиться в безземельный пролетариат⁹.

Все это заставило обратить внимание на крестьянские общины тех, кто не сочувствовал ни консервативному национализму собственно славянофилов, ни тому радикальному варианту славянофильства, который жаждался на идеях Герцена и Чернышевского. Критика общин исходила в основном от нескольких сторонников политики невмешательства, никогда не пользовавшейся в России особым влиянием, — таких, как И. В. Вернадский и М. М. Ковалевский. Представители доминировавшей среди профессиональных экономистов школы, многие из которых были учениками Чупрова, придерживались мне-

⁸ См.: А. Н. Челинцев. Русское сельское хозяйство перед революцией. — 2-е изд. — М., 1928. — С. 10-11. Данная статистика опровергает общепринятую точку зрения, что до 1917 года Россия была «феодальной» страной.

⁹ См.: А. И. Чупров. Мелкая промышленность в связи с артельным началом и поземельной общиной (1871). — Речи и статьи. — М., 1909. — Т. 1. — С. 51.

ния, что в российских условиях общинное землевладение было более жизнеспособным, чем капиталистическое. Эта точка зрения подкреплялась множеством научных работ, базировавшихся на огромном количестве статистических данных¹⁰.

Но если общинный принцип землепользования так хорошо подходил для России, то почему так плохо жили крестьяне? На этот очевидный вопрос защитники общины возражали, что ужасное, по общему мнению, состояние постреформенного сельского хозяйства объяснялось не недостатками общинной системы землепользования как таковой, а ошибками проводимой правительством экономической политики. Та часть земли, которая в 1861 году была выделена правительством крестьянству, оказалась недостаточной для того, чтобы крестьянство могло справиться с выплатой и налогов, и выкупа, возложенного на него за эту землю все тем же правительством. Изучение семейных бюджетов показало, что налоговые обязательства крестьянина превышают его доход и не оставляют ему другого выбора, кроме как погружаться в долговую яму. Правительство легко могло бы улучшить ситуацию, согласившись сделать для крестьян две вещи: за счет дворянства и короны существенно увеличить их наделы и уменьшить их налоговые обязательства¹¹. Существовала и настоятельная необходимость облегчить получение кредитов, равно как и оказать другую помощь крестьянам, переселяющимся в Сибирь. Если бы все это было сделано, национальный аграрный кризис разрешился бы сам собой. Таково было мнение российских ин-

¹⁰ Например, *А. С. Посников*. Общинное землевладение. В 2-х тт. – Ярославль-Одесса, 1875-1878; *Н. А. Каблуков*. Очерк хозяйства частных землевладельцев. – М., 1879. Идеи Московской школы экономистов обсуждаются в: *Н. К. Каратаев*. Экономические науки в Московском университете (1755-1955). – М., 1956.

¹¹ Таковы были рекомендации известного статистика *Ю. Е. Янсона*. – Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. – В 2-х тт. – СПб., 1878-1880.

формированных кругов в 1880-е годы, и его разделяло большинство экономистов-теоретиков и профессиональных статистиков.

Ни один известный экономист или даже публицист той эпохи не был столь наивным, чтобы поверить в то, что Россия имеет иммунитет против капитализма, поскольку признаки его вторжения бросались в глаза. Вопрос был не в том, завоюет ли капитализм российскую экономику, а в том, следует ли ему позволить это или нет. Преобладала точка зрения, согласно которой Россия все еще имеет смешанную экономику, внутри которой две системы — «капитализм» и «народное производство» — сошлись в смертельной битве. Исход этой битвы зависел от правительства. Если бы оно позволило событиям идти своим ходом, народное производство имело бы полный триумф. А если бы продолжило оказывать настойчивую поддержку капиталистическому сектору и в сельском хозяйстве, и в промышленности, как это происходило начиная с 1861 года, то капитализм разрушил бы народный сектор экономики; но его победа была бы бесплодной, поскольку ему пришлось бы унаследовать заброшенную землю, населенную обнищавшими массами деревенских пролетариев.

Все эти реалии российской действительности и навели радикальных публицистов на мысль об особом пути. Суммируя свои собственные, имеющие моральную подоплеку, претензии к капиталистической системе с данными против капитализма в России, поставляемыми экономистами и статистиками, они сформулировали теорию, согласно которой грядущий русский социализм, равно как и наиболее жизнеспособная часть русской экономики того времени, обязаны базироваться на народном производстве. Иными словами, естественное развитие социализма скорее произойдет из этого сектора российской экономики, который уже доказал свою жизнеспособность, чем из высокоразвитой и централизованной капиталистической индустрии, превалирующей в Англии и Германии. Эта идея впервые была выдвинута, по-видимому, в 1872 году

Г. З. Елисеевым¹² и подробно изложена в 1882 году в книге В. Воронцова («В. В.») «Судьбы капитализма в России» — одном из наиболее значительных и влиятельных российских изданий второй половины XIX века¹³.

Прежде всего Воронцов отвергал модели экономического развития, действенные для всех стран. В частности, он отрицал, что процедура, через которую прошла в процессе своей индустриализации Англия, должна повториться в России. В ряду причин, по которым это не могло произойти, в качестве наиболее важной фигурировало позднее вступление России в ряд индустриализованных стран: как правило, писал он, «чем позднее начнет какая-либо страна развиваться в промышленном отношении, тем труднее завершить ей это развитие капиталистическим путем»¹⁴. При этом он заранее отвергает обвинения в том, что за его взглядами стоят славянофильские настроения: «Во избежание всяких недоразумений прибавим, что такой результат, такое отступление России от исторических форм Запада произошло, по нашему мнению, не в силу каких-либо расовых особенностей русского народа. Оно есть естественное последствие тех условий, в каких теперь находятся друг к другу различные страны: стеснение международной торговли, развивающееся по мере привлечения к прогрессу новых народов, создает для молодых стран все большие и большие затруднения пышному расцвету у них капиталистического производства»¹⁵.

Не оспаривая того факта, что капитализм глубоко вторгся как в сельское хозяйство, так и в промышлен-

¹² См. сочинения Г. З. Елисеева в двух томах. — Т. 1. — М., 1894. — особенно: С. 127-188. См. также: Н. К. Каратаев в «Истории русской экономической мысли». — М., 1959. — Т. 2. — Ч. 1. С. 424-425.

¹³ В. В. [оронцов]. Судьбы капитализма в России. — СПб., 1882. Книга представляет собой сборник эссе, в разное время опубликованных в периодике. По роду своей деятельности ее автор (1847-1918) был земским врачом.

¹⁴ Там же. — С. 15.

¹⁵ Там же. — С. 274.

ность постреформенной России, Воронцов считал, что это объясняется скорее усилиями правительства, чем потребностями национальной экономики. Поскольку, несмотря на многочисленные свидетельства того, что и в сельском хозяйстве, и в промышленности предоставленный себе мелкий производитель, владеющий средствами производства (земля, орудия труда и промышленное оборудование), более эффективен, чем предприниматель, использующий наемный труд, царское правительство продолжало поддерживать капиталистический сектор.

Разворачиванию капиталистического способа промышленного производства в России препятствовали два очень существенных фактора. Первый — чрезвычайно высокие издержки производства. Огромные расстояния и не соответствующие им средства транспорта, равно как и суровость климата, избыточность дешевой, но неквалифицированной рабочей силы, наличие государственных монополий и ряд других факторов — все это приводило к тому, что российская промышленная продукция была неконкурентоспособна. Второй фактор — отсутствие рынков. Иностранные рынки были заняты теми странами, которые уже прошли процесс индустриализации. Местный рынок был слишком беден для того, чтобы начинать с него, кроме того, он был разрушен. Самый массовый российский потребитель — крестьянин — сильно зависел от того дополнительного дохода, который приносило ему кустарное производство. Но как только капиталистический сектор промышленности России окреп и наводнил местный рынок, сбыт грубых товаров домашней крестьянской мануфактуры уменьшился. В силу этого крестьяне располагали все меньшим количеством денег, которые могли бы истратить на промышленные потребительские товары. Иными словами, капиталистическая промышленность России оказалась в порочном замкнутом круге: «Для ее процветания необходимо богатое население, но каждый ее шаг на пути развития сопровождается обеднением последнего; развитие капиталистического производства ве-

дет к обеднению народа, а это обеднение подрывает существование указанной формы промышленности»¹⁶.

Кроме того, Воронцов утверждал, что, даже и находясь в более благоприятных условиях, капиталистическая индустрия не смогла бы существенно облегчить трудности российских аграриев, абсорбируя безземельное крестьянство: благодаря совершенствованию технологий, современная промышленность получила возможность повышать продуктивность, не увеличивая количество наемных рабочих.

Итак, промышленный капитализм в России представлял из себя искусственное растение, выросшее в тепличном климате льготных тарифов, правительственных субсидий и военных поставок. В российских условиях это означало не повышение производительности и увеличение занятости, а интенсификацию эксплуатации.

Не лучше выглядели перспективы капитализма и в сельском хозяйстве. Статистика фиксировала постепенное сокращение входящих в капиталистический сектор земельных угодий и переход их в руки крестьян. Мощная конкуренция со стороны Америки, на которой лежит большая доля ответственности за эту ситуацию, в конечном счете должна была привести к вытеснению с мировых рынков российского зерна и нанести *coup de grâce* тому, что еще оставалось от частного сектора российского сельского хозяйства.

Казалось бы, в этой ситуации государство должно было сделать правильные выводы из создавшегося положения: надо отказаться от неблагоразумного и бесполезного финансирования капиталистического сектора и бросить все ресурсы на развитие народного производства. А те отрасли промышленности, которые требуют большого капиталовложения и централизованного управления и по этой

¹⁶ Там же. – С. 275. В сущности, та же точка зрения была высказана Н. Ф. Даниельсоном (Николай—он) в «Очерках нашего пореформенного хозяйства». – Слово. – октябрь, 1880. – С. 76-142. Эта статья будет обсуждена в главе 4.

причине не могут быть отданы мелкому собственнику — например, транспорт, горнодобывающая промышленность, машиностроение, — следует национализировать. Эта мера не предусматривала непосредственной экспроприации: лишенные государственной поддержки и предоставленные самим себе предприниматели, работающие в этих отраслях, довольно скоро естественным путем перешли бы на положение банкротов. Прочие производства, включая те, которые выпускают потребительскую продукцию, следует передать малым предприятиям, организованным по артельному принципу, согласно которому рабочие коллективы владеют средствами производства и напрямую связываются с покупателем. Такая переориентация национальной экономической политики, согласно Воронцову, должна была создать новую модель экономики, сочетающую преимущества эффективного производства с требованиями социальной справедливости. В сельском хозяйстве правительству следовало бы любыми возможными путями помогать малому производителю, заботясь о том, чтобы община сохранила свою сплоченность и вся земля, ускользающая из рук капиталистических собственников, попадала бы непосредственно в руки земледельцев, минуя посредников в виде кулаков и городских спекулянтов.

Созданная Воронцовым идеальная модель экономики имеет некоторое сходство с моделью экономики, присущей немецкому государственному социализму¹⁷, и очень близка к новой экономической политике (НЭП), введенной Лениным в 1921 году. Как известно, в период НЭПа государство контролировало «командные высоты» в экономике, передав сельское хозяйство, производство потребительских товаров и большую часть торговли в руки одиночных или объединившихся в ассоциации мелких предпринимателей. Надо сказать, что при изложении сво-

¹⁷ Это сходство было отмечено Струве в «My Contacts and Conflicts with Lenin». — *The Slavonic and East European Review*. — Vol. XIII. — № 37. — July 1934. — P. 66-67.

их теорий Воронцов широко пользуется как идеями марксизма, так и присущим ему языком, а в качестве общей модели капитализма им взята капиталистическая экономика, описанная Марксом на английском примере.

Оценка состояния сельского хозяйства России, сделанная Чупровым и его учениками, равно как и оценка состояния ее промышленности, сделанная Воронцовым, несмотря на некоторые просчеты в отношении крупномасштабного, централизованного производства, ни в коем случае не были утопическими. Если взглянуть на них сквозь призму столетия, то окажется, что они содержат в себе чрезвычайно реалистичный прогноз развития российской экономики. Поскольку, как известно, Россия не пошла по капиталистическому пути, не стала подражать Великобритании, а, пойдя в обход, создала вариант государственного социализма, весьма похожий на тот, о котором говорили радикальные противники капитализма в XIX веке. Именно они оказались гораздо ближе к реальности, чем социал-демократы, обзывавшие их утопистами и настаивавшие на том, что у России нет иного выбора, как идти вслед за Западом.

Сторонники теории особого пути не были волюнтаристами: они ни в коем случае не требовали, чтобы правительство или интеллигенция путем чисто волевого акта направили развитие экономики страны в желаемом ими направлении. Здесь они, скорее, сходились во взглядах с представителями «субъективной» социологии, смотревшими на историю как на результат взаимодействия между объективными реалиями и субъективными устремлениями людей. В этом отношении эти две теории прекрасно дополняли друг друга. Сходным образом смотрели субъективисты и сторонники особого пути и на формирование будущего — как на выбор из нескольких возможностей, среди которых наиболее гуманные являются одновременно наиболее реалистичными.

Роднило их и еще одно обстоятельство: их общий страх перед капитализмом был столь силен, что для того,

чтобы прекратить его дальнейшее вторжение, они готовы были на тайный сговор с самодержавием. Михайловский был готов на это из-за того, что, по его мнению, капитализм с его разделением труда духовно разрушает человека; Воронцов — из-за того, что он разрушает российскую экономику. При этом Михайловский, ради сохранения социальной справедливости, был готов отказаться от требований политической и гражданской свободы: «Отдавая социальной реформе предпочтение перед политической, мы отказываемся только от усиления наших прав и развития нашей свободы, как орудий гнета народа и дальнейшего греха»¹⁸. Экономическая программа Воронцова требовала серьезного государственного вмешательства — государство должно было принять на себя управление транспортом, горнодобывающей промышленностью и большей частью тяжелой индустрии. Иными словами, логика взглядов как субъективистов, так и сторонников особого пути, вела к одному и тому же — политическому оппортунизму. Это необходимо помнить, потому что именно здесь во многом кроется причина появления в России в 1890-х годах сильного социал-демократического движения, ратующего за социальное равенство и политическую свободу.

Как уже отмечалось, начиная с 1860-х и в последующие годы существенным элементом российского радикализма был марксизм. И если, тем не менее, в 1890-х под интеллектуальным руководством Струве в России сформировалось политическое движение, которое уже самим словом «марксизм» бросало вызов обрисованному выше радикальному консенсусу, то это потому, что «марксизм» включает в себя несколько различных аспектов. Таковыми являются: (1) экономическая теория, объясняющая механизм оборота капитала и формирования прибыли в капиталистической экономике; (2) социологическая теория, привязывающая социальный, политический и куль-

¹⁸ Н. К. Михайловский. Сочинения. — Т. 1. — С. 870-871.

турный институты общества к существующему в нем основному способу производства; (3) революционная теория, предсказывающая нарастание противоречий между экономическим базисом и социальной надстройкой общества, которое приведет к свержению капиталистической системы; и (4) политическая программа, которая в достижении политической свободы видит существенный шаг на пути пролетариата к социализму. Как и любую идеологию, претендующую на создание всеобщей исторической теории, марксизм можно было не принимать во всей его полноте, а, приспособлявая для своих нужд, использовать выборочно, *à la carte*, как это и происходило на самом деле.

Именно этим и занимались российские радикалы и до, и после поворотного десятилетия 1890-х годов, приспособлявая к своим взглядам марксизм в столь избирательной манере, что картина его влияния на Россию приняла весьма путаный характер, и не только в сущностном отношении, но даже и в вопросе хронологии. Идеи Маркса проникли в Россию еще в 1860-х годах, с зарождением социалистического революционного движения, и с тех пор оказывали на нее непрекращающееся влияние. Социалисты-революционеры тех лет внимательно изучали взгляды Маркса и Энгельса, переводили их труды и даже переписывались с ними, консультируясь по российским проблемам¹⁹. Назвав Маркса «главным философом русского народничества»²⁰, Струве, возможно, впал в преуве-

¹⁹ Лучшим изданием этой переписки является: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. – М., 1967. Впредь она будет обозначаться аббревиатурой МЭРР. Здесь, как и везде в данной книге, слово «социалисты-революционеры» используется в исторически точном смысле, подразумевающим российских революционеров 1870-х годов. Термин «народники», который часто используется по отношению к ним в исторической литературе, является фальшивым неологизмом, своего рода полемическим приемом социал-демократов 1890-х, как это будет показано ниже.

²⁰ На разные темы. – *Русская мысль*. – март 1908. – Ч. 2. – С. 212. См. также: А. Мартынов в: *Л. Мартов и др.* Общественное движение в России в начале XX века. – СПб., 1909-1914. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 296; *В.В. Воровский*. К истории марксизма в России. – М., 1923. – С. 15-17.

личение, но совершенно очевидно, что вплоть до 1890-х годов никакой другой западный социалист-теоретик не имел сколько-нибудь сравнимого с ним влияния на российское социалистическое движение. Наиболее заметно влияние Маркса проявилось при фундаментальном разграничении капиталистической и народной форм производства, на котором базировалась идея «особого пути». Это разграничение непосредственно вытекает из марксистского определения капитализма как системы, отчуждающей производителя от средств производства, и вне этого определения не имеет никакого смысла.

Причина популярности Маркса в России отнюдь не лежит на поверхности, поскольку доминирующим настроением среди российских революционеров эпохи до 1890-х годов был анархизм. Сам Маркс был весьма поражен фактом мощного распространения своих теорий в России, поскольку никогда не скрывал своего отвращения ни к анархистам, ни к славянам. Ответ на эту загадку заключается в том особом отношении, которое было в России как к самому Марксу, так и к его учению. До 1890-х годов для российских радикалов Маркс был прежде всего экономистом, который осуществил научный анализ капиталистической формы производства и описал капиталистический способ эксплуатации наемного труда. Они оставили без внимания его социологию, которая, как и социальный дарвинизм, пришлась им не по вкусу своим детерминизмом и ставкой на социальный конфликт; точно так же они проигнорировали и политическую составляющую марксизма, которая показалась им слишком спокойно-парламентаристской. В их глазах Маркс был прежде всего критиком капитализма и, следовательно, авторитетным союзником в предпринимаемых ими усилиях по спасению России от ужасов капитализма. В 1880-м году — примерно за три года до того, как Плеханов основал в Женеве то, что обычно называют первым русским марксистским кружком, — Маркс похвалялся перед одним из своих друзей, что его «Капитал» в России имеет больше чи-

тателей и получил признание большее, чем где бы то ни было в мире, и он был прав²¹. Разработанный им экономический метод, равно как и введенная им терминология, действительно широко использовались в России, и не только литераторами и революционными активистами, но и придерживавшимися самых различных политических взглядов академическими учеными-экономистами, включая многих либералов и даже некоторых консерваторов. Рассматривать экономические явления через призму марксистских категорий в России научились задолго до того, как начали осмыслять социальное и политическое значения этих категорий.

Маркс и Энгельс не только не пытались препятствовать такому столь одностороннему использованию своих теорий, но, напротив, фактически способствовали этому. Когда революционное движение в России еще только оформлялось, они с большим сомнением отнеслись как к идее о роли крестьянских общин, так и к теории особого пути. В посвященном Ткачеву язвительном эссе, опубликованном в 1874 году, Энгельс высмеял саму мысль о том, что русские являются народом, «избранным» для социализма, к которому им предопределено прийти особым кратчайшим путем. При этом общину и артель Энгельс определил как пережитки примитивной стадии экономического развития, в гораздо большей степени подходящие для деспотического, чем для социалистического устройства общества²². Нет сомнений, что подобная позиция Энгельса, равно как и Маркса, в определенной степени диктовалась фракционными соображениями, поскольку в их глазах панславянский социализм (как они его называли) являлся исключительно порождением национального мессианства Герцена и Бакунина, которых они ненавидели, видя в них своих конкурентов. Однако для неприятия

²¹ Письмо к Ф. А. Зорге от 5 ноября 1880 года в: *Karl Marx, Friedrich Engels. Werke.* – Vol. XXXIV. – Berlin, 1966. – S. 477.

²² *Friedrich Engels. Soziales aus Russland.* – Leipzig, 1875.

идеи особого пути у родоначальников марксизма имелось и более веское основание, а именно, убежденность в том, что все общества должны пройти через однотипные стадии экономического развития.

Но в конце 1870-х годов Маркс и Энгельс изменили свое мнение. Изучая получаемую от российских корреспондентов экономическую и статистическую литературу, они убедились, что идея особого пути — не просто выражение национальной гордости, а результат серьезнейших попыток совладать с экономикой, которая в корне отличается от английской. И тогда они начали размышлять над возможностью существования разных типов экономик (в частности, об «азиатском» способе производства) и различных моделей экономического развития. Для подобной смены позиции были основания и политического характера. В конце 1870-х в Западной Европе наступило затишье. После того как Парижская коммуна стала достоянием истории, исчезли радужные надежды, которые Маркс и Энгельс возлагали на надвигающуюся социальную революцию: Запад явно склонялся в сторону постепенной мирной эволюции. Бурлила одна Россия. Начиная с 1874 года и первой кампании «хождения в народ», российская молодежь становилась все более радикализированной, вовлекая правительство империи во все более напряженное противоборство. В 1878–79 годах начались террористические акции социалистов-революционеров. Удивительная смелость народовольцев, их умение действовать вопреки усилиям имперской полиции, а также их способность оспаривать власть шаткого самодержавия вызвали у Маркса и Энгельса такой восторг, что они немедленно отбросили свои прежние возражения против социалистической версии панславизма. В 1877 году в открытом письме к Михайловскому Маркс отказался от приписываемой ему Михайловским точки зрения, согласно которой все страны должны повторить экономический опыт Запада. Он допускал, что с 1861 года Россия двигалась по направлению к капитализму и что в случае, если бы он прижился там, ничто не смогло

бы предотвратить его обычных последствий. Но, как теперь считал Маркс, только следствия капитализма неизбежны, сам же по себе его триумф вовсе не неизбежен. И нет такого закона исторического развития, согласно которому Россия обязана копировать Запад. «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, — резюмировал он, — то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»²³. Этим «если» Маркс, фактически, всю силу своего авторитета отдал сторонникам «особого пути», сражающимся против российских либералов.

Еще раз высказаться по этому вопросу Маркс был вынужден четыре года спустя, когда Вера Засулич, разочаровавшись в терроризме и будучи готовой превратиться в социал-демократа, попросила его дать окончательный вердикт по поводу будущего общины и теории особого пути. В коротком ответном письме Маркс ограничился констатацией, что крестьянские общины действительно могут стать «точкой опоры социального возрождения России» при условии, что им будет обеспечено нормальное развитие и защита от «тлетворных влияний»²⁴. Он не объясняет, почему он убежден в этом, но причины этой убежденности содержатся в трех черновых набросках к письму. В них Маркс в гораздо большей степени, чем когда-либо ранее,

²³ МЭРР. — С. 78. Маркс так и не отправил это письмо, и до конца его жизни оно оставалось неизвестным. Энгельс обнаружил его среди бумаг Маркса в 1884 году и выслал копию Вере Засулич. Она перевела это письмо на русский язык, и впоследствии оно ходило по России в форме литографии. Впервые оно было напечатано в органе «Народной воли» — *Вестнике Народной воли* — в 1886 году; а в 1888 году с разрешения цензуры было перепечатано в *Юридическом вестнике*. Статья Михайловского, ответом на которую явилось это письмо, называется «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». — Сочинения Н. К. Михайловского. — СПб., 1897. — Т. IV — С. 165-206, особенно с. 167-173.

²⁴ *К. Маркс, Ф. Энгельс*. Сочинения. — 2-е изд. — М., 1961. — Т. XIX. — С. 250-251. Черновые наброски, сделанные Марксом перед отправкой белой версии письма, даны на с. 400-421.

соглашается с возможностью и даже вероятностью некапиталистического пути России к социализму: «С точки зрения исторической, единственный серьезный аргумент, который приводится в доказательство *неизбежного разложения* общины *русских крестьян*, состоит в следующем:

Обращаясь к далекому прошлому, мы встречаем в Западной Европе повсюду общинную собственность более или менее архаического типа; вместе с прогрессом общества она повсюду исчезла. Почему же избегнет она этой участи в одной только России?

Отвечаю: потому что в России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии. Россия живет не изолированно от современного мира; вместе с тем она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя.

Если бы русские поклонники капиталистической системы стали отрицать *теоретическую* возможность подобной эволюции, я спросил бы их: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги и т. п., Россия должна была подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства? Пусть заодно они объяснят мне, как это им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?

Если бы в момент освобождения крестьян сельская община была сразу поставлена в нормальные условия развития, если бы затем громадный государственный долг, выплачиваемый главным образом за счет крестьян, вместе с другими огромными суммами, предоставленны-

ми через посредство государства (опять-таки за счет крестьян) «новым столпам общества», превращенным в капиталистов, — если бы все эти затраты были употреблены на *дальнейшее развитие* сельской общины, то никто не стал бы теперь раздумывать насчет «исторической неизбежности» уничтожения общины: все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя»²⁵.

Восхищаясь народолюбцами, Маркс и Энгельс довольно холодно и чуть ли не враждебно отреагировали на появление в России социал-демократического движения. Пионер этого движения Плеханов отвергал террор и захват власти как элитарную тактику борьбы, несовместимую с фундаментальным принципом социалистического революционного движения, состоящем в том, что освобождение народа должно осуществляться самим народом, и тем самым полностью разошелся с «Народной волей». Покинув Россию и обосновавшись в Швейцарии, он погрузился в чтение социал-демократической литературы, которая довольно скоро предоставила ему более основательные возражения против террора и насильственного захвата власти. Ознакомившись с социологическими и политическими работами Маркса, Энгельса и их немецких последователей, он убедился, что социалистическому обществу необходима зрелая экономическая база и что такая база может быть создана только при капитализме. В 1885 году в работе «Наши разногласия» Плеханов писал, что даже если террористам и удастся свергнуть имперский режим и захватить власть в свои руки, они будут неспособны организовать экономику России на социалистических началах по причине ее примитивного, докапиталистического состояния. Успешный государственный переворот в России приведет не к социализму, а к «политическому уродст-

²⁵ Там же. — С. 401.

ву, вроде древней китайской или перувианской империи, то есть к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке»²⁶. Плеханов призывал своих соотечественников отказаться от анархизма и бланкизма с их тактикой «прямого штурма» и принять более мудрую политическую стратегию, включающую в себя две последовательные фазы. Первая — образование альянса между революционерами и всеми социальными группами, заинтересованными в отмене абсолютизма (это особенно касалось буржуазии) и замене его системой, гарантирующей политическую свободу. В этой коалиции социалисты обязаны были играть роль «гегемона». (Последняя точка зрения была теоретически разработана Павлом Аксельродом, товарищем Плеханова.) И как только политическая свобода будет достигнута, ситуация вступит во вторую фазу — социалисты должны обратиться против своих недавних союзников и инициировать классовую борьбу, в ходе которой они поведут пролетариат к победе и социализму. Плеханов признавал, что крестьянские общины имеют определенные достоинства, но не возлагал на них больших надежд, считая неизбежным вторжение в Россию капитализма. Совместно с Аксельродом и Верой Засулич он организовал в Женеве небольшую группу, которая получила название «Освобождение труда». Приняв в качестве программы разработанные Плехановым принципы, эта группа посвятила себя задаче разрушения остатков «Народной воли» и замены ее социал-демократической партией, организованной по немецкому образцу.

Казалось бы, в сложившихся обстоятельствах Маркс и Энгельс должны были поддержать то русское революционное движение, которое, принимая экономические основы их учения, усваивало и его социологический и политический аспекты. Тем не менее они повернулись к нему спиной. В начале 1880-х они ждали великих дел от

²⁶ Г. В. Плеханов. Наши разногласия. — Избранные философские произведения. — М., 1956. — Т. 1. — С. 323.

«Народной воли» — «передового отряда революционного движения», как его называл Маркс²⁷, — и не видели никакого смысла в поддержке крохотной группы женевских эмигрантов, полных решимости расправиться с этой самой «Народной волей». Нет, в России, как теперь был уверен Маркс, дело нужно было делать по-другому. «Следила ли ты за судебным процессом против организаторов покушения в Санкт-Петербурге? — спрашивал он свою дочь Дженни, имея в виду судебный процесс над террористами, убившими Александра II. — Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические... они, наоборот, стремятся убедить Европу, что их *modus operandi* является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе»²⁸. В 1885 году (через два года после смерти Маркса) Вера Засулич, не теряя надежды заручиться поддержкой Энгельса социал-демократическому делу, прислала ему экземпляр статьи Плеханова «Наши разногласия», содержащей критику бланкизма с точки зрения марксистской социологии. Однако тон ответа Энгельса не оставлял сомнений в том, что его симпатии находятся на стороне «Народной воли»: «То, что я знаю или думаю, что знаю, о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что страна приближается к своему 1789 году. Революция *должна* разразиться в течение определенного времени; она *может* разразиться каждый день... Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию... И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясения целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге... По-моему, самое важное — чтобы

²⁷ МЭРР. — С. 89.

²⁸ Письмо от 11 апреля 1881 года. — *Karl Marx and Friedrich Engels. Werke.* — Vol. XXXV. — Berlin, 1967. — S. 179.

в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подает ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно»²⁹.

Таким образом, попытка Плеханова распространить в России теорию экономического и социального развития общества, разработанную Марксом и Энгельсом, не получила одобрения ни того, ни другого. Неудаче Плеханова способствовало еще и то обстоятельство, что, в силу весьма эффективно действующего на границе цензурного запрета, вплоть до 1895 года его работы были недоступны в России³⁰. Поэтому до тех пор, пока в начале 1890-х годов Струве не придал термину «марксизм» иную интерпретацию, он воспринимался в России в основном как согласная с доктриной особого пути экономическая теория, чьи основатели, двое немецких ученых, восторгались крестьянской общиной и одобряли террор.

²⁹ МЭРР. – С. 514. Это высказывание неизбежно наводит на мысль, что в октябре 1917 года Энгельс скорее поддержал бы Ленина и Троцкого, чем меньшевиков, настаивавших на том, что революция может произойти только при строго соответствующих условиях.

³⁰ Вопрос о роли Плеханова в деле распространения марксизма в России весьма горячо обсуждался российскими и американскими историками. При этом факты неоспоримо подтверждают правоту тех, кто сводит эту роль к минимальной. Например, Воден утверждает, что не смог найти ни одной относящейся к 1890 году Санкт-Петербургской публикации Плеханова или кого-либо из его группы (*А. М. Воден. На заре легального марксизма. – Летописи марксизма. – № 3, 1927. – С. 73.*). Б. И. Николаевский, ссылаясь на информацию, данную А. Н. Потресовым, утверждает, что когда тот в 1892 году приехал из-за границы в Санкт-Петербург и привез материалы группы «Освобождение труда», он обнаружил, что об этой группе в городе фактически ничего неизвестно (*Б. И. Николаевский. Введение к кн.: А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. – Париж, 1937. – С. 16, 18.*). И если это было так в отношении столицы, то, разумеется, о Плеханове ничего не знали в провинции, разве что слышали его имя. Его влияние на российские социал-демократические кружки началось, видимо, только с декабря 1895 года, после легальной публикации в Санкт-Петербурге его книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (см. главу 6 этого тома).

Глава 3

Переход на сторону социал-демократии

Обозревая историю развития человеческой мысли, нередко можно натолкнуться на мыслителя, о котором говорится, что он придерживался строго определенных убеждений: вот именно в том-то и таким образом, говорят вам, он «был убежден», и эта его «убежденность» объясняет, почему он придерживался неких определенных политических и общественных взглядов. Существование подобных личностей, для которых характерна такая цельность убеждений, не вызывает сомнений, но они редко бывают достаточно интересны для того, чтобы обратить на себя серьезное внимание исследователя, занимающегося историей человеческой мысли. Если вдуматься в суть проблемы, то станет ясно, что истинные мыслители редко дают захватить себя какой-нибудь *idée fixe*, а находятся в плену сразу двух или даже нескольких нестыкующихся, а то и противоречащих друг другу идей. Именно в этом случае охваченный противоречивыми устремлениями мыслитель, пытаясь сопрячь несопрягаемые элементы в единую гармоническую систему, развивает то напряжение мысли, которое означает подлинную ее работу. Определить иницирующие этот процесс идейные полюса — значит найти ключ к взглядам серьезного и независимого мыслителя.

В отношении Струве два таких полюса уже были обозначены: это национализм и либерализм. В конце

XIX века эти понятия трудно сопрягались между собой: европейский национализм к этому времени модифицировался в антилиберальную консервативную идеологию, делающую ставку не на личность и свободу, а на государство и власть. Поэтому для того, чтобы объединить национализм и либерализм в нечто цельное, Струве должен был проявить немалую изобретательность. Бóльшая часть его идеологических метаний, вызывавших немалое удивление у его современников, была вызвана тем, что он отдавал предпочтение то либерализму, умаляя значение национализма, то национализму, ставя либерализм на второе место. И словно для того, чтобы окончательно запутать ситуацию, Струве долгое время присоединял к ним еще одну идею, которая в определенном смысле нивелировала первые две. Речь идет о своего рода крайней форме позитивизма — убежденности в том, что «реально» лишь эмпирически контролируемое, а все, что не поддается этому контролю — идеализм, метафизика, волюнтаризм и тому подобные вещи, — вне ума не существует.

Само по себе наличие позитивизма у Струве не удивительно: в эпоху, на которую пришлось формирование его личности, позитивизм был философией фактически всей российской интеллигенции. Но, как уже отмечалось, российские позитивисты с большим энтузиазмом приняли те поправки, которые Конт позднее внес в созданную им систему. Видя в них основания для ослабления исходного базиса этой системы, они ввели в нее немалую долю «субъективизма» и в результате освободили человеческую историю от законов позитивной науки. Струве же занял независимую позицию: он отказался следовать сложившейся в России традиции и пытался оставаться чистым и бескомпромиссным позитивистом. Сложность сочетания столь суровой формы позитивизма с либерализмом очевидна: последний базируется на естественном законе, неотъемлемых правах, свободе и подобных им принципах, действие которых не поддается

эмпирическому контролю и которые, с точки зрения позитивизма, представляют из себя метафизическую чепуху. Что же до национализма, то он тоже весьма трудно увязывался с позитивизмом, поскольку требовал уважения к авторитету и традиции, которые позитивизм отвергал как таковые. Проявляя лояльность по отношению ко всем трем идейным полюсам — либерализму, национализму и позитивизму, — Струве находился в непрерывной интеллектуальной сумятице вплоть до 1900–1901 годов, когда он, наконец, решил отказаться от позитивизма. После этого его интеллектуальная эволюция несколько спряmlandась.

Большинство российских позитивистов в отношении философии представляли из себя полных дилетантов. Действительно, позитивизм освобождал их от необходимости изучать философию, поскольку с точки зрения этого учения она полностью растворена в других науках. Струве и в этом вопросе занял независимую позицию. Он стал первым известным российским радикалом, который владел терминологией и обладал прочными знаниями в области истории и философии, включая логику. И хотя его философские работы не отличались ни ясностью мысли, ни оригинальностью, тем не менее, в ходе теоретизирования по любым вопросам, он демонстрирует понимание специфики проблем, стоящих за формулировками, включающими в себя такие понятия как свобода, необходимость или «диалектика», что явно отсутствует в работах Михайловского или Плеханова.

Если выбирать из философских течений того времени, то Струве был наиболее близок к неокантианству. Строго говоря, неокантианство не являлось обычным философским направлением, поскольку не пыталось дать свой ответ на традиционно решаемые философами вопросы и не ставило своей целью выработать всеобъемлющую точку зрения на мир и положение в нем человека. Его цели были более скромными. Оно возникло в то время (1860–1870 годы), когда естественные науки до-

стигли весьма впечатляющего успеха, а на философские рассуждения стали смотреть как на хотя и безобидные, но все же бесполезные игры. Неокантианцы вполне адаптировались к этой ситуации. Не отвергая, в общем-то, притязаний науки и связанного с ней позитивистского взгляда на мир, они сумели выявить весьма важное поле деятельности, все еще остававшееся в ведении философии. Они обратили внимание на то, что вся масса существующих научных теорий создана в условиях некритического употребления понятий, равно как и некритического использования данных, получаемых путем чувственного познания. Они показали, что наука не определила (и не могла сделать этого, исходя из чисто эмпирических данных) суть таких свободно используемых ею принципиальнейших понятий, как «материя», «энергия» или «причина», и что она претендует на полноту использования способности разума к постижению реальности, забывая об ограниченности его познавательного аппарата. Свою главную задачу неокантианцы видели в попытках разобраться с подобными методологическими проблемами, опираясь при этом на критический аппарат логики. Их цель заключалась в усилении позиций науки, в том, чтобы, снабдив ее крепким эпистемологическим фундаментом, сделать ее еще более «научной».

Это философское направление включало в себя множество течений — историки установили наличие по крайней мере двенадцати споривших между собой школ, каждая из которых была связана с каким-либо из немецких университетов. Одни из них опирались преимущественно на идеалистическую сторону философии Канта, другие — на эмпирическую. Наиболее известная неокантианская школа, во главе которой стоял представляющий Марбургский университет Герман Коген, относилась к первому типу. Однако Струве симпатизировал отнюдь не ей. Его привлекала позиция автора книги «Философский критицизм и его значимость для позитивной науки» — Алоиза Рия, выделявшегося среди неокантианцев своим

наиболее позитивистским настроем¹. Риль смотрел на себя как на преемника целой плеяды западных мыслителей, представляющих линию, идущую от Локка через Юма к Канту. Отличительную особенность этих философов, которых он назвал «критическими», Риль видел в их бескомпромиссно-враждебном отношении к метафизике. Он считал их «реалистами», поскольку они понимали, что человеческое восприятие внешнего мира зависит от встроенных в человеческий разум категорий, и проводили резкую черту между реальностью, как она воспринимается, и реальностью, как она есть. В силу этого только «критическая» философия совместима с наукой. А любая другая, если она смешивает мысль с объектом мысли или выводит бытие из идей, а идеи из бытия, отвергалась Рилем как «метафизическая». Для него Гегель был «первейшим метафизиком», а Кант — «величайшим реалистом». Задача же современной философии заключалась в том, чтобы опровергнуть и метафизику («опиум для мышления»), и «некритический материализм» (не сумевший отделить идеи от объективной реальности) и заменить их философской системой, соответствующей современной науке.

Знакомство с «Философским критицизмом» Рилия сильно повлияло на ход формирования мышления Струве: после Аксакова и Маркса ни один мыслитель не оказывал на него такого мощного интеллектуального влияния. В частности, именно книга Рилия побудила Струве к неприятию «субъективного метода» и базировавшейся на нем философии истории — на том основании, что этот метод был повинен в кардинальном грехе «некритического материализма», то есть в смешении того, что «есть», с тем, что «должно было бы быть» — «sein» с «sollen». Подобное смешение было логически неприемлемо: причины явлений нужно искать в других явлениях, а не в идеях. От-

¹ См.: Der philosophische Criticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. — 2 т. в 3 кн. — Leipzig, 1876-1887. Третья часть в русском переводе была опубликована в 1888 году.

вергнув «субъективный метод», Струве отверг и целый ряд зиждящихся на этом методе представлений, имеющих хождение в философии истории и социологии: о том, что на ход истории в значительной мере может влиять просвещенная личность; о том, что интеллигенция, являясь своего рода коллективным телом таких личностей, представляет собой первичный двигатель исторического процесса; о том, что общество может быть сознательно сформировано таким образом, чтобы удовлетворить стремление личностей к самоосуществлению. Все это было «метафизикой». Так же как и выведенная из этих представлений теория радикализма, поддержанная такими идеологами российской интеллигенции как Михайловский, Лавров и их последователи.

Вместо «субъективной социологии» Струве обратился к философии истории, из которой была изгнана вся этика. Самой первой социальной теорией, которую принял Струве, был тот самый социальный дарвинизм, для вытеснения которого и была создана «субъективная социология». Очарованный Дарвином, Спенсером и их австрийским учеником Людвигом Гумпловичем, он стал воспринимать историю как арену безжалостной борьбы, в которой устремления отдельного человека ничего не значат. Представление интеллигенции о себе как о делателе истории Струве всегда казалось самообманом — в юности он называл его комическим, в более зрелом возрасте — трагическим. Исторический и социальный прогресс, считал Струве, движутся исходя из присущих им законов, действие которых не в состоянии отменить ни возникающие у человека желания, ни создаваемые им идеалы.

Мы изложили одну из двух причин, по которым Струве считал неприемлемой для себя ту радикальную доктрину, которая превалировала в России 1880-х. (Вторая причина заключалась в неприятии им политического оппортунизма радикалов.) Поиски более совершенного варианта социализма вели Струве прямо к социал-демократии.

Переход Струве в социал-демократы длился более четырех лет и имел две отчетливо выраженные фазы: первая (1888–1890) — принятие марксистской теории истории (экономический детерминизм), особенно — присущего ей взгляда на историческое значение капиталистической фазы истории; вторая (1890–1892) — осознание того, что происходящее в России соответствует не теории «особого пути», развиваемой российскими учениками Маркса при одобрении последнего, а классической схеме построения капиталистического общества, описанной Марксом в его основополагающих экономических трудах. Подобная эволюция взглядов была нетипичной для мыслителей поколения Струве.

Квинтэссенцией марксизма стал для Струве тезис, сформулированный Марксом в его предисловии к своей работе «К критике политической экономии» и дающий определение экономического базиса социальных и политических институтов: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных

сил эти отношения превращаются в их основы. Тогда наступает эпоха социальной революции»².

Большая часть работ Струве, написанных в 1890-х годах, представляет собой рассуждения по поводу основных положений вышеприведенного отрывка: что история — это неумолимый процесс; что производственные отношения определяют содержание институтов и идей; что социальные перемены являются неизбежным следствием временного несоответствия между экономическим базисом и общественной надстройкой. Струве считал, что такой взгляд на историю (с некоторыми важными поправками, которые внес он лично) дает столь же ценное своей научностью объяснение эволюции человеческого общества, какое дарвинизм дает эволюции биологических видов. Такой взгляд на вещи вполне соответствовал стандартам, установленным «критической» философией, поскольку, в отличие от «субъективной социологии», не смешивал *sein* с *sollen*. В 1890–91 годах на вопрос одного из друзей о том, что он считает сутью марксизма, Струве ответил: «...что в марксизме нет ни грана этики, что последовательный марксист только констатирует то, что есть и становится»³. Струве был убежден в «научности» системы Маркса так сильно, что полагал вполне возможным быть марксистом, не становясь при этом социалистом⁴.

² *Karl Marx and Frederick Engels. Selected Works in Two Volumes.* – New York, 1962. – Vol. 1. – P. 362-363. Струве называл идею, изложенную в этом отрывке, «ключом ко всем его [Маркса] теоретическим построениям», а также «самым существенным из того, что дал экономической теории автор «Критики».» (#40/112; а также #35/664). Эдуард Бернштейн, видимо, относился к этому подобным же образом, см.: *P. Angel. Eduard Bernstein et l'évolution du socialisme allemand.* – Paris, 1961. – P. 182.

³ А. М. Воден. На заре легального марксизма. – *Летописи марксизма.* – № 3, 1927. – С. 74. Выражение «в марксизме нет ни грани этики...» было вымышлено Вернером Зомбартом: «*Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik.*» – V. – 1892. – S. 490. Ср. #15/67 и #38/72.

⁴ #15/69.

Струве видел в марксизме лишь один большой изъян, и этим изъяном была для него марксистская философия. «Диалектику» он отверг с самого начала — она явно принадлежала к чужеродному телу «метафизики». С другой стороны, философия марксизма виделась ему на редкость последовательной «реалистической» доктриной. Полагая сочетание столь разнородных элементов излишним, он был убежден, что из марксизма без особых затруднений можно изъять диалектику. В самом начале 1890-х он поделился с одним из друзей своими соображениями по поводу того, что «у Маркса и Энгельса эта реалистическая точка зрения, к сожалению, затемнена гегельянской фразеологией» и что он «намерен проводить эту точку зрения в более адекватных терминах рилевского критицизма»⁵. Необходимо отметить, что этой своей попыткой заменить содержащиеся в марксизме элементы гегельянства философскими идеями неокантианства Струве, будучи в то время еще студентом университета, предвосхитил возникшее позднее в том же десятилетии в среде европейских мыслителей-социалистов серьезное теоретическое течение, получившее название «критического» или кантианского марксизма⁶.

Надо сказать, что в деле разработки философского аспекта своей доктрины, дополняющего ее экономический,

⁵ А. М. Воден. — С. 74.

⁶ Карл Форлендер, незнакомый с русскоязычными работами Струве, считал, что первую попытку (1896 год) свести воедино марксизм и кантианство, сделал Конрад Шмидт, см.: *Karl Vorländer. Kant und Marx. — Tübingen, 1911. — P. 157; P. Angel (Bernshtein. — P. 192)* полагает, что это произошло в августе 1895 года, когда Виктор Адлер произносил речь на похоронах Энгельса. Однако Струве не только уже в 1890-91 годах говорил о желательности соединения кантианской философии и марксистской социологии, но в 1894 году в своей известной книге выразил явное неудовлетворение философской платформой марксизма (#15/46) и, обращаясь к теориям Рилиа и других неокантианцев, показал, каким образом, по его убеждению, недостатки этой платформы могут быть исправлены. Поэтому его более поздние утверждения о том, что именно он стоял у истоков кантианского или «критического» марксизма, имеют под собой самые серьезные основания. См.: *П. Струве. На разные темы. — СПб., 1902. — С. 5н.*

социологический и политический аспекты, Маркс действительно не слишком преуспел. Изначально он был гегельянцем, затем, отказавшись от Гегеля, стал сторонником Фейербаха и, наконец, отказавшись и от Фейербаха, занялся созданием собственной философии, которую Плеханов назвал «диалектическим материализмом». Разрабатываемую им философскую теорию Маркс наметил лишь в самых общих чертах, которые позднее были развиты Энгельсом в его «Анти-Дюринге» и «Людвиге Фейербахе». Философия Маркса и Энгельса базируется на материализме; но это не совсем обычный материализм, который в силу присущей ему статичности не мог соответствовать тщательно разработанной ими концепции истории. Внедрив в материализм диалектический метод, Маркс и Энгельс придали ему динамические черты. Изначально существуя как искусство логического рассуждения (возьмем, например, философию Платона), в руках Гегеля и прочих немецких идеалистов диалектика превратилась в средство, дающее возможность объяснять изменения в мире явлений — используя принцип движения через отрицание, то есть путем перехода явления в свою противоположность. Соединив диалектику с материализмом, Энгельс получил возможность объяснять социальные изменения в философских терминах отрицания. Это имело большое значение для марксистской социологии, поскольку подводило логическое основание под утверждение о том, что капитализм на высшей стадии своего развития должен перейти в свою противоположность, то есть в социализм. Таким образом было найдено философское обоснование тезиса о том, что социальные изменения неизбежны по своей сути и революционны по своей форме.

Как уже было отмечено, по мнению Рилья, главного философского авторитета для Струве, Гегель был «первейшим метафизиком». Действительно, «диалектика» содержала в себе все признаки метафизики, как ее определил сам Риль. Особенно явно это просматривалось в том, что она нарушала логический принцип тождества, в кото-

ром Риль видел ключ к проблеме причинности. Проводя аналогии с математикой и физикой, Риль показал, что причина всегда должна непосредственно и без искажений переходить в следствие: «Как в математическом уравнении одна и та же величина стоит и справа, и слева, так и причина возрождается в следствии, но уже в другой форме». Тождество причины и следствия, считал Риль, со всей ясностью подтверждается и законами сохранения материи и энергии⁷.

Если перевести принцип тождества на язык социологии, то получится утверждение о том, что социализм не может возникнуть из отрицания капитализма: если причиной социализма является капитализм (как это выходило по Марксу), то социализм должен содержать его в себе. Струве сделал из этого вывод, что: «не только исторически, но и логически социализм... своим бытием обязан капитализму: без него он призрак, лишенный плоти и крови»⁸. Следуя логике Риль, Струве сразу же отказался от концепции социальной революции как утопической, заменив ее эволюционной моделью социализма, в чем-то схожей с моделью фабианского социализма. Иными словами, применив метод логического анализа, он осуществил ту критику социальной революции, которую Бернштейн провел несколькими годами позднее — в конце 1890-х.

В конечном итоге, между 1888 и 1890 годами Струве принял базовый принцип марксистской теории — экономический детерминизм, — оговорив, что переход от докапиталистической к капиталистической ступени должен проходить мирно и постепенно. Понятый таким образом марксизм давал Струве «научные» основания считать, что самодержавный режим в России должен исчезнуть. Это стало основной побудительной причиной для перехода

⁷ A. Riehl. *Der philosophische Criticismus*. – Т. II. – Teil 1. – S. 255-256. В другой работе Риль определяет причинность как частный вывод, сделанный на основании принципа тождества: *Philosophische Studien*. – Leipzig, 1925. – S. 202-218, особ. 209.

⁸ #15/128.

Струве около 1888 года в ряды социал-демократов. Позднее он писал: «Так же, как в 1885 году, следуя велению сердца и убеждению, для меня было естественно стать либералом и конституционалистом, так и тремя годами позднее, но теперь уже только *в силу убеждения* для меня было естественно стать социал-демократом»⁹. Таким образом, беспристрастность при выборе убеждений была не в характере Струве, и у нас имеется достаточно оснований, чтобы утверждать, что его приятие социал-демократии шло не только от головы, но и от сердца. Но справедливо и то, что его отношение к либерализму и социал-демократии весьма разнилось. Либерализм ассоциировался для него с абсолютным добром и являлся конечной целью политики, тогда как социализм выступал лишь в качестве средства. Чувство социального равенства было и навсегда осталось ему чуждым. А в его рассуждениях относительно нового порядка, который однажды уничтожит эксплуатацию человека человеком, всегда сквозило некоторое пустозвонство, столь несвойственное его высказываниям о свободе. В определенном смысле он перевернул ту классическую концепцию отношений между либерализмом и социализмом, которую создала русская литература. Для Плеханова или Аксельрода политическая свобода была шагом на пути к классовому сражению; для Струве же классовое сражение было, в лучшем случае, дорожной станцией на пути к политической свободе. Социализм в его глазах представлял из себя нечто проходное, поэтому на него не стоит смотреть как на одну из базовых составляющих его мышления.

Приняв марксистскую социологию, оставалось, однако, еще доказать, что капитализм может обрести твердую почву в стране, в которой девять десятых населения про-

⁹ My contacts and conflicts with Lenin. – *The Slavonic and East European Review*. – Vol.12. – № 36. – April 1934. – P. 576-577; См. также: П. Струве. Листки: памяти А. И. Скворцова. – *Русская мысль*. – № 2. – февраль 1914. – Ч.2. – С. 164.

живает в деревне, а большая часть земли находится в общинном пользовании и, следовательно, не является товаром. Споры по этому вопросу не могли быть решены путем непосредственного обращения к статистике, которая свидетельствовала о несомненном росте капиталовложений, увеличении добычи полезных ископаемых и развитии тяжелой индустрии. Как и большинство российских экономистов, Струве определял капитализм в терминах марксизма, то есть как систему, характеризующуюся процессом отчуждения производителя от средств производства. Это отчуждение, согласно Марксу, начинается в сельском хозяйстве и проявляется в массовом ограблении крестьян, как это было показано на примере английских законов об огораживании¹⁰. Поэтому до тех пор, пока не было очевидно, что общинная система рушится и крестьяне уходят с земли и пополняют резерв рабочей силы, серьезно говорить о явной победе капитализма в России было невозможно.

Струве, судя по всему, пришел к выводу, что страна встала на этот путь, находя подтверждение своему мнению в двух факторах: ужасном голоде, поражавшем страну два года подряд (1891–92), и том объяснении, которое дал этому факту А. И. Скворцов, российский экономист, чьи работы оказали на Струве существенное влияние.

Страшный голод, разразившийся в России сначала в 1891-м, а затем в 1892 году, имел целый ряд причин, среди которых были и следовавшие друг за другом неурожаи. Голод случался в России при любых формах правления, потому не было особой нужды искать ему далеко идущие объяснения в политической или социальной сферах. Но эти два неурожая, тем не менее, были широко восприняты как своего рода поворотный в историческом отношении пункт и стали объектом жарких споров. Радикальные публицисты старшего поколения увидели в факте этого голода подтверждение давно поставленного ими диагноза и исполнение их предсказаний: налоговая и тарифная политика пра-

¹⁰ К. Маркс. Капитал. – Т. 1. – Глава 26. Секрет первичного накопления.

вительства довела обнищание крестьянства до такой степени, что оно оказалось не состоянием поддерживать даже минимальный прожиточный уровень. Россия должна была отказаться от капиталистического пути развития или обратиться в руины. Таков был вывод, сделанный Воронцовым, Даниельсоном и другими представителями старшей радикальной школы на страницах *Русского богатства* и в книгах, которые мы будем обсуждать в следующей главе. Однако Струве в факте этого затяжного голода видел нечто совершенно противоположное: несомненное и долгожданное свидетельство того, что российская деревня билась в судорогах классовой дифференциации и что капитализм, наконец, начал свое триумфальное шествие. Крестьянство, которому Манифест об освобождении должен был обеспечить достаточное для его нужд количество земли, начало разделяться на два больших слоя — тех, кто имел земли больше, чем нужно для личного прокормления, и тех, кто имел ее меньше, чем нужно для этой цели. Первые, то есть зарождавшаяся сельская буржуазия, покупали землю и домашний скот на свободном рынке (в основном у помещиков) и эксплуатировали их с целью наживы. Те же, кто потерял такое количество земли, что оставшаяся уже не могла прокормить их, лишались ее остатков и превращались в пролетариат. Начало процесса классовой дифференциации в деревне могло означать только одно — начало процесса первичного накопления капитала. Национальная экономика вынашивала в себе капитализм — он отказывался быть искусственным продуктом правительственной политики и обретал собственную жизнь.

«Что касается меня лично, — писал Струве в 1908 году, — то меня марксистом гораздо больше сделал голод 1891–1892 годов, чем чтение «Капитала» Маркса»¹¹. Однако вряд ли дело обстояло именно так, поскольку значение голода для Струве заключалось исключительно в том, что

¹¹ П. Струве. На разные темы. — *Русская мысль*. — № 3. — март 1908. — Ч. 2. — С. 211.

он подтверждал предсказание Маркса. Просто размышления над причинами голода усилили социал-демократические тенденции в сознании Струве, поскольку приводили его к мысли, что процесс, столь красноречиво описанный в «Капитале», повторялся в России.

Ответ на вопрос, почему в деревне происходит классовая дифференциация, Струве получил из книги Скворцова «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство»¹². Скворцов был одним из тех знаменитых российских ученых-экономистов, которые в своих теориях использовали марксистскую методологию, не присоединяясь к сопровождавшим ее социальному и политическому учениям. По своим политическим взглядам он был националистом, не чуждым, как позднее узнал Струве, антисемитизму¹³. Цель его исследования состояла в определении влияния парового транспорта на структуру экономики вообще и на ренту в частности. Внедрение парового транспорта в большом масштабе, утверждал он, подрывает старые теории ренты Рикардо и Тьюнена тем, что разрушает те замкнутые на себя экономические образования, по отношению к которым строились эти теории. На их месте возникает обширный национальный и международный рынок, для которого характерны простая система ценообразования, специализация, рационализация и регионализация. Нивелировав вли-

¹² А. И. Скворцов. Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. — Варшава, 1890. После личной встречи со Скворцовым Струве писал другу: «Скворцов показался мне очень умным, — как я того и ожидал, — и безусловно порядочным человеком. Но лично мне он не понравился. Он совсем не *наш*, то есть он марксист, не будучи коммунистом». (Письмо Струве — Потресову от 22 июня 1894 года: Б. И. Николаевский. Введение к кн.: А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. — Париж, 1937. — С.20). Судя по всему, Струве хотел написать «не будучи с[оциалистом]», но передумал и пририсовал к букве «с» перпендикулярную линию, тем самым сделав из нее букву «к», первую в слове «коммунист». При этом он, возможно, имел в виду того, кто убежден в правильности не только экономического аспекта учения Маркса, но и политически-социального, как он изложен в «Коммунистическом манифесте».

¹³ См. письмо Струве — Потресову от 22 июня 1894 года.

яние фактора расстояний, отделяющих товары от рынка, современный транспорт способствует формированию совершенно иных экономических условий.

Скворцов показал, что 18 500 миль железных дорог, проложенных в России со времени отмены крепостного права, нарушили изоляцию тех небольших сельскохозяйственных образований, которые ранее были в малодоступной глубине страны. Тем самым они превратили сельскохозяйственную продукцию из предмета потребления и бартерного обмена в товар, продаваемый на свободном рынке, а основанные на принципе перераспределения малопроизводительные общины — в анахронизм. Позднее Струве утверждал, что книга Скворцова оказала на него воздействие, сравнимое с воздействием «Капитала» Маркса¹⁴. Со Скворцовым у него завязалось то, что сам он называл «старомодной научной перепиской... [с обменом] длинными письмами на теоретические темы»¹⁵, и еще долго после того, как он уже перестал быть марксистом, Струве продолжал смотреть на Скворцова как на одного из самых продуктивных российских экономистов¹⁶.

Если не сомневаться в достоверности приводимых Скворцовым данных и корректности их интерпретации — а Струве был убежден в правильности и того, и другого, — то теория особого пути превращалась в странную утопическую мечту, модернизированную версию старого доброго славянофильства. К этому выводу Струве пришел где-то в начале 1890-х годов, став с тех пор одним из наиболее непримиримых противников этой теории.

Питая надежду, что капитализм приведет к уничтожению самодержавия, Струве вовсе не думал, что это произойдет благодаря буржуазии. Он был хорошо осведомлен о той пассивности, которую продемонстрировал средний класс

¹⁴ My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 587; см. #3/415.

¹⁵ Листки: Памяти А. И. Скворцова. — С. 166.

¹⁶ Там же. — С. 164; См. также «My Contacts and Conflicts with Lenin». — P. 587.

Германии перед лицом авторитаризма Бисмарка, и не сомневался, что то же произойдет и в России, где промышленные и деловые круги еще в большей степени были зависимы от правительства, поскольку нуждались в его защите. «Я лично всегда думал, — писал он в 1901 году, — что у нас прогрессивны не столько нарождающаяся и быстро растущая буржуазия, сколько те общие условия хозяйственной и культурной жизни, на почве которых она вырастает. И теперь я продолжаю твердо держаться того убеждения, что нашу страну во всех отношениях поведет вперед капиталистический строй, но вовсе не — командующие в нем классы»¹⁷.

Находясь под впечатлением опыта Германии, с которым он познакомился во время заграничных поездок, а также работ Плеханова и Аксельрода, Струве пришел к выводу, что в России дело политической свободы тоже будет продвигаться вперед силами другого детища капитализма — пролетариата. Из этого следует, что в предстоящей борьбе в России, как и в Германии, миссию авангарда должна принять на себя социал-демократия: «Похоже, что впредь революционно-политическую роль [в России] возьмет на себя крепнущая социал-демократия... Именно по причине экономической отсталости страны и политической отсталости буржуазии эти усилия, будучи по сути своей политическими, могут выступить [здесь] в социал-демократическом обличье»¹⁸.

Убеждение в том, что пролетариат является двигателем в процессе достижения политической свободы, возникло, вероятно, и благодаря сильному воздействию, которое оказала на мировоззрение Струве книга Рудольфа Мейера «Борьба четвертого сословия за освобождение». Позднее, пытаясь доказать, что влияние Маркса на него было минимальным, Струве назвал эту книгу в числе тех

¹⁷ #110/xiv.

¹⁸ #37/29. Воден отмечает, что сходные мысли Струве высказывал и в 1891 году: А. М. Воден. — С. 76.

изданий, под воздействием которых он пришел к социалистическим убеждениям¹⁹. Тот, кто даст себе труд снять с библиотечной полки два тома Мейера и, сдунув с них пыль, перелистнуть их, испытает сильное недоумение по поводу того, что это сухое перечисление данных по международному рабочему движению оказалось способным подвинуть кого-либо к чему-либо. Тем не менее содержащаяся в них масса плохо воспринимаемой информации достаточно убедительно свидетельствует о том, что во второй половине XIX века «четвертое сословие» стало восходящим классом, готовым сменить третье сословие. Струве увидел в этом подтверждение того, что опыт Германии представляет из себя не изолированный случай, а иллюстрацию всемирной тенденции. Те же самые экономические процессы, которые уже начинали подтачивать основания российского самодержавия, со всей очевидностью должны были выдвинуть на первое место класс, относительно которого, в отличие от российской буржуазии, можно было не сомневаться в его верности либеральным и демократическим идеалам.

Однако те преимущества, которые капитализм должен был принести России, вовсе не исчерпывались политической свободой. Он должен был излечить ее еще от одного недуга — отсталости в культурном отношении. Как и все российские западники, Струве преклонялся перед Западом. («Европейскую культуру я люблю, как солнце, тепло, чистый воздух; гниющих трупов и серых людей не выношу. Und damit basta! О западничестве своем я не рассуждаю так же, как никакой порядочный человек не рассуждает о своей нравственной опрятности»²⁰.) В отличие от Михайловского и других радикалов старшего поколения, Струве приходил в восторг от материального богатства Запада, от того бесконечного разнообразия возможностей, которые предоставля-

¹⁹ См.: *Rudolf Meyer. Der Emancipationskampf des vierten Standes.* – 2 т. – Berlin, 1874-75.

²⁰ #79/186.

ет для самоосуществления личности его более сложно устроенный организм, от существующей там социальной дисциплины и от поощряемых им гражданских добродетелей. Все это и многое другое, что нравилось ему на Западе, Струве приписывал создаваемым капитализмом «основным условиям экономической и культурной жизни». Прежде всего, организовав производство по наиболее эффективной из всех известных человеку схем, капитализм создал беспрецедентно богатое общество и свободного от нищеты человека, без чего окультуренная жизнь была бы невозможна. Далее, капитализм способствовал развитию культуры — например, путем повсеместного распространения всеобщего образования, гражданских прав и законности, — поскольку нуждался во всем этом для обеспечения своего нормального функционирования. И как только капитализм окончательно утвердится в России, он искоренит в ней, наконец, наследие «азиатчины», которую, как и все западники, Струве считал проклятием страны.

Короче говоря, для Струве капитализм был своего рода панацеей. Он должен был принести и свободу, и культуру. Ни один российский мыслитель, ни до, ни после Струве, не возлагал таких надежд на капиталистический способ производства, не смотрел на него как на лекарство от всех недугов страны. Для Струве капитализм не был только чистилищем, через которое общество должно было пройти столь быстро, сколь это возможно, раз уж его нельзя миновать. В его глазах капитализм представлял собой условие, обязательное для организации и социализма, и цивилизованной жизни. Идея о революции, организующей на развалинах капитализма социальное устройство более высокого уровня, содержала в себе, по мнению Струве, логическую несообразность: революционные изменения должны были осуществиться эволюционными средствами, с помощью которых, если можно так выразиться, вся сумма человеческой культуры была бы перенесена с одной стороны исторического уравнения на другую.

Глава 4

Начало полемики

Осенью 1889 года Струве решил изучать зоологию, в связи с чем поступил на факультет естественных наук Санкт-Петербургского университета. Несмотря на то, что его тянуло к гуманитарным наукам и социологии, для своей профессиональной ориентации он избрал естественнонаучную дисциплину, что только подтверждает позитивистскую направленность его мировоззрения. Что же касается выбора в качестве научной специализации именно зоологии, то он явно был обусловлен его приверженностью к социальному дарвинизму.

На первых порах Струве был вполне удовлетворен своим выбором. Менделеев произвел на него сильнейшее впечатление — своей знаменитой, открывавшей курс химии лекцией, в которой он говорил о различии между «фактами» и «правдоподобиями» и критиковал систему классического образования, принятую в то время в гимназиях России¹. Зоолог В. М. Шимкевич также произвел на

¹ *Россия и славянство*. — № 231. — апрель 1934. Много лет спустя, вспоминая вступительную лекцию Менделеева, Струве писал, что, слушая ее, он остро осознал «трагедию русской культуры»: «Профессор» Шварц и «куратор» Мелиссино. — *Речь*. — 5 января 1908; перепечатано в: П. Б. Струве. *Patriotica*. — СПб., 1911. — С. 182. Смысл этой фразы проясняется в его письме Хансу Дельбрюку (Hans Delbrück) от 15 июля 1902 года (*Deutsches Bundarchiv*, East Berlin): организованное таким образом, чтобы служить делу полиции, классическое образование

Струве благоприятное впечатление. Вместе со своим однокурсником (в будущем — его шурином) В. А. Гердом Струве составил конспекты лекций Шимкевича, которые тот позже использовал в качестве основы при написании учебника. Под руководством Шимкевича Струве и Герд взялись за осуществление амбициозной программы по изучению немецкой научной литературы².

Но пыл Струве по отношению к выбранной им науке вскоре остыл. В то время как Герд успешно продолжал начатые штудии, рвения Струве в его занятиях на естественнонаучном факультете хватило едва ли на год. Химия, притягивавшая его, пока шли лекции, посвященные вопросам научной методологии, моментально перестала его интересовать, как только Менделеев перешел к более прозаическим проблемам, таким как свойства воды и водорода. Кроме того, Струве с трудом давались лабораторные занятия: его глаза не выдерживали напряжения, необходимого при работе с микроскопом³. Поэтому в конце первого курса он решил оставить естественные науки и перейти на юридический факультет, программа которого включала в себя то, что сегодня называют социальными науками. Короткий период изучения зоологии не оказал на его мышление какого-либо видимого влияния, за исключением, быть может, того, что обогатил его словарный запас несколькими научными терминами из области экологии.

Во время летних каникул 1890 года Струве побывал в Германии и Швейцарии. Это была его первая встреча с Западом с тех пор, как он в 1882 году, будучи еще двенад-

запятнало себя в глазах российских либералов. Оказавшись в политическом конфликте с властями, Менделеев подал в отставку весной первого года обучения Струве в университете (1890).

² Памяти В. А. Герда. — *Возрождение*. — № 450. — 26 апреля 1926. Эта книга, возможно, представляла собой учебник по зоологии позвоночных («Курс зоологии позвоночных»), которую Шимкевич опубликовал совместно с Н. Н. Полежаевым в 1891-92 годах.

³ В автобиографическом очерке, написанном в 1901 году, Струве заявил, что бросил заниматься зоологией из-за болезни глаз. Пушкинский Дом. — Санкт-Петербург. — Фонд 377. — № 2633.

цатилетним мальчиком, вернулся в Россию из Штутгарта. То, с чем он столкнулся теперь, будучи уже молодым человеком, ошеломило его. Живя в Германии, он наконец получил возможность своими глазами увидеть тот «капитализм», о котором, подобно большинству российских интеллигентов, рассуждал как о чем-то хорошо знакомом, но известном только из книг. Как он позднее вспоминал: «Когда десять лет тому назад я впервые сознательным и взрослым человеком попал за границу, и, между прочим, в Берлин, я был ошеломлен прежде всего интенсивностью материальной культуры Запада. Впечатления эти были, впрочем, для меня не вполне нове: я вырос отчасти в Германии и с внешним строем западноевропейской жизни был уже знаком. До известной степени мне был не чужд и внутренний склад или, выражаясь заезженным словом, «психология» немецкой жизни. Но, несмотря на это, и тогда богатство и интенсивность материальной культуры и удивительная, доходящая до подчинения, приспособленность к ней западного человека произвели на меня громадное и неизгладимое впечатление»⁴.

Однако как бы ни были важны все эти впечатления для интеллектуального развития Струве, они отходили на задний план в связи с главной целью его поездки за границу — непосредственного контакта с немецким социал-демократическим движением. И вряд ли можно было выбрать для этого более удачный момент. Прошел всего лишь год, как рейхстаг прекратил действие бисмаркского антисоциалистического закона и социал-демократы смогли выйти из подполья, в условиях которого они функционировали предыдущие двенадцать лет. Теперь все их усилия были направлены на то, чтобы собрать свои разрозненные силы в единую партию, в связи с чем велись жаркие дискуссии по поводу партийной программы, которая заменила бы собой принятую в 1875 году Готскую программу. Страницы газет и журналов заполнили мате-

⁴ #97/13; а также #55/60.

риалы, посвященные социал-демократам. Струве жадно читал относящуюся к этому вопросу литературу и, возможно, даже побывал на нескольких открытых партийных собраниях, проходивших в Штутгарте и Швейцарии. То, что он увидел и услышал за время своей поездки, в немалой степени способствовало его решению стать социал-демократом.

В Швейцарии он запасся большим количеством социал-демократической литературы, которую транзитом через Германию переправил в Россию, воспользовавшись помощью одного из своих братьев, командированного в это время правительством с научной целью за границу⁵. Вызывает удивление тот факт, что он не предпринял никаких усилий для встречи с Плехановым. Позднее он объяснил эту выглядящую оплошностью странность нехваткой денег и отсутствием рекомендательных писем. Однако скорее всего она объясняется отсутствием у него особого желания видеть Плеханова, работы которого он считал «доктринерскими и упрощенными»⁶.

Возвратясь в Санкт-Петербург для продолжения учебы, Струве приобрел известность — и как признанный авторитет в социал-демократическом движении, и как обладатель богатой библиотеки социал-демократической литературы.

В то время в России заметно усилился интерес к социал-демократии. Это было вызвано в основном той впечатляющей победой, которую социал-демократы Германии одержали над Бисмарком. Повсюду возникали социал-демократические кружки, инициаторами создания которых были, как правило, иностранные (польские, болгарские и т. п.) студенты. Ни один из этих кружков, правда, не приобрел заметного влияния — отчасти потому, что

⁵ My Contacts and Conflicts with Lenin. — *The Slavonic and East European Review*. — Vol. XII. — № 36. — April 1934. — P. 578. Струве утверждал, что у него было лучшее и, возможно, единственное собрание немецкой социалистической литературы в Санкт-Петербурге.

⁶ Там же. — С. 578-579.

они действовали тайно, отчасти потому, что их члены имели весьма смутное представление о политических и социальных теориях Маркса.

Около 1890 года Струве организовал подобный кружок в Санкт-Петербургском университете, поставив своей целью восстановить искаженного российскими последователями «подлинного» Маркса. Этот кружок за короткое время сделал для распространения социал-демократических идей больше, чем все его предшественники вместе взятые. Это произошло благодаря хорошо поставленной пропагандистской деятельности и тому обстоятельству, что в число его членов входили на редкость одаренные юноши. Именно с этого кружка началось серьезное распространение социал-демократии в России: Струве и его друзья были первыми, кто в спорах по проблемам современности начали систематически отстаивать социал-демократическую точку зрения и познакомили российскую публику с общественно-политической стороной учения Маркса. И если Плеханов вне всяких сомнений является первым российским социал-демократом, то Струве можно назвать первым социал-демократом в России.

Группа, лидером которой он являлся, состояла из двенадцати или около того человек, и все они были старше Струве — его невероятно раннее интеллектуальное развитие было исключительным даже для России того времени. Все члены этой группы были заносчивыми, убежденными в своей правоте особами, какими обычно и бывают новообращенные юноши, но они отнюдь не были доктринерами. Они верили, что обнаружили «правду» марксизма, и это наделило их ключом к пониманию анатомии и физиологии общества. Но при этом они не относились ко всему сказанному или написанному Марксом как к утвержденному в вечности и потому находящемуся вне дискуссий, как это не раз происходило в среде провинциальной интеллигенции, обратившейся к социал-демократии несколько позднее. Они были последовательными западниками, раздраженными пассивнос-

тью российских либералов и радикалов и скептически относящимися к тем философским и экономическим постулатам, на которые с 1870-х годов опиралось оппозиционное движение России. Как и Струве, все они принадлежали к семьям, входившим в общественную и профессиональную элиту империи, в силу чего были превосходно образованны, а в Западной Европе чувствовали себя как дома.

Эти юноши были первыми представителями нового поколения студентов, чье влияние ощутило возрастало по мере того, как XIX век приближался к своему концу. От непосредственных предшественников их отличало прежде всего отношение к учебе. Российские радикалы 1870-х и 1880-х годов относились к учебе пренебрежительно, считая ее несовместимой с подлинной преданностью революционному делу. Наиболее пылкие из них совсем бросали учебу и уходили из университета в «реальный» мир, который зачастую оборачивался для них миром фракционных споров и интриг. Но и те, которые оставались в учебных заведениях, аплодируя своим более пылким коллегам с трибун, особого интереса к учебе не проявляли. Короче, интеллигенты тех лет представляли из себя поколение дилетантов. Их суждения по экономическим, социологическим, историческим и прочим вопросам базировались не на прочных знаниях, а на сведениях, почерпнутых в основном из периодики и брошюр.

Новое же поколение радикалов 1890-х отвергло предубеждение о несовместимости учебы и революционного дела или гражданской ответственности. Изучение трудов Маркса и Энгельса и их немецких последователей убедило этих молодых людей в том, что исторический процесс рационален и в силу этого предсказуем. Поэтому, по их мнению, чтобы понять, что ждет страну впереди, и стать по-настоящему «научными» революционерами, необходимо иметь четкое и объективное представление о характерных особенностях существующей ситуации, особенно экономических. Иными словами, в глазах соци-

ал-демократов знание обрело статус инструмента, необходимого для осуществления революционного действия. Их девиз гласил: *tantum possumus, quantum scimus* (знание — сила).

Н. В. Шелгунов, один из лидеров старшей ветви радикализма, в 1890 году, незадолго до своей смерти, такими словами отметил факт появления нового поколения: «Среди этой молодежи будущего замечается одна умственная особенность, которой нет совсем у восьмидесятников. Восьмидесятники думали *из себя*, думали практически, соображая лишь опасности и трудности, которые их окружали. Они мало учились, мало читали и, растерявшись в заключениях и выводах, остановились на идее общественного индифферентизма.

Урок этот, вероятно, не пропал даром. По крайней мере теперешняя молодежь начинает не с этого, не с общего и последнего, представляющего уже вывод и практическую программу общественного поведения, а с частного — с изучения тех общественных фактов, из которых, как логический вывод, должно последовать уже и само собою — что делать?

Теперь в Петербурге очень распространяется самообразование и спокойное, серьезное научное изучение общественных вопросов...

...Движение это пока возникающее, и вполне оно еще не организовалось. Но если все пойдет так и дальше, то нужно думать, что для тысячи девятисотых годов оно создаст поколение деятелей просвещенных и образованных, какого до сих пор Россия еще не выставляла»⁷.

Среди товарищей Струве по социал-демократическому лагерю ближайшим его другом стал Александр Николаевич Потресов, впоследствии один из лидеров мень-

⁷ Н. В. Шелгунов. Очерки русской жизни. — СПб., 1895. — С. 1094-1095; ср.: #55/56. См. также: И. М. Могиланский. В девяностые годы. — *Былое*. — № 23, 1924. — С. 151-152.

шевизма⁸. Он был на четыре года старше Струве и, как и тот, сначала учился на естественнонаучном факультете, перейдя затем, вместе со Струве, на юридический факультет. Потресов не отличался ни оригинальностью мышления, ни особой эрудицией, что не мешало ему, тем не менее, больше, чем кому-либо, исключая Струве, сделать для становления социал-демократического движения России. Сочетание организаторских способностей с отсутствием политических амбиций позволило ему наладить согласованную работу социал-демократических публицистов как в России, так и за границей, объединив в рабочем партнерстве людей, которых разделяли в той или иной степени присущие им самодовольство, темперамент и амбиции. Более того, унаследовав от матери приносящее немалый доход состояние, он субсидировал первые социал-демократические издания в России.

Другой член кружка, Д. В. Странден, как и Струве, часть детства провел за границей. После возвращения в Россию он поступил в Третью гимназию, ту самую, в которой учился Струве, и окончил ее на два года раньше его. Странден не оставил после себя никаких трудов, но его интеллектуальное влияние на Струве, по собственным словам последнего, было очень сильным⁹. В. С. Голубев активно занимался пропагандой в рабочей среде, и неко-

⁸ Лучшая биография Потресова написана Б. И. Николаевским: *А. Н. Потресов*. Посмертный сборник произведений. – Париж, 1937. – С. 9-90. В 1934 году Струве заявил, что Потресов был близок ему интеллектуально, но не в личностном плане: *My Contacts and Conflicts with Lenin*. – P. 581. Однако содержание писем, которые он писал Потресову в 1890-х годах и которые еще будут цитироваться в этом томе, не подтверждают этого заявления.

⁹ Родившись около 1868 года, во время учебы в университете (1887-91) Странден занимался пропагандой среди рабочих, вследствие чего попал в поле зрения полиции. См.: Обзор важнейших дознаний о государственных преступлениях, производившихся в империи. – Т. XVII. – 1892-93. – С. 275. Позднее он уехал в Лондон, где стал вегетарианцем и женился на английской теософке. См.: *В. А. Поссе*. Мой жизненный путь. – М.-Л., 1929. – С. 254.

торое время даже был представителем социалистической интеллигенции в Санкт-Петербургском Центральном рабочем кружке. За эту деятельность в 1887 году он был исключен из университета. Затем его восстановили, но после последовавшего в 1891 году ареста исключили вновь и уже навсегда¹⁰. Среди членов кружка было два естественника, В. А. Герд и А. М. Воден, кроме того, в него входили еще Н. В. Водовозов, Н. Д. Соколов, К. К. Бауэр, Р. Е. Классон, Б. В. Никольский, Н. П. Павлов-Сильванский и В. А. Оболенский¹¹. В числе тех, кто симпатизи-

¹⁰ После освобождения из тюрьмы Голубев (1867-1911) вступил в конституционно-демократическую партию; сведения о нем можно найти в некрологе, написанном Струве: *Русская мысль*. – № 2. – февраль 1911. – Ч. 2. – С. 188-189; а также в моей книге «Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement, 1885-1897». – Cambridge, Mass., 1963. – P. 136 and *passim*.

¹¹ В. А. Герд родился в Цюрихе и был внуком британского педагога Джеймса Хеарда, прибывшего в Россию в начале XIX века (см. главу 7). После окончания университета он получил назначение на пост профессора агрономии в Ново-Александринском институте. Позднее примкнул к меньшевикам. О нем см. заметку Струве: *Возрождение*. – № 450. – 26 августа 1926. А. М. Воден (1870–1939) в 1891 году уехал из России и обосновался на Западе. Он издал содержательные мемуары об истоках социал-демократии в Санкт-Петербурге, см.: *А. М. Воден*. На заре легального марксизма. – *Летописи марксизма*. – № 3, 1927. – С. 67-82 и № 4, 1927. – С. 87-96. Н. В. Водовозов (1870–1896), сын видного педагога, в конце 1880-х являлся одним из активных лидеров студенчества Санкт-Петербургского университета. В 1890 году он был арестован, а в следующем году исключен из университета, после чего уехал в Дерпт. Струве опубликовал рецензию на его посмертные «Экономические этюды». – М., 1897 в #55. Н. Д. Соколов (1870–1928), позднее получивший известность в качестве общественного защитника политических заключенных, в 1917 году сыграл активную роль в организации Петроградского совета и составил проект знаменитого Указа № 1, изданного в феврале 1917 и несущего основную долю ответственности за начавшийся процесс разложения российской армии. После революции он остался в Советском Союзе. К. К. Бауэр, к которому Струве относился как к своему единственному политическому последователю (см.: *My Contacts with Rodichev*. – *The Slavonic and East European Review*. – Vol. XII. – № 35. – January 1934. – P. 335.) и очень близкому другу, по совету Струве пошел на работу в земства. Арестованный и сосланный в 1896 году, он вернулся уже сломанным человеком. Р. Е. Классон (род. в 1886

ровал кружку Струве, был экономист Михаил Туган-Барановский. Будучи на пять лет старше Струве, в 1890 году он уже имел авторитет среди профессионалов благодаря содержательному эссе, посвященному проблеме «пределной полезности». Молодые марксисты уважали его за ученость, но в то же время относились к нему как к человеку несколько наивному. В течение всего десятилетия 1890-х социал-демократы получали от него ощутимую теоретическую поддержку, но в их политической деятельности он участия не принимал¹².

Деятельность кружка Струве можно разделить на внутреннюю и внешнюю: его участники собирались в частном порядке для дискуссий по вопросам марксистской теории и истории революционных движений и одновременно занимались публичной пропагандой социал-демократических идей — среди своих однокашников, промышленных рабочих, интеллигенции, собиравшейся в литературных салонах, вообще среди всех, с кем вступали в общение. К сожалению, их тогдашняя деятельность — как самообучение, так и пропаганда — не была адекватно задокументирована.

Среди сообщений, с которыми выступали члены кружка, наибольшим авторитетом пользовались те, которые делал Струве. В них он прежде всего стремился показать, что идеи, циркулировавшие до того времени в России в качестве марксистских, на самом деле имели с марксизмом мало общего. В подаче Струве марксизм переставал

году) окончил Технологический институт и зарабатывал на жизнь в качестве инженера-электрика. В 1890-х годах его квартира была одним из тех мест, где собирались социал-демократы: *Красная летопись*. — № 13, 1925. — С. 144-145. Б. В. Никольский позднее стал консервативным националистом и был казнен большевиками. Известность Н. П. Павлова-Сильванского (1869—1907) как историка восходит к его неубедительной попытке доказать, что система российского феодализма сходна с западной. В. А. Оболенский был другом Потресова.

¹² О Туган-Барановском см.: *М. Гольман*. Туган-Барановщина. — Л., 1926; и *R. Kindersley*. The First Russian Revisionists. — Oxford, 1962. — P. 52-59.

быть теорией, содержащей исключительно критику капиталистического способа производства и, следовательно, вполне согласующейся с субъективным методом в социологии и политикой анархизма — в данном случае речь шла, скорее, об интегральной системе, несовместимой практически ни с чем, что воспринималось в России в качестве социализма. Иными словами, Струве намеревался ввести в Россию социал-демократическую версию марксизма, придав ей статус самостоятельно существующей теории и независимого политического движения. И он вполне преуспел в выполнении этой задачи. Весной 1890 года, то есть еще до своей поездки на Запад, Струве сделал доклад, посвященный биографии Маркса, о чем Воден, единственный из кружковцев, кто опубликовал свои мемуары, отзывается как о значительном событии. По словам Водена, в этом докладе Струве впервые убедительно изложил перед интересовавшимися марксизмом студентами Санкт-Петербургского университета основы марксистской теории. «Именно этот реферат, приспособленный к удовлетворению очередной и неотложной потребности: ориентироваться в основных фактах биографии Маркса с марксистской точки зрения, «пробил лед»: это был первый осязательный шаг в том направлении, которое в течение некоторого времени приурочивалось к имени П. Б. Струве...»¹³ Текст этого доклада циркулировал среди студенчества и укреплял репутацию Струве, хотя сам он был невысокого мнения о своем докладе, считая его слабым и неоригинальным¹⁴. На одном из собраний кружка Струве сделал сообщение, посвященное событиям 1848 года в Германии. В нем он особо выделил ту роль, которую играли в этих событиях Маркс и Энгельс. Кроме Струве с сообщениями выступили Воден — по французскому социализму и некто Б. Л. Зотов — по декабризму¹⁵. Кроме того, зимой

¹³ А. М. Воден. — С. 72.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. — С. 73.

1890–91 годов более узкая избранная группа кружковцев собиралась на закрытые совещания для обсуждения книги Туна «История русского революционного движения», экземпляр которой Струве приобрел за границей¹⁶. Разумеется, все это происходило в условиях нелегальности, и участники всех этих собраний могли быть арестованы и наказаны длительным заключением или ссылкой.

Заседания кружка, как пленарные, так и для узкого круга избранных, проходили, видимо, на квартире Калмыковой, которая давала им идеальное прикрытие. После смерти мужа, в 1889 году, Калмыкова в качестве вдовы сенатора получила от правительства пенсию, которая дала ей возможность открыть в своем жилом многоквартирном доме большой книжный склад, специализировавшийся на обеспечении провинциальных библиотек всеми видами «прогрессивной» литературы. Калмыкова рассылала систематизированные каталоги книг и других видов изданий, предназначенных для массового читателя, а также выпускала под своей собственной маркой две серии популярных брошюр, одна из которых была посвящена природе, а другая — обществу. Через ее книжный склад шел непрерывный поток людей — авторов, библиотекарей, издателей и просто покупателей; среди последних был Победоносцев, проживавший по-соседству и называвший Калмыкову заместителем министра образования, — он покупал у нее детские книжки. Заходили туда писатель Лесков и художник Ге¹⁷. На фоне этой людской массы двенадцать или около того студентов, время от времени заглядывавших в апартаменты хозяйки склада, не обращали на себя внимания полиции. Сама же Калмыкова просто расцвела в той атмосфере интеллектуальности, в которой неожиданно для себя очутилась. Под влиянием Струве она перешла в лагерь социал-демократов; но для нее этот переход, по-видимому,

¹⁶ Там же. — С. 75.

¹⁷ См.: А. М. Калмыкова. Обрывки воспоминаний. — *Былое*. — №1/35, 1926. — С. 72; П. Струве. Н. С. Лесков. — *Россия и славянство*. — № 83. — 29 июня 1930.

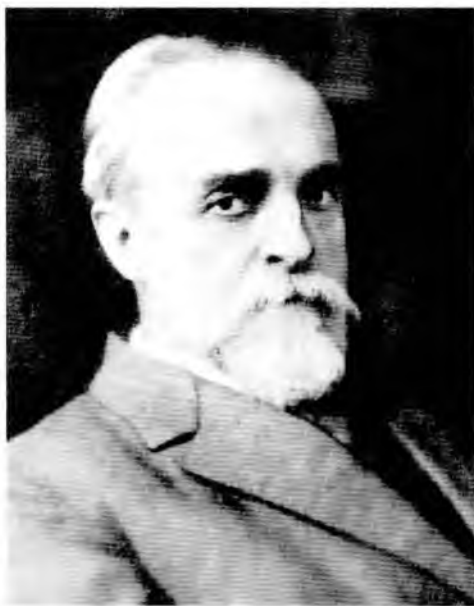
Родители: Анна и Бернгард Струве

Струве (в центре) с братьями, 1872

А.М. Калмыкова, 1916

А.Н. Потресов, 1925

означал не столько восприятие некой особой социалистической доктрины, сколько посвящение в члены секретного общества, в котором ее *protégé* выступал в качестве духовного лидера¹⁸.

Большим подспорьем в деле пропаганды за пределами кружка оказался университетский семинар по теории конституционного права, руководителем которого был М. И. Свешников. Представляя из себя заурядного и некомпетентного преподавателя, Свешников пытался снискать расположение студентов весьма традиционным для этой ситуации путем — выступая на их стороне против административного и академического истеблишмента. Его семинары были замечены публикой и собирали большую аудиторию, а среди его учеников в 1890–91 годы были Струве, Потресов, Павлов-Сильванский, Соколов, Воден, Водовозов и Никольский. В ходе учебных дискуссий члены социал-демократической группы пользовались малейшей возможностью, чтобы выступить по социальным или экономическим вопросам, употребляя при этом термины марксизма. Струве выступал «за» или «против» практически после каждого сделанного на этом семинаре доклада. И, пользуясь случаем, обрушивал свою едкую критику на не-социал-демократический социализм, характеризуя его как «утопическую» доктрину. Все эти его первые публичные выступления часто сопровождалось настоящим шквалом аплодисментов со стороны разделявших его убеждения. В конечном итоге под давлением полиции семинар Свешникова был закрыт, но к тому времени уже достаточное число студентов подверглись воздействию новой доктрины и стали ее поклонниками¹⁹.

¹⁸ My Contacts with Rodichev. — P. 351.

¹⁹ См.: А. М. Воден. — С. 74; А. Н. Потресов. — С. 15-16; И. М. Могиланский. В девяностые годы. — С. 144; R. Kindersley. — P. 37-38; А. Мейендорф. П. Б. Струве. (неопубликованная рукопись.) Hoover Institution, Stanford, California; В. А. Оболенский. — воспоминания о Струве (без названия), написанные в 1944 году — архив Б. И. Николаевского. — Там же; см. также #216.

Некоторые из участников социал-демократического кружка (например, Голубев и Странден) вели пропаганду и среди рабочих, но лично Струве этим не занимался. Он занимался исключительно разработкой теоретических вопросов. Он никогда не умел разговаривать с простыми людьми как пропагандист — создавая впечатление, что он один из них. Однажды Голубев привел Струве на собрание рабочего кружка, одолжив ему для маскировки свое пальто. Но поскольку вскоре после этой проделки Голубев был арестован и забрал пальто с собой в тюрьму, Струве бросил это занятие²⁰.

Благодаря эрудиции и блистательным выступлениям на публике к концу второго года обучения в университете (весной 1891 года) Струве приобрел завидную репутацию. Он стал признанным лидером небольшой группы социал-демократов, действовавшей в Санкт-Петербургском университете, а также главным трибуном новой ветви радикализма.

Тем не менее в самом факте его руководства данным или каким-либо иным движением ощущалось нечто нереальное, поскольку он не обладал ни одним из тех качеств, которые необходимы политическому лидеру. Он был совершенно неспособен дисциплинировать свой ум, что существенно в условиях активной политической деятельности, особенно если она протекает в нелегальных условиях. Его ум работал с такой скоростью и одновременно на стольких уровнях, что даже наиболее преданные его почитатели никогда не могли с уверенностью сказать, какую именно позицию по тому или иному отдельному вопросу он в данный момент занимает и во что они, следуя ему, должны верить. Сошлемся на один из множества примеров: Воден позднее вспоминал, как он изумился, услышав заявление Струве о том, что государство выполняет про-

²⁰ My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 583. Этот случай также описан Голубевым, см.: *Былое*. — № 12, 1906. — С. 118.

грессивную историческую функцию и должно сохранить свои полномочия и после победы социализма²¹. И это немарксистское заявление Струве сделал в тот момент, когда пытался донести до своих друзей базовые основы марксистской социологии. Разумеется, он мог скрыть от них противоречивость своих мыслей. Но двуличие любого рода было ему чуждо. Он всегда говорил то, что думал, иногда облачая это в неприемлемо резкую форму, и ни при каких обстоятельствах не пытался прилаживать свои мысли к восприятию слушателей.

Большинство людей он приводил в замешательство. У него было обыкновение — естественное для человека, обладающего глубокими знаниями, а он принадлежал именно к таким — любой аргумент пытаться рассмотреть с разных сторон. Он всегда проводил резкую границу между субъективными желаниями и объективной реальностью, и был способен понять и даже защищать малопривлекательные для него точки зрения. Однако другие видели в этом не различие субъективного и объективного, столь важное для Струве, а наличие необъяснимых противоречий. Об Арсеньеве, в высшей степени уважавшем интеллект Струве, говорили, что однажды он выразил неудовольствие по поводу того, что со Струве никогда не знаешь, что он скажет на следующей неделе²². Другие современники говорили о «струвистской *отсебятине*», подразумевая под этим своего рода интеллектуальную капризность²³. И понятно, что столь непредсказуемый человек, повинующийся исключительно голосу своего утонченного и неутомимого ума, совершенно не годился на роль лидера.

Более того, с его манерой произносить публичные речи никак нельзя было рассчитывать на то, чтобы увлечь за собой массы. Стоя перед аудиторией, он говорил зады-

²¹ А. М. Воден. — С. 74; Струве высказал эту точку зрения в своей первой книге: #15/53.

²² А. М. Воден. — С. 72, цитируя Классона; а также А. Мейендорф. Струве.

²³ А. М. Воден. — С. 72.

хаясь, с трудом выговаривая слова, которые едва поспевали за его быстро летящими мыслями, и при этом жестикулировал столь несуразно, что казалось, будто он просит о помощи. Очевидец, слушавший Струве, тогда еще гимназиста, в салоне Арсеньева, писал, что он производит впечатление человека, находящегося в состоянии абсолютной беспомощности, поскольку свою речь он «энергично подчеркивал резкими модуляциями голоса и суетливо растерянными, словно ищущими помощи жестами обеих рук, как будто сам с собою борется, не столько других, сколько самого себя убедить хочет»²⁴. Другой очевидец писал, что в процессе публичного выступления Струве «напоминает крестьянку, тонущую в льняном семени»²⁵.

Да и физические данные Струве не соответствовали облику человека, рожденного руководить. Оболенский, встретившись с ним около 1892 года в университете после двухлетней разлуки, писал, что по сравнению со школьным периодом он явно возмужал и, несмотря на многочисленные веснушки и оттопыренные уши (Струве полностью отдавал себе в этом отчет), отнюдь не выглядит уродливым и явно имеет успех у женщин. Он по-прежнему не отличался крепким здоровьем, и его слабое тело не выдерживало даже обычного озноба или легкого физического напряжения. Как и его мать, Струве постоянно мучила то одна, то другая болезнь, особенно часто он страдал от желудка. Чувствительность его была столь высока, что в холодные зимние дни он не выходил из дома, а любая работа изнуряла его, временами доводя до состояния острой депрессии²⁶.

Он все время куда-то торопился, словно там, где его нет, могли произойти великие события, и никогда не заканчивал начатого, а начинал он многое.

²⁴ *И. В. Гессен*. В двух веках. – Берлин, 1937. – С. 252; воспоминание об этом эпизоде отнесено к 1886-87 годам.

²⁵ *А. Мейендорф*. Струве.

²⁶ См., например, письмо Струве — Потресову от 14 мая 1892 года.

Но в процессе умственной деятельности он демонстрировал такое необычайное сочетание мощи, кругозора, честности и чистоты, что все остальное становилось несущественным — и издержки чисто интеллектуального подхода, и комическая манера публичных выступлений, и полная неспособность к организации. Все, кто имел с ним дело в те годы, отмечают, что его слушатели попадали под исходящие от него обаяние и очарование. И пока социал-демократия оставалась чисто интеллектуальным движением, то есть примерно до 1900 года, Струве был политической фигурой первой величины — наследником Герцена, Писарева, Чернышевского и тогда еще живого Михайловского. Становящейся социал-демократии был необходим лидер, и эта роль выпала Струве. Хорошо знавшая его Калмыкова была, видимо, единственной, кто чувствовал, что за всеми этими публичными чествованиями кроется ошибка. Много позже, когда Струве обвинили в предательстве дела, которым он когда-то руководил, она выступила в его защиту: «В главари с.-д. Партии он не лез, а сами обстоятельства русской жизни его выдвинули»²⁷. Это суждение, судя по всему, можно признать вполне справедливым.

Весной 1891 года, к концу второго года пребывания Струве в университете, возглавляемый им марксистский кружок постепенно начал распадаться. Некоторые из его членов за участие в студенческих беспорядках были исключены из университета, другие сидели в тюрьме — либо за пропаганду социалистических теорий среди рабочих, либо за участие в траурном шествии на похоронах Шелгунова. У самого Струве пока еще не было неприятностей с полицией, несмотря на то, что он тоже участво-

²⁷ Письмо Калмыковой — Потресову от 26 августа [1903] года. В своих воспоминаниях Калмыкова писала, что в 1890-х годах она предупреждала об ошибочности восприятия Струве в качестве социал-демократического лидера: «... мысль его так интенсивно работает, что трудно предугадать, куда она ведет его, нечего называть его лидером, чтобы потом бросать упрек в ренегатстве». — Обрывки воспоминаний. — С. 66.

вал в процессии, сопровождавшей траурный кортеж Шелгунова²⁸.

В конце 1891 года Струве тяжело заболел воспалением легких²⁹. Калмыкова выходила его, и когда здоровье его восстановилось, он решил провести оставшуюся часть академического года в Австрии — в университете города Грац. Этот университет привлекал его тем, что там преподавал известный социал-дарвинист Людвиг Гумплович, настойчиво пропагандировавший взгляд на прогресс как на цепочку последовательно разворачивающихся конфликтов — сначала между расами, потом между государствами, и, наконец, между классами³⁰. Струве очень привлекал этот человек, придерживающийся столь антисубъективистских и дарвинистских взглядов, тем более, что «прямота одной-сторонней мысли [Гумпловича] доходила до цинизма»³¹. Его теории представляли для Струве несомненный интерес, поскольку ничто не могло быть для него важнее, чем дополнительное число аргументов, с помощью которых можно было пробить брешь в позиции этического и sentimentalного социализма русской интеллигенции.

В университете Граца Струве имел статус «экстраординарного слушателя» (вольнослушателя), посещавшего курс лекций по административному праву, который читал Гумплович, и курс лекций по политической экономии, который читал Рихард Хильдебранд³². Гумплович не скрывал своего удивления по поводу того, что кто-то оказался способным приехать в Грац из России только для того, чтобы прослушать курс его лекций, и вскоре Струве понял, чем

²⁸ См.: А. М. Воден. — С. 76.

²⁹ My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 583; Памяти Людвиг Гумпловича. — *Русская мысль*. — № 9. — сентябрь 1909. — С. 159.

³⁰ Гумплович, польский еврей, был приглашен в университет Граца в 1876 году для преподавания права и социологии. Он покончил с собой в 1909 году. См. предисловие И. Л. Горюшина к: *Л. Гумплович. Outlines of Sociology*. — New York, 1963.

³¹ Памяти Людвиг Гумпловича. — С. 159.

³² Письмо автору Dr. Walter Höflechner'a из университета г. Граца.

это объясняется. Лекции этого знаменитого человека не имели никакого отношения к тем общим социологическим и историческим вопросам, которые интересовали Струве. Они представляли собой скучнейший обзор австрийской статистики и административного законодательства. Уже через несколько минут после того, как Гумплович начал чтение своей лекции, Струве убедился, что здесь ему учиться нечему³³.

Продолжая числиться слушателем лекций Гумпловича, бóльшую часть времени летнего семестра 1892 года Струве, видимо, отдал самостоятельным занятиям. Он погрузился в изучение неокантианской философии и прочел огромное количество немецкой литературы по экономике. Особенно его привлекли идеи немецкой социолиберальной экономической школы, которую отличало сочетание высокого уровня профессионализма с чувством социальной ответственности. Выдающимися представителями этой школы были Л. Brentano и его ученики Генрих Геркнер и Г. фон Шульце-Гевверниц. Струве очень понравился главный тезис, выдвинутый этими учеными, — о том, что современный капитализм вынужден поощрять социальные реформы, поскольку для нормального функционирования ему необходим процветающий рабочий класс. Подобная точка зрения, предполагающая постепенное затухание классовых конфликтов, в гораздо большей степени отвечала социальной философии Струве, чем марксистская диалектика. У Brentano он также нашел подтверждение своей убежденности в прогрессивной роли капиталистического сельского хозяйства³⁴.

³³ Памяти Людвиг Гумпловича. — С. 159. Антипатия, которую Струве испытывал к Гумпловичу — отчасти она была вызвана привычкой последнего относиться к русским как к «азиатам», — проявилась в одной из ранних публикаций Струве — рецензии на книгу Гумпловича, вышедшую в 1892 году (#1).

³⁴ См.: H. Herkner. Die soziale Reform als Gebot des Wirtschaftlichen Fortschrittes. — Leipzig, 1891 и Die Arbeiterfrage. — Berlin, 1894; G. von Schullze-Gäwernitz's. Zum sozialen Frieden. — 2 vols. — Leipzig, 1890. На

Не вызывает сомнений тот факт, что во время своего пребывания в Граце Струве решил стать профессиональным экономистом³⁵. Это решение имело ряд следствий, повлиявших на всю его жизнь. На одном из них необходимо остановиться прямо сейчас. Перед тем как сделаться экономистом, Струве уже был марксистом и социал-демократом. В то время он не видел никакого противоречия в том, чтобы быть одновременно приверженным и социалистической доктрине, и академической науке, поскольку, как уже было сказано, считал, что марксизм отличается практически безукоризненной научностью. Более того, овладев марксизмом раньше, чем экономикой, он пришел к выводу, что марксизм тем более отличается это ценное для него качество, что он позволяет осознать социальный аспект экономических процессов, игнорируемый академическими экономистами. Но приступив к серьезному изучению экономических наук, он почувствовал несостоятельность своей идеологической позиции. Поскольку чем глубже он погружался в науку, тем яснее для него становилась ненаучность нормативных элементов марксистской теории. Тогда-то и было посеяно одно из тех зерен сомнения, из которых позднее произросли его ревизионизм и резкий разрыв с Марксом.

примере Англии Шульце-Геверниц показал, каким образом в обществе распространяется политическое просвещение и каким образом мирная эволюция вытесняет политическое насилие, о котором говорили социалисты. Придя в восторг от его работ, Струве договорился о переводе двух его книг: «Der Grossbetrieb» (в русск. переводе «Крупное производство». – СПб., 1897) и «Volkswirtschaftliche Studien aus Russland» (в русск. переводе «Очерки общественного хозяйства и экономической политики». – СПб., 1901. Перевод был выполнен Л. Красиным, в будущем – советским комиссаром торговли). Шульце-Геверниц ответил на восхищение Струве тем, что во второй книге комплиментарно отозвался о нем. (Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. – Leipzig, 1899. – S. 106n, 344n).

³⁵ Это утверждал Сергей Водов, который, возможно, слышал об этом от самого Струве: Петр Бернгардович Струве. – *Студенческие годы* (Прага). – №1/18, 1925. – С. 34; См. также: А. М. Воден. – С. 74.

В это же время Струве ознакомился с большим количеством популярной экономической литературы, публиковавшейся в Германии и Австрии. Ностальгия по ушедшим докапиталистическим порядкам, которую он обнаружил в некоторых из этих изданий, напомнила ему теории сторонников особого пути в его собственной стране. Например, он был убежден, что Петер Розеггер, воспевающий австрийское крестьянство, представляет собой своего рода аналог русского славянофила. Статья, которую он написал об этом поэте, была помещена в *Вестнике Европы*³⁶.

В мае 1892 года к нему в Грац приехала Калмыкова, и они отправились в Венецию. «Эта поездка в общем была удачной, — писал Струве Потресову в июне, когда Калмыкова уже вернулась в Россию, — и я ею доволен, хотя она еще раз и особенно ярко демонстрировала мне мою физическую слабость и немощность. А. М. поражала все время своими силами, ничего, конечно, не ела, и т. д. Бывают же такие странные люди!»³⁷ Вскоре после этого путешествия Струве опять уехал из Граца, на сей раз на воды — в Австрийскую Силезию, в Грэфенберг, чтобы пройти курс лечения по поводу своего больного желудка³⁸. Осенью он вернулся в Санкт-Петербург и, не восстанавливаясь в университете, начал работать библиотекарем в министерстве финансов. Эта работа оставляла ему много времени для удовлетворения его новой страсти — изучения теории и истории экономики³⁹.

³⁶ #8.

³⁷ Письмо Струве — Потресову от 13 июня 1892 года, посланное из Граца.

³⁸ Письмо Струве — Потресову от 29 июля 1892 года, посланное из Вены.

³⁹ Автобиографическая записка, написанная для редакции Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и датированная 10 февраля 1901 года. — Пушкинский дом. — Санкт-Петербург. — Фонд 377. — № 2633. В ней Струве сообщает, что в 1895 году экстерном сдал государственные экзамены, а должность, которую он занимал в конце 1892 года, официально именовалась «помощник библиотекаря Школьного комитета» (*R. Kindersley. Russian Revisionists. — P. 44*). В апреле 1894

Именно на эти годы пришелся голод, сопровождавшийся бурными дебатами по поводу его причин и значения. В ходе этих дискуссий социал-демократы получили возможность бросить публичный вызов главенствовавшим в то время взглядам на характер российской национальной экономики. Пользуясь случаем, они решили вывести свои идеи за пределы небольших студенческих кружков. И в конечном итоге в течение следующего после голода года (1892–93) социал-демократизм в России из тайной доктрины превратился в общественное движение с отчетливо выраженными взглядами.

Позицию, занятую в этом споре сторонниками особого пути, убедительно обосновал Н. Ф. Даниельсон (Николай—он), осенью 1893 года опубликовавший книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»⁴⁰. Даниельсон долгое время имел репутацию одного из старейших представителей марксизма в России. Действительно, его связь с Марксом и Энгельсом была более тесной, чем у кого-либо из его соотечественников: на протяжении четверти века он переписывался с ними и снабжал их большим количеством статистических материалов, на базе которых они формулировали свои взгляды на российскую экономику. Кроме того, он перевел на русский язык три тома «Капитала»⁴¹. Но Даниельсон был не просто литературным агентом и популяризатором Марк-

года в полицейском рапорте он охарактеризован как выбывший из университета и работающий в архиве министерства иностранных дел (Обзор важнейших дознаний о государственных преступлениях, производившихся в Империи. – Т. XVIII, 1894. – С. 176-177). Очевидно, речь идет о фиктивных местах работы. Все это время ему, возможно, оказывала поддержку Калмыкова.

⁴⁰ Эта книга была переведена на немецкий и французский языки: переводы вышли в 1899 и 1902 годах соответственно. Даниельсон (1844–1918), по профессии бухгалтер, работал в Санкт-Петербургских обществах взаимного кредитования. В юности активно занимался революционной деятельностью.

⁴¹ Лучшее собрание переписки Даниельсона с Марксом и Энгельсом представлено в МЭРР.

са и Энгельса — он предпринял весьма серьезную, хотя и не слишком успешную попытку применить их метод экономического анализа для России, чтобы выявить последствия первичного накопления и перехода к товарному производству, то есть повторить то, что Маркс сделал на примере Англии.

Первая часть этой книги была напечатана в 1880 году в виде статьи, содержащей анализ влияния капитализма на российское сельское хозяйство⁴². В этой статье, изобилующей ссылками на Маркса, Даниельсон доказывает, что царское правительство с 1861 года проводило две взаимоисключающие экономические политики. С одной стороны, положения манифеста об освобождении крестьян давали основания для создания некапиталистической системы сельскохозяйственного производства, при которой доступ к средствам производства и земле имеет каждый крестьянин-производитель. Но с другой стороны, за последовавшие после манифеста десятилетия правительство ничего не сделало для укрепления производительных возможностей крестьянства. Все его усилия были направлены в противоположную сторону — на поддержку капитализма. Создаваемая им система кредитов, равно как и прокладываемые им железные дороги, способствовали превращению пищевых продуктов из предметов потребления в товары. Власть над деревней перешла в руки петербургских торговцев зерном. При такой мощной поддержке капитализм вытеснял независимых производителей и вел к обнищанию большей части сельского населения.

Эта статья имела большой резонанс. Маркс, которому Даниельсон послал ее для отклика, поздравил его с оригинальностью подхода и благославил на продолжение в том же духе⁴³.

⁴² *Николай—он*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. — *Слово*. — октябрь 1880. — С. 76-142.

⁴³ МЭРР. — С. 437.

Однако Даниельсон не нуждался в одобрении. Он настойчиво продолжал собирать фактический материал и бомбардировать Маркса, а после его смерти — Энгельса, скучными письмами, заполненными статистикой, подтверждающей безрассудство экономической политики правительства. Голод 1891–92 годов утвердил его в правильности своей позиции. На следующий год он переиздал в виде книги статью 1880 года, дополнив ее новыми исследованиями, также посвященными анализу влияния капиталистического способа производства на сельское хозяйство России. Цель его «Очерков...» заключалась в том, чтобы доказать, что в России капитализм выполняет исключительно деструктивную функцию.

Некоторое время российская экономическая литература была заполнена материалами о кризисе в кустарной промышленности, сохранение которой многими специалистами считалось существенно важным для наличия крепкой сельской экономики. Поскольку в российском климате сезон сельхозработ относительно короток (в Московской области он длится меньше шести месяцев), российские крестьяне традиционно пополняли свои доходы путем торговли простыми потребительскими товарами — текстилем, скобяными изделиями, кухонной посудой, музыкальными инструментами; все это продавалось в деревнях и на рынках небольших городов. На кустарную промышленность, как правило, смотрели как на часть народного, а не капиталистического сектора национальной экономики, поскольку ее производителю принадлежали как средства производства, так и конечный продукт. Тот дополнительный для крестьянина доход, который он получал от кустарной мануфактуры, исследователи крестьянской экономики считали обязательным для поддержания крестьянского бюджета. Но для того чтобы сохранить кустарное производство, необходимо было ограничить рост капиталистической промышленности, которая благодаря большей эффективности производства, грозила раздавить своего примитивного конкурента. Все эти

соображения служили российским экономистам и публицистам 1870-х и 1880-х годов дополнительными аргументами, которые они использовали в своем противостоянии проводимой правительством экономической политике.

Еще до того, как Даниельсон опубликовал свою книгу, поднятые им вопросы в гораздо более отчетливой форме были сформулированы В. Воронцовым. Доводы Даниельсона привлекли к себе внимание тем, что устанавливали причинную связь между ростом капиталистической индустрии и голодом. Даниельсон придерживался той точки зрения, что в России, с ее общинной системой землевладения, отделение промышленности от сельского хозяйства, в каком бы виде оно ни выступало, грозило разрушительными последствиями и крестьянству, и самой капиталистической промышленности.

Оперируя данными по функционированию текстильной промышленности, Даниельсон показал, что создание огромных механизированных прядильных фабрик привело к столь существенному снижению цен на ткани, что прядильное и ткацкое производство, которым по традиции занимались крестьянские домашние мануфактуры, стало невыгодным. Будучи не в состоянии конкурировать с московскими фабриками, крестьяне центральной России оказались перед необходимостью забросить прялки и ткацкие станки. Но тем самым они не только лишили себя важной статьи дополнительного дохода, но и были вынуждены покупать в магазине ту самую ткань, которую раньше производили в домашних условиях. В результате чего их доходы уменьшились, а расходы возросли. То же самое происходило и в других отраслях кустарной промышленности. Для того чтобы восполнить образующиеся потери и заработать необходимые для жизни деньги, у крестьянина был единственный выход — предельная эксплуатация единственного оставшегося у него производственного ресурса — земельного надела. В этих условиях он не мог больше позволить себе оставлять под паром часть земли и доводил ее до состояния истощения. В случае нехватки денег он вы-

нужденно продавал семенной фонд или зерно, необходимое для пропитания семьи. Затем — крупный рогатый скот и орудия труда. И, в конце концов, когда уже нечего было продавать, он уходил из деревни и бродил по стране в поисках работы. Именно таким путем развитие капиталистической промышленности приводило к безработице среди сельских жителей. И это при том, что она не могла компенсировать рожденную ею безработицу предоставлением рабочих мест, поскольку технический прогресс позволял увеличивать эффективность производства не увеличивая количество рабочих. По подсчетам Даниельсона функционирование текстильной промышленности Европейской России полностью обеспечивали 370 000 фабричных рабочих, заменившие собой десятки миллионов независимых производителей, ранее временно занятых в кустарной текстильной промышленности. В результате:

«По мере захватов производимых капитализмом разных отраслей промыслов, по мере освобождения рабочих сил, не находящих себе приложения, по мере экспроприации непосредственных производителей от средств производства крестьянству не оставалось ничего другого, как извлекать все средства существования из земли. Но и земля, не получая ничего взамен того, что у нее бралось из года в год, истощалась все более и более, и совпадение некоторых неблагоприятных стихийных условий вызвало то, что подготавливалось исподволь целым рядом общественно-хозяйственных условий: земля не произвела ничего. Таким образом голод есть непосредственное последствие несоответствия формы, которую приняла наша промышленность за последние тридцатилетия. Вместо того чтобы твердо держаться наших вековых традиций; вместо того чтобы развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственным производителем, унаследованный нами; вместо того чтобы воспользоваться приобретениями западноевропейской науки и приложить их для развития формы промышленности, основанной на владении крестьянством орудиями производства; вместо того чтобы увеличить про-

изводительность его труда сосредоточением средств производства в его руках; вместо того чтобы воспользоваться не формой производства, а самой его организацией, какую она является в западной Европе, с ее сильно развитым сотрудничеством, разделением и сочетанием труда, машинами и пр. и пр.; вместо того чтобы развить тот принцип, который лежит в основе крестьянского землевладения, и приложить его в область крестьянского землепользования; вместо того чтобы для достижения этого открыть крестьянству широкий доступ к овладению научным знанием и его приложением: вместо всего этого мы стали на путь совершенно противоположный. Мы не только не воспрепятствовали развитию капиталистических форм производства, несмотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства, но, напротив того, всеми силами постарались содействовать коренной ломке всей нашей хозяйственной жизни, ломке, приведшей к голоду 1891 года»⁴⁴.

Еще долгое время, писал Даниельсон, капиталистическая промышленность России не сможет извлечь выгоду из вызванных ею бедствий, поскольку, разрушив кустарную промышленность, она привела к обнищанию крестьян, составлявших 9/10 населения страны и в силу этого формировавших потребительский спрос на рынке. Крестьяне, которые с трудом выжимали из своей земли средства, необходимые для уплаты долгов государству и помещикам, вряд ли были способны раскупить продукцию тогдашних фабрик. Что же до иностранных рынков, то они уже были заняты Англией и другими странами, достигшими высокого уровня индустриализации.

В отличие от Воронцова, Даниельсон не питал никакой надежды на возрождение кустарной промышленности, считая, что капитализм разрушил ее до основания. Ни крестьянская община, существовавшая в тандеме с кустарной промышленностью, ни экономика, развивающаяся на капиталистической основе как в сельском хозяйст-

⁴⁴ Очерки... – С. 322-323.

ве, так и в промышленности, не имели будущего в России. Единственное решение проблем российской экономики лежало на путях обобществления производства. Только с его помощью можно было изъять средства из карманов небольшой кучки спекулянтов и использовать их для блага всего общества. Хоть Даниельсон и не говорил об этом прямо, но он явно ждал, что это обобществление будет осуществлено царским правительством.

Книга Даниельсона нанесла тяжелый удар молодому социал-демократическому движению. Ее автор, известный в качестве ведущего марксиста страны, используя марксистскую терминологию, показал деструктивность капитализма в России и необходимость немедленного обобществления производства. А поскольку программа социал-демократического движения в качестве предварительного условия для возникновения новой политической системы выдвигала рост капиталистического производства и возникновение класса промышленного пролетариата, то из тезисов Даниельсона вытекало, что у социал-демократии в России нет будущего. День выхода книги Даниельсона социал-демократы считали «черным днем»⁴⁵ и в течение ряда лет потратили много сил, пытаясь опровергнуть его идеи. К тому же удар, нанесенный книгой Даниельсона, был усилен вышедшими вскоре тремя книгами В. Воронцова, который, не соглашаясь с позитивными рекомендациями Даниельсона, разделял его пессимизм в отношении российского капитализма⁴⁶.

⁴⁵ С. Мицкевич. На грани двух эпох. – М., 1937. – С. 128. М. А. Сильвин утверждал, что марксистам (читай: социал-демократам) не был страшен ни Михайловский, ни Воронцов, а лишь Даниельсон, поскольку он был лично известен Марксу и использовал марксистскую терминологию и статистику: *Каторга и ссылка*. – № 1, 1934. – С. 78.

⁴⁶ В. В[оронцов]. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. – СПб., 1892; Наши направления. – СПб., 1893; Попытки обоснования народничества. – СПб., 1893. В последней книге, представляющей собой сборник статей, впервые опубликованных в *Русском богатстве*, дано новое толкование термина «народничество».

Ознакомившись с литературой, освещающей тему голода, Струве был поражен тем сходством, которое обнаружилось между точками зрения Воронцова, Даниельсона и Михайловского и некоторых западноевропейских домарксистов, иначе — «социалистов-утопистов». И те, и другие придерживались мнения, что человек способен влиять на ход истории, и те, и другие идеализировали общественную кооперацию и отрицали классовую борьбу, и те, и другие были дилетантами в экономике. Временами их точки зрения сходились настолько, что это просто бросалось в глаза. Например, Энгельс в 1845 году (еще до того, как он совместно с Марксом стал автором теории «научного социализма») утверждал, как это стали утверждать в 90-е годы Даниельсон и Воронцов, что в его стране, в Германии, процветанию капитализма мешает нехватка рынков, как местных, так и международных⁴⁷. Конечно, между взглядами трех русских мыслителей существовали различия, позволявшие отличить позицию Михайловского от позиции Воронцова и обе их — от позиции Даниельсона, но эти различия становились несущественными на фоне исповедуемого всеми троими социологического и экономического утопизма. Струве был так поражен параллелизмом, обнаружившимся между русским социализмом 1870-х и 1880-х годов и западным «утопическим» социализмом 1830–40-х, что стал смотреть на них как на исторические аналоги. При этом российский вариант «утопического» социализма был обозначен им как «народничество».

Этот термин, получивший впоследствии столь широкое распространение, своей популярностью гораздо в большей степени обязан ранним публицистическим работам Струве, чем движению 1874 года — так называемому «хождению в народ», — как это обычно утверждается даже некоторыми профессиональными историками⁴⁸. Российские

⁴⁷ #44/18.

⁴⁸ Обоснование моей позиции по вопросу истории термина «народничество» дано в моей статье: *Narodnichestvo: A Semantic Inquiry*. — *The Slavonic and East European Review*. — XXIII. — № 3. — September 1964. — P. 441-458.

радикалы 1870-х и 1880-х годов, как правило, называли себя не народниками, а социалистами- (или социал-) революционерами. Слово «народники» было выдуманно в 1876 году диссидентствующей фракцией социалистов-революционеров, отвергающих идею, породившую движение «хождения в народ», на том основании, что призыв интеллигенции учить народные массы рожден ее высокомерием. Эти подлинные народники были антиинтеллектуалами и антисоциалистами; сотворив себе кумира из человека из народа, они хотели у него учиться. Вместо того чтобы идти в деревню с целью агитации или распространения пропагандистской литературы, они просто жили среди крестьян, разделяя условия их жизни. Однако позднее, в 1880-х, этот термин распространился на все виды движений, во всеуслышание заявлявших о своей любви к народу, будь то анархисты, якобинцы или консерваторы (например, в 1880-х даже Достоевского иногда называли народником). В конце 1880-х и в начале 90-х годов Воронцов и Юзов-Каблиц попытались придать этому термину некоторую определенность, обозначив «народничество» как идеологию, которая поддерживает народные институты и отвергает любые попытки навязать народу социализм; но терминологическая неразбериха продолжалась.

Среди тех, кто способствовал этой неразберихе, были и первые социал-демократы. Плеханов, страстно стремившийся отделить себя и своих сотоварищей от членов других российских радикальных групп, начал называть «народниками» всех, кто, какими бы ни были их внутренние разногласия, были согласны с двумя идеями, по мнению Плеханова, несовместимыми с «научным» социализмом: во-первых, с тем, что интеллигенция играет решающую роль в деле исторического прогресса, и, во-вторых, с тем, что Россия может достичь социализма, миновав стадию капитализма⁴⁹. Вера Засулич тоже иногда использо-

⁴⁹ См.: Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. – Т. 1. – М., 1956. – С. 173 и 392п.

вала это слово в том же значении в своей переписке с Энгельсом⁵⁰. Но подобное использование этого слова в 1880-х все еще оставалось спорадическим; к тому времени еще не существовало концепции народничества как идеологии, обладающей своей исторической спецификой.

Эта концепция впервые была сформулирована Струве в его статьях 1892–94 годов, о которых у нас сейчас и пойдет речь. Его формулировка вскоре была принята другими социал-демократическими авторами, в том числе и Лениным, и после 1917 года стала атрибутом стандартных, как русских, так и западных, исторических словарей. Похоже, что употребление этого термина именно в этой трактовке укоренилось слишком глубоко, чтобы от него можно было когда-нибудь отказаться, однако не стоит забывать, что слово «народничество», трактуемое в столь свободной манере, по сути своей является не академическим, а полемическим термином, возникшим в пылу сражения между двумя боровавшимися за влияние на общественное мнение политическими группами, в силу чего он в гораздо большей степени характеризует среду, в которой возник, чем феномен, на обозначение которого претендует.

Голод 1891–92 годов стал для Струве своего рода историческим водоразделом в ходе развития российской экономики. В мае 1892 года он писал из Граца Потресову, уехавшему исследовать пораженные голодом области: «Вы стоите теперь, так сказать, посреди материала о голоде и можете поэтому, я думаю, правильнее судить об его *экономическом* значении. Может ли население оправиться после него, или же все народное хозяйство под влиянием этого толчка неизбежно примет новые формы, для победы которых именно и нужно разорение народных масс? Я не думаю, что Россия превратится в Палестину, но почти уверен, что от экономической самостоятельности (и

⁵⁰ МЭРР. – С. 508, 559. Энгельс весьма скептически относился к такому употреблению этого термина: *А. М. Воден.* – С. 91.

прежде очень *подозрительной*) русского земледельца не останется скоро и следа. И голоду будет принадлежать значительная доля этой *заслуги*⁵¹.

Он горел желанием представить в печати свою «марксистскую» точку зрения на этот голод как на явление, знаменующее начало перехода России к зрелому капитализму. В конце 1891 года, перед отъездом в Грац, он сообщил Водену о своем намерении написать книгу, посвященную критике превалировавшей в то время точки зрения на пути экономического развития России и содержащей конструктивные предложения по поводу того, каким образом можно выйти из аграрного кризиса⁵².

Но это было легче сказать, чем сделать. Если бы Струве изложил свои взгляды в виде книги, ему пришлось бы сражаться с государственной цензурой, имевшей большой опыт в выявлении политических идей, замаскированных под научные. А если бы он разбил эту книгу на несколько статей, то ему пришлось бы иметь дело с еще более грозным противником — неофициальной цензурой самих «народников», контролировавших все «прогрессивные» ежемесячники.

Наличие двойной цензуры создавало в то время непреодолимые препятствия, и Струве был вынужден обратить свой взор за границу. В 1892 году, во время учебы в Австрии, он подружился с Генрихом Брауном, редактором двух немецких изданий социал-либеральной ориентации — теоретического журнала и ежемесячного информационного бюллетеня, освещавших проблемы международного рабочего движения⁵³. В этих изданиях, в период между июлем 1892 года и апрелем 1893-го, были опубли-

⁵¹ Письмо Струве — Потресову из Граца от 14 мая 1892; впервые процитировано в: А. Н. Потресов. Посмертный сборник... — С. 19.

⁵² А. М. Воден. — С. 76.

⁵³ *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik* и *Sozialpolitisches Centralblatt* (позднее переименованный в *Soziale Praxis*). Среди регулярных подписчиков *Archiv*'а были Брентано, Зомбарт, Зиммель, Шульце-Геверниц и Геркнер.

кованы рецензии Струве на шесть русских книг, посвященных аграрной проблематике. Таким образом он использовал предоставившуюся ему возможность для развития и уточнения своих взглядов на российскую экономику, сложившихся у него под влиянием Скворцова⁵⁴.

Что же происходило с российским сельским хозяйством? Почему уже более десяти лет оно находилось в более чем неблагоприятном состоянии, страдая от повышения цен на землю, понижения цен на сельскохозяйственную продукцию и общего обнищания крестьянства? Чтобы понять это, писал Струве в одной из рецензий⁵⁵, нужно уметь отличать желаемое от фактически существующего. И если это сделано, то становится ясно, что причина болезни российского сельского хозяйства коренится не в ошибочности экономической политики, проводимой правительством с 1861 года, и, в частности, не в том, что оно не обеспечило крестьян адекватными земельными наделами и не позаботилось о реально выполнимых налоговых обязательствах, а в непродуманности организации сельской экономики России — слишком примитивной для того, чтобы обеспечить всех от нее зависящих. И манифест об отмене крепостного права, которым так восхищались экономисты и публицисты, несет основную долю ответственности за создавшееся положение. Поставив своей целью наделить землей каждого крестьянина, правительство, с одной стороны, дало ему слишком мало земли, чтобы он мог позволить себе обрабатывать только плодородную почву, а, с другой стороны, слишком много,

⁵⁴ #2-#7. Скворцов впервые сформулировал свои взгляды на аграрный кризис в эссе книжного формата под названием «Экономические причины голода в России и меры по его искоренению». Написанная еще в начале 1892 года, книга была опубликована Калмыковой лишь спустя два года под заглавием «Экономические этюды». — СПб., 1894. Струве, регулярно обменивавшийся письмами со Скворцовым, несомненно, знал об этом эссе, когда писал свои немецкие статьи. В своих рассуждениях он постоянно следует за аргументами Скворцова.

⁵⁵ #5/175-176.

чтобы он потерял вскоре надежду на то, что когда-нибудь достигнет уровня экономической самодостаточности. Таким образом, благодаря манифесту в сельском хозяйстве оказалось занято гораздо большее количество людей, чем могла выдержать земля.

Институт крестьянских общин лишь усугублял создавшееся неблагополучие, искусственно удерживая у земли тех, кому (с экономической точки зрения) до нее не было никакого дела. В деревне господствовало устаревшее, докапиталистическое, в основном натуральное хозяйство, некоторые элементы которого остались глубоко внедренными в российскую экономическую систему. Наличие общины мешало повсеместно проникающим в деревню капиталистическим формам хозяйствования поднять сельскохозяйственное производство на более высокий, более эффективный уровень. В силу чего, отторгаемые общинной системой, они свелись к грубой эксплуатации: сельский капиталист, кулак, не имея возможности, по причине законодательных ограничений на покупку-продажу земли, стать настоящим сельским предпринимателем, занялся выжиманием денег из односельчан и накопительством.

Единственным реальным выходом из создавшегося положения была скорейшая индустриализация. Ход рассуждений Струве, опиравшегося на идеи Мальтуса, Листа, Маркса, Brentано и Скворцова, был следующий: чтобы улучшить положение крестьянства, Россия должна привести свое сельское хозяйство к более рациональному виду, то есть сделать его более продуктивным. Подобная рационализация нуждается в стимуле — повышении спроса на сельскохозяйственную продукцию. А это повышение, в свою очередь, требует перемещения значительной части сельского населения в город. Каждый покинувший деревню и влившийся в городскую армию рабочего резерва крестьянин становится потенциальным покупателем продовольственных товаров и, таким образом, участвует в создании товарного спроса, необходимого для борьбы с российскими аграрными бедами.

Массовый голод также способствовал ускорению процесса переселения из деревни в город, и в силу этого, по мнению Струве, его тоже можно было считать экономически прогрессивным. Поскольку он согнал с земли обнищавших, неэффективных производителей, повысил спрос на продовольствие и отдал землю под контроль сильных, экономически дееспособных крестьян. Нет сомнения, писал он, что сельская «классовая дифференциация» принесла с собой большие страдания, но в длительной перспективе она была выгодна для всех. В будущем все это обещало привести к существенному повышению уровня жизни в стране.

Струве считал «предрассудком» идею, в свое время пропагандируемую Герценом и Бакуниным, о том, что русский крестьянин по своей природе является социалистом, и уже как к совершенному «сумасшествию» относился к убеждению, которого придерживались как радикалы, так и консерваторы, что все крестьяне должны держаться за землю. В 1892 году ему случилось прочесть незадолго до того опубликованную и относившуюся к 1860-м годам переписку Герцена и Тургенева. Обнаружив в письмах Тургенева подтверждение своего собственного мнения, что русский крестьянин по природе — не социалист, а мелкий буржуа, и что Россия неизбежно должна пойти по западному пути, а не по некоему особенному, выдуманному ею самой, Струве пришел в состояние восторга⁵⁶. После знакомства с этой перепиской он стал смотреть на растущее противостояние

⁵⁶ «... народ, перед которым Вы преклоняетесь, консерватор par excellence, — писал Тургенев Герцену, — и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленном тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности, что далеко оставит за собою все метко-верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах». — Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. — Женева, 1892. — С. 161 (письмо от 8 октября 1862 года). Тургеневская критика герценовского славянофильства, как писал Струве, «оказала одно из наиболее важных и определяющих влияний» на его раннее интеллектуальное становление: *My Contacts and Conflicts with Lenin*. — P. 579-580; см. также: *Россия и славянство*. — № 225. — октябрь 1933.

между социал-демократами и их радикальными оппонентами не только как на историческое продолжение спора между Марксом и Энгельсом и «социалистами-утопистами», но и как на обновившийся в новых условиях спор между российскими западниками и славянофилами.

Разрушение старого порядка в деревне неизбежно — к такому выводу пришел Струве. Крестьянские общины находились уже при последнем дыхании. То, что они еще существовали, объяснялось двумя факторами: недостаточно развитым чувством частной собственности у крестьянина и устаревшей системой налоговых сборов. Но оба эти фактора не могли долго существовать. Приток денег в деревню, ставший возможным благодаря железным дорогам, пробудил в русских стяжательские инстинкты и желание обзавестись самостоятельным хозяйством. В то же время усиление денежного кругооборота должно было побудить правительство к модернизации налоговой системы. Россия гигантскими шагами двигалась к той форме экономической жизни, в которой доминировал товарообмен. Никто не мог помешать этому процессу идти своим естественным путем — ни правительство, ни интеллигенция. При сохранении перенаселенности в деревне, на чем настаивали «друзья народа», вложение денег в сельское хозяйство превращалось в бесполезное расточительство: продолжение инвестиций означало продление бед и страданий. Самое лучшее, что можно было сделать — ускорить неизбежное, «облегчить родовые муки российской капиталистической экономики» принятием соответствующего трудового законодательства и других подобных мер, которые гарантировали бы, что отчуждение от земли большой массы мелких сельских производителей будет сопровождаться для них наименьшими, связанными с этим процессом, страданиями и болью⁵⁷.

⁵⁷ #2/346 и #5/174, 175. Концепция «общества», в качестве повивальной бабки облегчающей родовые муки рождения нового порядка, созвучна замечаниям Маркса, сделанным им в предисловии к «Капиталу».

Вот такими рекомендациями Струве и дебютировал в качестве публициста.

Шесть появившихся в немецкой печати рецензий не привлекли к себе особого внимания. И только седьмая, содержащая критический обзор книги Даниельсона и опубликованная в октябре 1893 года в бюллетене Брауна, наконец-то заставила противную сторону зашевелиться⁵⁸. Это было вызвано тем, что эту рецензию на книгу Даниельсона Струве использовал как плацдарм для мощной атаки на присущую российскому радикализму антикапиталистическую тенденцию, которую он, обратившись к терминологии, использованной Марксом и Энгельсом в их «Коммунистическом манифесте», охарактеризовал как «реакционную» и «утопическую»⁵⁹. При этом термин «народничество» впервые был использован для обозначения как самого социалистического движения, так и его идеологии в их до-«научной» стадии. Все это было ранним проявлением того раскола внутри российского радикализма, который несколькими годами позже привел к формированию двух соперничающих партий: социал-демократов и социалистов-революционеров.

«Не будучи историческими современниками нашей эпохи, мы являемся ее философскими современниками», — такими словами в 1843 году Карл Маркс определил суть отношения передовых людей Германии к духовной и общественной жизни того времени. Эти слова с таким же успехом можно отнести и к соответствующим интеллектуальным течениям в России, особенно с момента освобождения крестьян. Социалистические идеи проникли в Россию в то время, когда ее капитализм был, так сказать, *in statu nascenti*. Поэтому с самого начала они были обречены быть утопическими и связанными с теми явлениями и институтами, которым экономический прогресс уже

⁵⁸ #9.

⁵⁹ Коммунистический манифест. — Ч. III.

вынес свой приговор. Требовалась лишь определенная доза *идеализма*, чтобы увязать столь тесно, сколь это только возможно, примитивные формы экономики и абстрактные социалистические идеи, да еще определенная доза *оптимизма*, чтобы поверить в триумф этих народных структур, функционирующих в сотрудничестве с социалистически настроенной интеллигенцией, над злыми силами развивающегося капитализма. Вот каким образом возникло в русской общественно-политической литературе это направление, духовными отцами которого были Герцен и Чернышевский. Наследники этого направления известны нам как «народники», идеология которых базируется на идеализации крестьянского натурального хозяйства и общинной собственности. Этот народный социализм был и остается по своему характеру абсолютно утопическим. И что значат эти силы, на которые он опирается — невероятно превозносимый им «общинный дух» крестьянства и социалистические симпатии небольшой группки интеллигентов — в сравнении с теми силами, которые высвобождаются при абсолютно неизбежном переходе от системы натурального хозяйства к системе денежной экономики? На стороне капитализма стояли и стоят почти все и вся, то есть те, кто главным для себя полагает экономический прогресс. Весь ход общественного и экономического развития понуждает правящие классы и государство ко все более решительному прокладыванию пути для капитализма. Однако по мере того, как происходит развитие капитализма, вышеописанная идеология теряет почву под ногами. В будущем она либо выродится в довольно-таки бледноватое реформистское течение, страстно стремящееся к компромиссам и вполне для них готовое, поскольку в прошлом для этого были посеяны соответствующие семена, либо — с неизбежностью должна будет примириться с развитием капитализма и сделать из этого необходимые теоретические и практические выводы — иными словами, отказаться от своей утопичности.

Естественно, что на современных Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу философов не могли не оказывать влияния идеи этих совершивших интеллектуальный подвиг мыслителей. Поэтому неудивительно, что вся экономическая литература российского радикализма пронизана стремлением каким-либо образом примирить утопическое кредо «уникального» экономического развития России со взглядами Маркса и Энгельса. Однако со временем выявилась абсолютная безнадежность подобных усилий, доказательством чего является замечательная полемическая статья Плеханова, направленная против народников («Наши разногласия», 1885). И теперь, когда совершенно ясно, что развитие капитализма движется вперед гигантскими шагами, идеология, которая, с одной стороны, принимает учение Маркса, а с другой стороны, упорно отказывается перейти на капиталистическую основу, столь очевидно обнаруживает свою утопичность, что дни ее сочтены. Она должна уступить дорогу более здравомыслящей, более реалистичной точке зрения».

После такого вступления, похожего на своего рода посмертное слово о не-социал-демократическом радикализме, Струве перешел к разбору тезисов Даниельсона, названных им «марксистским телом с утопическим лицом». После 1861 года, настаивал Струве, ничто не могло помешать приходу капитализма в Россию. Идеал Даниельсона — экономика, основанная на общине, и царское правительство, путем государственного планирования обобществляющее промышленное производство, — явно относился к разряду фантастических. Даниельсон выступал против крупномасштабной индустриализации, поскольку недооценивал значение перенаселенности деревни, для избавления от которой капиталистическая промышленность была единственным средством. Как только Россия индустриализуется, прогнозировал Струве, доля сельского населения в ней уменьшится с более чем 80 процентов до приблизительно 40–50 процентов — именно

такое соотношение установилось в Соединенных Штатах. Что же до рынков, то, как и американская, российская промышленность обретет их внутри своей страны; особенно перспективны в этом отношении ее отдаленные и прилегающие регионы (Сибирь, Туркестан, Персия). Таким образом, Струве приветствовал как сам приход капитализма, так и меры правительства, направленные на его укоренение.

«Можно сколь угодно решительно осуждать протекционистские устремления России с точки зрения социальной политики, но существующая система отлично выполняет свою историческую миссию. Тем не менее со временем, когда сельское население России уменьшится с 80 процентов до 50 или 40, общинная земельная собственность потеряет сколь-нибудь значимую социополитическую роль, натуральное хозяйство потеряет всякую надежду на выживание, и нынешнее государство выйдет из сумрака, в котором оно все еще пребывает в нашу патриархальную эпоху (мы имеем в виду Россию), под яркий свет открытой классовой борьбы. Что же до обобществления производства, то тут придется поискать другие силы и факторы.

Снижение потребительских возможностей и ухудшение социальных условий жизни народа, объективно говоря, не являются аргументами против жизнеспособности российского капитализма. Но с другой стороны несомненно, что мы являемся свидетелями переходной ситуации. Поскольку, как я уже отмечал ранее на страницах этого журнала, «позитивные, созидательные последствия процесса капиталистического развития, заключающиеся в росте промышленности и рационализации сельского хозяйства, в России, как и повсюду, будут опережать негативные, деструктивные следствия этого процесса (пролетаризацию сельского населения и упадок мелкой промышленности)...». Вопреки противоположному мнению г-на Даниельсона... я не являюсь сторонником капитализма в единственно возможном понимании этого термина, и все

же я убежден, что *развитие капитализма, то есть экономический прогресс, создает главное условие для улучшения жизни большинства российского населения. И если кто-то противопоставляет реальный капитализм воображаемому экономическому порядку, который должен существовать лишь потому, что мы хотим этого* — другими словами, когда кто-то желает обобществить производство без капитализма — то это свидетельствует о его наивных, антиисторических взглядах».

Вопросы, поднятые им в кратком полемическом обзоре книги Даниельсона, Струве развил в большей по объему и более научнообразной статье, написанной уже для теоретического журнала Брауна⁶⁰. В этой статье он подробно разбирает многочисленные ошибки экономической аргументации Даниельсона и оспаривает его тезис о том, что рост капиталистической промышленности вынудил крестьян эксплуатировать свои земельные наделы в режиме истощения. В России, писал Струве, капитализм сформировался прежде всего как сельский, а не городской феномен: по значимости промышленный капитализм стоит на втором месте после сельского. В силу чего корни кризиса, поразившего сельское хозяйство, нужно искать в деревне, а именно — в ее перенаселенности. И уж если говорить о причинах российских бед, то ими являются недостаточная разграниченность промышленности и сельского хозяйства и низкий уровень разделения функций между городом и деревней. По мнению Струве, российская экономика должна была пойти по пути «дальнейшего развития общественного разделения труда; прогресса в сельском хозяйстве и связанного с ним становления экономически сильного крестьянства, приспособившегося к денежной экономике; пролетаризации значительной части сельского населения; укрепления связей между сельским и несельским населением к выгоде последнего;

⁶⁰ #13.

роста городов — короче говоря, используя широко известное выражение Фредерика Листа, этого герольда европейского капитализма, Россия будет ускоренно трансформироваться из «аграрного государства» в «аграрно-промышленное государство»⁶¹.

Книга Даниельсона стала своего рода «лебединой песней» того общественно-политического движения в России, «которое стремилось сочетать свои иллюзии относительно избранного для социальной трансформации народа» с идеями, позаимствованными у Маркса и Энгельса. Грубая реальность разрушила эти иллюзии и открыла двери для «более глубокого проникновения... в учение Маркса и непредубежденного, научного... объективного анализа фактов. Другая концепция пробивает и должна пробить себе дорогу».

Критика, с которой Струве обрушился на Даниельсона, особенно в том виде, в каком она была представлена в первой, более полемической статье, не замедлила вызвать настоящий скандал. В самом скором времени вопросы, затронутые в этих статьях, подверглись широкому обсуждению и вызвали большое количество публичных дискуссий.

Среди приводимых Струве аргументов наиболее шокирующими оказались его панегирики капитализму. Правда, прецеденты восхваления капитализма российскими радикалами уже имелись. Например, в 1848 году смертельно больной Белинский, узнав о поражении революции в Париже, написал другу в своей обычной прямой манере: «Когда я, в спорах с Вами о буржуазии, называл Вас консерватором, я был осел в квадрате, а Вы были умный человек. Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной, и народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль... А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как

⁶¹ #13/354.

с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию»⁶².

Дмитрий Писарев, к концу своей короткой жизни разочаровавшийся в социализме, предсказывал, что капитализм рационализирует российское сельское хозяйство и промышленность и «составит лучшую и единственную возможную школу для [русского] народа»⁶³. В выражениях, очень напоминающих те, которые тридцать лет спустя использовал Струве, Писарев возлагал вину за российскую отсталость на пережитки крепостничества и чрезмерную зависимость страны от ее сельского хозяйства⁶⁴.

Но все это, по сути, относится к разряду запоздалых раздумий, а не систематических идей. Струве пошел гораздо дальше всех русских радикалов, включая Плеханова и его соратников, и поставил капитализм в центр российской политической, экономической и культурной жизни. Он был первым, кто стал смотреть на капитализм как на неперемное условие для прогрессивного развития страны. В этом отношении он отличался от Маркса, который, при всей своей готовности превозносить созидательную роль капитализма, оказался способен, когда тому представился случай, допустить, что такая страна, как Россия, может миновать его стадию.

Кроме того, радикальные круги были оскорблены той небрежной манерой, в которой Струве позволил себе отзывать о голоде, называя его печальным эпизодом на пути к экономическому прогрессу. С тех пор как век назад Новиков организовал общественную помощь жертвам голода, для русской интеллигенции стало в порядке вещей

⁶² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. – Т. 12. – М., 1956. – С. 468. Письмо датировано 15/27 февраля 1848 года. Это письмо – едва ли не последнее, что Белинский написал перед смертью. В этом же 1848 году другой русский радикал – М. В. Буташевич-Петрашевский – также пришел к выводу, что России требуется капитализм; см.: Л. Г. Райский. Социальные воззрения петрашевцев. – Л., 1927. – С. 54.

⁶³ Д. И. Писарев. Сочинения. – Т. 3. – СПб., 1894. – С. 305-306.

⁶⁴ См.: В. Кирпотин. Радикальный разночинец Д. И. Писарев. – Л., 1929. – Глава 6.

выражать свое сочувствие голодающим и оказывать им сильную помощь. Возмущение, вызванное позицией Струве, усилилось после невероятного для публики, но тем не менее правдивого сообщения, что кое-где в пораженных голодом районах некоторые люди, самопровозгласившие себя «марксистами», отказывались оказывать помощь голодающим на том основании, что чем разрушительнее будут последствия голода, тем благоприятнее это скажется в плане экономического и общественного развития страны⁶⁵.

Но едва ли не большее негодование вызвал тот смысл, который Струве вкладывал в слово «народничество». Незадолго до появления в печати статей Струве Михайловский поссорился с Воронцовым, и ему было мало приятно узнать, что в каком бы свете ему самому ни рисовалось его положение, но с «объективной» точки зрения между ним и его врагом нет принципиального различия. Даниельсону же, считавшему себя марксистом *par excellence*, не понравилось, что его поставили в один ряд с Михайловским и Воронцовым. С. Н. Кривенко, редактор *Русского богатства* и автор первого отклика на статьи Струве, обвинил его в навешивании ярлыка народничества на всех защитников общины и всех приверженцев теории особого пути, определив это занятие как «непристойное». Аргументируя свое мнение, он отмечает, что создатели манифеста об освобождении крестьян, явные защитники общины, вовсе не являлись «народниками», что же касается теории особого пути, то она была одобрена самим Марксом⁶⁶.

Однако дело было, конечно же, не в терминологии. Дело было в дерзости Струве, позволившего себе обви-

⁶⁵ Например, В. И. Ленин; См. мою статью «The Origins of Bolshevism — The Intellectual Evolution of Young Lenin» в: *Richard Pipes, ed., Revolutionary Russia*. — Cambridge, Mass., 1968. — P. 39.

⁶⁶ С. Н. Кривенко. По поводу культурных одиночек. — *Русское богатство*. — № 12. — октябрь 1893. — С. 184-192. Согласно Н. Ангарскому, рецензия Струве на Даниельсона первоначально получила широкую известность в России благодаря статьям Кривенко и Даниельсона; см.: *Н. Ангарский. Легальный марксизм*. — Т. 1. — М., 1925. — С. 48.

нить тогдашних лидеров российского радикализма в том, что они явно отстали от времени и, что бы они сами об этом ни думали, фактически превратились в реакционеров. Это обвинение превосходило все, на что отваживался Плеханов; и вызвало вполне понятное раздражение со стороны тех, кому оно было предъявлено.

Энгельс отреагировал на статью Струве одним из первых. Убежденный в том, что избранная социал-демократами тактика не отличается мудростью и вредит революционному делу в России, он с неудовольствием следил за процессом раскола российского радикализма. Уже не веря, что Россия может миновать стадию капитализма, он тем не менее сожалел о тех резких нападках на старых радикалов, которые были сделаны под флагом защиты чистоты теории⁶⁷. 17 октября 1893 года Энгельс написал Да-

⁶⁷ Для того чтобы понять подлинные цели такой критики, стоит процитировать записи разговора, который состоялся у Водена, в одно время состоявшего в кружке Струве, с Энгельсом в Лондоне в 1893 году. Воден писал: «Энгельс просил меня передать Плеханову, что он не одобряет стремления без крайней надобности обострять конфликт с революционными народниками, что он (Энгельс) не может симпатизировать намерению поскорее добиться осуществления в России противопоставления: здесь — правоверные марксисты, там — только оттенками различающаяся «реакционная» масса, считая такое *предельное* противопоставление политически нецелесообразным для России в 1893 году. Я был вынужден констатировать, что такие соображения вряд ли подействуют на Плеханова и тем более на непосредственно провоцируемых народниками социал-демократов в России; ...Энгельс спросил, как относится сам Плеханов к вопросу о диктатуре пролетариата. Я был вынужден признать, что мне Г. В. Плеханов неоднократно выражал свое убеждение, что, конечно, когда «мы» будем у власти, никому, кроме «нас», никаких свобод «мы» не предоставим... А на мой вопрос, кого следует разуметь точнее под монополистами свобод, Плеханов ответил: рабочий класс, возглавляемый товарищами, правильно понимающими учение Маркса и делающими из того учения правильные выводы. А на мой вопрос: в чем заключается объективный критерий правильности понимания учения Маркса и правильности вытекающих из него практических выводов, Г. В. Плеханов ограничился указанием, что все это, «кажется, достаточно ясно» изложено в его (Плеханова) сочинениях. Осведомившись, мог ли я лично в самом деле удовлетвориться столь объективным крите-

ниельсону письмо, текст которого отражает его тогдашние колебания. Проинформировав Даниельсона о том, что «некий г-н П. фон Струве» опубликовал в немецкой прессе критику на его книгу, он отметил следующее: «... я должен согласиться с ним [Струве] в одном пункте: что и для меня современная капиталистическая фаза развития в России представляется неизбежным следствием тех исторических условий, которые были созданы Крымской войной, того способа, каким было осуществлено изменение аграрных отношений в 1861 году, и, наконец, неизбежным следствием общего политического застоя во всей Европе. Но Струве решительно не прав, когда, желая опровергнуть то, что он называет Вашим пессимистическим взглядом на будущее, сравнивает современное положение России с таковым в Соединенных Штатах. Он говорит, что пагубные последствия современного капитализма в России будут преодолены так же легко, как и в Соединенных Штатах. При этом он совершенно забывает, что Соединенные Штаты современны, буржуазны уже с самого их зарождения; что они были основаны мелкими буржуа и крестьяна-

рием, Энгельс выразил предположение, что применение такого рода критериев может или привести к обращению русской социал-демократии в секту с неизбежными и весьма нежелательными практическими последствиями этого, или вызвать в русской социал-демократии или, по крайней мере, среди русских заграничных социал-демократов ряд расколов, от которых может не поздоровиться и самому Плеханову». Назвав Плеханова «русским аналогом Гайндемана», Энгельс подверг критике его манеру вести дискуссию. Он призвал Плеханова и ему подобных воздержаться от использования «отравленного оружия» и заявил Водену, что он не только «не одобряет выдавание всех народников за реакционеров, но ставит на вид, что он лично не только ничего не имеет против предполагаемого сотрудничества Эвелингов [дочь Маркса и ее муж] в петербургском органе народников [*Русское богатство?*], но и сам сотрудничал бы в этом органе, если бы это допустила цензура». В заключение Энгельс выразил своему гостю надежду, что скоро в самой России появятся лидеры, способные руководить политическим движением, «что вообще из-за границы руководить политическим движением невозможно, что он лично воздерживается от вмешательства во «внутренние дела» немецкой социал-демократии...» – А. М. Воден. – С. 94-95.

ми, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество. Между тем в России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда, рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция)»⁶⁸.

Капитализм в России, продолжил Энгельс, будет гораздо более невыносимым, чем в Соединенных Штатах. Тем не менее в своих предсказаниях Даниельсон чересчур мрачен: Россия представляет из себя слишком великую державу, чтобы ее можно было полностью разрушить. В заключение письма Энгельс согласился с основным тезисом Струве — о неизбежности капитализма в России.

Впоследствии, в ходе продолжившегося спора со Струве, Даниельсон попытался заручиться поддержкой Энгельса, но тот уклонился под тем предлогом, что, будучи недостаточно адекватно информированным относительно российских условий, может быть неправильно понят⁶⁹. На самом же деле он просто уже не был согласен с мнением Даниельсона. Похвалив его книгу и даже приняв меры для перевода ее на немецкий язык⁷⁰, он тем не менее вернулся к позиции начала 1870-х, когда он отвергал возможность особого пути. Незадолго до своей смерти Энгельс пожаловался в письме к Плеханову: «Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, которому он [Даниельсон] принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов»⁷¹.

⁶⁸ МЭРР. — С. 660.

⁶⁹ Там же. — С. 712-713.

⁷⁰ Там же. — С. 695, 726-727.

⁷¹ Там же. — С. 723.

Весной 1894 года в *Русском богатстве* было опубликовано двухчастное эссе Даниельсона, в котором он отвечал на критику Струве и других своих оппонентов⁷². Пытаясь опровергнуть аргументы Струве, Даниельсон всеми силами стремился доказать, что рост промышленного производства не в состоянии решить проблему сельской перенаселенности в России. Опираясь на данные статистики, он утверждал, что в период между 1865 и 1890 годами численность населения, занятого в российской промышленности, практически не изменилась, а это означало, что в процентном отношении оно даже уменьшилось. Даниельсон пришел к парадоксальному выводу, что в России капиталистическая индустриализация привела к относительному уменьшению числа жителей, занятых в промышленности.

Однако наиболее содержательный и аргументированный ответ на статьи Струве дал Михайловский. Конфликт Михайловского с социал-демократами начался еще до появления в печати этих статей Струве, посвященных критике Даниельсона, — Михайловский обвинял социал-демократов в том, что они приветствовали разрушение сельской экономики страны. Реакцией на это обвинение явились два письма некоей группы, называвшей себя «марксистской», в которых Михайловский обвинялся в искажении взглядов членов этой группы. Они вовсе не желали ни разрушения сельского хозяйства, ни крушения крестьянства: они, как было сказано в письмах, не были поборниками капитализма, но были убеждены в том, что интеллигенция не в состоянии определить направление экономического развития страны и что сохранившиеся до сих пор элементы крепостнической экономики, в том числе община, должны, наконец, исчезнуть. Аргументация, используемая в текстах этих писем, столь сильно опиралась на то особое понимание марксизма, которое было

⁷² *Николай—он* [Даниельсон]. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития. — *Русское богатство*. — № 4, 1894. — Ч. 2. — С. 1-34; № 6, 1894. — Ч. 2. — С. 86-130. Аргументы Струве обсуждаются во второй части этой статьи. — С. 98-129.

присуще Струве, что можно было заподозрить, что они были написаны либо им самим, либо кем-то, находившимся под его сильным влиянием⁷³.

Итогом споров Михайловского с социал-демократами явились две его большие статьи, опубликованные в начале 1894 года в *Русском богатстве*. В этих статьях он подробно разобрал вопросы, затронутые как рецензией Струве на Даниельсона, так и его собственными анонимными корреспондентами⁷⁴. Оставив в стороне проблемы экономики, он обратился непосредственно к философской сути разногласий, то есть к тезису об исторической неизбежности. Отдавая должное Марксу как великому социологу, он оговаривается, что многие положения марксизма для него неприемлемы. То разграничение, которое Струве провел между «настоящим марксизмом» (то есть собственной его интерпретацией) и «псевдомарксизмом» (интерпретацией Даниельсона), Михайловский считал совершенно неоправданным, поскольку оно вытекало из различий во взглядах этих мыслителей на ход исторического процесса, а сам Маркс так и не создал последовательной исторической теории. Точка зрения Маркса на историю сформировалась еще до того, как он получил возможность

⁷³ Эти письма были впервые полностью опубликованы в 1924 году: *Былое*. – № 23, 1924. – С. 99-131. Редакторы *Былого* показывали их Ленину, который считал, что они были написаны Н. Е. Федосеевым, казанским социал-демократом, но сами редакторы отвергли это предположение. Идеи, представленные в этих письмах, сходны с идеями Струве по нескольким направлениям: отказ от того, что интеллигенция играет какую-либо существенную роль в процессе экономического развития, убежденность, что экономические болезни России возникают из-за крепостнического наследия, неприятие диалектики, подчеркивание необходимости отделения идеалов от объективной реальности. И все же стиль, в котором написаны письма, не очень похож на стиль Струве. Я предполагаю, что эти письма были написаны или продиктованы Струве и отредактированы Потресовым.

⁷⁴ Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. – *Русское богатство*. – № 1. – январь 1894. – С. 88-123; № 2. – февраль 1894. – С. 148-168. Хотя Михайловский не называет Струве по имени, но ясно, что он спорит с его аргументами.

ее изучать — в 1840-х годах, — и явилась результатом пребывания в «недрах гегельянской метафизики», а не рефлексии по поводу действительных исторических событий прошлого, в силу чего эта точка зрения отнюдь не была такой последовательной, какой ее пытался представить Струве. При этом концепция исторической неизбежности, писал он, была сформулирована столь расплывчато, что на нее невозможно было опереться — исходя из нее никак нельзя было удовлетворительно объяснить, почему события пошли тем, а не иным путем. Михайловский еще раз высказал убежденность, что личности способны влиять на ход истории, отрицая саму мысль о ней как о некоем объективном процессе — а именно на этом утверждении Струве базировал свои прогнозы относительно экономического будущего России.

Атака Михайловского на Струве и других социал-демократов вызвала с их стороны ответный огонь. Среди множества откликов был один, написанный В. И. Ульяновым (Лениным), неизвестным молодым юристом, приехавшим из Самары в Санкт-Петербург всего за несколько недель до того, как была опубликована рецензия Струве. Весной 1894 года Ленин написал книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Политическая идеология автора этой работы еще не имела четкой ориентации и, можно сказать, находилась где-то между бланкизмом-якобинством и социал-демократией. В ходе критики Михайловского («друга народа») и других приверженцев «Русского богатства» Ленин встал на защиту Струве⁷⁵. Эта работа Ленина, напечатанная очень мелким шрифтом и размноженная посредством копировальной машины, была доступна очень небольшому количеству читателей, и если бы не последующая политическая карьера ее автора, она упоминалась бы лишь в специализированных исторических библиографиях.

⁷⁵ См.: *В. И. Ленин. Сочинения.* — 3-е изд. — 30 т. — М., 1926-1937. — Т. 1. — С. 53-222, особенно с. 171-172 и 202-216.

Весной 1894 года раскол в радикальном лагере стал уже явным. И суть разногласий заключалась в расхождении во взглядах не на второстепенный вопрос о крестьянской общине, как это часто утверждают, а на сложные проблемы, не потерявшие своего значения и в наше время. На повестке дня стояли базовые философские и экономические вопросы: является ли история объективным процессом, абсолютно не зависящим от человеческих устремлений? Существует ли один, обязательный для всех стран, ход исторического развития? Является ли капитализм в тех странах, которые индустриализуются позже, возможным? желательным? неизбежным? Поможет ли он сократить сельское население и повысить жизненный уровень в стране? Струве и вместе с ним большинство социал-демократов отвечали на эти вопросы утвердительно и без каких-либо оговорок. Их оппоненты оставляли эти вопросы открытыми — отвергая историческую неизбежность, они предпочитали ей комбинацию из «объективных» и «субъективных» факторов и были убеждены в существовании множества альтернативных форм экономического развития, часть которых, как они полагали, особенно подходит для России.

При этом спор шел не столько между враждующими друг с другом «народниками» и «марксистами», сколько между двумя марксистскими фракциями — двумя группами, придерживавшимися разных концепций марксизма. Старшая, возглавляемая Воронцовым и Даниельсоном, в своих прогнозах опиралась на собранные земствами статистические данные и на особые высказывания Маркса по поводу России. При этом работы Маркса использовались исключительно для того, чтобы подчеркнуть негативные стороны капитализма. Более молодая фракция, которую представлял Струве, базировала свою позицию на общей марксистской теории капиталистического развития, подкрепленной (или модифицированной) современным им западным, особенно германским и американским, экономическим экспериментом. Они педали-

ровали положительную сторону отношения Маркса к капитализму.

Социал-демократы сначала были известны под именем объективистов (поскольку считали, что история является скорее объективным, чем субъективным процессом) или неомарксистов (в отличие от сторонников более привычной ветви марксизма, представляемой Даниельсоном). То были Струве и его друзья, все молодые, не достигшие тридцати лет, выступившие против уже достигших среднего возраста ветеранов радикального движения 1870-х. Уверенные, что пришло их время, молодые требовали, чтобы старшие — Михайловский, Воронцов, Даниельсон, Кривенко, Южаков — очистили им место. Или, как говорилось в песенке, ходившей в то время:

Старый «друг народа» в вечность отошел,
И ему на смену Пе фон Струве шел...⁷⁶

⁷⁶ Б. И. Горев [Голдман]. Из партийного прошлого. — Воспоминания, 1895-1905. — Л., 1924. — С. 11-12. Струве имел обыкновение подписывать свои немецкие публикации и корреспонденцию «Peter von Struve» — своего рода жеманство, которое его оппоненты нередко использовали, чтобы изобразить его в качестве немца, безразличного к положению русских крестьян.

Глава 5

Критические заметки

Зимой 1893–94 года, непосредственно после бури, вызванной его атакой на Даниельсона и «народников», Струве написал серию статей, посвященных подробному критическому анализу тех экономических и исторических теорий, которые довлели в то время над умами российских левых. Попытка опубликовать эти статьи в российской периодике оказалась безуспешной — они были отвергнуты всеми журналами¹, и тогда Струве решил скомпоновать их в виде книги и попытаться счастья при взаимодействии с цензурой. В то время получение цензурного разрешения на подобное издание казалось вполне вероятным, поскольку незадолго до этого, в конце 1893 года, цензура дала разрешение на публикацию сборника статей Скворцова, выходящего под редакцией Потресова². Книгу, посвященную теоретическим вопросам, Струве намеревался дополнить еще одной, содержанием которой должна была стать история развития крупномасштабного капиталистического производства в Рос-

¹ # 15/viii; My Contacts and Conflicts with Lenin. — *The Slavonic and East European Review*. — XII. — № 36. — April 1934. — P. 582. В #21/15 содержится намек на то, что Михайловский отказался печатать эти статьи в *Русском богатстве*.

² А. И. Скворцов. Экономические этюды. — СПб., 1893. Ср.: А. Н. Потресов. — С. 19–20.

сии³. Эти намерения вполне соответствовали тому плану, который, по словам Водена, Струве изложил ему три года назад⁴.

Неспособный к систематической работе, Струве писал неравномерно, урывками, работая в той манере, которую он сам позднее определил как нечто, близкое к «одержимости»⁵. «Я писал эту книгу под действием некоего морального (как, впрочем, и политического) императива, реализуя некий порыв»⁶. Калмыкова в своих воспоминаниях утверждает, что Струве работал «с лихорадочной поспешностью»⁷ — эти слова можно воспринимать и в буквальном смысле, поскольку в ее переписке имеется указание на то, что Струве в то время был болен⁸. В работе над книгой были два перерыва: первый — когда Струве был арестован по подозрению в принадлежности к революционной организации и в течение девятнадцати дней находился в тюрьме⁹, второй — когда он сдавал университетские экзамены. В конце июня рукопись, получившая название «Критические заметки к вопросу об экономиче-

³ # 15/274.

⁴ См. выше — С. 89–90, 110–111.

⁵ *My Contacts and Conflicts with Lenin*. — P. 580–581.

⁶ Там же. — P. 581.

⁷ А. М. Калмыкова. Обрывки воспоминаний. — *Былое*. — № 1/35, 1926. — С. 66.

⁸ Письмо Калмыковой — Потресову (недатировано, написано, возможно, в начале 1894).

⁹ 19–20 апреля/1–2 мая 1894 года Санкт-Петербургская полиция проводила рейд против студентов, подозревавшихся в принадлежности к партиям «Народная воля» и «Народное право». (Последняя, основанная бывшими народолюбцами, представляла собой недолго просуществовавшую партию либерального толка, выступавшую за создание единого антиавтократического фронта.) Согласно полицейским рапортам, Струве считался членом подрывной ячейки, возглавляемой неким Максимом Келлером: Обзор важнейших дознаний о государственных преступлениях, производившихся в Империи. — Т. XVIII, 1894. — С. 38. Он был арестован 21 апреля 1894 года, но никаких обвинений против него выдвинуто не было, и 11 мая он был освобожден. — ГА РФ, ф. 102, ох. 7, 1894. — Дело 86. См. также: *My Contacts and Conflicts with Lenin*. — P. 581.

ском развитии России», была готова. Перед тем, как отдать ее в печать, Струве прочел друзьям отдельные ее части, после чего сократил некоторые, на их взгляд, неоправданно провокационные пассажи, в том числе тот, в котором он одобрительно отзывался о тарифной политике правительства¹⁰. После этого, совершенно истощенный, Струве уехал из Санкт-Петербурга в деревню.

Полного удовлетворения от своей работы он не испытывал. Из деревни он писал Потресову: «На сердце у меня кошки скребут, настолько велики формальные и всяческие недостатки книги. Теперь я вижу, что Вы были правы, когда советовали мне бросить экзамены и сосредоточиться на книжке. Я этого не сделал, и книга, помимо *неизбежных* недостатков, носит на себе ужасающие следы переутомления. Я появляюсь в книге в полном *déshabillé*. Этого нельзя теперь поправить, но с этим придется очень сильно и *больно* считаться. ...Иногда меня недовольство работой ужасно мучит, буквально *до боли*, до полного отчаяния. ...

Я теперь все более и более вижу, что книгу будут ругать, что называется, на все корки, и отчасти поделом. В ней много слабых сторон. Но если те, *по адресу* коих она написана, отнесутся к ней серьезно, то она сослужит свою службу, несмотря на недостатки. Сумма идей, в ней намеченных и даже находящихся *лишь* в потенциальном состоянии, велика, но для того чтобы развить эту сумму идей в... и закон-

¹⁰ My Contacts and Conflicts with Lenin. – P. 586. Струве поддержал политику высоких тарифов в одном из своих немецких обзоров, процитированных выше. Ю. О. Мартов, в январе 1894 года посетивший Потресова в Санкт-Петербурге, присутствовал при чтении Струве главы из его книги. Его первое и надолго сохранившееся впечатление было отрицательным: «В последовавшей затем беседе я вынес не совсем благоприятное впечатление о настроениях автора. Он как-то некстати, со странной усмешкой, упоминал о временах, когда «мы делали политику», имея в виду, по-видимому, время своего руководящего участия в студенческом политическом движении, однако его кислая усмешка и брезгливый тон производили впечатление той «умудренности», которая обычно сопровождает отказ интеллигента от революционной активности вообще». – Ю. О. Мартов. Записки социал-демократа. – Берлин, 1922. – С. 221.

ченную философско-общественную систему, нужно много времени и работы не одного или двух людей, а такого числа, которое могло быть целым «направлением». Или все, что делается в наших глазах, самообольщение, или же западничество должно перейти в новую фазу развития. Старое западничество разлагается, нового еще нет — вот откуда трупный дух, которым несет от нашей прогрессивной литературы... Важна, бесконечно важна разработка истории нашей общественной жизни с нашей точки зрения, которая есть в то же время и метод по терминологии субъективистов *à la* Михайловский. Широко-объективное историческое изучение должно идти параллельно с публицистической борьбой с азиатщиной в русской жизни и либерально-народническим скудоумием в русской литературе»¹¹.

«Критические заметки» были отданы для цензурного просмотра в конце августа. И поскольку автор этой книги выступал против левых публицистов и не только воздерживался от критики экономической политики правительства, но косвенно даже одобрял ее, цензура не нашла причин для ее запрета. Это был первый, но не последний случай, когда российским социал-демократам пошло на пользу то обстоятельство, что их раскольническую по отношению к другим радикальным группам деятельность правительство находило весьма полезной. В начале сентября 1894 года книга поступила в продажу.

В «Критических заметках» с большей, чем во всех прочих его работах, отчетливостью выявились сильные и слабые стороны интеллекта Струве. Эрудиция его была невероятной. Составляя свой взгляд на интересующие его вещи, Струве перелопатил огромное количество экономической, статистической, социологической и философской

¹¹ Письма Струве — Потресову, датированные 22 июня и 18 июля 1894 года. Экзамены, о которых идет речь, Струве сдавал экстерном, см.: *My Contacts and Conflicts with Lenin*. — P. 581 (note № 11).

литературы, русской и иностранной (особенно немецкой), новой и старой. Это дало ему возможность не только весьма аргументированно защищать свою точку зрения, но и вести обсуждение спорных проблем российского экономического развития, опираясь на гораздо больший разброс мнений и фактов, чем его предшественники. Отвергнув дихотомию «Россия/Запад», бывшую в ходу еще с 1840-х годов, Струве перешел к компаративистскому анализу экономических явлений, задействуя при этом понятие «стадия роста». Его книга стала первой серьезной попыткой описать экономическое развитие России конца XIX века в терминах, не апеллирующих к национальным особенностям. К тому же она содержала много весьма оригинальных размышлений, включающих в себя те посылки, которые Струве более подробно развил в своих последующих теоретических и исторических работах.

Недостатком этой книги является непродуманность компоновки материала, что просто бросается в глаза. Чувствуется отсутствие четкого плана изложения: обсуждение базовых экономических и социологических вопросов загромождено частыми полемическими пассажами; неожиданно высказываются поражающие воображение, но не подкрепленные фактическими данными гипотезы; обсуждение некоторых вопросов время от времени прерывается. Рукопись была еще слишком сырой. В результате получилась значительная, многообещающая, но собранная наспех книга, великолепная по содержанию и хаотическая по форме.

Главной задачей «Критических заметок» было показать, что происходящий в России переход к денежной экономике — неизбежен и прогрессивен. Отстаивая это положение, Струве спорит практически со всеми существующими в России точками зрения на экономику страны, выступая прежде всего против антикапиталистического настроения, глубоко укоренившегося как среди российских левых, так и среди российских правых. Тот факт, что эта книга марксистская, в данном случае является не слы-

ком существенным — прежде всего это трактат, воспевающий историческую миссию капитализма, особенно ту роль, которую он играет в организации наиболее эффективного из всех известных способов производства. В этом смысле ей близка книга Фредерика Листа «Национальная система политической экономии» (1841). Струве часто обращается к ней, называя ее в одном месте «победной песней торжествующего товарного производства, во всеуслышание провозглашающей его культурно-историческую мощь и победоносное шествие»¹² — эти слова с таким же успехом можно отнести и к «Критическим заметкам», которые оканчиваются торжественным восклицанием: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» — этот призыв, весьма заинтриговавший современников Струве, на самом деле логически вытекает из содержания книги¹³. Книга эта посвящена капитализму, его созидательной роли и пронизана страстным желанием, чтобы Россия пережила все его последствия, подготовившись таким образом к переходу на более высокий цивилизационный уровень развития.

В этой книге в анализ российской экономики вплетается изложение марксистской социологии, при этом особо подчеркивается род связи, существующей между производительными силами общества и его структурой.

¹² #15/124.

¹³ Для того, чтобы прояснить недоумения, вызванные этой фразой, Струве позднее пояснил, что в ней он хотел сказать три вещи о капитализме: что он, во-первых, научит россиян более высокой форме организации производства, которая, в свою очередь, создаст благоприятные условия для культурного прогресса и подготовит их к приходу «более высокой экономической формации», то есть социализма; во-вторых, внедрит в умы людей классовое сознание, что прежде всего касается рабочего класса; в-третьих, развеет «тот фантом всесильной неклассовой интеллигенции, который до сих пор есть главный устой веры в самобытное экономическое развитие» России (#21/15). Выражение «пойти на выучку к капитализму» в известной степени уже имело хождение, поскольку за двенадцать лет до этого его уже употребил, но не развил, в своей книге Воронцов: В. В [оронцов]. Судьбы капитализма в России. — СПб., 1882. — С. 3.

Целью этих разделов является дискредитация «субъективного метода» и замена его «экономическим материализмом» как единственно научным взглядом на историю. Однако при этом Струве отнюдь не следует рабски за Марксом. «Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам [то есть марксизму], — пишет в предисловии Струве, — он [автор] нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен, если только под ортодоксией не разуместь стремления к последовательному мышлению»¹⁴. Как бы в подтверждение своих слов Струве подверг критике (как правило, короткой, случайной и отстраненной) некоторые базовые принципы марксизма. Таким образом, оценивая роль «Критических заметок» в истории социалистической мысли, можно сказать, что эта книга выполнила две функции: с одной стороны — подвергла марксистской критике как «субъективный метод», так и всю идеологию исторического волюнтаризма, довлеющую над умами российских интеллигентов в течение 1870-х и 1880-х годов; но с другой — сделала первый вклад в дело европейского ревизионизма.

Книга поделена на шесть частей, дополненных таблицами статистических данных. Каждая из этих частей представляет собой самостоятельное целое. (Этот недостаток композиции явился, возможно, следствием того, что книга была составлена из отдельных журнальных публикаций.) Единственной и едва заметной связующей нитью между частями книги является расположение их в порядке, так сказать, убывания уровня абстрагирования от действительности: от философии к социологии и далее к экономическим проблемам.

Первая часть посвящена проблемам, связанным с идеологией «народничества». Для того чтобы привязать к ней мыслителей, в действительности сходящихся лишь

¹⁴ #15/viii-ix.

в негативном отношении к определенным вопросам, Струве обновил классификацию, поделив «народников» на «западников» и «славянофилов». К первым он отнес Михайловского, Лаврова и Южакова, разделявших мнение, что история делается личностями. Идеологию этой группы Струве определил как «субъективный идеализм». Другие, славянофилы, были объединены по признаку недоверия к интеллигенции и преклонения перед общинным духом простого народа. К этой группе Струве отнес прежде всего В. Воронцова, а также И. Каблиця-Юзова и В. С. Пругавина. «Всем этим писателям присуща, правда, в разной степени, вера в возможность «самобытного развития» России. Эта вера объединяет писателей самого различного склада, от г. Михайловского до г. Юзова, в одно направление, которому *мы присваиваем* название народничества»¹⁵. Однако Струве умолчал о том, что эта вера (с чем он согласился в другом месте)¹⁶ разделялась большинством профессиональных русских экономистов; точно так же он умолчал и о том, что в вопросах, касающихся таких важных предметов, как историческая роль интеллигенции и будущее мелкомасштабной экономики, так называемые народники очень сильно расходились во мнениях. Деление народников на западников и славянофилов оказалось столь непродуктивным, что позднее Струве к нему не обращался.

Во второй части книги, полагая, что он доказал наличие логически непротиворечивой народнической идеологии, Струве предпринял попытку в качестве ее антитезиса представить теорию экономического материализма. Рассуждения, раскрывающие основные положения этой теории, содержат в себе, возможно, первое изложение философии истории Маркса и Энгельса, легально опубликованное в России. Если не принимать во внимание немногочисленные полемические отступления, материал

¹⁵ #15/29. Выделение курсивом добавлено.

¹⁶ #3/415.

этой части книги изложен достаточно четко и последовательно. В отличие от субъективного идеализма, пишет Струве, теория экономического материализма «просто игнорирует личность как социологически ничтожную величину»¹⁷. Человек входит в состав социальной группы или класса и не может быть воспринят вне их. Даже интеллигенция, считающая себя особой группой, может отождествлять свои интересы с определенными классовыми интересами. Струве вступает в спор с философией истории Михайловского, в которой прогресс рассматривается как максимум разнообразия функций для каждой отдельной личности и минимум разнообразия для общества как целого. Цитируя работу Георга Зиммеля «*Über soziale Differenzierung*» («О социальной дифференциации»), Струве утверждает, что развитие индивидуализма наилучшим образом происходит именно в социально разнообразной среде. Тем самым он доказывает, что присущее капитализму разделение труда способствует развитию человеческой индивидуальности. (К этому вопросу он еще вернется и более подробно рассмотрит его в четвертой части книги.) Движение истории не зависит от устремлений личности. Как «хорошее», так и «плохое» определяются объективными факторами данной исторической ситуации. Даже такое ужасное явление как рабство при определенных условиях может играть прогрессивную роль: например, в античности оно (как было отмечено Марксом) сделало возможным существование великих классических цивилизаций.

Во второй части Струве делает два существенных отступления от Маркса, одно — философское, другое — политическое. Ссылаясь на критику философии Маркса, произведенную Михайловским, он допускает, «что чисто философское обоснование этого учения еще не дано, и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Ну-

¹⁷ #15/30. Как было замечено ранее, эта фраза берет свое начало от Герберта Спенсера.

жен, очевидно, *пересмотр фактов* с точки зрения новой теории; нужна *критика теории* на фактах»¹⁸. Частые ссылки, как в этой, так и в других частях книги, на Риля, Зиммеля и других неокантианцев, не оставляют ни малейшего сомнения в том, кто, по мнению Струве, является главным авторитетом в вопросах философии. Эти его рассуждения, несмотря на их несколько декларативную форму, несомненно представляют собой значительный вклад в историю развития российской мысли, являясь предтечей того неокантианского идеализма, который позднее, в первом десятилетии уже XX века, произвел переворот в российских умах. Кроме того, они представляют собой самую раннюю из всех известных попыток связать Маркса с Кантом.

Что же касается политической позиции Струве, то по отношению к государству он проявил себя ортодоксом. По его мнению, государство есть «организация порядка» — организация, которая при определенных обстоятельствах *также может* стать орудием классового господства. Оно обязательно при любой социальной системе, от примитивного бесклассового коммунизма до передового посткапиталистического коммунизма: «... можно думать, что в обществе, в котором основы производства и распределения будут иные, чем существующие в наше время, исчезнет господство одних социальных групп над другими, и государство перестанет быть организацией [классового] господства, оставаясь в то же время организацией порядка и, конечно, *сохраняя свою принудительную власть*»¹⁹. Обосновывая свою концепцию государства как института, функционирующего независимо от классовых отношений и стоящего над ними, Струве цитирует Лоренца фон Штейна, который, по его мнению, еще до Маркса высказал «глубоко верное по-

¹⁸ #15/46.

¹⁹ #15/53. Убеждение, что государство выживет и в эпоху зрелого социализма, было высказано несколькими годами ранее Бернштейном: *Die Neue Zeit*. — X. — Pt. 2. — 1891-92. — S. 815.

ложение», заключающееся в том, что каждая общественная система стремится к созданию своей собственной политической системы²⁰. Струве полагал, что подобная точка зрения вполне совместима с общим духом марксистской социологии, а ненависть Маркса к государству во многом проистекает из неприязни к его «буржуазной» форме, частично из-за «генетической близости воззрений Маркса с ранними воззрениями Прудона»²¹.

Содержанием третьей части книги является анализ капитализма как исторического и экономического феномена, осуществленный более подробно и глубоко, чем когда-либо в российской полемической литературе. Струве выступает против противопоставления капиталистического и народного производства. На самом деле отличие той экономической системы, которая превалирует в России, от той, которая превалирует, к примеру, в Соединенных Штатах (по мнению Струве, эти системы представляют собой две крайности), носит не качественный, а количественный характер: оно заключается в степени интенсивности отношений обмена. Определенные формы товарообмена существуют во всех экономических системах, даже в совершенно примитивных, поскольку, хотя чисто теоретически и можно представить себе абсолютно натуральное хозяйство, история не знает подобных примеров. Струве утверждает, что российская кустарная промышленность никогда не была формой промышленного производства, качественно отличающейся от крупномасштабной капиталистической промышленности. Речь идет о все том же работающем на рынок, следовательно, капиталистическом производстве, но с более низким уровнем производительности. (Позднее Струве развил это положение в работах, посвященных ис-

²⁰ #15/53. В другом месте Струве определяет государственную политику как выражение «социальной равнодействующей», то есть как результирующую всевозможных социальных сил, оказывающих давление на государство. См. также #46/48.

²¹ #15/53.

тории кустарной промышленности в России²².) Социальное неравенство тоже не является исключительной принадлежностью развитого капитализма: оно обнаруживается и там, где он находится еще в зачаточном состоянии, например в русской общине. Отвергая наличие дихотомии «капитализм/народное производство», Струве рассматривает экономический прогресс как движение внутри континуума: от нижней его границы, когда потребность в товарах невысока и уровень товарного производства и распределения соответственно невысок, что придает экономике видимость некапиталистической и «натуральной», до высшей, когда при высоком уровне этой потребности устанавливается «капитализм».

Представляя из себя просто высшую и наиболее эффективную форму обмена продукцией, капитализм не может быть противопоставлен ни народному производству, ни социалистическому производству будущего. Он рождается тогда, когда спрос на товары (сельскохозяйственные либо промышленные) до такой степени превышает производительные возможности общества, что система производства вынуждена перестраиваться в соответствии с требованиями обмена. Это может быть вызвано разными причинами, среди которых Струве выделил паровой транспорт и перенаселенность. И как только капиталистический способ производства начинает превалировать, в движение приходит целая цепочка неизбежных следствий: специализируется и дифференциализируется труд; усиленно совершенствуется технология; слабые, то есть неэффективно работающие производители, не выдерживают конкуренции — в итоге экономическая система рационализируется. Непосредственным и наиболее видимым результатом этой рационализации является увеличение материального богатства.

Производимая капитализмом рационализация экономики ведет за собой весьма полезные изменения соци-

²² #63 и #72. Они будут обсуждены в главе 8.

ального и культурного характера. Настолько, насколько это возможно в условиях негарантированной занятости, то есть социальной свободы, когда капитализм уничтожает остатки крепостничества и рабства, превалирующие в экономиках с низким уровнем обмена. Кроме того, капитализм поощряет частную собственность, которой Струве отводит огромную культурную роль. «В настоящее время, когда с таким легкомыслием третируются идеи и принципы XVIII века, причем, в сущности, повторяется его же ошибка — слишком часто забывается эта культурно-историческая связь экономического прогресса с институтом частной собственности, принципами экономической свободы и чувством индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно рассчитывать на то, что без осуществления названных начал возможен для экономически и культурно неразвитого общества хозяйственный прогресс. Мы не чувствуем никакой особенной симпатии к этим началам и прекрасно понимаем их исторически-*преходящий* характер, но в то же время мы не можем не видеть в них огромной культурной силы, не только отрицательной, но и положительной... Пример Северной Америки и наша собственная экономическая действительность прекрасно демонстрируют указанную зависимость. Первый пример [Соединенных Штатов] поучителен тем, что тут мы имеем дело с обществом, культурный уровень которого, быть может, самый высокий во всем свете...»²³

Обсуждая возможную трансформацию капиталистического общества в социалистическое, Струве оставляет в стороне революционную составляющую марксистской социологии. Переход от капитализма к более прогрессивной форме общества, подобно переходу от натурального хозяйства к капитализму, должен происходить эволюционным путем, как бы по ступенькам лестницы, на которой система более высокого уровня возникает тогда, когда приходит конец системе более низкого уровня. «Некото-

²³ #15/91-92.

рые места у Маркса дают основание думать, что Маркс представлял себе переход от капитализма к новому общественному строю в виде резкого падения — крушения капитализма под тяжестью постоянно растущих в нем противоречий; но в то же время Маркс один из первых указал на социально-культурное значение фабричного законодательства и постепенного экономического и политического объединения трудящихся масс. С тех пор его последователи неустанно боролись и борются за *реформы* в интересах промышленного пролетариата. В этой политике заключается признание, что на почве капиталистического строя существует возможность частичного, постепенного улучшения положения рабочего класса. Социальные реформы составляют звенья, связующие капитализм с тем строем, который его сменит, и — каков бы ни был политический характер того заключительного звена, которое явится гранью между двумя общественно-экономическими формами — *одна форма исторически вырастет из другой*»²⁴.

Совершенно очевидно, что подобная концепция социальных изменений гораздо ближе к взглядам фабианцев и Brentано, чем Маркса и Энгельса.

Изложив свою точку зрения на производство, в четвертой части книги Струве обратился к проблеме распределения. Русские социалисты, считал он, всегда гораздо большее внимание уделяли проблеме распределения, чем производства, поскольку в первую очередь думали о том, как обеспечить справедливое перераспределение уже существующего общественного богатства, нежели о том, каким образом это богатство приумножить. Маркс занял принципиально противоположную позицию. Он понимал,

²⁴ #15/130-131. Выражение «каков бы ни был политический характер того заключительного звена, которое явится гранью между двумя общественно-экономическими формами» является классическим примером эзопова языка, при переводе с которого оно означает: «наступит ли социализм мирным путем или через революцию».

что социальный прогресс возможен только как следствие экономического прогресса, а последний требует в отношении производительности труда скачкообразного роста такой интенсивности, что обеспечить его способна только капиталистическая рационализация экономики. Это положение Маркса согласуется со взглядами экономистов более позднего времени. Струве цитирует Brentano и Шульце-Геверница, чтобы показать, что богатство, создаваемое капиталистическим способом производства, повсюду ведет к коренному улучшению положения рабочего класса, правда, при этом он выражает сомнение по поводу их оптимистических уверений в том, что повышение производительности автоматически ведет к улучшениям в социальной сфере. (В этом вопросе он ссылается на работы Brentano и его школы как «на отражение Маркса в буржуазной экономической литературе»²⁵ — в своей рецензии на «Критические заметки» Ленин повернет эту фразу против Струве.) Повышение производительности труда, согласно Струве, является необходимым, но недостаточным условием для социальной реформы — этими словами он выступает за необходимость политических действий. Положительные следствия высокой производительности труда возникают не благодаря доброй воле капиталистов или мнимой «гармонии» классовых интересов, а исключительно благодаря потребностям самого капиталистического способа производства. Обращаясь к американскому опыту выплачивания высокой заработной платы, он пишет: «Массовое производство вынуждено искать опоры в массовом потреблении; экономический прогресс требует социальной реформы»²⁶. Более того, те общественные и экономические отношения, в которые вовлекает массы капиталистическое производство, неизмеримо сложнее тех, которые преобладают в условиях более примитивного экономического порядка. По сравнению с западными ра-

²⁵ #15/138.

²⁶ #15/160.

бочими, которым так любят сочувствовать «народники», большинство русских ведут «стихийное и бессознательное» существование. Струве приходит к выводу:

«Распределение, являясь тесно связанным с производством и зависимым от него, может прогрессировать в направлении большего равенства и большей полноты удовлетворения человеческих потребностей, только опираясь на рациональное производство. Развитие товарного производства, вытекая из роста человеческих потребностей, есть необходимое условие дальнейшего экономического и общекультурного прогресса; только товарное производство создает настоящее общественное или народное хозяйство; оно повышает производительность труда и поднимает ее на такую ступень, достижение которой немислимо при натуральном хозяйстве. Капитализм, являясь вершиной товарного производства, обобществляет не только производство, но и производителя; он делает и человека настоящим социальным существом, связывая индивидуальное существование тысячью нитей со всем общественным организмом»²⁷.

После короткой пятой главы, посвященной критике «народнической» экономической теории и идеализации ею натурального хозяйства, Струве перешел к заключительной части книги, в которой он рассуждает о будущем российской экономики. В этой части книги Струве подтверждает основные положения своих немецких статей. Те условия российской жизни, которые в свое время привели Маркса и Энгельса к мысли о том, Россия может миновать капитализм, более не существуют: Россия прошла уже не менее половины пути в своем движении от полунатурального-полукапиталистического хозяйства к экономике, в которой полностью будет доминировать капиталистический способ производства. И такое развитие событий неизбежно. В общих чертах описав историю манифеста об отмене крепостного права 1861 года, Струве весьма интерес-

²⁷ #15/159-160.

ным, но не совсем понятным образом связывает между собой налоговые потребности правительства, строительство железных дорог и отмену крепостного права — более полно эти свои предположения он разработал позднее, в своих исследованиях по истории крепостного хозяйства²⁸. По мнению Струве, истинная причина аграрного кризиса коренится отнюдь не в нехватке земли и не в развитии крупной капиталистической промышленности. «Старое слово *малоземелье* есть только общежитийский термин для того явления, которое наука называет перенаселением»²⁹. Избыток сельского населения в России является одним из пережитков крепостничества: в качестве симптома этой перенаселенности выступает низкий уровень производительности. Опираясь на демографическую теорию Мальтуса, Струве утверждает, что рост населения может опережать рост производительности, что ведет к появлению серьезных противоречий между экономической и социальной системами. (Струве оставляет в стороне тот факт, что Маркс питал отвращение к Мальтусу, книгу которого «Опыт о законе народонаселения» он назвал «клеветой на человеческий род»³⁰.) Струве вежливо замечает,

²⁸ Эти исследования были опубликованы в его книге «Крепостное хозяйство». — СПб., 1913.

²⁹ #15/186.

³⁰ Письмо к J. B. Schweitzer: *Karl Marx and Friedrich Engels*. Selected Works. — Vol. 1. — Moscow, 1962. — P. 391.

³¹ Струве всегда с большим вниманием относился к фактору роста народонаселения, считая, что он стимулирует продуктивность экономики. Его основной работой по этому вопросу стала статья в сборнике, посвященном историку Ключевскому, «Проблема роста производительных сил в теории социального развития»: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. — М., 1909. — С. 458-477. В письме к Даниельсону, датированном 9 января 1895 года, Энгельс, обращаясь к «Критическим заметкам», писал: «Что хочет сказать г-н Струве, говоря, будто Маркс *дополняет* теорию народонаселения Мальтуса, но не *опровергает* ее, — этого я не понимаю. Я полагаю, что примечание о Мальтусе в I томе [«Капитала»], а именно примечание 75 в главе XXIII, пункт 1, является достаточно ясным для каждого». — МЭРР. — С. 715-716. См. также #17а/424, #55 и #89/298п.

что Маркс дополняет Мальтуса, не опровергая его³¹. Избыток сельского населения России может быть устранен только путем развития капиталистической промышленности. Возвращаясь к вопросу о рынках, Струве повторяет свое весьма самоуверенное предсказание, что российская индустрия будет иметь рынки сбыта. Он убежден, что Россия скорее всего последует примеру Соединенных Штатов, а не Великобритании, опираясь более на местный рынок, чем на экспортную торговлю³². Процветающая Россия представлялась Струве страной высокооплачиваемых промышленных рабочих и преуспевающих самостоятельных фермеров — данная модель весьма напоминает опыт Америки, с теоретическим осмыслением которого Струве был хорошо знаком.

В «Критических заметках» русские читатели увидели весьма сомнительную версию марксизма. Основная концепция действия механизмов капиталистической экономики и способа, которым эта экономика преобразует общество и его институты, была выведена из Маркса. Но при этом Струве оставил без внимания ряд важнейших положений, относящихся к социальному аспекту марксизма, в том числе такие серьезные его составляющие, как теории пауперизации и социальной революции, так что назвать «Критические заметки» марксистской книгой можно было лишь с большими оговорками. По своему идейному содержанию и по духу она находилась где-то между правым крылом немецкой социал-демократии и социал-либерализмом Brentano. Струве не уставал повторять, что хотя он и высоко ценит марксизм, относя его к блестящим достижениям человеческой мысли, однако в его глазах гораздо большим авторитетом обладают эмпирические данные и логическое мышление, чем теоретические доктрины. Любая теория, вхо-

³² В одной из своих рецензий на Даниельсона Струве согласился с тем, что Воронцов вполне убедительно продемонстрировал непримлемость для России английской модели экономического развития: #13/351.

дящая в противоречие с фактами, должна быть отброшена. То обстоятельство, что, исходя из этого критерия, он допускал в конечном итоге возможность отрицания всего Маркса, сквозит в одном из не замеченных рецензентами пассажей «Критических заметок»: «Если даже критика социологического познания когда-нибудь докажет односторонность историко-экономического материализма М. [аркса] и Э. [нгельса], — за этим учением всегда останется та заслуга, что оно дало глубоко научное, поистине философское, истолкование целому ряду исторических фактов огромной важности»³³. Таким образом, даже в момент провозглашения рождения русского марксизма, Струве осознал его недолговечность.

«Критические заметки» имели быстрый успех, намного превышавший самые смелые ожидания Струве. Уже к 18 сентября было продано 750 экземпляров, а через небольшое время тираж в 1200 экземпляров разошелся полностью³⁴. Для всех было очевидно, что появление этой книги стало сенсацией. Российская общественность получила, наконец, возможность в более или менее достоверном изложении познакомиться с новой радикальной доктриной, о которой она давно уже была наслышана; кроме того, книга содержала первый анализ российской экономики, произведенный с социал-демократической точки зрения³⁵. Книгу читали не только представители интеллигенции, если понимать это слово в его узком значении, ею живо интересовались и в высших чиновничьих кругах.

³³ #15/50.

³⁴ Письмо Струве — Потресову от 18 сентября 1894 года. В «My Contacts and Conflicts with Lenin». — P. 582. — Струве пишет, что весь тираж был продан в две недели. Калмыкова («Обрывки...» — С. 66) утверждает, что — в два месяца.

³⁵ См. следующие свидетельства: А. Луначарский. Великий переворот. — СПб., 1913, на которого ссылается А. P. Mendel (Dilemmas of Progress in Tsarist Russia. — Cambridge, Mass., 1961. — P. 291n93) по поводу «колоссального впечатления», которое книга Струве произвела на киевских студентов, а также: С. Мицкевич. На грани двух эпох. — М., 1937. — С. 184.

Баронесса Иксуль, подруга Калмыковой, говорила ей, что «Критические заметки» Струве «лежат на столе у всех министров» и что «в кабинетах их только и говорят о книжке его»³⁶. Чиновникам импонировала та позиция, которую занял Струве по отношению к продолжающемуся конфликту, вызванному столкновением интересов аграрного сектора, находившегося под эгидой министерства внутренних дел, и промышленности, поддерживаемой министерством финансов. Главенствующая в то время школа радикальных публицистов одобряла политику министерства внутренних дел, тогда как аргументы, приведенные в книге Струве, говорили в пользу министерства финансов. Эта книга подтвердила, что в рядах радикалов начался поворот от страстной заботы о сельском хозяйстве к поддержке проводимой министерством финансов политики интенсивной капиталистической индустриализации.

Видя, какой огромный интерес вызвала книга Струве, друзья уговаривали его выпустить дополнительный тираж. Однако Струве отказался, мотивируя это тем, что, будучи наспех написанной, книга имеет множество недостатков, кроме того, она уже выполнила свое предназначение — вызвала дискуссию³⁷. Поэтому она больше не переиздавалась. К тому же Струве так и не написал задуманную им книгу об истории развития капитализма в России. Пять лет спустя это сделал Ленин, возможно, с подачи Струве.

Критические отзывы о «Критических заметках» были самые разные — от мягко благожелательных до резко отрицательных. Беспартийные критики отзывались о них в общем-то в благожелательном тоне, одобряя сделанные Струве выводы, но сомневаясь в адекватности способа их обоснования. Весьма характерной для этого вида отзывов является рецензия, появившаяся на страницах *Русского*

³⁶ А. М. Калмыкова. — Обрывки... — С. 66.

³⁷ Там же.

вестника за подписью К. Головина. Этот критик оставил на совести Струве слишком вольное обращение с термином «народник». Кроме того, он высказал мысль, что убеждение в «роковом характере экономической эволюции, будто совершающейся в силу неотвратимого закона», является убеждением «не научного, а чисто метафизического свойства», и выразил удивление по поводу безразличия Струве к политической стороне учения Маркса. В целом он пришел к выводу, что идеи Струве ближе к манчестерскому либерализму, чем к марксизму. Тем не менее он согласился с мнением Струве в отношении экономического развития России³⁸.

Михайловский, Даниельсон и Воронцов, главные объекты атак Струве, ответили в традиционной манере русских радикалов, то есть длинными и резкими статьями, в которых отказали своему оппоненту хотя бы в капле здравого смысла или порядочности³⁹.

Все трое были в корне не согласны с тем смыслом, которое Струве вкладывал в термин «народник». Напри-

³⁸ К. Головин. Два новых противника общины. — *Русский вестник*. — ССXXXV. — декабрь 1894. — С. 311-329. В этой рецензии также разбираются «Экономические этюды» Скворцова. Струве ответил на эту рецензию в #21/10-14. Впоследствии Головин издал книгу, в которой в резком тоне отозвался как о «народниках», так и о марксистах: Мужик без прогресса или прогресс без мужика. — СПб., 1896. Большая и резко отрицательная рецензия Л. С[лонимского] вышла в *Вестнике Европы*. — № 12. — декабрь 1894. — С. 875-882. J. von Keussler в *Vierteljahrsschrift für Staats- und Volkswirtschaft*. — IV, 1896. — S. 320-322 — назвал Струве «одержимым» Марксом.

³⁹ Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. — *Русское богатство*. — № 10. — октябрь 1894. — Ч. 2. — С. 45-77. Статья воспроизведена в его Полном собрании сочинений. — Т. 7. — СПб., 1909. — С. 885-924; Николай—он [Н. Ф. Даниельсон]. Апология власти денег как признак времени. — *Русское богатство*. — № 1. — январь 1895. — Ч. 2. — С. 155-185 и № 2. — февраль 1895. — Ч. 2. — С. 1-34; Николай—он. Что же значит «экономическая необходимость»? — *Русское богатство*. — № 3. — март 1895. — С. 44-58; В. В[оронцов]. Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм. — *Неделя*. — № 47, 1894. — С. 1504-1508; № 48, 1894. — С. 1543-1547; № 49, 1894. — С. 1587-1593; В. В[оронцов]. Очерки теоретической экономии. — СПб., 1895. — С. 208-318.

мер, Даниельсон писал: «Под эту порицательную для него кличку он [Струве] подводит лиц самых разнообразных мнений, сваливая их в одну кучу и вылавливая, по мере надобности, такие из них, которые могут в данный момент послужить к вящему посрамлению народничества. Это одна из «оригинальных» особенностей г. П. фон Струве. Само собою разумеется, что значительное большинство из цитируемых им авторов имеют с народничеством общее лишь то, что стремятся доискаться причин ухудшающегося положения крестьянства и указать те меры, которые, по мнению каждого из них, могут повести к устранению такого положения»⁴⁰.

Все трое в ходе своих контратак сильно упирали на немецкое происхождение Струве. По мнению Воронцова, Струве столь невежествен в отношении русской экономической литературы, «что выступить с приобретенным [им] багажом в печати позволительно только «заезжему немцу», пишущему для немцев»⁴¹. Михайловский, чтобы отплатить Струве за некоторые саркастические замечания, сделанные последним по поводу его литературного стиля, заявил, что не «иностранцу» учить его русскому языку, — это заявление он подкрепил анекдотом о двух русских немцах, споривших о том, как сказать «я постригся».

Что же до содержательной стороны этих статей, то Михайловский и Даниельсон сосредоточились на том, что каждому из них было близко: Михайловский — на философии истории, Даниельсон — на экономике. Михайловский обвинил Струве в искажении взглядов русских субъективистов, которые вовсе не считали, что отдельный человек может делать историю — они хорошо понимали, что действия любого человека ограничены объективными условиями среды его жизнедеятельности.

⁴⁰ *Русское богатство*. — № 2, 1895. — Ч. 2. — С. 17п. См. также возражения Михайловского: *Русское богатство*. — № 10, 1894. — Ч. 2. — С. 48. Из всех троих единственным, кто назвал себя народником, был Воронцов.

⁴¹ В. Воронцов. Очерки теоретической экономии. — С. 285п.

Нападки Маркса на идеализм были весьма актуальны в Германии 1840-х годов, в условиях глубокого укоренения гегельянской идеи о «бытии, определяемом сознанием». Не так обстояло дело в России 1890-х. И нет никакого смысла возрождать те аргументы, с которыми Маркс и Энгельс выступали против немецких гегельянцев. Большое сомнение вызвала у Михайловского и мысль о бескомпромиссном размежевании между наукой и этикой: в отсутствие человеческого сострадания и сочувствия знание слепо. Что же касается приведенной Струве цитаты из Маркса в поддержку античного рабства, то, по мнению Михайловского, до тех пор, пока не будут учтены страдания тех самых рабов, которые сделали возможным существование античной цивилизации, представление об античном мире обречено оставаться неполным и поверхностным.

Даниельсон, со своей стороны, подтвердил свои уже всем известные обвинения российскому капитализму и повторил свои рекомендации относительно выхода из российского кризиса: не индустриализация, а обобществление производства, то есть установление правительственного контроля над промышленностью и землей к выгоде всего общества в целом.

И Михайловский, и Даниельсон, и Воронцов дружно отказали Струве в праве называться социалистом. Они видели в нем буржуа, скрывавшего свое истинное обличье под маской социалиста. Даниельсон следующим образом объяснил причину возникновения псевдосоциализма того вида, который был представлен Струве. Голод 1891–92 годов нанес российскому капитализму сокрушительный удар, сделав явным его деструктивное воздействие на экономику. В поисках аргументов, оправдывающих неудачи в прошлом и доказывающих необходимость продолжения все той же политики в будущем, российские капиталисты и обратились к социалистической литературе. Теперь же они убеждают общественность страны в том, что вызванные ими в стране несчастья яв-

ляются всего лишь необходимым предварительным условием для социализма. И «г-н. П. фон Струве» в действительности не марксист, а «идеолог плутократии». Воронцов же видел причину появления «буржуазного марксизма» Струве и Скворцова (в отличие от «научного марксизма» Даниельсона) в относительной слабости российского промышленного пролетариата. В силу этого, пояснил он, российская буржуазия смогла извратить марксизм и приспособить его к своим интересам. Подобные толкования задали тон всему последующему отношению несоциал-демократов как к самому Струве, так и к его партии — включая, как мы увидим в дальнейшем, и позицию Ленина¹².

¹² Среди критических отзывов, отражавших эту позицию, была книга Н. Гофштеттера, в которой Струве и его сторонники обвинялись в том, что они играют на руку буржуазии: *Доктринеры капитализма*. — СПб., 1895. — С. 11. В марте 1895 года Гофштеттер в том же критическом тоне отозвался о Струве и других, «именующих себя «марксистами», в *Новом времени*. — № 6835. — 10/22 марта 1895. — С. 3. Сорок лет спустя Струве согласился с теми, кто когда-то изобразил его в качестве буржуазного «апологета капитализма», см.: *My Contacts and Conflicts with Lenin*. — P. 581, и «Карл Маркс и судьбы марксизма». — *Сегодня* (Рига). — № 73. — 14 марта 1933. Но тогда, в 1930-х, он стремился минимизировать свой юношеский радикализм. В 1894 году он, конечно же, не думал о себе таким образом. См. обсуждение раскола, имевшего место в русском марксистском лагере, между двумя школами, оспаривавшими друг у друга титул «истинных» учеников Маркса: *Л. Слонимский. Карл Маркс в русской литературе*. — *Вестник Европы*. — август 1897. — С. 765-779; сентябрь 1897. — С. 288-307; октябрь 1897. — С. 745-763.

Часть II

ЕДИНЫЙ ФРОНТ

*Стремясь рассеять одно сомнение,
они посеяли во мне три других; это голова Гидры.*

Монтень

Глава 6

Встреча с Лениным

В 1895 году в России вдруг возникла мода на социал-демократическую версию марксизма, и в течение трех последующих лет эта теория овладела умами и чувствами людей настолько, насколько это возможно исключительно в тех странах, где борьба идей подменяет собой политическую деятельность. Эта столь неожиданная популярность стала возможной благодаря стечению нескольких благоприятных обстоятельств.

С 1890 года развитие российской промышленности вошло в стадию ускоренного роста. Индексы промышленного производства резко подскочили вверх, опрокидывая привычное представление о том, что российская экономика накрепко привязана к крестьянскому наделу и кустарной промышленности. В течение десятилетия 90-х годов производство железа, угля и нефти утроилось, а общая протяженность железнодорожной сети почти удвоилась¹. Столь резкое движение вперед произошло благодаря не народному, а капиталистическому сектору экономики, то есть большим предприятиям, использующим наемный труд. Степень влияния, которое стали оказывать на тогдашнюю экономику деньги (достаточно большая часть

¹ См.: П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX-XX веках (1800-1917). – Без м/п, 1950. – С. 456, 458, 459, 462.

которых были иностранные), может быть оценена с помощью статистики, показывающей, что между 1890-м и 1900-м годами капитализация русских корпораций и товариществ, выпускавших в обращение свои акции, увеличилась в пять раз². К худу или добру, но Россия определенно повторяла опыт Англии, Бельгии, Германии и Соединенных Штатов. В подобных экономических условиях представление о России, идущей по «особому пути», с каждым годом становилось все менее реальным. В силу чего политические движения, приверженные этой устаревшей идее, как консервативные, так и радикальные, теряли свою состоятельность перед лицом тех движений, которые выступали за ускоренную индустриализацию и развитие капиталистического производства — то есть социал-демократизма, а несколько позднее, либерализма.

Рост крупномасштабной капиталистической промышленности вызывал изменения в структуре профессиональной занятости в России, приводя ее к виду, соответствовавшему взглядам социал-демократов. Между 1887 и 1897 годами численность промышленных рабочих в России возросла с 1,3 до 2,1 миллиона человек, или — на 59 процентов³. Если бы этот темп роста сохранился, то к 1907 году в России насчитывалось бы 3,2 миллиона рабочих, а к 1917-му — 5 миллионов. Правда, подобные тенденции, проявившиеся за указанный отрезок времени, не стоит проецировать на будущее; но это редко тревожит тех, кто полагается на тенденции. В этом смысле российские радикалы отнюдь не были исключением. Отчетливо проявившейся тенденции к увеличению численности рабочего класса и, соответственно, к увеличению степени его влияния оказалось вполне достаточно, чтобы многих из них убедить в правильности социал-демократической программы.

² Там же. — С. 463.

³ А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. — М., 1958. — С. 24-25.

Весьма обнадеживающие новости поступали и из Германии. Немалое впечатление произвел факт возрождения в 1890 году партии немецких социал-демократов, оказавшейся вполне жизнеспособной даже после двенадцати лет полулегального существования, протекавшего в условиях постоянных гонений. Но еще большее впечатление произвела способность этой партии одерживать победу за победой на национальных парламентских выборах. В 1890-м году она получила 1,4 миллиона голосов и 35 мест в рейхстаге; в 1893 году — 1,8 миллиона голосов и 44 места, а в 1898 году — 2,1 миллиона голосов и 60 мест. Рост влияния социал-демократов был настолько неуклонным, что консервативным Гогенцоллернам не оставалось ничего другого, как с большой неохотой принять политику социальных реформ (речь идет о кабинете министров, возглавляемом фон Каприви, 1890–1894 годы). Эти события в Германии показали, что абсолютизм бессилен перед выдвигаемыми народом требованиями политических и социальных реформ, когда они провозглашаются рабочим классом, организованным и ведомым социал-демократической партией. На этом примере многие российские радикалы убедились в преимуществах, которые можно извлечь из политической свободы, что способствовало их переходу на сторону социал-демократии.

Легкость, с которой книга Струве прошла через цензуру, и ее успех у публики навели Потресова на мысль, что пришло время попытаться осуществить более грандиозные издательские программы. Он разработал проект публикации нескольких серий книг, содержащих глубокое и обстоятельное изложение социал-демократических теорий; осуществление этого проекта должно было сокрушить монополию периодических изданий, принадлежавших старшим радикалам. Кроме просветительской, Потресов преследовал и политическую цель. Реализация задуманного им издательского проекта должна была привести к консолидации разрозненных социал-демократи-

ческих сил как в России, так и за границей, скрепив их в ядро, вокруг которого со временем сформируется Российская социал-демократическая партия⁴. Для того чтобы вовлечь в сферу своего влияния как можно большее количество интеллигентов, Потресов собирался действовать исключительно законным образом, пропуская все свои издания через цензуру. Метод легального распространения закамуфлированной революционной пропаганды зиждился на уверенности в том, что цензуру можно обойти при помощи кодового или эзопова языка. Этот язык был подобен тому, который впервые использовали еще русские радикалы 1860-х.

Движение, возникшее вокруг литературно-издательского проекта, задуманного, организованного и финансируемого Потресовым и осуществляемого под интеллектуальным руководством Струве, известно под названием «легальный марксизм». Этот термин можно было бы назвать безупречным, если бы он употреблялся в своем прямом значении, то есть для обозначения одного из нескольких способов, с помощью которых социал-демократы пропагандировали свои взгляды в период между 1894 и 1899 годами. Действительно, те книги и периодические издания, которые выпустили за эти пять лет Потресов и Струве, вполне могут быть обозначены как «легальные» — в том смысле, что они были разрешены цензурой. Но, к сожалению, как и многие другие термины, относящиеся к истории русской революции, термин «легальный марксизм» был извращен: в ходе последующей политической полемики ему была придана политическая окраска. Наглядным примером некорректного использования этого термина могут служить советские справочные издания, в которых «легальный марксизм» определяется как «идейно-политическое направление российской буржуазной интеллигенции», придерживавшееся программы, впервые

⁴ А. Н. Потресов. — С. 20-23; Н. Ангарский. Легальный марксизм. — Т. 1. — М., 1925. — С. 135-137.

сформулированной Струве в его «Критических заметках» и отвергавшей классовую борьбу и революцию, отрицавшей экономический материализм и превозносившей капитализм⁵. Различные вариации этого определения часто встречаются и в работах, написанных на Западе⁶.

Разумеется, Струве превозносил историческую миссию капитализма и принадлежал к эволюционистскому, либеральному крылу социал-демократии, однако утверждение о том, что его идеи создали целое движение, неверно: у него практически не было интеллектуальных последователей (хотя и были личные). Никогда не существовало ни течения, ни фракции «легальных марксистов», поэтому никаких следов их деятельности не обнаруживается в документах, относящихся к 1890-м годам — был лишь «легальный» способ пропаганды. В России его использовали все известные идеологи социал-демократии, в большинстве своем — завзятые революционеры, исповедующие экономический материализм и являющиеся врагами капитализма. В том числе и Ленин: до того, как в 1900–1901 годах он организовал выпуск *Искры*, почти все его работы публиковались в книгах и журналах, прошедших через цензуру; большая их часть выходила под редакцией Струве.

Как и термин «народничество», термин «легальный марксизм» возник в ходе фракционной борьбы внутри радикального движения — его придумал Ленин, ведя полемику против Струве. Самое раннее его использование относится к началу 1900-х годов, когда Ленин разочаровался в

⁵ См.: Советская историческая энциклопедия. — Т. 8. — М., 1965. — С. 519-521.

⁶ Счастливым исключением из этого, как и во многих других отношениях, является: *Leonard Schapiro. Communist Party of the Soviet Union.* — London, 1960. В ней подобное применение этого термина названо «неуместным» (Р. 14).

⁷ Эта тема более подробно раскрыта в моей книге «*Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement, 1885-1897.*» — Cambridge, Mass., 1963. — Р. 74n-75n.

бывших друзьях и союзниках и решил порвать с ними⁷. Стыдясь бывшего сотрудничества с теми, которые теперь вызывали в нем исключительно презрение, он задним числом разделил социал-демократическое движение 1890-х на две враждебные по отношению друг к другу фракции: одну, «революционную», наилучшим образом представлял он сам, а другую, «легальную», — его заклятый враг Струве. И чем в большей степени Ленин был склонен рассматривать себя в качестве единственного настоящего революционера, тем более он был склонен относить начало конфликта между «истинными» и «ложными» революционерами далеко в прошлое и придавать придуманному им термину прямой идеологический смысл. После 1917 года подобное употребление этого термина переключалось из ленинских работ в стандартные советские словари. Попытка Потресова воспрепятствовать происходящему на его глазах искажению истины оказалось неудачной: в 1925 году он послал в редакцию советского исторического журнала *Красная летопись* письмо, в котором писал, что Ленин некорректно использовал этот термин, поскольку «группы “легальных марксистов” не было»⁸. Однако его замечания не были учтены ни тогда, ни после.

Печальным следствием убежденности в существовании движения «легальных марксистов» стало широко распространенное неправильное представление о том, что именно происходило между 1894 и 1899 годами в социал-демократическом движении: на самом деле в это время имело место вовсе не деление на два лагеря, «революционный» и «легальный», а объединение российских социал-демократов самых различных убеждений в единый фронт.

Как только «Критические заметки» вышли из печати, Потресов выехал в Швейцарию, чтобы передать экземпляр книги Плеханову, с которым он с 1892 года

⁸ *Красная летопись*. — № 2/13, 1925. — С. 146-147.

поддерживал постоянные отношения. В Женеве он узнал, что Плеханов уехал в Лондон, и последовал за ним. С гордостью продемонстрировав первую социал-демократическую книгу, легально опубликованную в России, он предложил Плеханову присоединиться к своему весьма смелому издательскому предприятию. Плеханов, однако, колебался: он сильно сомневался в возможности проведения через цензурные препоны настоящей социал-демократической пропаганды. Привезенная Потресовым книга ни в коей мере не смогла поколебать эти сомнения: обладая ультраортодоксальным чутьем, Плеханов легко распознал те ереси, которые содержались в книге Струве. Поэтому реакция Плеханова была злобно-отрицательной: если «Критические заметки» являются показательным примером того, что намеревался издавать Потресов, то он в этом участия не примет. Но Потресов не сдался и, в конце концов, переубедил Плеханова. Тот передал ему три рукописи для публикации: книжного объема трактат под названием «Защита материализма», содержащий критику философии истории Михайловского, и два более коротких эссе. Согласившись держать единый фронт против «народников», Плеханов обещал воздержаться от публичной критики книги Струве⁹. Слово свое он сдержал: несколько замечаний по поводу «Критических заметок», сделанных им впоследствии в печати, можно охарактеризовать как сдержанно-дружеские¹⁰.

⁹ *Н. Ангарский*. Легальный марксизм. – С. 68, 70. См. ниже (стр. 367 этого тома) сетования Плеханова в 1900 году на то, что пятью годами ранее ему было «приказано», прежде всего Лениным и Потресовым, «не стрелять в Струве». – *В. И. Ленин*. Сочинения. – 3-е изд. – 30 т. – М., 1926-1937. – Т. IV. – С. 19-31.

¹⁰ Например: *Г. В. Плеханов*. Сочинения. – Т. VII. – М., 1925. – С. 268-288 и 314-318. Плеханов оправдывал «неосторожные» восхваления капитализма Струве тем, что они вызваны «благородным увлечением западника», и сравнивал их с тем, что писал Белинский в 1848 году (см. приведенную ранее цитату из Белинского).

Вернувшись в Санкт-Петербург в середине октября 1894 года, Потресов занялся изданием плехановской книги. Она тоже прошла цензуру без особых затруднений и вышла в декабре под несколько провокационным названием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Эта книга, заключающая в себе ясное, логически последовательное изложение марксистской философии истории, гораздо лучше доносила до читателей идеи «исторического материализма», чем книга Струве. Она стала первой работой Плеханова, получившей широкое распространение в России и сделавшей известными его взгляды — хотя и не под собственным его именем, скрытым за псевдонимом «Бельтов»¹¹.

Благодаря книге Плеханова произошла первая встреча Струве и Ленина, положившая начало их взаимоотношениям, несомненно, значимым для них обоих. Она состоялась то ли в декабре 1894 года, то ли в январе 1895-го на неофициальном собрании, посвященном дискуссии о «Монистическом взгляде»¹².

Личности Струве и Ленина сформировались в совершенно разных социальных и культурных условиях. Оба они родились в семьях государственных служащих, их отцы даже имели одинаковый чин (четвертый). Но если мужчины семейства Струве занимали высокие посты на дипломатическом и образовательном поприщах, то отец Ленина был обычным провинциальным чиновником. Струве рос в высококультурной среде: и у себя

¹¹ *Бельтов* [Г. В. Плеханов]. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — СПб., 1895.

¹² Собрание состоялось на квартире у Р. Е. Классона. Его краткие воспоминания были опубликованы в: *Красная летопись*. — № 2/13, 1925. — С. 144-145. Струве утверждал, что встреча состоялась «осенью или зимой» 1894 года: *My Contacts and Conflicts with Lenin*. — *The Slavonic and East European Review*. — XII. — № 36. — April 1934. — P. 590. Потресов датировал это собрание декабрем 1894 или январем 1895 года: *Красная летопись*. — № 2/13, 1925. — С. 146.

дома, и у Калмыковой, и в салоне Арсеньева он имел возможность общаться и был на дружеской ноге с известными всей стране писателями и художниками. В детстве он жил частично за границей, частично в Петербурге, самом европеизированном городе страны, и свободно разговаривал на немецком языке. Ленин подобных культурных условий не имел. Его познания в области литературы, философии и искусства были и на всю жизнь остались очень ограниченными. К знаниям, не имеющим прямого отношения к революционной деятельности, он относился как типичный радикальный интеллигент 1870-х и 1880-х годов, то есть презрительно. Когда он впервые выехал за границу, ему было уже двадцать пять лет, и он не только не заметил там ничего нового или необычного для себя, но, к своему стыду, обнаружил, что не понимает ни слова в разговорном немецком¹³. Можно сказать, что эти два человека представляли две линии русской культуры XIX века — космополитическую культуру столицы и ее служилой аристократии, и более ограниченную культуру провинциального среднего класса. Каким образом представители второй линии относились к представителям первой, видно из свидетельств, оставленных друзьями Ленина того времени, выросшими в сходных с ним условиях:

«Мы, как провинциалы, разумеется, были несравненно менее образованными и даже просто невежественными по сравнению с такими представителями петербургского университетского студенчества, как Н. В. Водовозов, П. Б. Струве, Н. Д. Соколов, братья Герд, В. В. Бартенев и многие другие. Помимо более систематического изучения общественных и исторических наук, многие из них знали иностранные языки и читали в оригиналах книги, русские переводы которых либо вовсе не существовали, либо были запрещены тогдашней цензурой, мы же явились из

¹³ В. И. Ленин. Письма к родным. — М., 1934. — С. 58.

глухой Сибири, где кроме толстых журналов не было никакой литературы»¹⁴.

«Наша теоретическая подготовленность как марксистов была слабовата. Мы много работали, читали, но большей частью бессистемно, случайно, по мере возникших у нас вопросов... Надо сказать и то, что марксистская литература того времени была невелика, по крайней мере на русском языке, а иностранные мы знали плохо... я слышал, что есть в Петербурге образованные марксисты, называли имена Струве, Классона, Потресова, но говорили, что они держатся особняком, как своего рода духовная аристократия, чуждаются революционных кружков, много работают теоретически, хорошо знают языки и даже пишут в немецких журналах. Заглазно уже было у меня недоброе чувство к этой публике, — русские марксисты не желают писать для русских! Я не делал попытки войти в круг этих людей, робея перед ними со своим убогим теоретическим багажом»¹⁵.

Столь разные общественные и культурные корни сказались на политических взглядах Ленина и Струве ничуть не меньше, чем их столь же разные темпераменты. К моменту своей встречи оба считали себя убежденными «марксистами», и для обоих было несомненно, что Россия должна пройти и обязательно пройдет через стадию капитализма. Но «капитализм» для них означал совершенно разное. Струве понимал под «капитализмом» систему сложным образом взаимодействующих между собой общественных институтов и обычаев, многие из которых не имеют экономического характера, но разви-

¹⁴ М. Н. Лядов и С. Н. Познер (ред.). Леонид Борисович Красин. — М.-Л., 1928. — С. 95-96. Здесь Красин ссылается на себя и на своего брата Германа. Они входили в созданный при Технологическом институте кружок рабочей пропаганды, к которому по прибытии в Петербург присоединился и Ленин.

¹⁵ М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. — Л., 1958. — С. 37-38. Сильвин тоже входил в вышеназванный кружок при Технологическом институте.

тию которых способствует товарное производство и которые, в свою очередь, создают благоприятную для его функционирования среду — именно такая ситуация имела место в Германии и Соединенных Штатах. Все это вело к богатству, свободе и культуре в отличие от аграрной экономики, которая по самой своей природе не может не быть бедной и отсталой¹⁶. Ленин же — во всяком случае, до первой поездки за границу в 1895 году — свое представление о капитализме получил в основном из русской радикальной литературы. Поэтому, как и Воронцов с Даниельсоном, он видел в нем исключительно деструктивную силу и особо безжалостную форму эксплуатации. Насколько мало он понимал, что же такое капитализм в действительности, видно из того, что в 1892–1894 годах он полагал, что Россия уже полностью находится в тисках капиталистической экономики¹⁷ — и это в то время как 87 процентов населения страны относилось к крестьянству! Его убежденность в том, что нужно как можно быстрее преодолеть этот капитализм и совершить революцию, была обусловлена не только тем, что он имел темперамент человека действия, но и тем, что он понятия не имел о той сложной социальной и культурной среде, наличие которой необходимо для формирования зрелого индустриального общества. Он осознал это только много лет спустя, уже в качестве диктатора России, когда увидел, что его грандиозные планы по реорганизации страны рушатся под натиском того, что сам он с

¹⁶ В энциклопедической статье, посвященной аграрному государству и написанной в 1894 году, Струве охарактеризовал общество, в котором доминирует крестьянский образ жизни, как неизбежно отсталое и бедное (#17а/425).

¹⁷ Свидетельства, касающиеся характеризуемого здесь раннего этапа мировоззрения Ленина, приведены в моей книге «Social Democracy» и в работе «The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin», см.: *Revolutionary Russia*. Richard Pipes, ed. — Cambridge, Mass., 1968. — P. 33-66.

грустью был вынужден обозначить как «бескультурность»¹⁸.

Ленин стал революционером довольно-таки поздно и скорее случайно, чем намеренно. В гимназии он был примерным учеником — во всех отношениях исполнительным и добросовестным. В отличие от старших брата и сестры, являвшихся членами «Народной воли», он был осторожен и держался в стороне от политики. В Казанском университете, куда он поступил в конце 1887 года, члены местной ячейки «Народной воли» считали его своим, поскольку видели в нем прежде всего брата казненного террориста. Он уже было вошел в их организацию, но внезапно оказался в очень затруднительном положении: за участие в студенческих беспорядках его исключили из университета. И хотя его проступок имел скорее чисто дисциплинарный, нежели политический характер, его попытки восстановиться в университете успеха не имели — полиция не нравилась ни политическая ориентация членов его семьи, ни попавшие в ее поле зрения его университетские связи.

Последующие четыре года (1888–1891) Ленин провел в полной праздности, живя на пенсию своей матери и доход от ее поместья. Его обида на общество, имеющее столь несовершенную политическую систему и столь жестоко обошедшее с ним, со всей очевидностью закрыв перед ним возможность какой-либо карьеры, постепенно перешла в страстную ненависть. Эти годы он посвятил чтению радикальной литературы, которая сделала из него революционера. Правда, его страсть к революционным преобразованиям проистекала не столько из желания улучшить мир, сколько из жажды мести. Он жаждал разрушения, и всю свою энергию, до этого вкладываемую в учебу, направил на разработку эффективной революционной стратегии.

¹⁸ См., например, его горькие сетования по поводу «полуазиатской бескультурности» России: *В. И. Ленин*. — ПСС. — Т. XLV. — С. 364; а также — С. 390.

Политические взгляды Ленина в эти годы (1887–1892) соответствовали идеологии «Народной воли». Он был убежден в возможности успешного государственного переворота, в результате которого будет свергнуто царское правительство и установится социалистическая диктатура. Он считал, что Россия может миновать капитализм, принадлежащий исключительно практике Запада, и построить социализм, опираясь на существующую в стране аграрную экономику. Все «эксплуататоры» — землевладельцы, буржуазия, бюрократия — сливались для него в сплошную неразличимую массу, представляющую собой «врага». В эти годы он был близок к подпольным организациям «Народной воли», особенно к ее наиболее радикальному, якобинскому крылу. Нет никаких сведений о том, что он имел какие-либо контакты с социал-демократическими группами, которые около 1890 года были созданы в Волжском регионе, где он тогда жил вместе со своей семьей. В 1889 году он прочел «Капитал» Маркса, но для него знакомство с этой книгой было лишь составной частью социал-революционного образования — главным для него были факты, свидетельствующие против капитализма. Восторги Маркса по поводу исторических завоеваний капитализма были ему чужды. Ленин ненавидел капитализм во всех его формах и проявлениях — буржуазию, либерализм, парламентскую демократию, партийный плюрализм и социальные реформы. Все это было частью «их» мира, мира врагов, который он должен был сокрушить.

Теоретические предпосылки, лежащие в основании ленинского радикализма, были основательно поколеблены голодом 1891–92 годов. Подобно многим своим современникам, Ленин понимал, что положение в деревне далеко от благополучного и что тот экономический и социальный фундамент, на котором должна была возвестись новая система, рушится. Будучи наконец допущен к экзаменам на степень юриста и сдав их экстерном в ноябре 1891 года, он занялся анализом собранного земскими

управлениями обширного статистического материала по сельскому хозяйству. Ему не потребовалось много времени, чтобы прийти к выводу, что российское крестьянство перестало быть социально однородным и разделилось на три слоя, верхний из которых, кулаки, представлял собой сельскую «буржуазию», а нижний — безземельный «пролетариат». Обнищание сельскохозяйственного производителя шло ускоренными темпами, все большее количество крестьян переходило в состав рабочего резерва, передавая контроль над российской деревней в руки крестьянского среднего класса. В немалой степени к этим выводам Ленина подтолкнули статистические данные, опубликованные В. Е. Постниковым, который показал, что в некоторых южных губерниях 1/5 часть крестьянства для обработки своих наделов нанимала рабочих.

Находясь под впечатлением всех этих обстоятельств, в 1892–93 годах Ленин порывает с «Народной волей» и становится «марксистом», но весьма необычного типа. Подобно Даниельсону, Воронцову и другим до-социал-демократическим марксистам в России, он был убежден, что в этой стране капитализм может играть исключительно деструктивную роль, что, действуя скрытым образом, он подорвал традиционную для страны экономическую систему, основанную на крестьянском самообеспечении, и что единственным выходом из создавшейся ситуации является национализация средств производства. Но, в отличие от них, он не верил, что национализация может быть проведена царским режимом. Россия была готова к социалистической революции, путь к которой лежал через терроризм и насильственный переворот. При чтении Маркса Ленина более всего потрясла мысль, что за любыми идеями скрываются конкретные экономические интересы. Исходя из этого он объяснил себе политический оппортунизм сторонников особого пути тем, что они представляют интересы мелких сельскохозяйственных производителей. Поэтому он стал противником даниельсонов и воронцовых, искавших компро-

мисса с самодержавием. Однако он точно так же не переносил и социал-демократию, поскольку его отношение к политической свободе, конституции и парламенту было отрицательным и он не видел выгод, которые можно было извлечь из альянса с «прогрессивной буржуазией», по его мнению, крепко привязанной к автократическому режиму.

Осенью 1893 года Ленин приехал в Санкт-Петербург, официально — практиковаться в юриспруденции, фактически же — заниматься подрывной деятельностью, и вошел в состав кружка рабочей пропаганды, членами которого были студенты и недавние выпускники Технологического института. Этот кружок, как и многие ему подобные, вел работу с группами самообразования, составленными из квалифицированных рабочих: им читались лекции и доставлялась соответствующая литература, что должно было пробудить в них чувство классового сознания. Ленин плохо ориентировался в этой сфере деятельности, которая, как ему казалось, охватывала лишь узкий круг рабочей аристократии, малоперспективной в смысле революционной активности. Поэтому он редко и без особого энтузиазма принимал участие в работе кружка. Его внимание в то время было приковано к публицистике. С пристальным интересом следил он за спором между социал-демократами и читателями *Русского богатства*, разразившимся вскоре после его приезда в Санкт-Петербург. Как уже было отмечено, в 1894 году он написал длинную статью, в которой критиковал Михайловского и его союзников. Несмотря на то, что фактически он поддержал Струве, позиция Ленина в этом споре отличалась вполне независимым характером, поскольку обе стороны вызывали в нем неприязнь своим либерализмом и отказом от революционных методов.

К моменту личного знакомства со Струве Ленин уже прочел «Критические заметки», сделав это со свойст-

венной ему скрупулезностью, и даже написал на них большую рецензию¹⁹. Они договорились со Струве, что он представит краткое изложение этой рецензии на суд своих друзей и друзей Струве. Впоследствии у него состоялось еще несколько личных встреч со Струве, на которых он прочел ему полный текст своей рецензии и обсудил несколько тем, представлявших взаимный интерес²⁰.

К сожалению, черновая версия ленинской рецензии на Струве не сохранилась, и наши сведения о ней проистекают исключительно из воспоминаний Н. Валентинова, которому обо всем этом рассказывал сам Струве в 1918 году, то есть почти четверть века спустя после описываемых событий²¹. В первой версии этого текста Ленин, по-видимому, возражал в основном против представленной Струве картины развития капитализма в России. «Ленин тогда доказывал, что капитализм без всяких пробелов охватил всю страну, — вспоминал Струве, — что я недостаточно это вижу и представляю капитализм не столько как фактор, уже существующий во всей его мощи, а что-то бу-

¹⁹ Считается, что черновой оригинал этого текста имел название «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Единственным свидетельством в пользу этого названия является утверждение самого Ленина, сделанное много лет спустя (За двенадцать лет. — Сборник статей. — СПб., 1908; а также: *В. И. Ленин*. — Т. 1. — С. 499 и Т. IV. — С. 374н). Как уже отмечалось, эта фраза взята из книги самого Струве (#15/138). Если черновик действительно имел такое название, то это говорит о том, что Ленин сочувствовал Даниельсону и Воронцову, которые тоже считали социализм Струве «буржуазным».

²⁰ *My Contacts and Conflicts with Lenin*. — *The Slavonic and East European Review*. — April 1934. — P. 591. Струве утверждает, что черновая версия рецензии была короче печатной. Ленин стер из своей памяти информацию об этих личных встречах, как, впрочем, сделал еще много чего, чтобы запутать свои отношения со Струве, и вспомнил лишь о встрече в компании друзей: *В. И. Ленин*. — Т. XII. — С. 59. Струве пишет, что в 1895-96 годах он и Ленин «провели несчетное количество совместных вечеров, обсуждая экономические и политические вопросы»: *Le Bolchévisme et Léning*, in: M. G. Klutchnikoff, ed. *La Russie d'aujourd'hui et de demain*. — Paris, 1920. — P. 124.

²¹ *Н. Валентинов*. Из прошлого: П. Б. Струве о Ленине. — *Социалистический вестник*. — № 8-9/673-674, 1954. — С. 169-172.

дущее»²². Для социал-демократов этот своего рода график движения капитализма, естественно, имел основополагающее значение для разработки их политической стратегии: от его вида зависело, пойдут ли они вместе с «либеральной буржуазией» против самодержавия или будут бороться с буржуазией под знаменем социализма. Струве высказал мнение, что в тот период Ленин в глубине души верил в возможность особого пути, именно поэтому он так настаивал на том, что Россия уже стала капиталистической страной²³. Сходное впечатление сложилось и у Потресова. Он был неприятно поражен ленинским «однобоким, однотонно упрощенным и упрощающим сложности жизни» подходом к явлениям, выражавшемся в склонности трактовать «развивающееся капиталистическое общество в виде сплошной реакционной массы»²⁴. Струве тем не менее не слишком огорчился по поводу взглядов Ленина, поскольку был уверен, что они изменятся после того, как тот получит возможность своими глазами увидеть, что представляет из себя капитализм в Западной Европе²⁵.

²² Там же. – С. 171.

²³ Там же. В воспоминаниях, написанных в 1918 году, шестнадцать лет спустя после его разговора с Валентиновым, Струве противоречит тому, что написано у Валентинова, сообщая, что «вплоть до самого своего прихода к власти Ленин считал, что перепрыгнуть через «капитализм» в «социализм» совершенно невозможно»: *My Contacts and Conflicts with Lenin*. – *The Slavonic and East European Review*. – XIII. – № 37. – July 1934. – P. 71. Это свое заявление Струве подкрепляет цитатами из ленинских работ, относящихся к 1905–1911 годам, а не к 1890-м. В 1895 году Ленин назвал «чушью» мысль о том, что все страны должны пройти через стадию капитализма: *В. И. Ленин*. – Т. 1. – С. 262.

²⁴ *А. Н. Потресов*. – С. 23. Кроме того, в 1895 году Потресов писал по поводу ленинской критики Струве, что в ней «за марксистской терминологией проглядывала традиционная точка зрения на капиталистическое общество как на реакционную массу — позиция, характерная для всех видов революционно-утопических движений»: *А. Н. Потресов. Lenin — Versuch einer Charakterisierung*. – *Die Gesellschaft*. – № 11, 1927. – S. 407.

²⁵ *Н. Валентинов. Струве о Ленине*. – С. 171.

Струве оставил содержательные воспоминания о Ленине. Естественно, они несут на себе отпечаток чувства отвращения, которое их автор испытывал по отношению к этому человеку в то время (1933–34), когда они создавались. Поэтому читать их нужно с осторожностью. Тем не менее они заслуживают обширного цитирования, поскольку дают самый полный портрет Ленина в юности, созданный человеком достаточно близко его знавшим, но в то же время не входившим в круг его семьи.

«...Впечатление, с первого же раза произведенное на меня Лениным — и оставшееся во мне на всю жизнь, — было неприятное.

Неприятна была не его резкость. Было нечто большее, чем обыкновенная резкость, какого-то рода издевка, частью намеренная, а частью неудержимо стихийная, прорывавшаяся из самых глубин его существа в том, как Ленин относился к людям, на которых он смотрел как на своих противников. А во мне он сразу почувствовал противника, хотя в то время я стоял довольно близко к нему. В этом он руководился не рассудком, а интуицией, тем, что охотники называют «чутьем». Позже мне пришлось иметь много дел с Плехановым. В нем тоже была резкость, граничившая с издевкой, в обращении с людьми, которых он хотел задеть или унижить. Все же, по сравнению с Лениным, Плеханов был аристократом. То, как оба они обращались с другими людьми, может быть охарактеризовано непереводаемым французским словом — «*cassant*». Но в ленинском «*cassant*» было что-то невыносимо плебейское, но в то же время и что-то безжизненное и отвратительно холодное.

Многие разделяли со мной это впечатление от Ленина. Я назову только двоих, и притом весьма различных людей: В. И. Засулич и М. И. Туган-Барановского. В. И. Засулич, самая умная и чуткая из всех женщин, каких мне приходилось встречать, испытывала к Ленину антипатию, граничившую с отвращением — их позднейшее поли-

тическое расхождение было следствием не только теоретических или тактических разногласий, но и глубокого несходства натур.

М. И. Туган-Барановский, с которым я был в течение многих лет очень близок, говорил мне со свойственной ему наивностью, за которую многие несправедливо считали его просто глупым, о своей неудержимой антипатии к Ленину. Знав и даже быв близок с братом Ленина, А. И. Ульяновым, который был казнен в 1887 году за подготовку покушения на Александра III, он с изумлением, граничившим с ужасом, рассказывал, как непохож был Александр Ульянов на своего брата Владимира. Первый, при всей своей моральной чистоте и твердости, был чрезвычайно мягкий и деликатный человек даже в общении с незнакомыми и врагами, тогда как резкость второго была поистине равносильна жестокости.

В своем отношении к людям Ленин подлинно источал холод, презрение и жестокость. Мне было ясно даже тогда, что в этих неприятных, даже отталкивающих свойствах Ленина был залог его силы как политического деятеля: он всегда видел перед собой только ту цель, к которой шел твердо и непреклонно. Или, вернее, его умственному взору всегда предносилась не одна цель, более или менее отдаленная, а целая система, целая цепь их. *Первым звеном в этой цепи была власть в узком кругу политических друзей.* Резкость и жестокость Ленина — это стало ясно мне почти с самого начала, с нашей первой встречи — была психологически неразрывно связана и инстинктивно, и сознательно с его неукротимым властолюбием. В таких случаях обыкновенно бывает трудно определить, что служит чему, властолюбие ли служит объективной цели или высшему идеалу, который человек ставит перед собой, или, наоборот, эта задача или этот идеал являются лишь средствами утоления ненасытной жажды власти.

Я только что охарактеризовал самую разительную черту в Ленине, открывшуюся мне с первой же нашей

встречи. Это была жестокость в том самом общем философском смысле, в котором она может быть противопоставлена мягкости и терпимости к людям и ко всему человеческому, даже когда это неудобно, или неприятно, или даже отвратительно для нас лично. Ленин был абсолютно лишен всякого духа компромисса в том англосаксонском моральном или социальном смысле, столь яркое выражение которого можно найти в знаменитом трактате Джона Морлей «On Compromise»...

В соответствии с преобладающей чертой в характере Ленина я сейчас же заметил, что его главной установкой — употребляя популярный ныне немецкий психологический термин (*Einstellung*) — была ненависть.

Ленин увлекся учением Маркса прежде всего потому, что нашел в нем отклик на эту основную установку своего ума. Учение о классовой борьбе, беспощадной и радикальной, стремящейся к конечному уничтожению и истреблению врага, оказалось конгениально его эмоциональному отношению к окружающей действительности. Он ненавидел не только существующее самодержавие (царя) и бюрократию, не только беззаконие и произвол полиции, но и их антиподов — «либералов» и «буржуазию». В этой ненависти было что-то отталкивающее и страшное; ибо, коренясь в конкретных, я бы сказал даже, животных, эмоциях и отталкиваниях, она была в то же время отвлеченной и холодной, как самое существо Ленина. Однажды, в конце 90-х годов, Потресов, разговаривая со мной о Ленине, обратил мое внимание на огромную самодисциплину, которую этот человек, полный жестокости и напитанный ненавистью, обнаруживал в некоторых мелочах повседневной жизни. «Из аскетизма он откажется от лишнего стакана пива», — сказал тогда Потресов. И я тогда же подумал — и в какой-то форме, кажется, высказал это Потресову, — что это-то именно и было ужасно в нем. В Ленине пугало это сочетание в одном лице настоящего самобичевания, которое лежит в основе всякого подлинного аскетизма, с бичеванием других людей, выражав-

шемся в отвлеченной социальной ненависти и холодной политической жестокости»²⁶.

Ленин не оставил сравнимых с вышепротитированными воспоминаний о Струве (как, впрочем, не оставил он таких воспоминаний и о своих друзьях или политических соратниках). Тем не менее, несмотря на отсутствие непосредственного свидетельства, совершенно очевидно, что он сразу же распознал в Струве присущую тому абсолютную неспособность к какой-либо революционной деятельности. Ему, наделенному тем, что Пьер Леруа называл «способностью постигать худшую сторону человеческой природы», не потребовалось много времени на то, чтобы заметить, что Струве присуще глубинное противоречие между словом и делом. Струве обладал той типич-

²⁶ My Contacts and Conflicts with Lenin. – *The Slavonic and East European Review*. – April 1934. – P. 591-593. Цитируется по: Мои встречи и столкновения с Лениным. – *Возрождение*. – № 10, 1950. – С. 114-116. Впечатления, сложившиеся у Струве о Ленине, очень напоминают те, которые веком ранее сложились у мадам де Сталь от ее общения с другим диктатором. О своей первой встрече с юным Наполеоном она писала: «У меня возникло смутное ощущение, что никакое движение сердца не способно тронуть этого человека. К любому человеческому существу он относится как к средству или как к вещи, но не как к ближнему своему. Он также не способен ненавидеть кого-либо, как и любить: для него не существует никого, кроме него самого; все другие создания для него просто нули. Его сила воли базируется исключительно на его неспособности хоть сколько-нибудь отказаться от своих эгоистических расчетов. Это весьма талантливый игрок в шахматы, однако его противником является все человечество, которому он стремится поставить мат. Его успех в той же мере зиждется на отсутствии у него определенных человеческих качеств, в какой — на талантах, которыми он обладает. Ни жалость, ни обольщения, ни религия, ни приверженность к какой бы то ни было идее не способны свернуть его с выбранного им пути... Для его мышления характерно великолепное ощущение ситуации — именно это присуще спортсмену в процессе игры... Ничто не могло смягчить моего непреодолимого отвращения ко всему тому, что я почувствовала в нем. Я ощутила в его душе холодный острый меч, леденящий нанесенную им рану». – *Considerations on the Principal Events of the French Revolution*. – London, 1818. – Pt. 3. – Chap. 26. – P. 197-199.

ной для русского интеллигента моральной чувствительностью, которая делала его не способным к интеллектуальному соглашательству с насилием и страданием. И Струве прекрасно осознавал это свое качество: он как-то признался Потресову, что вид страдающего человека лишает его какой-либо способности к действию²⁷. Он играл политическими клише типа «классовая борьба» и «выживание сильнейшего», разглагольствовал о прогрессивной роли античного рабства, нахваливал ту «службу», которую сослужил современной ему России голод. Но все это было для него только голой абстракцией. На самом деле, при столкновении с подобными вещами в реальной жизни, он не смог бы сохранить отстраненное спокойствие, не говоря уже о том, чтобы подстрекать к ним кого-либо. Для Ленина дружба с таким человеком была абсолютно неприемлема: Струве был слишком мягок, слишком интеллектуален, слишком напоминал «профессора», кроме того, он слишком часто был подвержен слишком большому количеству сомнений и колебаний.

Однако альянс — совсем другое дело. В то время Ленин уже в такой степени находился во власти своих политических амбиций, что ради их удовлетворения был готов на то, чтобы крепко держать в кулаке личные чувства и пристрастия. Адвокат без практики (между прочим, достигнув уже двадцатипятилетнего возраста, он продолжал жить на средства матери), вроде бы литератор, не опубликовавший под своим именем еще ни одного слова, революционный лидер, стоящий во главе дюжины полуобразованных интеллигентов, он был вынужден идти на альянс даже с теми партиями и отдельными людьми, к которым не испытывал ни малейшей симпатии — только на этом пути он мог обрести какую-либо основу для получения реальной власти. Поэтому львиную долю своего времени он отдавал этой деятельности: за-

²⁷ См. письмо Струве — Потресову, цитата из которого приведена в конце главы 7 данного тома.

ключил договор с организацией «Народной воли» об использовании их тайной типографии, вел затяжные переговоры с Мартовым об объединении разрозненных организаций, принимал участие в установлении и налаживании связей между социал-демократической интеллигенцией и рабочими, заведовавшими кассами взаимопомощи. Струве был для него только одним из звеньев в его «цепочке власти». Еще раньше утвердившись во мнении, что Михайловский, Воронцов, Даниельсон и другие публицисты, входившие в «народнический» лагерь (он сразу же стал использовать этот термин в том значении, в котором его употреблял Струве), представляют интересы некрупных сельскохозяйственных и промышленных производителей (то есть «мелкой буржуазии»), он придал им статус классовых врагов, с которыми необходимо безжалостно сражаться. В этих обстоятельствах Струве представлял для Ленина немалую ценность. Поскольку, как бы Струве ни относился к идее революции, «народникам» он противостоял со всей присущей ему искренностью и страстью, так что в ходе проведения кампании против них он мог бы стать весьма полезным союзником. Ленину очень хотелось, чтобы Струве целиком посвятил себя задаче «развенчания» «народников», и было известно, что он выражал недовольство, что Струве напрасно теряет время на университетскую «схоластику»²⁸. В течение всех пяти лет их тесного взаимодействия (1895–1900) ключевым словом для выражения ленинского отношения к Струве было слово «использование». А та невероятная злоба, с которой Ленин обрушился на Струве в 1900–1901 годах, явилась следствием внезапно возникшего у него убеждения, что вместо того, чтобы

²⁸ М. А. Сильвин. В. И. Ленин в эпоху зарождения партии. – *Каторга и ссылка*. – № 1, 1934. – С. 82-83. Такое пренебрежительное отношение к учености является еще одним свидетельством того, что вплоть до весны 1895 года Ленин сохранял приверженность народофильским традициям.

манипулировать самому, он, Ленин, в свою очередь, сам стал объектом манипулирования.

Даже если Струве и был свободен от тех манипуляционных устремлений, которые у Ленина при установлении личных взаимоотношениях с людьми всегда принимали угрожающие размеры, его союз с Лениным также носил утилитарно-политический характер. Струве был заинтересован в свержении самодержавия и замене его либеральным правительством. Ради успеха этого дела он был готов к контакту с самым широким кругом групп и партий, провозглашавших своей целью политическую свободу. Понимая, что Ленину присущи огромный талант политика и целеустремленная приверженность политической борьбе, он подавил в себе инстинктивную неприязнь к нему. Позднее он вспоминал, что «отставил в сторону» свои неприязненные мысли и представления о Ленине, поскольку они являлись «внутренними препятствиями», ведущими к «осложнениям в отношениях, которые, в надежде на их потенциальную политическую полезность, я считал одновременно и морально оправданными для себя, и политически необходимыми для нашего дела»²⁹.

Зимой 1894–95 годов, когда между Струве и Лениным завязывались их сложные отношения, Потресов готовил к изданию еще одну социал-демократическую книгу, в которой была помещена дискуссия по поводу двух работ, переданных ему в Лондоне Плехановым. Потресов предложил Ленину поместить в этой книге свою рецензию на «Критические заметки», но в исправленном варианте, после исключения особо оскорбительных пассажей (и, возможно, того, что он считал немарксистским). Ленин колебался: предоставившаяся возможность литературного дебюта была соблазнительна, тем не

²⁹ My Contacts and Conflicts with Lenin. – P. 593. Во время беседы с Борисом Николаевским, состоявшейся 8 августа 1926 года в Juan-le-Pins, Потресов утверждал, что Струве с самого начала испытывал сильнейшую неприязнь к Ленину: *Boris I. Nikolaevsky*. – Archive Hoover Institution, Stanford, California.

менее он не хотел поступаться принципами. Кроме того, на него оказывали давление члены его кружка, активисты, которые не особенно хорошо разбирались в теоретических вопросах и на все с ними связанное смотрели с подозрением, в силу чего предпочитали не иметь слишком тесных контактов с университетскими интеллектуалами³⁰. В конце концов под нажимом Потресова Ленин согласился передать этот вопрос на рассмотрение Н. Е. Федосеева, казанского социал-демократа, чье мнение он высоко ценил; после того, как Федосеев посоветовал ему внести в статью требуемые исправления, он решился на публикацию³¹. Рецензия появилась в сборнике в исправленном и расширенном виде под названием «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»³².

Существует широко распространенное мнение, что в этой своей первой печатной работе Ленин разнес «Критические заметки» как не-«марксистскую» книгу³³. Однако это не соответствует истине, что с готовностью подтвердит каждый, взявший на себя труд прочесть эту статью. Действительно, Ленин скрупулезно исследовал, где и каким образом в этой книге Струве отклонился от Маркса, но при этом нужно помнить, что в предисловии к «Критическим заметкам» Струве открыто оговорил свое право на это. Поэтому для того, чтобы установить факт неортодоксальности Струве, вовсе не надо было прибегать к такому тща-

³⁰ Л. Мартов. Записки социал-демократа. – Берлин, 1922. – С. 258-259; М. А. Сильвин. В. И. Ленин в эпоху зарождения партии. – С. 82-83; Н. Ангарский. Легальный марксизм. – М., 1925. – С. 58; Л. Б. Красин, цитата в: А. Н. Потресов. – С. 15.

³¹ Н. Валентинов. Из прошлого: Струве о Ленине. – С. 172. Относительно Ленина и Федосеева см. мои «Origins of Bolshevism». – Р. 32, 42.

³² В. И. Ленин. – Т. 1. – С. 223-362.

³³ Эта точка зрения, господствовавшая в советской историографии, была широко распространена и за пределами России. Например, Gérard Walter в его книге «Lénine». – Paris, 1950. – Р. 43, утверждает, что Ленин подверг «une démolition radicale» (сокрушительной критике) книгу Струве.

тельному анализу. Истинной целью Ленина было не пригвоздить Струве к позорному столбу, а лишь поправить и усилить его. Избранный им тон был тоном учителя, а не обвинителя, и критика его была дружелюбной и конструктивной. Отметив, что Струве считает, что «ортодоксией он не заражен», Ленин берет на себя смелость переформулировать те его тезисы, с которыми он выражает свое полное согласие³⁴, — так, чтобы они приняли более «марксистский» вид. «Как видит читатель, — писал по этому поводу Ленин, — мне приходится только договаривать положения г. Струве, давать им иную формулировку, — “то же слово да иначе молвить”»³⁵.

Основной удар своей критики Ленин направил на «объективизм» Струве, под которым тот подразумевал необходимость проверять ценность любой идеи тем, насколько она соответствует объективной реальности. В своей книге Струве отмечает, что, подобно основной части интеллигенции, «народники» представляют интересы определенного общественного класса, но эту мысль он высказывает как бы походя, не дав себе труд уточнить, что это за интересы и что это за класс. В целом же книга Струве представляет собой экскурс в историю идей, а не в их социологию. Но Ленину сопоставление идей с реальностью представлялось пустой потерей времени: для него подобное занятие было слишком «профессорским». Действительное значение для него имела только одна вещь — соотношение идей с классовой структурой общества. Для него суть марксизма заключалась исключительно в том, чтобы раскрывать классовое содержание любой идеи: «...материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»³⁶. И марксизм не имеет ничего об-

³⁴ В.И. Ленин. — Т. 1. — С. 362.

³⁵ Там же. — С. 303.

³⁶ Там же. — С. 288.

щего с теми идеями, которые приписывает ему Струве: «гегельянством, “верой в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма” и многим другим чисто уже нововременским вздором»³⁷. Здесь Ленин высказывает интересную мысль, скрытый смысл которой, видимо, ускользнул от его современников. Все марксисты знали о том, что идеи связаны с классовыми интересами, но до Ленина никому из них не приходило в голову смотреть на эту связь через призму убеждения, что реальное значение имеет не то, истинна данная идея или нет, а то, чьей выгоде она служит. Одним из нескольких непосредственных следствий такого взгляда на вещи стала готовность спорящих любые интеллектуальные разногласия переносить на личную почву, а все личные раздоры вставлять в идеологические рамки. Совершенно очевидно, что высказанный Лениным взгляд на вещи содержит в себе базовый элемент контроля над мышлением и, кроме того, лежит в основе большей части тоталитарных интенций.

Руководствуясь собственной концепцией марксизма, Ленин предпринял попытку дополнить данную Струве «объективную» оценку «народнической» теории социальноэкономическим анализом ее классового содержания. Согласно Ленину, «народники» выражают интересы мелкой буржуазии, в силу чего защищают они вовсе не натуральное хозяйство, как это утверждал Струве, а мелкого производителя.

Ленин не упустил ни одной возможности продемонстрировать свою непоколебимую лояльность Марксу, точнее, тому, что он под этим понимал. Гордившемуся своей интеллектуальной независимостью Струве он с неменьшей гордостью противопоставил полное принятие «всего» Маркса³⁸. Однако то, каким образом он критиковал Струве за обнаружение в марксистской философии

³⁷ Там же. – С. 234.

³⁸ Там же. – С. 226.

метафизических элементов, вызывало сомнение в его собственной способности различать «диалектическую» и прямолинейную, или «вульгарную», формы материализма. «С точки зрения Маркса и Энгельса, — утверждал Ленин, — философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки»³⁹. Выговорил он Струве и за его позицию в отношении государственности и перенаселения. Проводя анализ аграрного кризиса, Ленин принял сторону Даниельсона. Перенаселенность в России, писал он, возникла благодаря капитализму, развитие которого привело к сокращению числа индустриальных рабочих и тем самым вызвало безработицу, а не по причине, как утверждал Струве, недостаточно капитализированного сельского хозяйства⁴⁰. Ленин согласился с Даниельсоном и в том, что капитализм разорил крестьянство.

Критика Ленина была наступательна, педантична и умышленно банальна. Наивысшей моральной ценностью объявлялась «ортодоксия», а интеллектуальная независимость представлялась симптомом духовной коррупции. Обсуждение велось в благожелательном, но этаким непреклонно-богословском тоне — именно в таком тоне в христианстве принято предостерегать собратьев от впадения в ересь.

Личные беседы между Струве и Лениным, начавшиеся в январе 1895 года и продолжавшиеся до лета, оказали сильное, хотя и временное влияние на них обоих. Под нажимом Ленина Струве сдвинулся влево — от либерального социализма к более ортодоксальной ветви марк-

³⁹ Там же. — С. 290. Это утверждение, должно быть, является упрощенной передачей того, о чем писал Энгельс в предисловии к «Анти-Дюрингу», а именно, что от философии остались лишь логика и диалектика, а все остальное растворилось в позитивных науках — естественных и исторической.

⁴⁰ В. И. Ленин. — Т. 1. — С. 327-329; См. также: My Contacts and Conflicts with Lenin. — *The Slavonic and East European Review*. — April 1934. — P. 594.

сизма, тогда как Ленин, в свою очередь под давлением Струве, сдвинулся вправо — от смешения якобинства и социал-демократии, характерного для него с 1892 года, к собственно социал-демократии⁴¹. В ходе этих бесед они образовали нечто вроде политического альянса, базирующегося (согласно воспоминаниям Струве) на том, что их объединяло — противостоянии «народничеству», убежденности в том, что Россия должна пройти через фазу капитализма, и постановке во главу угла борьбы за политическую свободу⁴².

То, что Струве начал двигаться «влево», видно из его статьи «Моим критикам», написанной весной 1895 года и опубликованной в сборнике Потресова⁴³. Эта статья была ответом рецензентам «Критических заметок». В ней Струве больше не пытался улучшить Маркса. Наоборот, коротко оговорив свою неудовлетворенность марксистской философией, он заявил о согласии со всеми основными доктринами марксизма. В ходе подробного обсуждения проблемы перенаселения он воздержался от цитирования Мальтуса⁴⁴ и от воспроизведения своих утверждений относительно позитивной функции государства и ценности социальных реформ. «Народников»

⁴¹ К несчастью, письма, которыми обменивались Струве и Ленин, недоступны. Письма Ленина к Струве, возможно, пропали (*В. И. Ленин. Письма к родным, 1894-1919 гг.* — Л., 1934. — С. 74, 151, 183, 208). Письма Струве к Ленину не публиковались, и их судьба неизвестна. То, что они переписывались, подтвердила Н. К. Крупская, см.: *Истпарт «О Ленине»*. — Т. 1. — Л., 1925. — С. 26.

⁴² *My Contacts and Conflicts with Lenin.* — *The Slavonic and East European Review.* — July 1934. — P. 66. В своих воспоминаниях Ленин упомянул лишь соглашение о совместной борьбе против «народников»: *В. И. Ленин.* — Т. XII. — С. 59.

⁴³ # 21. Струве не отреагировал на лепинскую критику его книги, которая была намного подробнее всех предшествующих, поскольку следовал политике создания единого фронта против «народников»: *Н. Ангарский. Легальный марксизм.* — С. 68.

⁴⁴ В статье, опубликованной двумя годами позже, Струве даже заговорил о классовом содержании и классовых предпочтениях мальтузианства: # 55/57-58.

он определил как представителей «мелкой буржуазии», и все время подчеркивал значение классовой принадлежности или партийности — именно на этом пункте сосредоточилась основная часть ленинской критики его книги. Даже определение капитализма, данное Струве в этой статье, выглядело более ограниченным и близким к тому, что думал по этому поводу Ленин. Разъясняя смысл заключительного предложения своей книги, Струве сосредоточился в основном на том, что капитализм развивает классовое сознание, оставляя в стороне его роль в развитии культуры⁴⁵. Все в этой статье свидетельствует о том, что Ленин вовсе не преувеличивал, когда, спустя десять лет, пытаясь оправдать свое временное партнерство со Струве, утверждал, что благодаря этому партнерству Струве существенно «полевел», то есть стал бóльшим ортодоксом⁴⁶.

В свою очередь, Струве немало сделал для того, чтобы побудить Ленина освободиться от остатков народо-вольческой идеологии и принять основной принцип социал-демократии — необходимость объединения всех видов оппозиции, включая буржуазию, для борьбы с режимом самодержавия за политическую свободу в России⁴⁷. Ко времени своего отъезда в Западную Европу летом 1895 года Ленин уже немало продвинулся в этом направлении. В Женеве же он окончательно «перековался». Аксельрод разъяснил ему принцип пролетарской «гегемонии», заключающийся в том, что социал-демократы должны были организовать и повести за собой все силы в России, заинтересованные в свержении царизма. Выслушав аргументы Аксельрода и Плеханова, Ленин понял,

⁴⁵ # 21/16.

⁴⁶ В. И. Ленин. — Т. XII. — С. 59.

⁴⁷ «Характерно, что Ильин (Ленин) после критики на мою книгу, скорее удалился от ортодоксии, чем приблизился к ней». — Из письма Струве — Потресову от 2 февраля 1899 года; впервые опубликовано в: А. Н. Потресов. — С. 33.

что его «книжная» и «абстрактная» позиция по отношению к буржуазии была ошибочной⁴⁸.

По возвращении в Россию осенью 1895 года Ленин проявил себя как вполне состоявшийся социал-демократ. Самым ранним свидетельством того, что он занял новую политическую позицию, является посвященный Энгельсу некролог: в нем Ленин впервые публично с похвалой отозвался о конституциях и парламентах⁴⁹. Несколько месяцев спустя Ленин пошел еще дальше. Занимаясь подготовкой проекта программы будущей Российской социал-демократической партии, он изобразил царизм (а не капитализм и буржуазию) главным врагом рабочего класса и призвал к созданию коалиции со «всеми и всякими представителями буржуазии» для борьбы с монархическим режимом: «Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая и первой задачей ее является достижение политической свободы». Во всем этом не было ничего, под чем не подписался бы Струве.

И все же поворот Ленина в сторону борьбы за политическую свободу и альянса с «либеральной буржуазией» вряд ли был проявлением его истинных убеждений. Когда Ленин совершал очередной настоящий интеллектуальный скачок — а он был склонен к таким скачкам, — это всегда сопровождалось длительным духовным кризисом, во время которого, интенсивно анализируя сложившуюся ситуацию, он погружался в лихорадочный внут-

⁴⁸ В этом Ленин признавался своей сестре Анне. См. ее «Как не следует писать историю». — *Известия*. — № 72 (2405). — 29 марта 1925. — С. 4. См. также: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. — Т. 1. — М., 1925. — С. 271; и *Н. Валентинов*. Чернышевский и Ленин. — *Новый журнал*. — № 27, 1951. — С. 225. Советский исторический журнал утверждает, что после встречи с Лениным в 1895 году Плеханов написал Струве письмо, в котором весьма благоприятно отозвался о Ленине: *Борьба классов*. — № 8-9, 1933. — С. 47. Это письмо, если оно вообще существовало (что очень сомнительно, поскольку нет никаких сведений, подтверждающих, что Струве и Плеханов летом 1895 года обменивались письмами), не было найдено.

⁴⁹ *В. И. Ленин*. — Т. 1. — С. 415-416.

ренный поиск. Так было около 1888 года, когда он решил стать революционером, и в 1892–93 годах, когда он покинул «Народную волю» и примкнул к весьма специфической ветви марксизма, и в 1900–01 годах, когда он порвал с социал-демократизмом и основал свое собственное политическое течение — большевизм. И только его переход в стан социал-демократии не сопровождался ничем, что свидетельствовало бы о духовном кризисе. Весной 1895 года он горячо клеймил капитализм, обвиняя его в деструктивной направленности, а несколько месяцев спустя уже призывал к альянсу с капиталистами. Поэтому весьма вероятно, что к социал-демократии его притянуло не представление о свободном обществе как предварительном условии социализма, а открывающаяся перспектива тех стратегических выгод, которые, согласно аксельродовской теории гегемонии, вытекали из союза с буржуазией. Это предположение подтверждает и тот факт, что, когда в 1900–1901 годах Ленин перестал верить в теорию социал-демократической гегемонии (при каких условиях это произошло, мы детально обсудим позднее), он моментально потерял какой-либо интерес к социал-демократии.

Но все это было в недалеком будущем. А в 1895 году, медленно и с трудом, в основном благодаря усилиям Потресова социал-демократическая коалиция все же была сформирована; и Ленин и, Струве, несмотря на все их различия, стали политическими союзниками.

Сборник «Материалы для характеристики нашего экономического развития»⁵¹ был передан на рассмотрение цензуры в мае 1895 года. Но на этот раз цензурный комитет не был столь сговорчив. Решив, что книга содержит подстрекательские призывы к революции и классовой

⁵⁰ Там же. — С. 426, 444.

⁵¹ Материалы для характеристики нашего экономического развития. — СПб., 1895.

борьбе, что особенно касалось ленинской статьи, цензура долгое время отказывала в разрешении на ее распространение и, в конце концов, в марте 1896 года распорядилась конфисковать и сжечь весь тираж⁵². Потресову удалось спасти сотню экземпляров этого сборника, и впоследствии они циркулировали среди российских читателей. Несмотря на эти неприятности, Потресов не растерял своего энтузиазма и в следующем году издал, с разрешения цензуры, еще две марксистские книги⁵³. Однако в скором времени эта книжная серия стала терять свое значение, поскольку социал-демократы нашли более эффективные средства для распространения своих идей.

⁵² Этот цензорский рапорт был опубликован в: *Красный архив*. – № 4, 1923. – С. 308-316. См. также: *Н. Яковлев. Ленин в цензуре*. – *Красная летопись*. – № 2/11, 1924. – С. 19-34; *В. И. Ленин*. – Т. 1. – С. 499.

⁵³ См.: *И. Гурвич. Экономическое положение русской деревни*. – СПб., 1896 (пер. с: *I. A. Hourwich. The Economics of the Russian Village*). – New York, 1892. Она была отрецензирована Струве в # 10; и *А. Волгин [Г. В. Плеханов]. Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова*. – СПб., 1896.

Глава 7

Борец за социал-демократию

1896 и 1897 годы были годами расцвета российской социал-демократии. Начав оказывать на общество существенное влияние, это политическое движение поляризовало его до такой степени, что заставило вспомнить полувековой давности спор между западниками и славянофилами. «Куда бы вы ни появились, — вспоминает историк А. А. Кизеветтер, — вам прежде всего предлагали вопрос: вы марксист или народник?»

«Во всех высших учебных заведениях студенты и курсистки разделились на два враждебных стана — марксистов и народников, — и пошла между ними перманентная словесная канонада, причем по дурной русской привычке спорящие не столько защищали свою позицию убежденными доводами, сколько обрушивались на противников с обвинениями в политическом малодушии, ну а кстати уже и во всевозможных прочих политических грехах. Марксисты громили народников за то, что народники ставят палки в колеса в деле сплочения рабочего пролетариата в грозную силу, могущую стать орудием борьбы против существующего строя, а народники обвиняли марксистов в том, что марксисты просто играют на руку капиталистам, проповедуя необходимость развития крупной промышленности, и аграриям, восставая против расширения крестьянского землевладения и нового зе-

мельного передела. Эти взаимные комплименты неизменно сопровождались свистом и шиканьем по адресу противников, обзываемых предателями, прислужниками власти и проч. и проч.

Всякое почти публичное выступление ученого или общественного деятеля — хотя бы по вопросу, далекому от жгучей темы о марксизме и народничестве, — сопровождалось шумными демонстрациями, борьбой аплодисментов со свистом и шиканьем, если только лектор принадлежал к одному из борющихся лагерей»¹.

Наиболее существенным из всех тогдашних факторов, повлиявших на успех социал-демократии, явилась неожиданно резкая активизация российского рабочего класса. Его незначительность в то время была камнем преткновения для прозелитистской деятельности социал-демократии: в самом деле, какой общественный вес могла иметь социальная группа, представлявшая менее одного процента населения страны, по сравнению с тем же крестьянством, составлявшим 86 процентов населения? Даже если принять во внимание ускоренный рост численности промышленных рабочих, начавшийся после 1890 года, и допустить, что тенденция роста сохранится в последующие годы, это не давало достаточных оснований для утверждения, что такое незначительное меньшинство населения страны может оказать заметное влияние на ход ее истории. Однако этот постулат был сильно поколеблен — сначала в мае 1896 года, а затем в январе 1897-го: в это время рабочими текстильных предприятий Санкт-Петербурга были организованы две самые большие стачки, которые когда-либо проводились в стране. Тот высокий уровень инициативности и дисциплины, который продемонстрировали тридцать тысяч ткачей и прядильщиков, многих скептиков из левого лагеря убедил в том, что одна лишь численность сама по себе значит не столь много, как это считалось ранее. Способ-

¹ А. А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий. — Прага, 1929. — С. 214, 216-217.

ность рабочих своими силами организовать забастовку и сформулировать (с минимальной помощью со стороны социалистической интеллигенции) пакет далеко идущих требований показала, что промышленный рабочий класс действительно обладает тем самым классовым сознанием, которое ему приписывали марксисты и отсутствие которого раз за разом обнаруживало более многочисленное, но более аморфное крестьянство. Когда в июне 1897 года правительство капитулировало перед забастовщиками и согласилось на одиннадцати с половиной часовой рабочий день, никому уже больше не представлялось нереальным связывать надежды на обретение Россией политической свободы с рабочим классом, все таким же незначительным по сравнению с общим числом жителей страны².

Воодушевленные первыми победами, сплотившиеся социал-демократы почувствовали, что им необходим собственный печатный орган — для более широкого распространения своих взглядов. Струве, которого приводила в ярость невозможность опубликовать ответ на ту полемическую волну, которую после появления «Критических заметок» субъективисты гнали против него и его друзей, как о наиболее насущной задаче, стоявшей перед движением, постоянно твердил о приобретении собственного печатного органа. Вместе с Потресовым они несколько раз пытались прорваться в периодическую прессу, но каждый раз дело заканчивалось неудачей. Летом 1895 года Струве узнал, что на продажу выставлена еженедельная газета. Впав в состояние возбуждения, он бросился искать и нашел спонсора, некоего Н. А. Рейтлингера, и даже создал временный редакционный совет, но в конечном итоге все его усилия оказались тщетными³. Год спустя он принял при-

² История этих забастовок изложена в моей книге «Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement, 1885-1897». — Cambridge, Mass., 1963. — Chapter 6.

³ Письма Струве — Потресову из Монрё от 23 сентября/5 октября и 6 октября 1895 года.

глашение регулярно писать для *Биржевых ведомостей*, ежедневной петербургской газеты, которая, несмотря на свое название, была скорее литературно-политическим, нежели финансовым изданием. Потресов отговаривал его от принятия этого предложения, аргументируя свою позицию тем, что, начав работать в этой газете, он отдаст себя прямехонько в руки Михайловского, предоставив ему неопровержимое доказательство того, что социал-демократы являются лакеями капиталистов. Однако Струве не видел криминала в том, чтобы использовать для пропаганды марксизма издание, принадлежащее капиталистам¹. Тем не менее, опубликовав в *Биржевых ведомостях* одну или две статьи², он по неизвестной причине отказался от дальнейшего сотрудничества с этим изданием.

В 1896 году он и его коллеги попытались организовать выпуск собственного ежемесячника. Заручившись обещанием финансовой поддержки этого издания, Струве с помощью Потресова сформировал редакционный совет, в который, помимо них, вошли Туган-Барановский, его жена (дочь известного петербургского издателя), Калмыкова, В. А. Оболенский и еще несколько идеологически близких им лиц. Чтобы обмануть власти относительно действительной политической ориентации проектируемого журнала, в качестве издателя фигурировал Оболенский, а в качестве редактора — некая «темная лошадка», один из постоянных посетителей артистических кафе, который, оговорив определенное жалованье, взял на себя юридическую ответственность. Действительным редактором этого издания должен был стать Струве. Когда, наконец, вся предварительная часть работы была проведена, Оболенский подал в Главный департамент по делам печат-

¹ Письма Струве — Потресову от 23 сентября/5 октября, 4 октября и 2/14 октября 1895 года. Все — из Монтрё.

² В одной из этих статей разбирался аграрный вопрос, в другой — сочинения Воронцова. Из переписки Струве с Потресовым явствует, что по крайней мере одна из них была опубликована, возможно, где-то в конце октября 1895 года.

ти прошение о выдаче разрешения на издание. Но на власти не произвели никакого впечатления ни аристократическое имя издателя (Оболенский имел титул князя), ни политическая нейтральность подсадного редактора. Прошение было отклонено, и на этом дело застопорилось⁶.

В то время как все эти попытки терпели неудачу за неудачей, в провинции начало выходить первое в России социал-демократическое периодическое издание. В октябре 1896 года возглавляемый П. П. Масловым социал-демократический кружок города Самары получил контроль над местной газетой *Самарский вестник* и превратил его в орган, отражающий взгляды социал-демократов. Редакционный комитет этого издания не замедлил пригласить к сотрудничеству Струве и Туган-Барановского. К тому времени оба они стали уже настолько знаменитыми, что газета использовала их имена в качестве рекламы: они были напечатаны крупным шрифтом на первой странице, там, где обычно помещаются сведения о газете. (От этого, правда, вскоре пришлось отказаться, поскольку другие сотрудники газеты начали угрожать, что покинут издание.) Струве опубликовал в *Самарском вестнике* две, а, возможно, и три статьи⁷. Ко-

⁶ Эти события описаны В. А. Оболенским в: На экране моей памяти. – *Последние новости*. – 10 января 1928 года. В этот редакционный совет входили также Н. В. Рейтлингер, К. К. Бауэр, А. А. Никонов и В. В. Водовозов.

⁷ #41 и #42. Если верить Н. Самойлову (*Пролетарская революция*. – № 7/30, 1924. – С. 99), треть из статей, опубликованных Струве в *Самарском вестнике*, была неподписана; эта статья была посвящена кустарной промышленности и имела заголовок «К вопросу о кустарных промыслах» (*Самарский вестник*. – № 62 и последующие за 1896 год). В силу недоступности данных выпусков газеты я не смог проверить эту информацию. Первая печатная публикация Ленина – короткая статья о среднем образовании – появилась в этой газете в ноябре 1895 года, то есть еще до того, как издание оказалось под контролем социал-демократов: В. И. Ленин. – Т. 1. – С. 401-406. Сотрудником, протестовавшим против преимущественного выделения Струве и Туган-Барановского, был П. Н. Скворцов (не путать с однофамильцем, А. И. Скворцовым): А. Санин. – *Пролетарская революция*. – № 12/35, 1924. – С. 263. Согласно Санину (С. 270), *Самарский вестник* напечатал в № 59 и 60 за 1897 год статью П. Н. Скворцова, в которой критиковались взгляды Струве.

нечно, на худой конец, было не так уж плохо иметь в лице *Самарского вестника* своего рода отдушину, время от времени публикуя в нем две-три социал-демократические статьи, однако это обстоятельство было не в состоянии нивелировать страстное желание Струве иметь свой собственный печатный орган; исполнения этого желания ему пришлось ждать еще целый год.

А пока он и его друзья были вынуждены довольствоваться выступлениями в Свободном экономическом обществе — одном из наиболее старинных и престижных частных институтов страны, основанном еще Екатериной II для распространения практических знаний в области сельского хозяйства. Ко второй половине XIX века он полностью превратился в место, используемое для проведения открытых дискуссий по актуальным национальным проблемам — как близким к экономике, например, общественные финансы и тарифы, так и весьма далеким от нее, например, телесные наказания и народное образование. Общество публиковало рефераты и монографии и регулярно проводило ежемесячные собрания по трем секциям: (1) сельское хозяйство, (2) сельская промышленность и (3) аграрная статистика и политическая экономия. Открытые для свободного посещения членов Общества и их гостей, эти собрания пользовались огромной популярностью среди представителей провинциальных земств и служащих.

В марте 1895 года Общество избрало нового президента — графа П. А. Гейдена, балтийского немца, придерживавшегося весьма либеральных взглядов. Под его руководством традиционные собрания Общества стали более оживленными, а темы проводящихся на них дискуссий постоянно вторгались в область текущей правительственной политики. Бюрократия терпела такое положение вещей в течение пяти лет, после чего в 1900 году Общество было попросту закрыто. Однако до этого, между 1895 и 1900 годами, дебаты, проходившие в его старинных залах, велись в столь свободной и независимой манере, что Общество

получило название «Русский парламент». Эти дебаты привлекали огромное количество слушателей, среди которых были и студенты университета.

Струве был избран членом третьей секции Общества 2/14 марта 1895 года — в самом начале президентства Гейдена⁸. Поддерживаемый Туган-Барановским, он сразу же ввел резкую ноту во вполне благопристойную до этого атмосферу собраний данной секции. Сознательно политизируя ход собраний, он превратил их из обсуждения специальных вопросов в шумные публичные зрелища. Нападая на любого, в чьих речах хоть сколько-нибудь обнаруживалась идеология народничества (защита натурального хозяйства, неприятие рационализации экономики и так далее), он не затруднял себя выбором выражений; это не зависело от того, какую позицию занимал оратор — радикальную или консервативную. Иногда он настолько забывался, что председатель собрания был вынужден прерывать его и призывать к порядку. Кроме того, критикуя «народничество», Струве использовал малейшую возможность, чтобы познакомить аудиторию с социологией и экономикой марксизма. В ходе дебатов о крестьянских обществах он привлекал внимание к происходящей в деревне классовой дифференциации⁹; выступая против биметаллизма, он акцентировался на той выгоде, которую имели бы аграрии в том случае, если бы серебро было признано законным платежным средством¹⁰; пользуясь моментом, он множество раз доказывал ошибочность мнения, которого придерживались как правые, так и левые, о том, что Россия должна сделать все, чтобы сохранить существующую в стране систему народного или натурального хозяйства¹¹. В ходе полемики по всем этим во-

⁸ Труды ИВЕО. — № 4, 1895. — Ч. 2. — С. 4. Его поручителями были К. К. Арсеньев, П. А. Корсаков и П. А. Костышев. — Там же. — № 2, 1895. — Ч. 2. — С. 93.

⁹ #26.

¹⁰ #27. См. также #52/217-221.

¹¹ Например, #58.

просам Струве обычно поддерживал Туган-Барановский, у которого отсутствие напора в манере говорить компенсировалось эрудицией в области экономики.

Слухи о происшедших в Обществе переменах моментально распространились по столице, и студенты толпами ходили смотреть на то, как двадцатипятилетний Струве устраивает словесные дуэли с признанными академическими авторитетами. В наше время практически невозможно представить себе, насколько завораживающе действовали на присутствующих устраиваемые им сцены, так как при обычных обстоятельствах обсуждавшиеся на этих собраниях темы могли бы заинтересовать только профессиональных экономистов¹². В те дни, когда ожидалось выступление Струве, зал бывал настолько переполнен студентами, что постоянные участники собраний с трудом находили себе место. Аплодисменты и одобрительные крики студентов сопровождали буквально каждую реплику, исходящую из уст их идола, побуждая его превышать даже ту немалую степень резкости, которую он, в силу своего страстного темперамента, и так готов был выплеснуть в аудиторию. Когда Струве, например, начинал высказываться по поводу биметаллизма, студентки доходили просто до неистовства, а во время его рассуждений о ценах на хлеб начинали падать в обморок. Столь бурная реакция объяснялась, прежде всего, абсолютной новизной происходящего, заключавшейся в том, что вопросы, относящиеся к области национальной политики, так откровенно обсуждались на открытом для всех и разрешенном властями собрании. Аудиторию буквально наэлектризовывал уже один тот факт, что они слушают оратора, публично критикующего правительство.

¹² Описание этих собраний см.: *Новое время*. – № 7206. – 21 марта /2 апреля 1896. – С. 3; *В. Оболенский*. На экране...; *О. Лепешинская*. Из моих ранних воспоминаний об Ильиче. – *Старый большевик*. – № 5/8. – октябрь-декабрь 1933. – С. 166.

Одна из самых острых дискуссий с участием Струве состоялась на двухдневной сессии собрания 1/13 и 2/14 марта 1897 года, посвященной обсуждению незадолго до этого вышедшей книги, в которой анализировалось, каким образом низкие цены на хлеб сказываются на национальной экономике¹³. На сей раз две противостоящие друг другу экономические школы, каждая из которых имела свою точку зрения на дальнейшее развитие российской экономики, причем одна была уже сложившейся и признанной, а другая — складывающейся и жаждущей признания, сошлись в прямом и открытом поединке. Это был поединок между поколением юных и поколением старших: Струве и Туган-Барановский, лидеры санкт-петербургских социал-демократов, против А. И. Чупрова и традиционалистов, придерживающихся доктрины особого пути. Зал, в котором проходило собрание, был битком набит слушателями.

Книга, давшая повод для этой дискуссии, была подготовлена по заказу министерства финансов группой известных экономистов и статистиков, которых возглавлял Чупров. Перед авторами книги была поставлена задача — собрать и должным образом скомпоновать те факты и доказательства, которые опровергли бы обвинения, выдвигаемые в адрес министерства как радикалами, так и консерваторами, что проводимая этим министерством проиндустриальная политика ведет к разорению крестьянства. В своей работе Чупров и его коллеги исходили из того, что российское сельское хозяйство преимущественно базируется на натуральном способе производства, при котором крестьяне сами обеспечивают себя запасами продовольствия. Это положение они обосновывали тем фактом, что на рынок поступает в общей сложности не более 1/3 производимой в стране сельскохозяйственной продукции. В этой ситуации, заключали авторы книги, низкие

¹³ А. И. Чупров и А. С. Посников. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. — В 2-х тт. — СПб., 1897.

цены на хлеб выгодны для крестьян, поскольку те из них, кто имеют дело с рынком, гораздо чаще выступают в качестве покупателей, чем продавцов.

Понятно, что Струве не мог выдержать спокойный тон по отношению к тому хвалебному гимну отсталости российского сельского хозяйства, который содержала эта книга; критика, которую он на нее обрушил, была необычайно резкой даже для него. По его мнению, Чупров и его коллеги основывали свои рассуждения на абсолютно ложной посылке:

«Для меня вполне понятна высказанная здесь резкая критика вывода, якобы статистического, что на рынок поступает от 1/4 до 1/3 части всего годового урожая хлеба, а остальное потребляется в пределах самих хозяйств, и что поэтому Россия есть страна по преимуществу натурального хозяйства. Я считаю этот вывод чисто фантастическим, совершенно аналогичным следующему выводу: положим, мы знаем количество масла, производимого и потребляемого на душу в известной местности, напр., в Дании. Помножив оба количества на число жителей этой местности, мы получим известный избыток производства над потреблением. Но неужели на основании этого факта мы заключим, что всякий житель Дании — самостоятельный и независимый маслодел? Руководствуясь подобным методом, можно доказать, что и в Северной Америке господствует натуральное хозяйство»¹⁴.

Но раз изначальная посылка Чупрова неправильна, то и сделанные им практические выводы тоже неправильны. Неправда, восклицал Струве, что большинство крестьян производят достаточное для своих нужд количество продовольствия и что крестьянам выгодны низкие цены: «низкие цены на хлеб... являются тормозом экономической культуры и общественного прогресса» в России. Своим высоким голосом Струве возбужденно выкрикивал: «Да, у нас господствует натуральное хо-

¹⁴ #58/20.

зяйство, но совсем не то идиллическое, которое описывает г. Чупров... а натуральное хозяйство, тесно связанное с продажей рабочей силы. Рабочая сила прикована к натуральному хозяйству, и потому она от его укрепления и сохранения страдает и деградирует. Она продает себя за самую дешевую цену, она опутана крепостными узами. Все это — несомненные, установленные самими нашими противниками плоды натурального хозяйства и хваленой «экономической самостоятельности». Эта «экономическая самостоятельность» тождественна с злейшей хозяйственной эксплуатацией и правовой приниженностью личности. Еще сегодня с этой кафедры перед вами, мм. гг., весьма красноречиво говорили о приниженности личности и о значении ее подъема. Мы идем лишь дальше, мы исследуем, на каком фундаменте покоится приниженность личности. И мы приходим к выводу, что она неразрывными нитями связана с существующими у нас хозяйственными отношениями, что она покоится на прославленном «натуральном хозяйстве».

Фантастический вывод г. Чупрова гласит, что в России господствует натуральное хозяйство; фактический вывод, которым мы обязаны славному памятнику русской мысли — земской статистике, гласит, что в России господствует натуральная эксплуатация крестьянского труда или, что то же, полукрепостные отношения. Прочное повышение хлебных цен быстро сметет эти отношения. *А потому и в этом смысле да здравствуют высокие хлебные цены!*¹⁵

Присутствовавший на дискуссии корреспондент консервативной газеты *Новое время*, опубликовавший затем в ней свой репортаж за подписью «Старый джентльмен» (это был А. В. Амфитеатров) не мог не упомянуть о грубости тона, который позволяли себе Струве и Туган-Барановский, причем последнего он назвал «титulóванным магистром из «струвистов». О Струве он выразился

¹⁵ #58/82-83; а также #52/223-225.

в том духе, что между ним и «возможностью публично говорить лежит, к сожалению, неодолимое препятствие крайней ненависти, обращающей речь его в ряд истерических выкриков, сопровождаемых совершенно кликушечную жестикуляцией...»¹⁶

Полемика вокруг цен на хлеб имела широкий отклик в прессе, включая и *Самарский вестник*. Главный вдохновитель этого издания Маслов, занимавший столь жесткую марксистскую позицию, что один из его друзей уподобил его староверу, пришел в ужас от аргументов Струве и Туган-Барановского. Защищать капитализм и оценивать экономические явления, ориентируясь, скорее, на общенациональные интересы, а не на классовую борьбу, представлялось ему извращением марксизма, о чем он и написал в длинном письме к Струве¹⁷. Струве переслал это письмо Ленину. И Ленин, которого также отнюдь не приводило в восторг то, что говорил Струве во время дебатов с Чупровым¹⁸ тем не менее без колебаний принял его сторону. Отчасти это произошло по той причине, что к тому времени его экономические взгляды в основном совпадали с позицией Струве. Согласно Мартову, описавшему эти события, «от прежнего недоверия к капиталистическому апологетизму Струве у Тулина [Ленина] не оста-

¹⁶ *Новое время*. – № 7554. – 9/21 марта 1897. – С. 2-3.

¹⁷ См.: *Л. Мартов*. Записки социал-демократа. – С. 330. Согласно другому источнику, письмо самарцев было спровоцировано редакционной статьей Струве в первом выпуске *Нового слова*, которое вышло под его редакцией (#44): *А. Санин*. – *Пролетарская революция*. – № 12/35, 1924. – С. 275. Эти две версии вовсе не исключают друг друга, поскольку в статье в «Новом слове» Струве подтвердил свое убеждение в прогрессивном значении высоких цен на хлеб (#44/19-20).

¹⁸ В Хутоновской библиотеке Гарвардского университета есть экземпляр тома трудов Свободного Экономического Общества («Труды ИВЕО»), содержащего материалы дискуссии по книге Чупрова, аннотированные Лениным. Ленин одобрил большую часть того, что было сказано Струве, выразив сомнение по поводу некоторых пассажей, в частности, по поводу заключительного восклицания: «А *потому* и в *этом смысле* да здравствуют высокие хлебные цены!»

валась и следа и в этом настроении он пребывал и в следующие годы, когда (в своих «Этюдах и Очерках» и «Развитии капитализма») специально занимался аграрным вопросом¹⁹. Однако главной причиной было то, что он не хотел раскола в объединенном фронте против «народников». Именно поэтому он попросил Мартова и нескольких других своих друзей поддержать Струве²⁰ и сам сделал это в письме самарским марксистам, в котором полностью одобрял позицию Струве и Туган-Барановского²¹. Этот эпизод, сам по себе не слишком значительный, иллюстрирует, насколько в то время позиция Ленина была близка к позиции Струве и как далеко он был готов зайти, чтобы сохранить только что образовавшийся социал-демократический союз.

Дебаты в Свободном экономическом обществе, широко освещавшиеся в прессе, чрезвычайно упрочили репутацию Струве. Он стал интеллектуальной звездой первой величины и отчасти даже легендарной фигурой²². Арсеньев назвал его «властителем дум» и сравнивал с Писаревым²³. Действительно, для того, чтобы найти аналогию такому масштабу влияния на современников, особенно в столь раннем возрасте, надо было вернуться к Писареву и шестидесятым годам.

¹⁹ Л. Мартов. Записки... – С. 329.

²⁰ Там же. – С. 329-330; Н. Ангарский. Легальный марксизм. – Т. 1. – М., 1925. – С. 100-107.

²¹ Л. Мартов. Записки... – С. 330. Эти письма не были опубликованы и, возможно, утеряны. В письме к матери, датированном 18/30 мая 1897 года, Ленин говорит об объявлении «войны» самарцам: В. И. Ленин. Письма к родным. – Л., 1934. – С. 41; ix.

²² Выступления Струве в Свободном экономическом обществе породили множество историй, среди которых был рассказ о том, как он цитировал длинные отрывки из «Капитала»: Гарольд Вильямс говорил об этом как о достоверном факте. – *The Slavonic and East European Review*. – V. IV. – № 10, 1925. – P. 20. Однако в «Трудах ИВЕСО» нет ничего, что подтвердило бы это происшествие.

²³ См.: А. Мейендорф. П. Б. Струве. – неопубликованная рукопись (1944-45). – Archive Hoover Institution, Stanford, California.

Струве был бы знаменит еще больше, если бы стало известно, что он — автор публичного анонимного письма Николаю II, в котором впервые открыто провозглашалось о противостоянии новому властителю.

Александр III умер в ноябре 1894 года. Вступивший на престол Николай II в силу непонятных причин имел репутацию либерала, поэтому в обществе появилась надежда на то, что правительство вернется к тому реформистскому курсу, который был прерван в 1881 году, и попытается перебросить мост через широкую пропасть, разверзшуюся между правителями и подданными. Эта надежда была осторожно выражена в некоторых поздравительных посланиях, принятых земскими собраниями в честь нового монарха зимой 1894–95 годов. Некоторые земства, наряду с обычными уверениями в лояльности, позволили себе обратиться к новому царю с просьбами возвратить им полномочия, отнятые у них его отцом, обуздать власть бюрократии и встать на защиту гражданских свобод. Наиболее смелым было послание, написанное под редакцией Ф. И. Родичева и отправленное от имени тверского земства²⁴.

Николаю II не понадобилось много времени на то, чтобы похоронить все эти ожидания. Несмотря на либеральную репутацию, он имел темперамент консерватора и смотрел на царскую власть как на священный долг, исполнение которого он обязан передать своему наследнику, сохранив институт этой власти в нетронутом виде. Свою позицию он прояснил (не обладая политической прозорливостью, он был человеком чести) в тронной речи, произнесенной 17/29 января 1895 года перед представителями земств.

«Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому

²⁴ Все эти послания были собраны в: *С. Мирный* [Д. Шаховской]. Адреса земств, 1894–95, и их политическая программа. — Женева, 1896.

русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный, покойный Родитель»²⁵.

Подобные сентенции, отдающие надменным патернализмом, привели к тому, что значительная часть общества моментально перешла на сторону оппозиции новому царю. Большинство подданных поняли из этой речи — и как показали дальнейшие события, так оно и было, — что в задачи новой администрации не входят ни обуздывание власти бюрократии, ни предоставление обществу политических свобод — страна по-прежнему будет управляться при помощи полицейско-бюрократического аппарата. Радикальные и либеральные круги испытали чувства разочарования и гнева. Разочарование после царской речи испытали и многие консерваторы — они, хотя и не ратовали за конституцию и парламент, все же ждали от нового правительства, что оно утвердит в стране закон и порядок, и требовали хотя бы частичного ограничения власти бюрократии и полиции. Отвергшая «бессмысленные мечтания» тронная речь 1895 года немало способствовала образованию и укреплению первого звена того самого радикально-либерально-консервативного альянса, который в начале нового столетия под знаменем «освободительного» движения подготовил первую революцию.

Струве сразу же осознал смысл тронной речи Николая II, после чего в состоянии невероятной ярости написал царю открытое письмо. В этом письме он предупреждал царя, что если тот будет упорствовать в осуществлении той политической программы, которая заложена в его

²⁵ В. Бурцев (ред.). За сто лет, 1800-1896. — Т. 1. — Лондон, 1897. — С. 264.

речи, это приведет к тому, что страна будет ввергнута в пучину революции и произойдет падение династии.

«Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя с всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного положения об усиленной охране, — дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил. Вы сами своими словами и своим поведением задали обществу такой вопрос, одна ясная и гласная постановка которого есть уже страшная угроза самодержавию. Вы бросили земским людям и с ними вместе всему русскому обществу вызов, и им теперь не остается ничего другого, как сделать сознательный выбор между движением вперед и верностью самодержавию»²⁶.

Струве прочел это письмо нескольким своим друзьям, а затем, с их помощью, размножил его на копировальной машине в магазине Калмыковой. В ночь 19/31 января листки с текстом этого письма были опущены в почтовый ящик на железнодорожной станции и разосланы главам всех земских собраний, редакторам влиятельных изданий и прочим значительным лицам²⁷. Отличаясь резким и бескомпромиссным тоном, это письмо вызвало большой интерес и имело широкое хождение в обществе. Публика приписывала авторство Родичеву, который вскоре после этих событий был снят с поста главы тверского земства. Полиция, со своей стороны, считала авторами этого письма эмигрантов, связанных со Свободной русской прессой в Лондоне²⁸. Позднее письмо несколько раз переиздавалось за границей.

Хотя это письмо ничего не добавило к и так уже весьма внушительной репутации Струве, поскольку его

²⁶ #20/266.

²⁷ My Contacts with Rodichev. — P. 351.

²⁸ См.: Обзор. — XIX-XX (1895-96). — С. 312.

авторство какое-то время оставалось неизвестным, оно оказало ему немаловажную услугу. Узкий круг причастных к тайне авторства письма включал в себя и князя Дмитрия Шаховского, либерала, известного в земствах и кооперативном движении. Шаховской передал копии письма Родичеву и другим либеральным лидерам, на которых оно произвело благоприятное впечатление²⁹. Таким образом, Струве установил связь с конституционалистским крылом земского движения, главным теоретиком которого он и стал после того, как был изгнан из социал-демократических рядов.

Осенью 1895 года Струве опять уехал за границу. Прежде всего, он намеревался посетить Швейцарию, чтобы встретиться, наконец, с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда».

Однако отношения с Плехановым с самого начала не заладились. Отличаясь крайней тщеславностью, Плеханов очень ревниво относился ко всякому, в ком видел потенциального соперника, то есть человека, претендующего на статус основателя и предводителя российской социал-демократии. Поэтому российские социал-демократы, совершавшие своего рода паломничество в Женеву для того, чтобы встретиться с Плехановым, попадая под гнет его подозрительности, зачастую испытывали чувство полного разочарования. Несмотря на то, что их отношение к нему напоминало священный трепет и даже влюбленность, при общении с ними Плеханов имел угрюмый вид, поскольку, не осознавая этого, они давали ему понять, как сильно отдалили его от родины долгие годы изгнания и насколько мало было то влияние, которое он оказывал на происходящее там. В случае же со

²⁹ My Contacts with Rodichev. – P. 358. Струве был знаком с Шаховским по крайней мере с 1889 года (*Россия и славянство*. – № 83. – 29 июня 1930), а с Родичевым – примерно с 1890 года (My Contacts with Rodichev. – P. 348).

Струве у него имелись дополнительные причины для недружелюбия, и не только потому, что известность Струве затмевала его собственную, а главным образом потому, что эта известность была связана с ненавистной ему реформистско-либеральной ветвью социализма. Как только они встретились, между ними сразу же возник спор³⁰, и при последующих встречах они держались по отношению друг к другу с той напряженной сдержанностью, при которой для возникновения обоюдной ненависти достаточно одной искры. Вере Засулич Струве сначала тоже не понравился, но вскоре она изменила свое мнение и по отношению к нему стала вполне дружелюбной и политически лояльной. Струве же просто влюбился в нее: для него она была самой замечательной личностью во всем движении, и он признавался, что испытывает по отношению к ней почти «религиозные» чувства³¹.

Из Швейцарии Струве отправился в Берлин, в котором пробыл до конца декабря 1895 года. Он намеревался вплотную заняться изучением немецкой экономической литературы. Кроме того, он взялся написать для Русского Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона статью о Марксе, для чего углубился в изучение его жизни. Начал он с малоизученного периода предыстории «научного социализма» — 1840-х годов, — когда Маркс и Энгельс впервые сформулировали принципы своей теории. Этот период представлял для него особый интерес, поскольку, как уже было сказано, в его глазах современный ему спор между марксистами и «народниками» был своего рода историческим аналогом конфликта между «научным» и «утопическим» разновидностями социализма,

³⁰ В письме к Потресову от 26 августа 1903 года Калмыкова напомнила ему о том, что у Струве были «острые разногласия с Плех[ановым] с первой же встречи». Лидия Дан, сестра Мартова, в разговоре со мной утверждала, что Плеханов всегда испытывал по отношению к Струве сильную личную неприязнь.

³¹ Письмо Струве — Потресову, недатированное, возможно, оно было написано в начале ноября 1896 года.

имевшим место на Западе пятьюдесятью годами раньше. Вскоре он настолько втянулся в изучение этого вопроса, что отказался от первоначального плана занятий и полностью посвятил себя изучению истории раннего социализма. В ходе исследования этого вопроса он сделал ошеломляющее открытие — обнаружил самые ранние следы «молодого Маркса», который, будучи левым гегельянцем, высказал идею «отчуждения», о чем до этого никто не только ничего не знал, но и не подозревал, что такое может быть.

Изучая выпуски *Вестфальского парохода* (*Das Westphälische Dampfboot*) 1846–47 годов, журнала, который издавали в Бельгии немецкие эмигранты радикального толка, Струве наткнулся на две весьма заинтересовавшие его статьи. Они не были подписаны, но к тому времени Струве уже настолько проникся особенностями литературного стиля Маркса, что не колеблясь приписал их авторство ему³². Удивительно было уже то, что Маркс писал для этого журнала, поскольку это был орган «реальных социалистов» — той самой группы, участников которой впоследствии Маркс и Энгельс в своем «Коммунистическом манифесте» гневно обличили как апологетов мелкой буржуазии. Но содержание найденных Струве статей было еще любопытнее. Следуя за этой путевой нитью, он погрузился в неизведанные глубины, в которых таились корни «научного социализма».

«Реальный социализм» (*der wahre Socialismus*) представлял собой весьма эфемерное социалистическое движение, организованное двумя учениками Фейербаха, Мозесом Гессом и Карлом Грюном. Теоретическая база этого движения была выведена из фейербаховской концепции «реального человека», настоящего *ens realissi-*

³² #85/xxvii-xxviii. Это событие следует отнести к периоду между концом октября 1895 года, когда Струве приехал в Берлин, и 8-9 декабря того же года, когда он сообщил о своем открытии Плеханову: Литературное наследие Г. В. Плеханова. — Т. 4. — М., 1939. — С. 292.

тит, укрывшегося за множеством «проекций», продуцируемых в процессе перенесения человеком своих эмоций на внешние по отношению к себе объекты. В своей знаменитой книге «Сущность христианства» (1841) Фейербах квалифицировал религию как результат подобных психологических проекций. Согласно его теории, религиозная концепция Бога возникла в результате переноса в вымышленный образ всего, что человек либо желает для себя, либо страшится в других. По Фейербаху не Бог создал человека в своем воображении, а, наоборот, человек создал Бога в своем воображении. Однако в результате этого акта человек вынес за пределы себя качества, присущие его собственной природе и таким образом обеднил и умалил самого себя. Поэтому, полагал Фейербах, задача философии — освободить человека от тирании фетишей, созданных им же самим, и вернуть его на принадлежащее ему место — в центр вселенной, иными словами, место теологии должна занять антропология. Только тогда человек сможет полностью осознать свой потенциал и объединиться с себе подобными в человеческое сообщество, основанное на принципах равенства и братства. Гесс и Грюн использовали разработанную Фейербахом теорию, с помощью терминов «просекция», «фетиш» и «отчуждение» приспособив ее для анализа различных социальных и экономических институтов, таких как, например, деньги.

Между тем очевидно, что понятие, лежащее в основе теорий Фейербаха и его учеников — об укрытом под маской меняющихся условностей «реальном человеке» — не вписывалось в систему взглядов Маркса и Энгельса в их зрелые годы. Классические взгляды Маркса и Энгельса базируются на аксиоме, гласящей, что все феномены, включая феномен человека, должны рассматриваться не абстрактно, а в контексте исторических условий их существования. При подобной постановке вопроса такое понятие как «реальный человек» невозможно, поэтому система взглядов Маркса и Энгельса включает в себя только

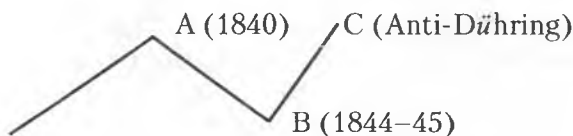
определяемого историческими условиями конкретного человека. Исходя из этого в своем «Коммунистическом манифесте» они и подвергли резкой критике взгляды «реальных социалистов».

Известно, что перед тем, как создать теорию, носящую их имена, Маркс и Энгельс прошли через переходную стадию сближения с философией Фейербаха и его школы. Но в 1895 году об этом эпизоде их творческой биографии не знали даже специалисты, поскольку сами Маркс и Энгельс по этому поводу ничего не писали, а то, что сегодня существует под именем марксологии, еще не возникло. В то время все были убеждены, что в 1843 году, находясь в Париже, Маркс порвал с Гегелем и гегельянцами и приступил к созданию собственной теории. Факт публикации Марксом в 1844 году работы «Святое семейство», преследующей цель дискредитировать Бруно Бауэра, предводителя левых гегельянцев, считался доказательством того, что к этому времени Маркс уже решительно отверг «философский идеализм»³³.

Статьи, обнаруженные Струве в *Вестфальском пароходе* и, как выяснилось позднее, совершенно справедливо приписанные им Марксу, представляли собой полемические эссе, направленные против Грюна и «реальных социалистов». В этих эссе Маркс сводил счеты со своими прежними друзьями и сотоварищами по интеллектуальным занятиям и впервые излагал принципы «научного социализма». Размышляя над текстами этих статей, Струве пришел к выводу, что в свое время Маркс тоже был втянут в орбиту фейербаховской философии и что его путь от философского социализма к экономическому материализму был гораздо длиннее и путаннее, чем это было принято считать. В письме к Потресову, написанному вскоре после обнаружения статей Маркса, Струве высказал свои предварительные соображения по этому вопросу.

³³ См., например, ананимную биографию Маркса (написанную Карлом Либкнехтом). – *Die Neue Zeit*. – Vol. I. – № 10, 1883. – S. 442.

«Я пришел к убеждению, что гегельянство М[аркса] и Э[нгельса] исторически может быть изображено в виде кривой

В «А» они гегельянцы à la Бруно Бауэр, в «В» они фейербахианцы, т. е. не гегельянцы. Затем является антигегельянская реакция в Германии, и они из контрреакции снова приемлют Гегеля. (Важно тут также было формальное сходство *эволюции* и диалектики.) В «Heilige Familie» дух не Гегеля, а Фейербаха. Я думаю, Э[нгельс] стал бы отрицать эту конструкцию, но это было бы для меня несколько не убедительно»³⁴.

Сообщение о своем открытии Струве опубликовал в *Die Neue Zeit*, теоретическом органе немецких социал-демократов³⁵. Изложив суть статей Маркса, он вкратце охарактеризовал его как наследника великих немецких метафизиков, занимающего свое место в длинной череде мыслителей, создававших всеохватывающие философские системы³⁶. Вскоре после этого Эдуард Бернштейн, распо-

³⁴ Письмо Струве — Потресову от 2-3 декабря 1895 года.

³⁵ #28.

³⁶ «Будучи склонен к философскому обобщению и обладая, если воспользоваться известным выражением Ф. А. Ланге, «инстинктом философской конструкции» (*philosophischen Bautrieb*), Маркс считал себя наследником великих немецких метафизиков» (#28/54). (В напечатанном варианте статьи Струве вместо слова «*Bautrieb*» стоит слово «*Baustil*», но это — результат опечатки, о которой Струве сообщает редактору журнала Карлу Каутскому в письме от 1/13 апреля 1896 года). Позднее Струве более подробно разработал эту тему в первой части в #48.

рядитель наследия Маркса и Энгельса, подтвердил открытие Струве, сообщив через *Die Neue Zeit*, что статьи, обнаруженные Струве в *Вестфальском пароходе*, действительно принадлежат Марксу и одно время находились в его архиве, но, по требованию Энгельса, не были перепечатаны³⁷. Как впоследствии было установлено, одна из этих статей являлась частью большого труда под названием «Немецкая идеология», полный текст которого стал известен лишь в 1932 году³⁸.

Вдохновленный своей находкой, Струве продолжал углубляться в предысторию марксизма. В то время эта область была настоящей terra incognita. В обращении находилась лишь небольшая часть ранних работ Маркса и Энгельса — «Святое семейство», «Положение рабочего класса в Англии» и некоторые журналистские отрывки³⁹. Прибегнув к помощи немецких библиотекарей и книготорговцев, Струве обнаружил ряд редких социалистических изданий, относящихся к периоду начиная с 1840 года, и среди них — издававшуюся Марксом *Немецкую Брюссельскую газету* (1846–47), полную подборку которой еще не держал в руках ни один исследователь⁴⁰. Кроме того, он по-новому прочел частную переписку Маркса и Энгельса до 1847 года, ища в ней следы все того же «реального социализма». На материале этих исследований Струве написал три статьи, дающие совершенно иное, чем было принято, представление об интеллектуальной эволюции молодого Маркса⁴¹.

³⁷ Marx und der «wahre» Socialismus. — *Die Neue Zeit*. — XIV. — Pt. 2. — № 33, 1895-96. — S. 216-220.

³⁸ *Marx-Engels. Gesamtausgabe* (MEGA). — I. — Vol. 5. — Berlin, 1932. — S. 471-516. Эта статья — единственный отрывок из данной работы, напечатанный при жизни Маркса. Другая статья, направленная против Германа Криге, была переиздана там же. — I. — Vol. 6. — S. 1-21.

³⁹ См., например, библиографию доступных работ Маркса, составленную Энгельсом для «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*». — IV. — Jena, 1892. — S. 1133.

⁴⁰ #39.

⁴¹ #38.

Иллюстрируя свой анализ отрывками из «Святого семейства», «Положения рабочего класса в Англии» и «Германско-французских анналов», Струве обратил внимание на то, что тексты этих работ пестрят терминами и идеями, характерными для «реального социализма». Это обстоятельство, казалось бы, открытое для каждого, оставалось незамеченным, поскольку, как объяснил Струве, наряду с сентенциями, типичными для философского идеализма, эти работы содержат выражение взглядов, предвосхищающих «научный социализм». Таким образом, пришел к выводу Струве, в 1843, 1844 и в начале 1845 годов Маркс и Энгельс были «реальными социалистами»: они входили в круг последователей Фейербаха и, подобно Гессу или Грюну, основывали свое видение положительного общества на концепциях «реального человека» и «человечности». В этом смысле оба они в то время тоже были утопистами. Этот эпизод интеллектуальной эволюции Маркса и Энгельса казался Струве выходящим за рамки чисто биографических подробностей — он был убежден, что элементы фейербаховской философии продолжали жить и в сознании зрелого Маркса и в ходе проведения им анализа капитала проявились, например, в виде концепции товарного фетишизма.

Антигрюновские статьи Маркса, обнаруженные Струве в *Вестфальском пароходе*, позволили выявить еще один незамеченный аспект ранней интеллектуальной эволюции Маркса, а именно его отношение к прусскому консерватору Лоренцу фон Штейну, автору книги «Социализм и коммунизм в современной Франции». Впервые изданная в 1842 году, эта книга предвосхитила некоторые положения «научного социализма», в том числе концепцию пролетариата как общественного класса. Параллели были столь явными, что Вернер Зомбарт говорил о влиянии Штейна на молодого Маркса⁴², но, поскольку он не мог предоставить ни одного доказательств-

⁴² Sozialismus und soziale Bewegung. — Jena, 1896. — S. 70.

ва того, что Маркс вообще читал Штейна, его гипотезу не принимали всерьез. Однако обнаруженные Струве анти-грюновские статьи содержали в себе столь явные ссылки на книгу Штейна, что не только не оставили никаких сомнений по поводу знакомства Маркса с этой книгой, но с очевидностью продемонстрировали, что он относился к Штейну с определенным уважением. Исходя из этого Струве счел возможным заключить, что вопрос о влиянии Штейна на Маркса окончательно решен в положительном смысле⁴³.

Немецким социал-демократам не слишком понравился установленный Струве факт связи между Марксом и Энгельсом и «реальными социалистами», равно как и его выводы относительно того, что основатели «научного социализма» когда-то были утопистами. Еще меньше им понравилось его утверждение о том, что Маркс находился под влиянием Штейна, поскольку последний был прусским монархистом и именно его идеи предвосхитили ту социальную политику, которую проводил презираемый ими Бисмарк. После того, как первая часть трехчастного эссе Струве появилась в *Die Neue Zeit*, Франц Меринг, специализировавшийся на истории партии, не замедлил довести до сведения общественности то недовольство, которое испытывала по поводу исследований Струве партийная элита. В неподписанной редакторской статье⁴⁴ он категорически отверг наличие какой-либо связи между

⁴³ Более подробно вопрос о Штейне был разработан Струве в статье, опубликованной двумя годами позже (#48/161-164). Г. Соломон, редактор книги Штейна (*Geschichte der Sozialen Bewegungen in Frankreich. – I. – München, 1921. – S. xxii*), считает, что Струве был первым, кто выявил роль Штейна в интеллектуальном развитии Маркса. См. также: *Ernst Grünfeld. Lorenz von Stein und die Gesellschaftslehre. – Jena, 1910. – S. 239.*

⁴⁴ *Politik und Sozialismus. – Die Neue Zeit. – XV. – Pt. 1. – 1896-97. – S. 449-455.* Вопрос о «реальных социалистах» Меринг затронул в другой статье: *Nochmals Marx und der «wahre Sozialismus». – Die Neue Zeit. – XIV. – Pt. 2. – 1895-96. – S. 395-401.* В этой статье он обосновывает свой взгляд на них как на передовых общественных мыслителей.

Марксом и Штейном и, обращаясь к Струве как к «марксисту» (в сносках к цитатам), призвал к прекращению абсолютно беспочвенных разговоров о возможности подобной связи. При этом он намекнул на то, что, вынеся все эти обстоятельства на суд публики, Струве оказал плохую услугу всему социалистическому делу.

Отвечая на обвинения Меринга, Струве опубликовал вторую и третью части эссе (они появились в печати только через шесть месяцев), посвятив их обоснованию своей точки зрения на связь между Марксом и Штейном. Доказательства влияния Штейна на Маркса, утверждал он, содержатся в книге самого Штейна. Правда, Штейн был «идеалистом», но внутри его идеализма находится твердое ядро реалистического мышления. Установив, что за политическими конфликтами стоят социальные и экономические конфликты, он открыл существование пролетариата. При всех своих, по общему признанию, «буржуазных» склонностях он был более передовым мыслителем, чем Гесс или Грюн, которые оставались заложниками философского идеализма. Освободившись от влияния «реальных социалистов», которые ненавидели Штейна, Маркс попал под влияние последнего. Степень этого влияния установить невозможно, но то, что оно имело место, неоспоримо.

Мысли, высказанные Струве по поводу фейербаховского периода жизни Маркса и Энгельса, некоторое время оставались практически незамеченными. Что касается Меринга, то даже сорок лет спустя при написании ставшей хрестоматийной биографии Маркса он приложил все усилия, чтобы в глазах читателей свести к минимуму влияние Фейербаха на Маркса⁴⁵. Этот спор окончательно разрешился только после первой мировой войны, когда было опубликовано полное собрание сочинений Маркса и Энгельса. Только тогда гипотеза Струве полностью подтвердилась. А публикация в 1932 году сборника

⁴⁵ *Franz Mehring. Karl Marx. – New York, 1935.*

работ, написанных Марксом в 1843–44 годах и вышедших под общим названием «Экономические и философские рукописи», уничтожила последние сомнения относительно существования фейербаховского периода интеллектуальной эволюции Маркса и обозначила его почти тем же временным отрезком, какой был установлен Струве⁴⁶. Сегодня об этом периоде жизни Маркса знает любой серьезный ученый; более того, с точки зрения становления Маркса он расценивается как самый интересный⁴⁷. В глазах большей части современной публики «юный Маркс», толкователь психологического феномена «отчуждения», практически затмил зрелого Маркса, теоретически обосновавшего эксплуататорский характер капиталистической экономики. Причина этого, вполне вероятно, заключается в том, что по прошествии века экономические и социальные идеи Маркса, как правило, представляют интерес только для специалистов по истории философии, тогда как идеи Фейербаха, которыми он увлекался в юности, благодаря своей близости к современной психологии и философии, вновь стали злободневными. Другой вопрос, является ли теория отчуждения той концепцией, которая лежит в основе взглядов Маркса — тех взглядов, на которых покоится его известность и которые он сам идентифицировал бы как отличающие его от всех прочих мыслителей, — и кому, собственно, принадлежит заслуга создания этой концепции — Марксу или Фейербаху.

Что же касается влияния Штейна на Маркса, то этот вопрос остается открытым⁴⁸. В 1902 году Меринг, со свойственной ему нетерпимостью, любую попытку соединить имена этих мыслителей считал недостойной серьез-

⁴⁶ *Marx-Engels. Gesamtausgabe.* — 1. — Vol. 3. — Berlin, 1932. — S. 33-172.

⁴⁷ Количество литературы, посвященной этой теме, огромно; весьма репрезентативной в этом смысле является: *Jean-Yves Calvez. La pensée de Karl Marx.* — Paris, 1956.

⁴⁸ Эта тема обсуждается в предисловии к: *Stein. History of the Social Movements in France, 1789-1850.* — Totowa, N. J., 1964. — P. 25-33, автором которого является редактор перевода К. Менделберг.

ного рассмотрения⁴⁹. Однако некоторые современные исследователи считают факт этого влияния вполне доказанным⁵⁰.

Открытия, сделанные Струве в области биографии раннего Маркса, блестяще иллюстрируют его способность решать стоящую перед ним проблему, ориентируясь прежде всего на свою интуицию и тем самым избавляя себя от трудоемкого прохождения многочисленных этапов поиска, лежащих между гипотезой и ее разрешением. Понимание ему давалось явно лучше, чем доказательства.

Марксологические изыскания Струве привели к некоторому охлаждению его отношений с немецкими социал-демократами. По сравнению со своими российскими коллегами они были весьма терпимы в интеллектуальном отношении, но даже их возмутило в его поведении то, что они восприняли как безответственное вторжение в те аспекты истории движения, которые для общей пользы должны были быть преданы забвению. После выхода в свет статей о молодом Марксе Струве никогда больше не печатался в *Die Neue Zeit*.

Вернувшись в Россию в последние дни декабря 1895 года, Струве обнаружил, что в результате прошедших арестов ряды социал-демократов значительно поредели. Чтобы прояснить обстоятельства, связанные с этими арестами, необходимо кое-что сказать о Союзе борьбы за освобождение рабочего класса — организации, члены которой в основном занимались агитацией в рабочей среде⁵¹.

Значение употребляемого российскими революционерами слова «агитация», равно как и обычно сопровождающего его слова «пропаганда», уходит своими корнями в 1870-е годы; эти два слова обозначают два отличных друг

⁴⁹ Franz Mehring, ed. *Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lasalle*. – I, Stuttgart, 1902. – S. 186-187.

⁵⁰ Robert Tucker. *Philosophy and Myth in Karl Marx*. – Cambridge, 1961. – P. 114-117.

⁵¹ См.: R. Pipes. *Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement, 1885-1897*. – Cambridge, Mass., 1963.

от друга метода подталкивания народных масс к революционной деятельности. Пропагандисты специализировались на обучении трудящихся — как пролетариев, так и крестьян. Прикладывая силы, чтобы просветить их относительно истинного устройства природы и общества, они питали надежду, что со временем рабочие и крестьяне сами сделают из этого соответствующие практические выводы и начнут борьбу против существующего режима. Агитаторы же считали, что трудящиеся массы вовсе не нуждаются в подобной интеллектуальной подготовке. Для них каждый трудящийся по сути своей уже был потенциальным повстанцем — требовалась лишь искра, чтобы поджечь то, что Бакунин называл «злыми страстями» масс. Поэтому цель агитации состояла в том, чтобы привести в массы эту искру и побудить «тружеников» к восстанию или, по крайней мере, к тому, чтобы они перестали выходить на работу. Иными словами, пропагандисты обучали, а агитаторы только подстрекали. Эти методы, разработанные социалистами-революционерами, впоследствии были взяты на вооружение социал-демократами.

В конце 1880-х — начале 1890-х годов исповедующая социалистические взгляды часть интеллигенции в России занималась практически исключительно пропагандой. Основной ее метод состоял в том, что к организованным самими рабочим образовательным кружкам прикреплялись учителя, задачей которых было радикализировать в сущности мирные образовательные цели этих рабочих организаций. Кружок при Технологическом институте, к которому в 1893 году, вскоре после своего приезда в Санкт-Петербург, присоединился Ленин, был один из многих, занимавшихся именно такого рода деятельностью⁵².

Когда осенью 1895 года Ленин вернулся в Россию из своей первой поездки на Запад, его голова была заполнена амбициозными политическими планами, реализация которых вела к созданию Российской социал-демо-

⁵² Там же. — Р. 46-56.

кратической рабочей партии. В это время он познакомился с Мартовым, который считал, что методы пропаганды среди рабочих устарели, не приносят реальной пользы, и убеждал Ленина и его сотоварищей обратиться к тем методам агитации, которые он и его еврейские друзья успешно опробовали в Вильно. Это произошло после того, как виленские рабочие не только не откликнулись на проводимую среди них политическую пропаганду, но с негодованием отвергли ее. После этого местные еврейские социалистические группы пришли к выводу, что необходимо перестать проповедовать социализм и сосредоточиться на подстрекательстве рабочих к забастовкам. Они надеялись, что рабочие быстро поймут, что царский режим — это не некий нейтральный арбитр, стоящий над всеми классами, как это провозглашалось официальными кругами и чему рабочие верили как должному, что на самом деле этот режим выступает в союзе с капиталистами. Появление царских солдат и казаков, разгоняющих забастовщиков по приказу владельцев предприятий, должно было убедить бастующих рабочих, что борьба за удовлетворение исключительно экономических требований недействительна при отсутствии политической борьбы, конечной целью которой является смена правительства, защищающего интересы эксплуататоров, на правительство, которое будет служить интересам трудящихся. Таким образом, конфликты между рабочими и властями, изначально возникая из-за экономических требований, должны были привести к политизации и радикализации рабочего класса России; при этом задача социал-демократов состояла в том, чтобы, как только это случится, быть готовыми к организации сильной политической партии.

Чтобы не вызвать у рабочих подозрения в том, что их вовлекают в мероприятие, связанное с серьезными неприятностями, виленские агитаторы обрабатывали их, ориентируясь исключительно на «законные» требования. В ходе агитации они убеждали рабочих, что надо требовать от капиталистов не увеличения зарплаты или сокра-

щения рабочего дня (подобные требования были запрещены законом), а только строгого исполнения действующего на территории империи трудового законодательства (пусть даже и находящегося в зачаточном состоянии). При этом в среде рабочих распространялись листовки, которые содержали информацию о законных правах трудящихся и призывали к отказу от работы до тех пор, пока капиталисты не докажут, что готовы считаться с этими правами. Подобный метод оказался на удивление действенным: он полностью связывал руки властям, поскольку, в силу того, что забастовщики выдвигали вполне легальные требования, власти не могли расправиться с ними, не рискуя быть обвиненными в потакании беззакониям, которые совершают владельцы предприятий. Обобщив полученный в Вильно опыт, Мартов и его товарищ Л. Кремер подвели под него теоретическую базу, на которой должны быть основаны методы агитационной деятельности, изложив все это в брошюре «Об агитации»⁵³. Под давлением Мартова члены Технологического кружка приняли эти методы на вооружение.

Организация Мартова—Ленина (тогда еще не имевшая названия) вынашивала весьма амбициозные планы: помимо инициирования агитационной деятельности среди рабочих Санкт-Петербурга, члены этой организации собирались печатать газету «Рабочее дело», главным редактором которой должен был стать Ленин, а также войти в контакт с еще только разворачивающими свою деятельность профсоюзными организациями, созданными квалифицированными рабочими Петербурга за предшествующее десятилетие. Некоторых из поставленных перед собою целей им удалось достигнуть. Но в декабре 1895 года многие члены организации, все — интеллигенты, вкуче с несколькими присоединившимися к ним рабочими из опекаемых рабочих кружков, были арестованы за распространение на фабриках агитационных листовок. В конце

⁵³ Там же. — Р. 58-64.

января 1896 года и Ленин, и Мартов оказались за решеткой. Сильно уменьшившись в составе, организация Мартова—Ленина, названная (после ареста Ленина) Союзом борьбы за освобождение рабочего класса, как могла продолжала свою деятельность; до самого своего ареста в конце 1896 года ведущую роль в ней играл Потресов.

Оказавшись в тюрьме, Ленин немедленно начал работать над историческим исследованием, темой которого был процесс роста внутреннего капиталистического рынка в России. В этой работе он хотел показать, что российский капитализм имеет сильные национальные корни, продемонстрировав тем самым ошибочность рыночной теории Даниельсона. Через одну из своих сестер Ленин установил регулярный контакт со Струве, который предоставил ему возможность получать необходимые для работы книги из богатого фонда библиотеки Свободного экономического общества⁵⁴. По всей видимости, Струве оказывал помощь Ленину и его арестованным друзьям и какими-то другими способами — как пишет Мартов, он стал «оказывать организации [Союзу борьбы] всевозможные услуги»⁵⁵.

Хотя Союз борьбы и не имел никакого отношения к инициации самопроизвольно вспыхнувших в 1896 и 1897 годах стачек ткачей, тем не менее эту честь он в немалой степени приписывал себе⁵⁶. В этом деле ему сильно помогла полиция, поскольку, составляя свои рапорты, она стремилась изобразить рабочих непоколебимо верными трону, а возникающие в империи проблемы с рабочими списывала на агитационную деятельность социалистов.

Можно сказать, что состоявшиеся в 1896–97 годах стачки обозначили что-то вроде ватерлинии в ходе эволюции российского социализма. Они не только, как уже го-

⁵⁴ См.: В. И. Ленин. Письма к родным. — С. 14-15; А. И. Елизарова. Владимир Ильич в тюрьме. — *Пролетарская революция*. — № 3/26, 1924. — С. 113-114, 123.

⁵⁵ Л. Мартов. Записки... — С. 303.

⁵⁶ R. Pipes. Social democracy... — P. 104-106.

ворилось, подняли престиж и повысили самоуверенность социал-демократов, но и дали им возможность оценить значение как профессиональных, так и вообще любых рабочих союзов. В течение двух лет гонений они смотрели на это зарождающееся движение как на авангард российского социализма, самим себе отводя более скромную роль помощников или слуг трудящихся. Даже на такого политика до мозга костей, как Ленин, который, сидя в тюрьме, получал подробную информацию о происходящем, эти стачки произвели столь сильное впечатление, что он начал допускать возможность, что главная задача социал-демократов состоит не в том, чтобы возглавить рабочий класс, а в том, чтобы выступать в качестве его помощника. Кроме того, он убедился в правоте Мартова и Кремера, утверждавших, что, когда пролетариат начинает бороться за экономические права, происходит ли это спонтанно или является следствием агитационной работы, он автоматически радикализуется⁵⁷.

В этой эйфорической атмосфере Союз борьбы принял решение о посылке делегации в составе Потресова и Струве на лондонский Конгресс социалистического интернационала, который должен был состояться в августе. Впервые за всю историю социалистического движения на подобный конгресс должна была приехать делегация из России — до этого русское социалистическое движение на таких конгрессах представляли исключительно эмигранты. Запланированная поездка была весьма рискованным мероприятием, поскольку полиция была прекрасно осведомлена о связях между арестованными членами Союза и оставшимися на свободе Потресовым и Струве и не спускала с них глаз. Каутский считал, что для Струве в создавшихся обстоятельствах такая поездка выглядит очевидным безрассудством. «Я должен признаться, — писал он Плеханову, — что считаю это отчаянной смелостью, так

⁵⁷ См.: *В. И. Ленин. Сочинения.* — 3-е изд. — 30 т. — Т. 1. — М., 1926-1937. — С. 426, 438-439, 440, 441.

как Лондон, конечно, будет кипеть русскими шпиками, а он и без того уже на подозрении»⁵⁸. Поэтому исходя исключительно из соображений безопасности имена Струве и Потресова не были включены в официальный список делегатов.

Струве выехал из России в июле 1896 года, за шесть недель до открытия конгресса, для того, чтобы обговорить некоторые вопросы с Плехановым и его товарищами в Швейцарии и совместно с ними подготовить доклад от имени российской делегации. Плеханов взял на себя подготовку основного доклада (за исключением той его части, которая касалась стачек ткачей и подготовка которой была поручена Потресову). Струве должен был подготовить дополнительное сообщение по вопросу аграрной политики российских социал-демократов. Находясь в Швейцарии, Струве также написал две статьи о стачках ткачей и их значении.

В своем сообщении по аграрному вопросу⁵⁹ Струве доказывал, что российские крестьяне настолько отстали и настолько несознательны в классовом отношении, что заниматься среди них агитацией и пропагандой — пустая трата времени. Признавая, что совершенно случайно обстоятельства могут сложиться так, что крестьян можно будет побудить к восстанию, он тем не менее настаивал на том, что даже от систематической агитационной работы в деревне вряд ли будет большой толк. Крестьянство сможет проникнуться революционным духом, но только вслед за указывающим ему путь классово-сознательным российским пролетариатом. Весь доклад Струве был пронизан тем самым презрительным и подозрительным отношением к крестьянству, которое было характерно для российских социал-демократов того периода.

⁵⁸ Группа «Освобождение труда». — Т. V. — М.-Л., 1926. — С. 222.

⁵⁹ #31.

В статьях, посвященных рабочим волнениям в Санкт-Петербурге⁶⁰, Струве развил постулат, на котором основывалась вся политика социал-демократов — о том, что пролетариат освободит Россию от абсолютизма. Пролетариат, писал Струве, не может избежать выполнения возложенной на него исторической миссии. Россия является единственной европейской страной, в которой крупномасштабное капиталистическое производство развивалось в условиях самодержавного режима. Это привело к тому, что индустриализация в России сопровождалась значительными последствиями политического характера. Развитие капитализма вызвало резкое увеличение числа промышленных рабочих и одновременно — необходимость дать им хотя бы минимальное образование (в силу того, что промышленная экономика требует грамотного населения), но все это невольно подтачивало автократическую систему. Если рабочие будут уметь читать, то рано или поздно они поймут, насколько незаконным является режим, под властью которого они живут, а как только это произойдет, они будут вовлечены в борьбу с тем общественным порядком, который стоит на пути их самосовершенствования: «Русскому рабочему классу нужна политическая свобода для того, чтобы вести соединенную экономическую борьбу за лучшие условия труда, чтобы беспрепятственно учиться, словом, для того, чтобы лучше жить»⁶¹. То обстоятельство, что в период своей активности в 1890-х годах в Санкт-Петербурге рабочие продемонстрировали главным образом тягу к образованию и стремление к формированию профессиональных союзов, выдвинуло их на передний край борьбы с царским режимом. *«Русская революция нашла, наконец, народ»*⁶², — провозгласил Струве.

⁶⁰ #37 и #60; последняя статья вышла в следующем (1897) году, но, судя по всему, была написана во время пребывания Струве в Швейцарии или вскоре после того.

⁶¹ #60/xii.

⁶² #60/xv.

Когда Струве писал свои статьи о крестьянах и рабочих, он был в том радикальном настроении, которое всегда находило на него во время тесного общения с такими профессиональными революционерами, как Плеханов или Ленин. Но как только он оказался в Лондоне, вдали от оглуляющей атмосферы русского подполья, в нем ментально ожил глубоко присущий ему дух либерализма. Жадно вчитываясь в доклады, представленные конгрессу другими делегациями, он был особенно поражен докладом Фабианского общества, содержащим детально разработанное толкование понятия эволюционного социализма⁶³. Фабианцы провозглашали своей целью постепенный, мирный переход к системе демократии и социальной справедливости посредством постепенного усиления давления на национальные законодательные собрания. Драматическое столкновение между капитализмом и социализмом (то есть революция) в этом случае исключалось. Капитализм, предрекали фабиановцы, незаметно перейдет в социализм, и нынешнее классовое общество трансформируется в бесклассовое. Однако социализм не в состоянии решить все человеческие проблемы, поэтому и в будущем необходимость компромиссов сохранится.

Для слуха Струве все это звучало как прекрасная музыка. Его собственные убеждения были точно такими же, только он был вынужден прятать их внутри себя по той простой причине, что царизм упрямо отказывался поделиться с обществом хотя бы частью своей власти, вынуждая либералов, подобных Струве, становиться радикалами. Во время конгресса и уже после его закрытия Струве много общался с Верой Засулич. Надо думать, что защищая позицию фабианцев, он был очень убедителен, поскольку даже она на какое-то время поддалась влиянию подобных убеждений⁶⁴. Много времени он посвятил и бе-

⁶³ Report on Fabian Policy and Resolutions Presented by the Fabian Society to the International Socialist and Trade Union Congress. – London, 1896.

⁶⁴ Письмо Веры Засулич – Плеханову из Лондона [1896]; Группа «Освобождение труда». – Т. V. – М.-Л., 1926. – С. 157.

седам с Бернштейном, на которого, как он обнаружил, доклад фабианцев произвел впечатление не меньшее, чем на него самого⁶⁵. Тремя годами позже, когда Бернштейн открыто выступил против идеи социальной революции, Струве напомнил Вере Засулич об их «английских разговорах»⁶⁶ и в своей рецензии на знаменитую «ревизионистскую» книгу Бернштейна показал, что основные идеи этой книги восходят к идеям фабианцев⁶⁷.

По причинам, которые будут объяснены ниже, Струве не торопился возвращаться домой. После закрытия конгресса он в компании с другими российскими делегатами несколько дней провел на морском курорте в Борнмуте, а после их отъезда возвратился в Лондон. В Лондоне он пробыл до конца октября, большую часть времени посвящая занятиям в библиотеке Британского музея.

То, что занимало его внимание в течение двух месяцев пребывания в Лондоне, представляло собой собрание так называемых «Голубых Книг», которые издавались парламентской комиссией по безработице. После того как Струве познакомился с содержащейся в них информацией, он испытал первые сомнения в правильности марксистской теории. В статье, написанной в 1897 году, после изучения этих материалов, он утверждал, что теория «капиталистического перенаселения», изложенная в первом томе «Капитала», более всех других положений Маркса «нуждается в пересмотре и критике на основании накопившегося огромного запаса новых фактических данных»⁶⁸. Причины безработицы имеют очень сложную природу, на которую в числе прочих оказывают влияние сезонный и циклический факторы. Действительно, капитализм внес определенную лепту в увеличение безработицы, но вообще-то она является порождением экономического прогресса — даже такое во всех отношениях прогрес-

⁶⁵ Группа «Освобождение труда». — Т. V. — С. 158.

⁶⁶ См. ниже. — С. 219.

⁶⁷ #83/739.

⁶⁸ #54/92. См. также его замечания в #18.

сивное явление как тред-юнионизм должно было с этим считаться. Все эти мысли были первым свидетельством того, что в сознании Струве назревал конфликт между социалистической теорией и экономической наукой.

Царившая в Англии атмосфера политической жизни показалась Струве гораздо более комфортной, чем российское или германское сектантство. До конца жизни он сохранял теплые чувства к этой стране, которая, на его взгляд, по сравнению со всеми другими странами наиболее близко подошла к идеалу политической безупречности.

Изложенные в этой главе события происходили на фоне глубокой личной драмы, которую переживал тогда Струве. Его столь долгое (в общей сложности почти полгода) пребывание в Англии и Швейцарии объяснялось не только необходимостью подготовки к конгрессу и желанием детально изучить «Голубые Книги», но и тем, что он хотел отвлечься от весьма болезненной ситуации, к которой привели его отношения с Калмыковой.

Вскоре после того, как Струве поселился в квартире Калмыковой, он стал ее любовником. Это неизбежно должно было привести к возникновению всякого рода сложностей — уже хотя бы в силу разницы в возрасте (Струве было тогда двадцать лет, а Калмыковой — сорок), к тому же они оба были столь эмоциональны и импульсивны, что их отношения быстро приняли вид запутанного клубка. Струве в юности отличался (и охотно позволял себе это) очень мягким и нерешительным характером. Он был совершенно не способен ни принять какое-либо важное решение, ни довести его до конца. Его вызывающая интеллектуальность, бурный темперамент и печально известная склонность к шокирующим заявлениям — симптомы именно этого качества его характера, поскольку, как и многие нерешительные люди, он самоутверждался только за счет эксцентричности и непредсказуемости, уходя таким образом от необходимости принимать обдуманные решения. За то долгое время, которые они с Калмы-

ковой провели вместе, он успел привыкнуть к тому, что она входила во все его нужды. Она была ему опекуном и любовницей одновременно. Обладая сильно развитым чувством моральной ответственности, он винил себя за эту странную связь и старался положить ей конец, но не знал, как это сделать, оставшись честным человеком. Он дважды предлагал Калмыковой вступить с ним в брак, но оба раза она отказывалась. А поскольку сам он был не способен на какой-либо решительный шаг, то все оставалось по-прежнему, и он чувствовал себя все более виноватым и все более несчастным.

Калмыкова тоже не могла решиться на разрыв. Она нуждалась в его привязанности (видимо, она имела сильное влечение к молодым людям); к тому же она была убеждена, что без нее он не сможет обустроиться в жизни. Летом 1895 года, устроив Струве в селе поблизости от Самары, чтобы он подлечил кумысом свой больной желудок, она писала Потресову: «Много с ним говорила в эту 5-дневную поездку, а еще более передумала. *Более чем когда-нибудь убедилась в его беспомощности и малодушии.* В последнее время в Петербурге являлось не раз желание, чтобы все *это* уж скорее совершилось и окончилось. Но вдумаешься и ясно сознаешь, что это будет не конец, а начало долгой трудной и *неудачной* жизни. Все убеждает меня в последнем, и это сознание поднимает жгучее чувство боли и ответственности. Если я сознаю, то должна охранять»⁶⁹.

Так и тянулась эта странная связь, поддерживаемая, с одной стороны, боязнью причинить боль гордой женщине средних лет, а с другой — стремлением поддержать беспомощного юношу. Струве был убежден в том, что его отношения с Калмыковой сделали его «непоправимо искалеченным»⁷⁰.

Связь между Струве и Калмыковой могла бы затянуться на неопределенный срок, но где-то накануне июня

⁶⁹ Письмо Калмыковой — Потресову от 11 июня 1895 года.

⁷⁰ См. цитату из письма Струве — Потресову в конце данной главы.

1896 года, перед самым отъездом в Швейцарию, Струве влюбился в Антонину (Нину) Александровну Герд, сестру одного из своих университетских друзей. Она была на два года старше его и довольно некрасива. (Друзья шутили, что со стороны Струве это было весьма честный поступок — выбрать именно некрасивую женщину, поскольку, будучи марксистом, он был убежденным сторонником принципа «чем хуже, тем лучше».) Она привлекла его мягкостью и добротой, которые резко контрастировали с властным характером Калмыковой, за чьим «успокоительным добродушием», как позднее писал Струве, скрывалась «присущая ей душевная твердость»⁷¹. По своему происхождению семья Нины была похожа на его собственную — она имела как иностранные, так и академические корни. Ее дед, ирландец Джеймс Херд, специалист по Ланкастерскому методу обучения, впервые приехал в Россию в 1817 году по приглашению графа Румянцева и в конце концов решил остаться в этой стране. Его сын Александр, отец Нины, проявил себя как выдающийся педагог и, будучи назначен на должность домашнего учителя при царской семье, обучал будущего Николая II.

Оказавшись между двумя женщинами, Струве уехал из России в состоянии близком к обморочному. Итогом его болезненных душевных метаний стало принятое в Лондоне решение порвать с Калмыковой и жениться на Нине. Он послал Калмыковой несколько истерических писем, в которых умолял ее встретиться с ним в Германии и выслушать его объяснения. Калмыкова отказалась, и в конце октября он приехал в Монтрё к ожидавшей его там Нине. Рассказав ей историю своих отношений с Калмыковой, он сделал ей предложение, на которое она ответила согласием. Радость, которую после этого испытывал Струве, омрачалась только мыслью о том, что придется еще улаживать свои дела с Калмыковой. Отчаянно пытаюсь найти выход из создавшегося положения, он обратил-

⁷¹ Времена. — *Возрождение*. — № 537. — 2 ноября 1926.

ся за помощью к Потресову. В ноябре 1896 года он написал ему два длинных письма, которые требуют подробного цитирования, поскольку в них представлена довольно необычная точка зрения на интимную жизнь, тем более что эту сторону своей жизни Струве, как правило, ревностно охранял от посторонних глаз.

«В Лондоне я пережил очень тяжелые минуты полного упадка духа, доходившего до отчаяния — об этом моем состоянии Вам наверное сообщала А[лександра] М[ихайловна], которой я посылал довольно неясные письма в этом невыносимо тяжелом настроении. Теперь я вижу, что в основе этого настроения лежала та анархия моей личной жизни, которой я лишь здесь положил конец. Приехал я сюда с пустой и разоренной душой, уезжаю же с — полной веры и настроенной на работу и деятельной. Из невыносимого положения, которое тянулось около трех лет, необходим был выход, и я думаю, что тот, на котором остановился я, единственно *правильный*. Вы еще так недавно и так убедительно стояли за него, что я думаю Вас видеть на своей стороне. Я счастлив теперь, насколько может быть счастлив человек в моем положении, то есть с измученной душой, растерзанными нервами и слабым телом. Помогите мне, дорогой друг, всем, чем владеете, ликвидировать старые отношения, в которых чем дальше, тем больше становится [очень] отрицательных сторон. А новое хорошо своей удивительной гармонией. Оно несет с собой новые и тяжелые заботы, но такие, что не будут меня давить, а скорее могут поднимать. То, что я пережил за семь лет своей первой юности, было *хуже* материальных забот, оно изматывало нервы сильнее и нанесло душе неизлечимые раны. Мир прошлому! И я всегда сохраню в душе глубокую благодарность за те счастливые минуты, которые были в этом прошлом, но нельзя настоящее и будущее приносить в жертву прошлому. Достаточно, что я уже во многих отношениях непоправимо им искалечен. Я не просто увлечен. Для того, чтобы холодной мыслью проверить свое увлечение, у меня было

достаточно времени. Я слишком душевно истерзан, чтобы просто увлечься. Для меня этот исход — единственное спасение, а не только более удобная форма жизни. ...

Каково мое отношение к А[лександр]е М[ихайловне]? Я не перестаю ее безгранично любить. Но я чувствовал и чувствую, что эти отношения прямо губили мои силы и ликвидация их была мне прямо подсказана инстинктом самосохранения. Что эта ликвидация протянулась три года, конечно, мое несчастье, но зато я и нашел Н[ину] А[лександровну]. А это удивительное счастье...»⁷²

К разочарованию Струве Потресов принял сторону Калмыковой, которая весьма болезненно отреагировала на то, каким образом он разорвал их связь, и впала в состояние ярости. Письмо, которое до этого послал Струве Потресов, к несчастью, утеряно, но ниже цитируется ответ на него, написанный Струве в Монтрё 23 ноября 1896 года.

«Я не тотчас ответил на Ваше письмо *не по небрежности*, а, наоборот, обдуманно, и с расчетом отложил ответ. Дело в том, что Ваше письмо меня очень неприятно поразило, и я не хотел отвечать Вам под этим непосредственным впечатлением — не хотел более быть несправедливым, а справедливостью я очень дорожу — во всех отношениях и во всех сферах жизни. Теперь я могу спокойно отвечать Вам.

Вы пишете, что я поступал как слабый человек и этим измучил А[лександр]у М[ихайловну]. Вы правы в констатировании факта, но Вы берете факты без души того человека, которого касаются эти факты. Я не мог поступать иначе, [так как] я отличаюсь не только слабостью вообще (охотно винюсь в этом), но и в частности бессилием перед чужим страданием. Чужое страдание и в особенности близкого человека окончательно лишает меня той силы воли, которая в таких отношениях и столк-

⁷² Письмо Струве — Потресову от 2-3 декабря 1895 года, отправленное из Берлина.

новениях, быть может, одна только приводит к хорошим результатам. Не о вине тут дело, но я дважды принимал твердое решение, которое А[лександре] М[ихайловне] оставалось закрепить. И тогда и ничего не было бы того, что случилось... Теперь конечно поздно, но, если мое и ее благо там, в том прошлом, которое могло бы быть настоящим и будущим, то не я виноват в том, что так не случилось. Я был слаб, но кто был силен? Вопрос сей решен для меня теперь опять также чужим страданием, невинного совсем третьего человека. Говорю об этом своем свойстве — бессилии перед чужим страданием, не для того, чтобы хвалиться им. Но в нем преимущественно — объяснение всего моего поведения теперь и прежде. Если А[лександра] М[ихайловна] не понимает этого (а она многого во мне никогда не понимала и не поймет, Вы ведь сами прекрасно знаете, какой она *субъективный* человек), то другие и на первом месте Вы могли бы понять и понимать это.

Я колебался, так как много и сильно любил и много, бесконечно много страдал от чужого страдания, делая его своим и ставя себя, таким образом, в неразрешимые конфликты чувств и обязательств. ... Если бы не это свойство, я бы не поехал в Монтрё, а давно уже был бы в Петербурге. ...Если Вы говоря о моей слабости, намекаете на то настроение, которое меня заставило просить А[лександру] М[ихайловну] выбраться на встречу в Германию, то я Вам скажу: я не люблю ссылаться на невропатологию, но для меня и теперь и, тогда (в светлые промежутки) было ясно, что мое душевное состояние — по не совсем понятным для меня самого *ближайшим* и конкретным причинам — было действительно совершенно ненормальное. А из того, что я *сознавал* ненормальность, патологический характер моего состояния, мне в итоге не было легче. Вы правы, что это слабость, но слабость исключаящая субъективную виновность даже в моих собственных глазах, то есть в глазах человека, которому все труднее и больнее констатировать свою собственную ненормальность.

Что моя слабость «принижала и принизила» меня в глазах А[лександры] М[ихайловны] Вы, быть может, и даже наверно, правы, но после всего сказанного Вам, быть может, не покажется странным мое собственное признание, что эта слабость меня лично в моих глазах всегда *возвышала*. Я могу жалеть — с точки зрения потерянного времени и затраченных душевных сил — об этой слабости, но, если бы ее не было, не было бы и никаких душевных конфликтов, то есть не было бы того, что составляло сущность наших отношений с А[лександрой] М[ихайловной] и давало им краску. ...Она, сильный человек, взвалила на меня, слабого, всю тяжесть решения, а при тех условиях, в которых я прожил последние три года, я мог *только колебаться...*»

Весной следующего года Струве и Нина уехали из Санкт-Петербурга в Вену, где в праздничный день 1 мая 1897 года состоялось их бракосочетание.

Глава 8

Новое слово

После трех лет напрасных усилий, зимой 1896–97 годов петербургские социал-демократы наконец обзавелись собственным журналом. Его название — *Новое слово* — было придумано не ими, а основателями этого издания, тем не менее оно прекрасно озвучивало задачу, которую социал-демократы ставили перед своим печатным органом: пропагандируя новые западнические взгляды, противостоять всевозможным националистическим идеологиям, которые множились и справа, и слева.

История перехода *Нового слова* в руки социал-демократов длинна и запутанна. Коротко ее можно изложить следующим образом¹. Этот «толстый» ежемесячный журнал был основан в 1893 году как издание, отражающее центристско-либеральные взгляды. Журнал с трудом сводил концы с концами и через два года был продан богатой жене петербургского издателя Ольге Поповой, поручившей все дела по его управлению редакторам-социалистам

¹ История *Нового слова* изложена в следующих исследованиях: В. Полянский. Марксистская периодическая печать, 1896-1906. — *Красный архив*. — № 2/9, 1925. — С. 240-263; В. А. Поссе. Мой жизненный путь. — М.-Л., 1929. — С. 111-136; В. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. — М.-Л., 1927. — С. 223-229; Н. Ангарский. Легальный марксизм. — Т. 1. — М., 1925. — С. 113-135; Richard Kindersley. The First Russian Revisionists. — Oxford, 1962. — P. 82-92.

во главе с С. Н. Кривенко. Однако это не привлекло к журналу новых подписчиков, и Попова, потеряв на этом деле около пятидесяти тысяч рублей и устав от препирательств с редакционной командой, стала искать способ освободиться от столь хлопотной собственности. В поисках выхода из создавшегося положения она вступила в переговоры с журналистом В. А. Поссе, только что перешедшим в социал-демократический лагерь. Поссе сделал ей предложение — передать причинявший ей неприятности журнал ему и его другу М. Н. Семенову, преуспевающему помещику, с тем условием, что они постепенно выкупят у нее это издание на средства, получаемые от его распространения. В качестве гарантии на случай, если их надежды не оправдаются, Семенов предоставил доходы от своего имени. Попова, которая в любом случае ничего не теряла, согласилась, и в феврале 1897 года *Новое слово* перешло к Поссе и Семенову. Кривенко и его товарищи громко протестовали против своего увольнения и даже оспорили решение Поповой перед судейской коллегией, но безрезультатно.

Новые хозяева журнала были уверены, что смогут оживить умирающий ежемесячник, поскольку чувствовали, что в России сформировался немалый неудовольствованный спрос на социал-демократические издания. Об этом свидетельствовали и хороший прием, оказанный читателями книгам, выпущенным Потресовым, и впечатляющие тиражи *Самарского вестника*². Первое, что надо было сделать, это выбрать редактора — и выбор был очевиден. К тому времени Струве не только был одним из главных глашатаев социал-демократических идей в России, но и, в результате женитьбы своего брата, стал родственником Поссе. Посоветовавшись с Калмыковой (с которой он сохранил хорошие отношения), Струве принял

² Газета *Самарский вестник* была закрыта по приказу министерства внутренних дел в марте 1897 года, то есть спустя месяц после того, как *Новое слово* перешло под контроль Поссе и Семенова.

предложенный ему пост. После этого был сформирован редакционный совет: Струве — главный редактор; Туган-Барановский — соредактор; Поссе и Семенов — редакторы, отвечающие за иностранные и местные новости соответственно; Калмыкова — литературный редактор. Для предупреждения осложнений с полицией официальным главным редактором был объявлен муж Поповой.

Новое слово от первой до последней страницы было журналом Струве. В результате его великолепной редакторской работы этот журнал превратился в самый живой российский ежемесячник. Струве был прирожденным журнальным редактором, одним из лучших, когда-либо живших в России, и лучшим в своем поколении. Те самые качества, которые все время мешали реализации его политических амбиций — ненасытная любознательность и благожелательное отношение к наиболее выделяющимся из общего мнения точкам зрения, — сделали его способным на протяжении всей его долгой редакторской деятельности, которая началась именно теперь, каждое вверенное его попечению издание превращать в пристанище для выражения самых интересных и наиболее прогрессивных для своего времени взглядов.

Широта взглядов и высокая степень интеллектуальности, отличавшие *Новое слово*, были тем более поразительны, что этот журнал претендовал на звание печатного органа пусть еще формально не организованной, но уже вполне реально существующей политической партии. В ориентации этого издания не могло быть никаких сомнений. Мартов, который в то время, как вышел первый номер редактируемого Струве журнала, находился в сибирской ссылке, позже описал тот восторг, с которым он и его друзья встретили появление *Нового слова*: по его мнению, этот журнал стал «в полном смысле слова легальным органом складывающейся [социал-демократической] партии»³. Ленин также ничего не имел против жур-

³ Л. Мартов. Записки социал-демократа. — Берлин, 1922. — С. 396.

нала, вполне соответствовавшего его пониманию «партийности», и отозвался о нем с похвалой¹. Большинство сотрудников журнала были убежденными социал-демократами и рассматривали как политические и общественные, так и исторические, литературные и культурные проблемы с партийных позиций. Однако в то время российская социал-демократия еще не закоснела в догматизме. Она была молодой и, вследствие этого, хотя и самоуверенной, но открытой для восприятия самых разных точек зрения. Ее адепты считали нормальным оспаривать мнение друг друга, поскольку были убеждены, что объективная истина на их стороне, а открытые публичные дискуссии только способствуют ее проявлению. Напрасно Михайловский радовался каждому противоречию, обнаруженному им в *Новом слове*: все это совершенно не беспокоило Струве. Сам он так информировал своих читателей: «Противоречия во взглядах сотрудников «Нового слова» есть и будут... Не будем мы также в угоду нашим противникам вести полемику между собою. Но, если такая полемика по ходу дела окажется необходимой в интересах наших читателей, мы не замедлим ее открыть»⁵.

Подобно другим «толстым» журналам того времени, *Новое слово* состояло из двух разделов: один — литературный, другой — посвященный научной и политической тематике. В литературном разделе Калмыкова печатала романы и повести, написанные в «реалистической» манере. Единственным выдающимся автором этого раздела был Максим Горький, тогда еще мало кому известный и опубликовавший в *Новом слове* свое первое значительное произведение — «Коновалов»⁶. (После стоило немалых усилий получить согласие Горького на сотрудничество с журналом, поскольку в то время он испытывал к марксистам плохо скрываемую ненависть, вызванную, возмож-

¹ В. И. Ленин. Собр. соч. — 3-е изд. — 30 т. — М., 1926-1937. — Т. XXVIII. — С. 30; Т. III. — С. 156n; В. И. Ленин. Письма к родным. — М., 1934. — С. 32.
⁵ #65/185.

⁶ *Новое слово*. — № 6. — март 1897. — С. 1-41.

но, тем, что они, как он считал, во время недавнего голода заняли бесчеловечную позицию.⁷⁾ Литературная критика *Нового слова* тоже была вполне марксистской. В своей весьма пронизательной рецензии на «Мужиков» Чехова Струве отметил, что эта повесть ценна тем, что представляет собой общественный документ. С особой похвалой отозвался он о мастерстве, с которым Чехов показал контраст между полуурбанизированным и полуцивилизованным главным героем повести Николаем Чикильдеевым и его родственниками, погрязшими в идиотизме деревенской жизни⁸. Судя по хвалебным замечаниям, сделанным Струве в адрес Золя⁹, в то время в литературе его привлекала натуралистическая школа.

Тяжелой артиллерией журнала был второй, теоретический, раздел. Его авторами были все ведущие социал-демократические деятели того времени: Плеханов, Струве, Вера Засулич, Мартов, Ленин, Туган-Барановский, Виктор Чернов (позже ставший лидером партии социалистов-революционеров), историк Евгений Тарле и другие.

О качестве журнала, равно как и о характере запросов российского читателя, можно судить уже хотя бы по тому факту, что ежемесячник такого объема (в каждом его номере было в среднем пятьсот страниц) и такой степени интеллектуальности смог привлечь большое количество подписчиков. При Кривенко он выходил тиражом в среднем около 1500 экземпляров, а после того, как бразды правления оказались в руках Струве, тираж начал очень быстро расти: в августе он составлял 4000 экз. (6-й но-

⁷ В. А. Поссе. Мой жизненный путь. – С. 126; И. Груздев. Максим Горький. – М., 1926. – С. 28-29. Струве был невысокого мнения о талантах Горького: «У него много силы, на мой взгляд, но в то же время очень много *манерности* и *вычурности*, и боюсь, что русских интеллигентов он привлекает к себе преимущественно манерностью, а не силой». – Письмо Струве – Потресову от 11 июля 1898 года.

⁸ #50/46-47.

⁹ #50/43.

мер), а в ноябре — 5600 экз. (9-й номер). Спрос на *Новое слово* был столь велик, что тираж октябрьского номера пришлось допечатывать¹⁰.

Струве же, словно редактирование ежемесячника не занимало полностью все его время, взялся редактировать еще и книжную серию, выпускаемую Поповой под названием «Образовательная библиотека». В этой серии выходили научные труды в области естественных наук, философии, психологии, социологии и истории. В течение 1897–1901 годов Струве редактировал книги российских авторов и переводы, в том числе, новую редакцию 1-го тома «Капитала» и первую русскую книгу о Спинозе¹¹. Участие в выпуске книжной серии позволило Струве оказывать помощь своим нуждающимся друзьям — он давал им редакторскую и переводческую работу.

В своем журнале Струве был постоянным автором двух разделов. Содержанием одного из них — «На разные темы» — были статьи, охватывающие широкий круг вопросов, в том числе касающихся литературы, философии, экономики. Другого — «Текущие вопросы внутренней жизни» — материалы, освещающие проблемы жизни современной ему России. Чтобы избежать возможных осложнений, Струве, как и прочие постоянные сотрудники журнала, подписывал свои статьи псевдонимами: «Novus» — в первом разделе и «П. Б.» — во втором.

¹⁰ В. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики. — С. 223, 235, 239; В. А. Поссе. Мой жизненный путь. — С. 133–134. О дополнительном тираже октябрьского выпуска объявлено на обложке ноябрьского номера журнала.

¹¹ Среди книг, отредактированных Струве в этот период, были следующие: *Поль де Рузье*. Профессиональные рабочие союзы в Англии. — СПб., 1898 (ср. #75); *Г. Гизс*. Физиократия. — СПб., 1899; *С. и Б. Вебб*. Теория и практика английского трейд-юнионизма. — 2 т. — СПб., 1900–1901 (первый том этой книги был переведен Лениным); *И. Липперт*. История Культуры. — СПб., 1901; *Г. Шульце-Геверниц*. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. — СПб., 1901 (ср. #110). Автором книги о Спинозе был В. Болин. Относительно новой редакции Маркса см. #81.

Однако, несмотря на псевдоним, автор материалов, написанных Струве, легко угадывался, поскольку все, что выходило из-под его пера, несло на себе отпечаток уровня его мышления и указывало на автора лучше любой подписи. Уровень, на котором он был способен обсуждать самые разные темы, как, например, рабочее законодательство России и Западной Европы, интеллектуальные и социальные предпосылки немецкого социализма, русский романтизм, философский смысл антиномии свободы и необходимости, был вполне достаточен для любого специализированного научного журнала. Точно так же он был способен совершенно профессионально отрецензировать недавно написанный роман или, скажем, исследование по истории Древней Греции. И при всем том эрудиция, демонстрируемая им при написании всех этих материалов, особенно поражала тем, что автор совершенно не старался произвести впечатление.

В тот период времени, когда он редактировал *Новое слово*, Струве занимал, пожалуй, наиболее ортодоксальную за всю историю своей политической карьеры марксистскую позицию. Когда в журнале шло обсуждение идеологических вопросов, он более, чем когда-либо до или после, обращал внимание на классовое содержание идей и экономические интересы их проводников — именно эту практику позднее он стал считать наиболее отвратительной. Сознательно или нет, но, работая в *Новом слове*, он усвоил манеру спора, свойственную Марксу — манеру, предполагающую, что любой выражающий несогласие человек обязательно является либо дураком, либо лицемером, либо тем и другим вместе, в силу чего частым проявлением этой манеры был презрительный сарказм. Продолжая считать необходимыми некоторые из тех поправок, которые он разработал по отношению к отдельным положениям системы Маркса, — это касалось философского аспекта его учения, — в целом Струве по-прежнему верил в правильность этой системы. С его тогдашней точки зрения отдельные ее недостатки не могли свести на нет научную

ценность установленной Марксом связи между экономическим и социальным феноменами. Более того, Струве был убежден, что «метафизические» элементы, привнесенные Марксом в созданные им философию и социологию, не в большей степени способны опровергнуть исторический материализм, чем религиозность Ньютона — закон всемирного тяготения или неспособность Дарвина объяснить механизм генетических изменений — закон естественного отбора. Неясные или слабые стороны марксистской теории, как в то время был убежден Струве, в конце концов обязательно будут прояснены или модернизированы благодаря воздействию на марксистскую методологию критического аппарата логики, а также в процессе непредвзятого анализа новых фактов.

Несмотря на все вышесказанное, Струве по-прежнему оставался верен основополагающим принципам своих либеральных убеждений, и во всех его журнальных статьях в качестве абсолютного добра фигурировала свобода.

Из того, что написал Струве для *Нового слова*, наибольший интерес представляют очерки, помещенные под рубрикой «Текущие вопросы внутренней жизни». По форме они напоминают публиковавшееся в *Вестнике Европы* «Внутреннее обозрение» Арсеньева, так восхищавшее Струве во времена его студенчества, и представляют собой критический анализ тех социальных, экономических и культурных процессов, которые были характерны тогда для Российской империи. Однако речь идет не просто о заострении актуальных вопросов. При всей своей внешней привязанности к злобе дня, эти очерки, если рассматривать их в качестве целостной совокупности, посвящены одной, объединяющей их теме — анализу крайней стадии распада царского режима, — и представляют весьма оригинальную точку зрения на картину этого распада.

Суть темы можно сформулировать в трех словах — они составили название статьи, открывающей эту серию:

«Народная жизнь усложняется»¹². По его мнению, она усложнилась настолько и в столь многих своих аспектах, что просто не в состоянии больше носить ту институциональную и законодательную смирительную рубашку, которую насильно накидывает на нее имперское правительство. Иными словами, в этой серии статей Струве на примерах, взятых из повседневной жизни (зачастую они давались в форме цитат из консервативной прессы), показывал, что свобода и демократия, которых требовала от правительства оппозиция, — не некие далекие от повседневной реальности идеалы, а насущная жизненная необходимость для тогдашней современности. Фактически, он, используя свидетельства, которые предоставляла ему сама жизнь, пытался доказать то, что двенадцать лет назад привело его к либерализму — что Россия переросла свое правительство.

В первую очередь Струве обратился к той части российского законодательства, которое касалось крестьянства. Начиная с 1860 года российское правительство полагало, что население страны делится на отчетливо выраженные сословия, и крестьянство, являясь одним из них, представляет собой достаточно однородную среду. Однако за прошедшее с той поры время крестьянство в экономическом и социальном отношении дифференцировалось настолько, что его уже невозможно было рассматривать как единую массу. Былое сходство его нужд и интересов утратилось в связи с расслоением. К тому же по сравнению с прежними временами черта, отделяющая крестьянское сословие от всех прочих, потеряла свою отчетливость. Все это требовало реформы сельского управления — сословный принцип должен был смениться территориальным. Идея *всесословной волости*, распространяющаяся не только на сельских, но и на всех жителей данной области, была не просто либеральным лозунгом — она отражала требования времени.

¹² #45/157. Эту же тему Струве развил в 1899 году в своей редакторской статье для газеты *Северный курьер*; об этой статье см. ниже в главе 10.

Сходные выводы напрашивались и в отношении поместного дворянства. Комментируя недавние правительственные заявления, выражавшие озабоченность по поводу упадка этого сословия, Струве высказал мнение, что все усилия, предпринимаемые для его спасения, оказались тщетными¹³. С 1861 года экономическое положение поместного дворянства постоянно ухудшалось, несмотря на все попытки, предпринимаемые для его спасения. С 1861 по 1892 год помещики потеряли 23 процента своих земель, и процесс их разорения продолжался с неослабной скоростью. Причины экономического упадка поместного дворянства надо было искать в глубине его исторического прошлого. Образ жизни, обусловленный крепостным правом, привел к тому, что в новых условиях ведения сельского хозяйства, которые требовали умения быть расчетливым и не упустить свою выгоду, помещики оказались совершенно несостоятельными. Они не сумели должным образом распорядиться ни огромными суммами, полученными ими при отмене крепостного права в качестве части выкупа за землю, ни средствами, поступившими к ним в результате повышения арендной платы. Не наученные жить в условиях монетарной экономики, дворяне, вместо того чтобы выгодно вложить деньги в земельную недвижимость и в усовершенствование своих хозяйств, просто растратили их на личные нужды. И по мере того как у них кончались деньги, они закладывали или продавали свои поместья, становясь, таким образом, все беднее и беднее. Когда же в 1890 годы цены на аренду и на землю внезапно резко упали, дворянство оказалось перед лицом окончательной катастрофы. Еще одной причиной оскудения этого сословия стала огромная потребность послереформенной России в работниках, имеющих высшее образование. После 1861 года дворяне, представлявшие собой самый образованный слой населения России, начали покидать свои поместья и искать места на го-

¹³ #52/207-217.

сударственной службе и на частных предприятиях или выбирать для себя свободные профессии. В конечном итоге, по оценке Струве, примерно 1/5 часть российского дворянства была потеряна для сельского хозяйства. Разорение поместного дворянства, так тяжело воспринимаемое царем, невозможно было остановить ни принятием какого-либо закона, ни с помощью еще каких бы то ни было предпринятых сверху мер, поскольку оно было обусловлено процессами, протекающими в глубине экономической и культурной жизни страны. Жизнь как всегда опережала закон. Общественный и политический привилегированный статус дворянства перестал соответствовать его реальному экономическому положению. Дворяне не могли больше претендовать на руководство земствами, поскольку лишились значительной части своих земель. И любые попытки вернуть им ту власть, которую они имели до отмены крепостного права, представлялись утопическими.

Сходным образом Струве рассуждал и в статьях, посвященных рабочему движению¹⁴, буржуазии и корпоративным законам¹⁵, суду присяжных¹⁶ и цензуре¹⁷. При этом он неизменно использовал один и тот же прием — наглядном примере какого-нибудь случая из жизни или цитаты из правой прессы убедительно демонстрировал насколько сильно было расхождение между содержанием и формой российской действительности. Каждый приведенный казус интерпретировался им как проявление действия неумолимой, пусть пока и невидимой, силы, разрушающей внешне устойчивую неподвижную автократическую систему: «Будущий историк нашего времени когда-нибудь отметит эту любопытную его черту: в мелких столкновениях из-за пустячных поводов он раскроет медленное, но неуклонное действие могущественных исторических течений»¹⁸.

¹⁴ #56.

¹⁵ #47/235-240.

¹⁶ #53/201-209.

¹⁷ #47/231-235.

¹⁸ #53/190.

Немалое внимание Струве уделил и польскому вопросу¹⁹. В статьях, посвященных этой теме, он с поразительной прямоотой писал о глупостях и преступлениях, допущенных в ходе русификации, о жестокости, с которой после волнений 1863 года были «усмирены» западные области, о праве поляков на сохранение своей национальной культуры. Тем, кто привык представлять себе Россию конца XIX века как страну, в которой совершенно отсутствовала свобода слова, можно посоветовать прочесть эти статьи Струве, опубликованные в период усиления реакции в легально издаваемом журнале.

Общий пафос этих обзоров — а всего их было шесть — был оптимистичным. Реакционная политика правительства под пером Струве выглядела либо глупостью, либо следствием отчаяния. Подобное положение дел могло тянуться еще год-другой, но рано или поздно жизнь должна была взять свое, а она, естественно, была на стороне свободы. Струве особенно настаивал на необходимости соблюдения прав и уважения достоинства человека — не только потому, что они ценны сами по себе, но и в силу того, что без них невозможно нормальное функционирование законодательства и экономики²⁰. Россию необходимо вестернизировать, поскольку «...не может подлежать сомнению, что узел всех всероссийских вопросов [лежит] в степени развития и культуры русского центра, коренной России. Мы бы сказали, что он — на Москве. Европеизация тяготеющего к Москве центра, создание в нем русской культуры, которая не была бы «истиннорусской», а прежде всего и в корне европейской —

¹⁹ #47/230-231; #64/246-260.

²⁰ Струве объяснял экономическое лидерство Великобритании высокой производительностью труда, которой достигли английские рабочие благодаря тому чувству самоуважения, которое закон и демократия внедрили в граждан этой страны. Исходя из этого он заключал также, что Россия до тех пор не сможет эффективно конкурировать на международных рынках, пока ее рабочему классу не будут гарантированы основные гражданские и политические права. #56/241-242.

вот в чем разрешение всех, без исключения, жгучих все-
российских вопросов...»²¹

Из теоретических материалов, написанных Струве для *Нового слова*, наиболее значительным является тот, который относится к дискуссии с Сергеем Булгаковым по вопросу свободы и необходимости, поднятому Рудольфом Штаммлером в его незадолго до того вышедшей книге «Экономика и общество»²².

Штаммлер, немецкий неокантианец, подверг серьезному критическому анализу принятую в марксистской социологии теорию причинности. Не отвергая тезис Маркса о том, что идеи и социальные институты — то есть надстройка — зависят от лежащих в их основании экономических факторов, он тем не менее пришел к выводу, что эта зависимость не может быть адекватно выражена в терминах теории причинности. Между экономическим базисом и его надстройкой невозможно провести достаточно отчетливое различие с тем, чтобы со всей ответственностью можно было настаивать, что нечто одно является «причиной» другого. Например, юридический институт собственности, отнесенный Марксом к надстройке, принадлежит и экономическому базису, поскольку определенная форма собственности связана с соответствующей ей структурой производительных сил. Согласно Штаммлеру, для того, чтобы более адекватно выразить отношения между «базисом» и «надстройкой», от понятий «причина» и «следствие» необходимо перейти к понятиям «форма» и «содержание». Штаммлер пришел к выводу, что «общество», как объект социологических исследований, должно быть изучено прежде всего с экономической точки зрения, а затем — еще раз, но уже с юридической (надстроечной). Все это в достаточно существенной степени посягало на суть марк-

²¹ #64/249.

²² *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung.* — Leipzig, 1896.

систского метода и вело к далеко идущим следствиям, которые Струве в должной мере оценил лишь несколько лет спустя, когда подверг критическому анализу разработанную Марксом теорию общественного развития.

Идя далее, Штаммлер задался следующим вопросом: можно ли рассматривать исторический процесс в виде простой цепочки причинно-следственных связей, полностью абстрагируясь при этом от целенаправленной, ориентированной в будущее деятельности людей. Отказавшись как от марксистского подхода к конфликту между свободой и необходимостью («свобода есть осознанная необходимость»), так и от предложенного Кантом (между свободой и необходимостью не может быть конфликта, поскольку они относятся к разным сферам понимания), Штаммлер дал свое собственное решение этого вопроса. Не отказываясь от той причинно-следственной цепочки, которую мы устанавливаем с помощью нашего разума, он предложил, наряду с ней, рассматривать еще одну — «телеологическую», устанавливаемую с помощью нашей воли. Если причинность отвечает на вопрос «почему?», то телеология отвечает на вопрос «зачем?». Воля имеет дело не с тем, что случилось, а с тем, что желается — не с тем, что имело место в прошлом, а с тем, что является целью и должно быть в будущем. Как только воля достигает желаемого, объект, на который она была направлена, входит в состав неумолимой цепи причинно-следственных связей; но до этого момента воля свободна в своем проявлении. С такой точки зрения история является результатом взаимодействия между свободой и необходимостью.

Книга Штаммлера была весьма холодно принята такими критиками, как Макс Вебер²³ и Плеханов²⁴. Однако молодой русский марксист Сергей Булгаков нашел тези-

²³ *Max Weber*. Rudolf Stammers «Ueberwindung» der materialistischen Geschichtsauffassung. — ASS. — XXIV, 1907. — S. 94-151.

²⁴ *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения. — Т. 1. — М., 1956. — С. 491.

сы Штаммлера весьма привлекательными и написал по этому поводу большую статью под названием «О закономерности социальных явлений»; статья была опубликована в журнале *Вопросы философии и психологии*²⁵. С некоторыми оговорками Булгаков принял мысль Штаммлера о том, что в истории, движимой необходимостью, наряду с фактором причинности, действует телеологический фактор, определяемый проявлениями воли.

Что же касается Струве, то в его глазах аргументы Штаммлера вовсе не блистали новизной: он уже встречался с подобной точкой зрения, изложенной в работах Михайловского и американского социолога Лестера Уорда. И имел случай отвергнуть мнение о том, что социальные науки должны включать в себя телеологический (или «целевой») аспект; при этом он опирался на авторитет Рилия, полагавшего, что цель и воля являются составными частями категории каузальности²⁶. В ответ на статью Булгакова Струве в том же издании опубликовал обширную статью «Свобода и историческая необходимость», в которой подверг критике аргументы Булгакова и Штаммлера. Булгаков, в свою очередь, ответил ему на страницах *Нового слова*. Дискуссия завершилась ответом Струве на этот материал²⁷.

Струве продолжал придерживаться кантианского взгляда на проблему свободы и необходимости: «Все здание социального идеализма, возведенное Штаммлером, нисколько — выражаясь юридически — не конкурирует с материалистическим пониманием истории. Мы можем оставить социальный идеализм совершенно в покое: если это здание построено в духе Канта, то оно относится к области

²⁵ *Сергей Булгаков*. О закономерностях социальных явлений. — *Вопросы философии и психологии*. — № 5/35, 1896. — С. 575-611; статья перепечатана в книге Сергея Булгакова «От марксизма к идеализму». — СПб., 1903. — С. 1-34.

²⁶ #15/54n-55n.

²⁷ #43. *Сергей Булгаков*. Закон причинности и свобода человеческих действий. — *Новое слово*. — № 8. — май 1897. — С. 183-199; перепечатано в его книге «От марксизма...» — С. 35-52. Струве поместил свой ответ в #49.

Ding an sich, которая — как настойчиво учил Кант — недоступна пониманию и объяснению: wo Bestimmung nach Naturgesetzen aufhört, da hört auch alle Erklärung auf...

Закономерность есть форма, которая немыслима вне своей материи — явлений. Материалистическое же понимание истории есть — и этого нельзя достаточно резко подчеркивать — построение, всецело относящееся к области опыта. Поэтому будь социальная телеология Штамmlера совершенно безупречна, ее существование несколько не затрагивает экономического понимания истории, по крайней мере — с точки зрения тех, кто стоит на почве кантовской теории познания и опыта...

Итак, свобода незаконна. Впрочем, другого *философского* смысла, кроме отрицания необходимости или закономерности, слово *свобода* и не имеет»²⁸.

Отвергая подход Штамmlера, Струве тем не менее приветствовал тот факт, что на повестку дня выдвинута проблема взаимоотношения свободы и необходимости, поскольку марксисты эту проблему, как правило, игнорировали. «Я уже говорил, что заслугу Штамmlера вижу между прочим в ясной постановке противоречия между свободой и необходимостью. Такая постановка была важна для критики и, если хотите, самокритики материалистического понимания истории. Последняя до сих пор довольствовалась Гегелем, переведенным Энгельсом на язык материалистической метафизики, на почве которой, как известно, стоял Энгельс. Энгельс превращает абсолютную необходимость Гегеля, которая в то же время свобода, в обыкновенную необходимость эмпирически-реального мира, и после этого превращения истолковывает свободу как «познание необходимости».

Это верно, если не придавать свободе того единственно определенного смысла, который заключается в отрицании необходимости или причинности. Энгельс мог

²⁸ #43/122-123, 132.

так философствовать, потому что ему была совершенно чужда критическая точка зрения, и он поэтому не замечал, что никакая диалектика не может устранить гносеологических противоречий, которые сами, наоборот, представляют одну из основ и оправданий диалектической точки зрения...»²⁹

Но как быть в таком случае со свободой? Из какого источника приходят к нам исповедуемые нами идеалы и какие силы вызывают они к жизни? По сути своей они являются реалиями психологического порядка: «Говорят — и я тоже говорил это, — что научный коллективизм выводит свой идеал из социально-экономической действительности. Это верно и в то же время неверно. Идеал, конечно, вырос из условий действительности, как это всегда бывает со всеми идеалами, но для каждого действующего субъекта, сознательно строящего идеал, и для массы, стихийно или тоже сознательно к нему стремящейся, он представляет психологическое *primum* по отношению к действительности и действующим в ней силам. В научном исследовании этой действительности идеал ищет лишь признания за собой реальности и необходимости. Таков и был действительный ход развития современного коллективизма от утопии к науке. Идеал остался неизменным, изменился лишь взгляд на условия его реализации. Сам же идеал стоит вне науки или, если хотите, выше ее, хотя и нуждается в научной санкции. ...

Но, повторяем, необходимость идеала, о которой идет у нас речь, относится к будущему и, в частности, к будущим человеческим действиям. И я утверждаю, что в этой области эмпирически-реального мира сколько-нибудь цельное представление о будущем не может быть окрашено сплошь в цвет необходимости. Логически, конечно, все будущее также преддетерминировано, как прошлое детерминировано. Но в преддетерминированном будущем, в котором участвуют наши действия, есть всегда белое

²⁹ #43/132.

пятно, которое воля и свободная деятельность могут закрасить по своему усмотрению. Психологическое сознание, деятельно обращенное к будущему, всегда оперирует с тем смешением свободы и необходимости, которая невыносима для логического сознания. Это смешение — необходимое выражение не просто недостаточности научного познания, а того более глубокого и основного факта, что ни человеческая жизнь, ни человеческое сознание не исчерпываются познанием, опытом, наукой. «Welt und Leben — говорит прекрасно Риль — können nie rein in die Wissenschaft aufgehen». На двух направлениях сознания основана сама возможность жизни и деятельности»³⁰.

Струве заключил свои рассуждения таким утверждением: «Материалистическое понимание истории не претендует давать ответ на вопрос: что делать? Этот вопрос решается в другой инстанции — интересов и идеалов, оно говорит лишь: как делать»³¹.

После ответа Булгакова на его статью Струве написал еще одну — «Еще раз о свободе и необходимости», в которой изложил иной взгляд на свободу — как на психологический феномен. «Значит, скажут мне, свобода есть иллюзия. Да, с точки зрения опыта — несомненная иллюзия, но с точки зрения деятельности живой личности — столь же несомненная *действительность*. Противоречие между познанием и жизнью является для тех, кто желает выразить всю жизнь в терминах познания. Это невозможно, ибо для познания свобода — лишь «голая идея», а для жизни она — неопровержимый факт, и ее идея — огромная действенная сила»³².

С точки зрения марксиста и социал-демократа такое заявление было заметным отступлением от догмы. При всей своей закамouflированности смысл этого рассуждения был достаточно ясен: во-первых, моральные ценности

³⁰ #43/136-137.

³¹ #43/139.

³² #49/207.

превалируют, и следовательно, они независимы от экономической и социальной среды; во-вторых, с помощью только законов необходимости реальную жизнь описать невозможно. Тем самым на «экономический детерминизм» производилась двойная атака: подвергалась сомнению его способность объяснить и то, каким образом вещи детерминируются, и то, почему они должны быть детерминированы. Спор с Булгаковым на мгновение приоткрыл один из аспектов эволюции, которая шла в сознании Струве со времени написания «Критических заметок». Этот спор со всей очевидностью обнаружил, что Струве эволюционирует в сторону философского идеализма, о приверженности которому он открыто заявит через три года. Сам он позднее будет рассматривать этот спор в качестве события, зафиксировавшего его разрыв с позицией Маркса по поводу свободы и необходимости³³.

Познакомившись с материалами дискуссии между Струве и Булгаковым, Плеханов сильно расстроился. Большой поклонник Энгельса и последовательный экономический детерминист, он с трудом сдерживал раздражение, вызванное тем, что Струве назвал философские взгляды Энгельса «материалистической метафизикой», тем самым выразив мнение, несовместимое с марксизмом. В одном из личных разговоров жена Плеханова пожаловалась, что под влиянием Струве петербургская молодежь просто помешалась на Канте³⁴. Однако не желая разрушать «единый фронт», Плеханов сдержал себя.

³³ #102/19. С философской точки зрения позиция Струве в отношении проблемы свободы и необходимости, сформулированная как в этом споре, так и в его последующих работах отличается от взглядов Михайловского и других «субъективистов» тем, что Струве настаивает на резком онтологическом и эпистемологическом различии между свободой и необходимостью. Чем именно такой подход отличается от подхода Михайловского, понять довольно трудно. Этот вопрос будет подробно рассмотрен в главе 12.

³⁴ *Н. Ангарский*. Легальный марксизм. – С. 71п; Литературное наследие Г. В. Плеханова. – Т. 1. – М., 1934. – С. 297.

Первые номера *Нового слова*, выпущенные под патронажем марксистов, проходили цензуру без особых осложнений; возможно, отчасти это объяснялось тем, что Семёнов регулярно давал цензорам взятки³⁵. Трудности начались с ноябрьского номера, из которого проявивший повышенную бдительность цензор приказал убрать несколько статей, в том числе идущий под рубрикой «Текущие вопросы» очерк Струве, посвященный недавно принятому рабочему законодательству. Декабрьский номер был полностью конфискован и так и не поступил в продажу³⁶.

В отношении *Нового слова* у властей были свои, пока еще скрытые планы. 10/22 декабря 1897 года коллегия министерства подняла вопрос о перерегистрации журнала и временно приостановила действие лицензии, объясняя это тем, что в журнале печатаются подстрекательские статьи, которые в результате широкого распространения этого издания могут вызвать волнения в стране³⁷. В конечном итоге спустя десять месяцев с того момента, как социал-демократы получили контроль над *Новым словом*, журнал был закрыт.

Отстраненный от редакторской работы, Струве всю свою неумную энергию немедленно направил в область научных исследований. Однако перед тем, как мы обра-

³⁵ В. А. Поссе. Мой жизненный путь. – С. 134.

³⁶ Согласно Kindersley (Russian Revisionists. – P. 86), декабрьский номер журнала был уничтожен. Раздел «На разные темы» из этого номера Струве опубликовал в своей одноименной книге – СПб., 1902. – С. 170-186 (см. Библиографию, #65). Исключенные из ноябрьского номера материалы раздела «Текущие вопросы внутренней жизни» не опубликованы по сей день; там, под заголовком «Правила и инструкции 20 сентября о производительности и распределении рабочего времени», помещены рассуждения Струве о рабочем законодательстве, по всей вероятности касающиеся вопросов, затронутых в #56; см.: В. И. Ленин. Письма к родным. – С. 84.

³⁷ Фрагменты из стенограммы заседания коллегии, на котором решалась судьба *Нового слова*, были опубликованы в: *Освобождение*. – № 4. – 2/5 августа 1902. – С. 52-55. См. также: *Евгеньева-Максимова*. Очерки. – С. 240-241.

тимся к этой теме, нам необходимо осветить важный эпизод его жизни, имевший место в феврале 1898 года.

Зимой 1897–98 годов несколько действовавших в России подпольных социал-демократических организаций решили созвать Всероссийский съезд, чтобы основать на нем Социал-демократическую партию. Историки до сих спорят, кто был инициатором созыва этого съезда: одни считают, что инициатива исходила от связанной с *Рабочей газетой* киевской группы, другие приписывают это еврейскому Бунду в Вильно, третьи — петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса³⁸. Именно эти организации договорились встретиться 1/13 марта 1898 года в Минске.

В процессе подготовки к съезду его организаторы решили выпустить манифест, в котором в краткой форме содержались бы принципы и цели создаваемой ими партии. Киевляне предложили текст, написанный одним из членов их группы, но он не понравился представлявшему петербургский Союз борьбы Степану Радченко и был отклонен³⁹. В свою очередь Радченко внес предложение — поручить Струве написать другой вариант манифеста. Киевляне колебались: им казалось, что это следует поручить Плеханову, но Радченко заручился поддержкой бундовцев и где-то в феврале 1898 года получил полномочия договориться со Струве относительно написания манифеста. Струве согласился.

Принятое Струве поручение было не из легких: требуемый документ должен был удовлетворить требования двух, в корне расходившихся во взглядах фракций, кото-

³⁸ *Н. Невский*. К вопросу о первом съезде РСДРП. — *Пролетарская революция*. — № 1, 1921. — С. 82-113; Материалы к истории первого съезда РСДРП. — *Пролетарская революция*. — № 3/74, 1908. — С. 152-169; *В. Махновец* (Акимов). Первый съезд С-Д р. партии. — *Минувшие годы*. — № 2, 1908. — С. 128-168; *Leonard Schapiro*. Communist Party of the Soviet Union. — London, 1960. — P. 29-30.

³⁹ Текст киевского варианта воспроизведен в: *Н. Невский*. К вопросу... — С. 94-95.

рые сложились к тому времени внутри социал-демократического движения. К первой фракции принадлежали лидеры и теоретики движения — такие, как Плеханов, Струве и Ленин, которые сохраняли верность политической ориентации движения. Главную задачу партии они видели в том, чтобы превратить российский рабочий класс в организованную силу, способную вести борьбу — прежде всего за политическую свободу для всех, а затем уже за политическую власть для себя. Вторая фракция, вскоре получившая известность под названием «экономистов», не отрицала, что конечной целью движения является достижение политической свободы и власти, но считала, что продвигаться к этой цели надо обходными путями. Тесное и продолжительное общение с промышленными рабочими (подобного опыта не имели ни Плеханов, ни Струве, ни Ленин) убедило этих людей в том, что рабочих интересует не столько политика, сколько возможность улучшения экономических и социальных условий своей жизни. Исходя из этого «экономисты» пришли к выводу, что социал-демократы прежде всего должны помогать рабочим в их борьбе за удовлетворение выдвигаемых ими социально-экономических требований и верить, что со временем рабочие осознают, что значительное улучшение их экономического и социального положения произойдет только после коренных изменений в политической системе страны. Эта стратегия, применявшаяся прежде всего в агитационной работе, изначально была взята на вооружение не в качестве теоретической платформы, а просто как новый способ ведения революционного дела. Но, как уже говорилось, стачки 1896–97 годов с такой очевидностью показали, что политических целей можно достигать и в процессе экономической борьбы, что это стало очевидно даже для таких твердолобых «политиков», как Струве и Ленин. И то, на что изначально смотрели всего лишь как на способ революционной борьбы, осенью 1897 года легло в основу нового политического направления. В октябре того же года кружок петербургских рабочих и интеллигентов

начал выпускать рабочую газету *Рабочая мысль*, проповедовавшую, что сутью социалистического движения является борьба рабочих за улучшение своего экономического положения и что социалисты не должны требовать от них политической активности. Политическая свобода должна прийти позже⁴⁰. На протяжении двух последующих лет экономический уклон доминировал в российском социал-демократическом движении, как в России, так и за границей, что в конечном итоге привело к первому в истории этого движения серьезному кризису.

К февралю 1898 года деление социал-демократии на две фракции еще не было столь очевидным, но связанные с этим проблемы уже начали возникать. Еврейский Бунд, влиятельнейшая в Российской империи социал-демократическая организация, единственная, опиравшаяся на значительную поддержку масс (остальные группы состояли исключительно из интеллигентов), склонялся на сторону экономизма. Киевляне же, тесно связанные с традициями «Народной воли», были за активизацию политической деятельности. Три представленные на съезде ячейки Союза борьбы заняли по отношению к этим двум направлениям центристскую позицию.

Струве приходилось не только согласовывать две точки зрения на политику партии, но и преодолевать желание внести свои собственные поправки в ряд положений социал-демократической доктрины. Нельзя было допустить, чтобы в документе, претендовавшем на то, чтобы представить позицию всей партии, отразились его собственные неортодоксальные взгляды на государство и революцию. Много лет спустя он утверждал, что, составляя манифест, стремился выразить не столько свои собственные убеждения, сколько «традиции социал-демократической церкви»: «Я сделал все, что было в моих силах, чтобы не внедрить в текст манифеста ничего из моих собственных убеждений, которые либо были бы восприняты

⁴⁰ См.: В. И. Ленин. Сочинения. – 1-е изд. – Т. I. – С. 509-510.

как ересь, либо просто оказались бы недоступны для восприятия среднего социал-демократа. Манифест... ни в малейшей степени не соотносился с моими личными взглядами, которые в то время были очень непростыми»⁴¹. Правильность подобной самооценки вызывает некоторое сомнение, поскольку центральный тезис манифеста — о том, что рабочий класс должен завоевать для России свободу — вполне соотносится с тогдашними политическими взглядами Струве. Но возможно, что, формулируя многое другое, Струве отставлял в сторону свои персональные убеждения.

В окончательной редакции манифест представлял собой компромиссный документ, призванный удовлетворить все группы. Поскольку первоначальные его редакции недоступны, текстуальный анализ его эволюции, к сожалению, невозможен. Однако известно, что некоторые из делегатов минского съезда выразили неудовлетворенность представленным Струве текстом. Самые серьезные претензии высказал Кремер, представитель Бунда и один из соавторов брошюры «Об агитации» (вторым был Мартов) — ему не понравилось, что политическая борьба была названа Струве методом борьбы, а политическая свобода — целью движения. Однако эту точку зрения разделяли питерские делегаты, и Кремеру пришлось уступить. В окончательной редакции манифеста экономической борьбе и забастовкам было отведено должное место, но главными были объявлены политические цели. Киевляне, в свою очередь, настаивали на объединении социал-демократического движения с «Народной волей». Требования этой группы в некоторой степени были удовлетворены. Со своей стороны Струве (он не присутствовал на съезде и поддер-

⁴¹ P. Struve. My Contacts and Conflicts with Lenin. — *The Slavonic and East European Review*. — XIII. — № 37. — July, 1934. — P. 75. Махновец утверждает, что Струве говорил о «традициях социал-демократической церкви» еще в 1898 году: Первый съезд. — С. 159. Он также пишет, что Струве отнесся к поручению столь серьезно, что провел «весь вечер» за составлением манифеста.

живал связь через Радченко) убеждал делегатов включить в название новой партии слово «рабочая». В первоначальные планы это не входило, поскольку во вновь образовывавшейся партии еще не было ни одного рабочего. Тем не менее предложение Струве было принято (не без сопротивления со стороны Кремера и его группы, считавших, что это создаст ложное представление о положении дел), и новорожденная организация получила название «Российская социал-демократическая рабочая партия» — это название сохранялось вплоть до 1918 года⁴².

Полный текст манифеста в том виде, в котором он был представлен на публичное прочтение, выглядит так:

«50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года.

Впервые на сцену выступил — как крупная историческая сила — современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10–15 лет снова появился на исторической сцене с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, по-видимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, вы-

⁴² В. Махновец. Первый съезд. — С. 147-149, 157-161; P. Struve. My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 75. О возражениях Кремера против слова «рабочая» как вводящего в заблуждение см.: В. Махновец. Первый съезд. — С. 153. Эмигрантская часть Союза российских социал-демократов, в которой преобладали сторонники экономического подхода, отказались подписываться под манифестом Струве; см.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. — Т. II. — М., 1925. — С. 86.

кармливая и откармливая за счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и, по мере своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплуататорами. По мере развития капитализма, размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда в своей деятельности, сознательно или бессознательно, действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии все ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 1886 и 1897 годах. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 года о продолжительности рабочего времени. Этот закон — как бы ни были велики его недостатки — останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он *требовал*, и впредь будут давать лишь то, чего он *нуждается*.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно

пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний, — словом, всех тех орудий и средств, которыми западноевропейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма — за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только *сам*.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата — к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в единую «Российскую социал-демократическую рабочую партию». В сознании этого, представители «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», группы, издающей *Рабочую газету*, и «Общеврейского рабочего союза в России и Польше» устроили съезд, решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь в партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главной из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно соотносить все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!»⁴³

Тем социал-демократам, которые в то время находились в сибирской ссылке, текст манифеста был переслан по почте и был встречен ими с восторгом. Мартов в своих мемуарах пишет, что он и его товарищи по ссылке выпили по этому поводу домашнего вина. Нечто подобное происходило и в других местах. Ленин и Плеханов также тепло приветствовали этот манифест⁴⁴.

Минский съезд не смог реализовать ни одного из намеченных им мероприятий, поскольку после его завершения все делегаты были тут же арестованы полицией. Тем не менее он официально признан как первый съезд Российской социал-демократической партии. А Мани-

⁴³ #70. Текст манифеста содержится в: КПСС в резолюциях и решениях. – Т. 1. – М., 1953. – С. 11-14.

⁴⁴ Л. Мартов. Записки... – С. 397-398; P. Struve. My Contacts and Conflicts with Lenin. – P. 75.

фест, написанный Струве для этого съезда, считается (как правило, без упоминания имени автора)⁴⁵ первым официальным документом в истории этой партии.

Время написания Струве социал-демократического манифеста пришлось на тот период его жизни, когда он был поглощен научной работой, начатой им с момента закрытия *Нового слова* и продолжавшейся последующие за этим три года (1898–1900). На этот раз объектом его научного интереса стало российское сельское хозяйство.

К мысли о необходимости вникнуть в историю сельского хозяйства России Струве пришел в ходе размышлений над проблемами современной ему российской экономики. Пытаясь понять закономерности послереформенного развития сельской экономики, он столкнулся с фактической невозможностью найти формулу, описывающую ее характер и присущие ей специфические проблемы. С одной стороны, сельское хозяйство России уже перестало быть натуральным, поскольку достаточно большую роль в нем стали играть деньги; но в то же время оно еще не было капиталистическим, поскольку в нем отсутствовали такие присущие капиталистической экономике черты, как миграция рабочей силы и полная свобода купли-продажи земельной собственности. И чем больше Струве размышлял над этой проблемой, тем чаще его посещало сомнение: действительно ли освобождение крестьян явилось таким важным водоразделом в развитии российской экономики, как это было принято думать?

В то время отмену крепостного права объясняли тем, что крепостническая форма хозяйствования стала нерентабельной. Это еще в 1847 году, задолго до его отмены, было показано одним придерживающимся консервативных взглядов специалистом по сельскому хо-

⁴⁵ См., например, официальный свод документов Коммунистической партии Советского Союза: КПСС в резолюциях и решениях. – С. 11.

зайству⁴⁶, а затем эта точка зрения была принята и более детально разработана целой плеядой российских экономистов и публицистов, которые подкрепили ее множеством аргументов, заимствованных у Маркса и Энгельса. Согласно сложившемуся мнению, царское правительство еще в 1850-м году, осознав экономическую бесперспективность крепостничества, пришло к мысли о необходимости его отмены, однако это могло быть осуществлено двумя разными способами. Можно было, рискуя до разорения огромную массу сельских жителей, создать свободный рынок пахотных земель (капиталистический путь). А можно было выведя за пределы рыночной конкуренции ту часть земли, которая необходима для жизнеобеспечения крестьянства, передать ее в руки самих крестьян с тем, чтобы обеспечить их экономическую независимость («народный» путь). В конце концов, правительство благоразумно остановилось на втором варианте, и все могло сложиться вполне благополучно, если бы оно последовательно придерживалось им самим избранного пути. Но, к сожалению, правительство тут же начало активно помогать капиталистическому сектору как сельского хозяйства, так и промышленности, и это значительно ослабило позицию «народного» сектора экономики.

Некоторые сомнения относительно изложенной точки зрения возникли у Струве еще в процессе работы над «Критическими заметками»; особенно это касалось убежденности в том, что с отменой крепостного права отжившая экономическая система, базировавшаяся на использовании рабского труда, сменилась системой, структуру которой образуют самостоятельные производственные объединения, организуемые и руководимые самими крестьянами. Подтверждением того, что в то время Стру-

⁴⁶ См.: *А. П. Забловский-Десятовский*. Граф П. Д. Киселев и его время. – Т. IV. – СПб., 1882. – С. 281-284, а также: *А. А. Корнилов*. Крестьянская реформа. – СПб., 1905. – С. 10-11.

ве посещали подобные мысли, может служить замечательный экскурс в историю экономики, который он проделал в своем письме к Потресову, написанном летом 1894 года, вскоре после окончания работы над «Критическими заметками».

«А между тем некоторые только намеченные в работе пункты для меня все больше и больше обрисовываются и приобретают такой — если можно так выразиться — объем, который требует монографической разработки. Тут прежде всего является вопрос о «крепостном хозяйстве» и крестьянском населении. Нужно будет налечь на эту тему и обработать ее как можно толковее и целостнее. Помоему, разъяснение этого вопроса очень важно для понимания всего и предреформенного, и пореформенного хозяйства»⁴⁷.

Напрашивающийся из всего этого вывод содержится в предисловии к книге: «...для понимания нашего пореформенного хозяйства необходимо прежде всего изучение хозяйства дореформенного. Общераспространенные в публике и нередко высказываемые в литературе взгляды на весь экономический строй России до реформы 1861 года и, в частности, на хозяйственное положение крестьян в эту эпоху не могут выдержать самого слабого прикосновения исторической критики. ...только понимание того экономического строя, ликвидация которого *началась* 19 февраля 1861 года, может пролить полный свет на экономические явления современности. Быть может, тогда выяснится, что те беды, которые теперь принято считать специфическим порождением капитализма, являются историческим наследием «народного производства», — экономическая категория, в переводе на общепринятый юридический язык означающая: крепостное право»⁴⁸.

Струве выделил два аспекта крепостничества — экономический и юридический, при этом под первым подра-

⁴⁷ Письмо Струве — Потресову от 22 июня 1894 года.

⁴⁸ #15/ix-x.

зумевалась система производства, использующая труд невольников, а под вторым — система законов, закрепляющих это невольничество. Первую систему Струве назвал «крепостным хозяйством», чтобы отличать ее от собственно «крепостного права»¹⁹. Подробно изучив материалы, обрисовывающие картину состояния сельского хозяйства страны в первое десятилетие после отмены крепостного права, Струве пришел к выводу, что освобождение крестьян сказалось только на законодательной надстройке крепостничества и практически не затронуло его экономический базис. Иными словами, через 1861 год крепостное хозяйство перешло в практически нетронутом виде, и только в последующие годы начался медленный, но неуклонный процесс его распада, происходивший в основном в результате строительства обширной сети железных дорог. Симптомами этой агонии явились сельскохозяйственные кризисы 1880 и 1890 годов, которые обозначили завершение процесса экономического освобождения крестьян.

Чтобы обосновать справедливость своей гипотезы, Струве пришлось вникнуть в состояние российского сельского хозяйства до отмены крепостного права. Правда ли то, спрашивал он себя, что крепостные получили свободу в силу того, что в середине XIX века стала очевидна невыгодность основанного на их труде типа хозяйствования? Иными словами — была ли вызвана отмена крепостничества нуждами экономики? Утвердительный ответ на этот вопрос означает, что 1861 год обозначил собой начало новой экономической эпохи; отрицательный — подтверждает догадку Струве о том, что никакого перелома в российской экономике не произошло. Пытаясь найти ответ на этот вопрос, Струве начал с того, что три месяца 1898 года посвятил работе в библиотеке Свободного экономического общества, сосредото-

¹⁹ М. Покровский (*Голос минувшего*. — № 3, 1914. — С. 299) приписывает введение термина «крепостное хозяйство» Струве.

чившись прежде всего на материалах, содержавших информацию о состоянии российского сельского хозяйства с середины XVIII века по 1861 год⁵⁰.

Предварительные результаты его работы были весьма впечатляющи. Он выяснил, что накануне отмены крепостного права сельское хозяйство России не только не находилось в состоянии упадка, но, напротив, встало на путь, ведущий к достижению высочайшего уровня производственной эффективности. Из чего вытекало, что отмена крепостного права была вызвана отнюдь не экономическими причинами. Наоборот, с точки зрения экономики отмена крепостного права привела, скорее, к регрессу. В апреле 1898 года Струве поделился своими соображениями с Потресовым:

«Крепостное право было отменено и крепостное хозяйство ликвидировано в момент своего наивысшего экономического расцвета. Само по себе земледельческое крепостное хозяйство *внутренне* вовсе не созрело к отмене, хотя по другим причинам, вне его лежавшим, ликвидация его представлялась экономической необходимостью. В упадке сельского хозяйства в постреформенное время сказалась эта неподготовленность крепостного хозяина к отмене. Взгляды как видите несколько необычны. Кстати, современная организация помещичьего хозяйства свидетельствует о том, что крепостное хозяйство не пережило себя к 1861 году. Только теперь происходит истинная *внутренняя* ликвидация его»⁵¹.

Эти открытия так воодушевили Струве, что в конце марта 1898 года он заговорил о написании «большой книги» — скорее всего, посвященной данной проблеме⁵².

Исследования по этому вопросу он продолжал до конца года и в конце декабря 1898 года обнаружил свои открытия в двух публичных лекциях, прочитанных в

⁵⁰ Письмо Нины Струве — Потресову от 10 апреля 1898 года.

⁵¹ Письмо Струве — Потресову от 5 апреля 1898 года.

⁵² Там же. Письмо Калмыковой — Потресову, недатированное, 1898 год.

Московском юридическом обществе⁵³. На первой социал-демократическое студенчество устроило ему одну из тех шумных демонстраций, которые затем стали привычным явлением в российской академической жизни. Присутствовавший на этой лекции А. Кизеветтер оставил о ней следующие воспоминания.

«Крепостное хозяйство первой половины XIX ст.! Какое было дело до этого студенческой массе, наполнившей актовую залу университета такой густой толпой, что люди стояли плечом к плечу? Конечно, до крепостного хозяйства этой толпе никакого дела не было. Но ведь на кафедре должен был показаться апостол марксизма, имя которого вызывало столько восторгов со стороны одних и столько нападок со стороны других. Как же было не взглянуть на него, хотя бы одним глазком? Впрочем, зала, видимо, была переполнена поклонниками лектора, представителями социал-демократической молодежи. Эти социал-демократические кавалеры и девицы вели себя чрезвычайно возбужденно. Для чего-то они перекликались из одного угла громадной залы в другой, весьма воинственными голосами, словно кому-то хотели этим заявить: «дескать, знай наших, мы марксисты, мы всех за пояс заткнем». Наконец, на кафедре появился с нетерпением жданный лектор. Разразилась неистовая буря аплодисментов и восторженных кликов. Она долго не смолкала. Председательствовал профессор гр. Комаровский, который из сил выбился, звоня в колокольчик. Но колокольчика совсем не было слышно. Наконец, пары были выпущены и аудитория поуспокоилась. Струве начал свой доклад. Поклонники ожидали от него митинговой речи, а он читал специальный научный доклад, в котором давал предварительный очерк тех мыслей, которые были позднее им развиты в книжке о крепостном хозяйстве. Я смотрел по сторонам и видел, что социал-демократические барышни совсем

⁵³ Отчеты об этих лекциях были опубликованы в: *Русский вестник*. – № 279. – 9/21 декабря 1898 и № 280. – 10/22 декабря 1898.

увяли, да и кавалеры нахмурились. Ведь они пришли совсем не ради ученой премудрости, а ради все той же изо дня в день повторяющейся словесной потасовки»⁵⁴.

Позднее Струве опубликовал расширенные варианты обеих лекций⁵⁵, а исследования его продолжились до 1913 года, когда он опубликовал книгу, озаглавленную «Крепостное хозяйство»⁵⁶. Даже если бы Струве не написал ничего, кроме этой книги, она одна доставила бы ему славу одного из величайших российских историков экономики. Его интерпретация характера и эволюции сельского хозяйства современной ему России в значительной мере отличалась от общепринятой; несмотря на то, что на ряд поднятых им вопросов не сумел дать ответ не только он сам, но и никто до самого последнего времени, его разработки внесли значительный вклад в историографию российской деревни.

Суть взглядов Струве, впервые, еще на интуитивном уровне, сформулированных им в 1898 году и уточнявшихся и оттачивавшихся в последующих его работах вплоть до 1913 года, может быть передана следующими словами.

Крестьянство в России никогда не имело собственной земли и всегда обрабатывало землю, принадлежавшую другим. За право пользоваться этой землей оно расплачивалось либо своим трудом (барщина), либо оброком. Вплоть до середины XVIII века в качестве формы арендной платы преобладал оброк, и на это были две при-

⁵⁴ А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий. – Прага, 1929. – С. 218-219. Л. Аксельрод сообщил Плеханову, что аудитория была обескуражена тем, что говорил Струве: Литературное наследие Г. В. Плеханова. – Т. 1. – М., 1934. – С. 303.

⁵⁵ В первой лекции дано общее описание крепостного хозяйства первой половины XIX века; она была напечатана как #87. Во второй лекции приводились материалы, свидетельствующие о попытках помещиков-крепостников организовать работу крестьян; она была напечатана как #77.

⁵⁶ Крепостное хозяйство. – СПб., 1913.

чины: (1) в силу того, что дворяне были обязаны находиться на постоянной государственной службе, они, как правило, отсутствовали в своих поместьях и не могли лично руководить крестьянами, что необходимо для того, чтобы крепостной труд был продуктивным; (2) поскольку в России было относительно небольшое количество городов, неразвита промышленность, а государство еще не осуществляло значительных закупок продовольствия, то сообразно этому и рынок сельскохозяйственной продукции был слишком мал и неразвит для того, чтобы поощрять производство этой продукции сверх насущно необходимого количества.

Формулируя эти положения, Струве уверял, что барщина была более эффективной (и более тягостной) по сравнению с оброком формой эксплуатации. В качестве доказательства Струве приводил тот факт, что как только российские помещики получали возможность лично управлять делами в своих имениях, они тут же переходили от расчетов через оброк к расчетам через барщину. В монастырских хозяйствах, которые управлялись самими монахами, поскольку они были освобождены от повинности государственной службы, предпочтение также отдавалось барщине; расчеты через барщину предпочитало и большинство владельцев земли начала XVII века, когда вследствие затянувшейся гражданской междоусобицы цены на продовольствие ощутимо поползли вверх. Причина предпочтительности барщины перед оброком заключалась в низком уровне крестьянского предпринимательства в России. Вынужденный отдавать большую часть заработанных денег помещику и государству, крестьянин был лишен возможности накопления капитала, в результате чего в нем не могли развиться ни привычка к самостоятельному дисциплинированному труду, ни инстинкт накопления. Более или менее эффективно русский крестьянин работал только под пристальным взглядом опытного управляющего.

Вплоть до середины XVIII века крепостные, принадлежавшие помещикам, жили довольно сносно, по-

скольку их хозяева не имели ни возможности, ни стимулов к тому, чтобы повышать степень их эксплуатации. Струве приводит примеры, взятые из путевых заметок путешественников XVIII века, показывающие, что зачастую русские крепостные жили лучше, чем их немецкие или прибалтийские собратья.

Ситуация начала меняться в царствование Петра I. Наличие большой постоянно действующей армии вызвало к жизни государственные закупки продовольственных и мануфактурных товаров, которые производились крепостными, работающими в помещичьих хозяйствах. Иными словами, появился внутренний рынок. А в 1750–1760 годах ситуация достигла диаметрально противоположного положения — в силу того, что был принят целый ряд законов, благодаря которым российский помещик должен был превратиться из государственного служащего в сельского и промышленного предпринимателя. В данном случае речь идет прежде всего о принятом в 1762 году Указе о вольности дворянства, освободившем дворян от обязательной государственной службы. На первых порах этот указ привел к тому, что помещики стали жить в своих поместьях и усилили эксплуатацию своих крепостных до степени, характерной для средневековых монастырских хозяйств. Среди менее значительных законов, приведших к тем же последствиям, можно назвать акты об отмене внутренних тарифов в империи, делавшие цены на зерно свободными (1762), и дававшие дворянству право поставлять армии продовольствие и мануфактурные изделия. Факт основания в 1765 году Свободного экономического общества говорит о возникшей в результате всех этих законодательных актов огромной заинтересованности в совершенствовании сельского хозяйства.

Привлеченные открывающимися возможностями, некоторые дворяне поселились в своих поместьях и занялись усовершенствованием хозяйств. Наглядным свидетелем идущих процессов, по мнению Струве, стал происходивший в поместьях между 1775 и 1850 годами

постепенный переход от собирания оброка к барщине. Струве приводит свидетельства ряда живших в то время помещиков, которые утверждали, что барщина приносит им больший доход, чем оброк — иногда чуть ли не в три раза. Некоторые помещики настолько увлеклись возможностями, которые открывались переходом к хозяйствованию, основанному на барщине, что начали предаваться утопическим мечтам об огромных общинах, весьма сходных с теми, образцы которых описывались в трудах западных коммунистов того времени³⁷.

Таким образом, за период между серединой XVIII и серединой XIX веков в России постепенно сформировалась экономическая система, которую Струве обозначил как *крепостное хозяйство*. Его определяющей чертой было рыночное производство, использующее подневольный, а не свободный труд. Эта система была хорошо приспособлена к монетарной экономике, находящейся на низком уровне развития, поскольку давала некоторые преимущества крупным хозяйствам капиталистического типа.

«Барщина, таким образом, побеждала оброк благодаря тому, что она представляла собой экономически более стройную и потому более выгодную организацию хозяйства. Выражаясь точнее: барщинное хозяйство было выше оброчного в силу общих и известных преимуществ крупного хозяйства над мелким в сфере производства и сбыта продуктов и, кроме того, в силу исторической неподготовленности русского крестьянина-земледельца к товарному производству»³⁸.

Предложенная Струве концепция крепостного хозяйства в России во многом близка концепции экономи-

³⁷ Эти проекты обсуждались в #77. Между прочим, еще задолго до того, как я познакомился со взглядами Струве на эту проблему, я обнаружил сходный взгляд на военные поселения, существовавшие при Александре I: R. Pipes. The Military Colonies, 1810-1831. — *Journal of Modern History*. — XX. — № 3. — September, 1950. — P. 205-219.

³⁸ #87/271-272 (декабрьский номер 1899 года).

ческой функции рабовладельческой системы древнего мира, выдвинутой в те же годы немецким историком Эдуардом Мейером. Мейер выступал против взгляда на рабство как на низшую, более примитивную форму организации труда, чем те, которые опираются на свободный труд. Он показал, что как в Древней Греции, так и в Древнем Риме в период их экономического расцвета, наряду со свободным, применялся и рабский труд⁵⁹.

Процесс рационализации российского сельского хозяйства вплоть до 1861 года проходил, по мнению Струве, столь мощно, что, если бы не провозглашение Манифеста об освобождении, российское дворянство со временем вытеснило бы крепостных с земли, а само превратилось бы в класс типа юнкеров [пруссских помещиков], использующих исключительно наемный труд. Крепостное хозяйство дореформенной России было самым динамичным сектором экономики страны — «золотым клином» в теле ее в основном натурального хозяйства. И хотя в последние перед отменой крепостничества десятилетия долги российского дворянства продолжали расти, сам по себе этот факт отнюдь не опровергает тезиса об экономической эффективности крепостного хозяйства, поскольку все это сопровождалось неуклонным увеличением цен как на землю, так и на продукцию. Более того, Струве был убежден, что достаточно большая часть средств, полученных с помощью займов и закладных, была вложена в усовершенствование того же аграрного сектора.

Но если крепостное хозяйство было столь процветающим, то почему крепостное право все же было отме-

⁵⁹ *Eduard Meyer. Die Sklaverei im Altertum.* — Лекция Meyer, прочитанная в Дрездене 15 января 1898 года, то есть именно тогда, когда Струве начинал свои исследования по истории сельского хозяйства в России: *E. Meyer. Kleine Schriften.* — 2 nd ed. — Vol. I. — Halle, 1924. — S. 169-212, особенно S. 196-197. См.: *Русский вестник.* — № 279. — 9/21 декабря 1898, в котором содержатся замечания, сделанные во время обсуждения работы Струве кем-то из аудитории; в них сравниваются точки зрения Струве и Мейера.

нено? Чтобы ответить на этот вопрос, Струве необходимо было переосмыслить стереотипы существующих трактовок причин произошедшего: страх перед крестьянским восстанием и широко распространенное мнение, что после поражения в Крымской войне у России не оставалось иного выхода, как пойти на радикальные перемены в жизни страны⁶⁰. Такого рода объяснения были не для Струве, поскольку будучи марксистом, он прежде всего искал причину, имеющую экономический характер. Но поскольку из его же собственных исследований вытекало, что экономическая ситуация в России того времени требовала не отмены крепостничества, а его сохранения, экономические причины пришлось искать не в прошлом, а в будущем. Принцип ретроспективной причинности позволил Струве утверждать, что крепостничество вошло в противоречие с теми процессами, которые еще только возникали на историческом горизонте, прежде всего — с нарождающимся бумом железных дорог. Подобное отношение к механизму причинности, вызвавшее суровую критику современников Струве, остается самым спорным элементом его теории крепостничества⁶¹. Хотя сама мысль о том, что «экономическое будущее в 50-х и 60-х годах бросало свою исполинскую тень на крепостное хозяйство и делало его, несмотря на его полный расцвет — *несостоятельным*», не столь фантастична, как это может показаться с первого взгляда. Марксистская историография во многом базируется на убеждении, что настоящее отзывается на зов сил, воздействующих на него из следующей фазы исторического

⁶⁰ Эта трактовка была использована другим исследователем этой проблемы, И. Игнатовичем, см.: *Русское богатство*. — № 12, 1900. — Ч. 1. — С. 92-93. Струве отчасти соглашался с ней в своих предшествующих работах, а именно в «Критических заметках»; см. #15/195-196, где отмена крепостного права объяснялась тем, что казна нуждалась в дополнительных средствах, а правительство боялось революции.

⁶¹ См., например: *Jerome Blum. Lord and Peasant in Russia*. — Princeton, 1961. — P. 615-616.

развития⁶². А то, что еще в дореформенную эпоху, задолго до железнодорожного бума, находились люди, предвидевшие эффект, который железные дороги окажут на сельское хозяйство, отмечал в 1847 году в своих записках прусский земельный эксперт Гакстгаузен⁶³.

Поскольку отмена крепостного права была вызвана отнюдь не кризисом экономической системы крепостничества, то нет ничего удивительного в том, что эта система пережила само крепостное право. Разваливаться она начала позднее — когда в деревенскую жизнь вошли железные дороги. Налоговые и иные обязательства, возложенные на освобожденное крестьянство, сохранение распределительных функций — все это не позволило крестьянству трансформироваться в класс по-настоящему свободных селян. Как и раньше, крестьянин должен был платить прежнему хозяину и обрабатывать его землю, как и раньше, он не мог собрать воедино выделенные ему в виде полосок надель с тем, чтобы заложить основу для независимого фермерского хозяйства, как и раньше, у него не было стимула к накоплению капитала. Он, фактически, оставался полукрепостным. Эти последствия крепостничества России пришлось переживать в течение почти сорока лет после его отмены, и в этом коренились причины ее аграрных кризисов. Знаменитая «народная» система производства на самом деле представляла из себя не что иное, как эвфемизм, обозначающий крепостное хозяйство в период его заката.

Вникая в историю сельского хозяйства, Струве не обошел вниманием и проблемы кустарной промышленности. Этот сектор российской экономики обычно относили к «народному» производству, поскольку оно отличалось от «капиталистического» тем, что как средства производ-

⁶² Как будет отмечено в следующей главе, Струве сходным образом объяснял феномен защитных тарифов: #80/224-233.

⁶³ *August Fr. von Haxthausen. Studien über die innern Zustände... Russland's. — Hannover, 1847. — Vol. II. — S. 104, 305.*

ства, так и конечная продукция находились в руках производителей.

Свои сомнения относительно правомочности подобного взгляда на кустарную промышленность Струве высказал еще в «Критических заметках»⁶⁴ и не касался этого вопроса до тех пор, пока в 1897–98 годах в ходе полемики с Павлом Милюковым⁶⁵ ему не представилась такая возможность. И тогда он с присущей ему безапелляционностью заявил, что российская кустарная промышленность никогда не была «натуральной» или «народной», но всегда — капиталистической. Для обоснования своей точки зрения ему пришлось обратиться к работам Карла Бюхера, разработавшего систему классификации типов экономических систем, базовым критерием которой стала дистанция между производителем и потребителем. Согласно Бюхеру, первым, самым примитивным типом экономической системы является кустарное хозяйство, в котором эта дистанция попросту отсутствует, поскольку производитель одновременно является и потребителем. Следующим, промежуточным типом является городское хозяйство, в котором дистанция уже ощутима — работа производителя определяется заказом потребителя, а готовый продукт передается потребителю непосредственно производителем. В системе, которую Бюхер назвал «национальным хозяйством», товары циркулируют, то есть, прежде чем попасть к потребителю, они проходят весьма сложный путь. По Бюхеру, существовавшие на Западе гильдии производителей относятся к городскому типу хозяйствования, так как они работали, следуя полученному заказу. Исходя из этой схемы Струве отнес российскую кустарную промышленность к третьему типу, то есть к «национальному хозяйству», поскольку она всегда производила товары, предназначенные для огромного рынка, на котором их приобретал неопреде-

⁶⁴ #15/97-105.

⁶⁵ #63 и #72. Последняя статья первоначально была прочитана в качестве лекции в Петербургском историческом обществе 26 марта/7 апреля 1898 года.

ленный потребитель. Разумеется, кустарная промышленность была более примитивной, чем фабричная, тем не менее она во многом была сходна с ней. В наличии традиций, созданных существованием кустарной промышленности, Струве видел основную гарантию того, что становление крупной капиталистической промышленности в России встретит не столь сильное, как это было в некоторых западных странах, сопротивление со стороны сил, инициированных предшествующей системой производства.

Струве не стал заниматься историей российской промышленности, поскольку эту тему разрабатывал его друг Туган-Барановский. В 1898 году Туган-Барановский издал труд «Русская фабрика в прошлом и настоящем» — серьезное историческое исследование, в котором опровергалось представление о крупной российской промышленности как «искусственном» для страны образовании, а также наличие конфликта между «народным» и «капиталистическим» производством. Струве приветствовал эту книгу как последний гвоздь в крышку гроба теории «народного» производства⁶⁶.

Вчитываясь в работы Струве, посвященные истории крепостничества и кустарной промышленности России, можно только поражаться тому безудержному потоку мыслей и фактов, который характерен для большинства его работ. Даже если допустить, что он был прав, утверждая, что крепостное хозяйство накануне отмены крепостного права находилось в состоянии подъема, а не упадка, то все равно довольно трудно поверить, что в до-реформенной России было столько аграрных новаторов, как это представляется из нарисованной им картины. Даже если русский кустарь производил продукцию для неопределенного и удаленного рынка, делало ли это его хоть в какой-то мере похожим на капиталистического предпринимателя? Надо сказать, что взгляды Струве на исто-

⁶⁶ #74.

рию современной российской экономики были бы более убедительными, если бы он дал себе труд тщательнее отбирать факты и свидетельства и аккуратнее формулировать свои выводы.

И тем не менее, несмотря на все эти промахи и недочеты, его самоуверенное, сделанное еще в 1898 году, предсказание о том, что когда-нибудь, несмотря на их явную парадоксальность, наука обязательно примет его открытия⁶⁷, вполне подтвердилось. Более поздние работы по истории дореформенного сельского хозяйства в России доказали правильность его основной гипотезы — о подъеме сельской экономики в последние годы крепостничества⁶⁸. А его положение о капиталистическом характере российской кустарной промышленности было принято и детально разработано историками экономики, начиная с Туган-Барановского и далее⁶⁹. Таким образом, Струве внес существенный вклад в историю российской экономики в то время, когда эта наука находилась еще в зачаточном состоянии. И если принять во внимание его молодость и ту скорость, с которой он делал свои открытия и формулировал следовавшие из них выводы, можно только удивляться столь блистательным результатам его деятельности.

⁶⁷ Письмо Струве — Потресову от 5 апреля 1898 года.

⁶⁸ См., например, два исследования, одно из которых принадлежит западному автору, а другое — советскому историку: *Michael Confino. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle.* — Paris, 1963. — P. 194-201; и *Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века.* — М., 1957. — С. 127-130.

⁶⁹ Если сам Струве только утверждал, что Туган-Барановский использовал его схему классификации кустарной промышленности (#74/458), то Милюков пошел еще дальше и приписал Струве первую систематизацию отраслей кустарной промышленности в России: *П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры.* — 3-е изд. — Т. 1. — СПб., 1898. — С. xi.

Глава 9

Ревизионизм

Всю первую половину 1898 года Струве был поглощен работой над своими историческими исследованиями, в которых за короткое время достиг столь значительных результатов. Однако к концу года его настроение начало меняться — он становился все более нелюдимым и раздражительным.

Отчасти это состояние было вызвано финансовыми неурядицами. Денежные суммы, которые он получал за редакторство у Поповой, а также за отдельные журнальные публикации, были столь незначительными, что для обеспечения даже самых минимальных насущных нужд семьи требовали очень большой аккуратности в расходах; эта ситуация осложнилась после того, как в апреле 1898 года Нина родила первенца, Глеба. Однако ни сам Струве, ни Нина не обладали хозяйственными способностями; причем Нина, пожалуй, была еще более беспомощной в практических делах, чем ее муж. Не имея поначалу места для жилья, молодые супруги поселились в квартире Калмыковой, где и прожили весь первый год своего супружества. Совместная жизнь в той же квартире, где Струве и Калмыкова жили в свое время как любовники, конечно же, не способствовала семейному уюту. Калмыкова убедилась, что худшие ее ожидания оправда-

лись. «Заботы о новой оседлости он никакой не проявляет, — жаловалась она Потресову, — а так как на него падет главная роль в организации хозяйства, то я уж совсем не знаю, как это будет. Денег так мало, значит — нужна масса энергии. А где она, у кого?»¹. После рождения Глеба семья Струве переехала в отдельную квартиру на Малой Итальянской, 47. Однако теперь деньги стали утекать еще быстрее, и для того, чтобы оплатить переезд семьи на лето в деревню, Струве вынужден был занять деньги у Потресова².

Но главная причина внутреннего беспокойства Струве была скорее интеллектуального, чем финансового характера, и возникла она в силу разразившегося среди немецких социал-демократов спора между ортодоксальными марксистами и ревизионистами. Чтение как самого Бернштейна, так и посвященной анализу его взглядов полемической литературы, вновь разбудило в Струве сомнения по поводу правильности отдельных положений марксизма; эти сомнения посещали его в разное время, но обычно он не давал им хода ради сохранения социал-демократического единства. Теперь же они снова всплыли на поверхность, со всей очевидностью обозначив мучительный разрыв между тем, что заполняло его сознание, и чувством долга по отношению к движению и друзьям, которые участвовали в нем вместе с ним. Калмыкова одной из первых поняла, что происходит со Струве, и осознала всю значительность мучивших его внутренних противоречий. «В П[етре] Б[ернгардовиче] я за последний год замечала, — писала она Потресову в марте 1899 года, — несомненно, совершающуюся в глубине напряженную работу мысли, ввне выражающуюся крайне капризно, главным образом раздражительными выходками против *чего-то* и кого-то. Смотря по минуте

¹ Письмо Калмыковой — Потресову, недатированное, написанное, вероятно, в 1898 году.

² Письмо Струве — Потресову от 11 июля 1898 года.

это были и Вы, и доброй памяти самарцы, и я, и «старики свои». Вы знаете, как трудно с ним говорить. Мне и совсем невозможно, но он и с другими не говорит, чем крайне раздражает многих. Я однажды сказала при М. И. и еще ком-то на замечание М. И., что я смотрю на них как-то подозрительно, словно ожидая, что они повернут куда не следует: «Подозрений таких у меня нет, но я хорошо знаю Петю, а потому могу с уверенностью сказать, что он находится в *инкубационном периоде*, которого конец выразится в литературе весьма заметным образом. Я жду этого со страхом, потому что знаю его манеру *«делиться мыслями»*. Для одних это *только мысли*, для других это — целый внутренний разгром»³.

Если давать ревизионизму исторически точное определение, то он являет собой неудачную попытку пересмотреть Эрфуртскую программу Германской социал-демократической партии, формально инициированную Эдуардом Бернштейном в 1898 году. Но поскольку в качестве проводника высказываемых им идей Бернштейн имел как предшественников, так и последователей, то ревизионизм можно рассматривать как идеологию одного из социалистических течений, находившегося в весьма неопределенной области, существующей на границе между доктринерским и прагматическим аспектами социализма, или, что фактически то же самое, между его идеологией и его политикой.

Критика Эрфуртской программы началась одновременно с ее принятием. Летом 1891 года Георг фон Фоллмар в своих знаменитых мюнхенских речах высказал сомнение относительно концепции социальной революции, основываясь на том, что в истории, как и в природе, изменения происходят не скачкообразно, а постепенно, шаг за шагом. В 1894 году другой немецкий со-

³ Письмо Калмыковой — Потресову от 28 марта 1899 года. Под «самарцами» подразумеваются редакторы *Самарского вестника*; под «стариками своими» — Плеханов и группа «Освобождение труда».

циал-демократ, Бруно Шенланк, подверг критике разработанные Марксом теории пауперизации и концентрации земельной собственности. К середине 1890 годов сомнения по поводу справедливости как вышеозначенных, так и многих других составляющих социал-демократической теории, нашедших свое отражение в Эрфуртской программе, были широко распространены и открыто высказывались.

О том, насколько сильно воздействовал на мышление социалистов социальный и политический прогресс, достигнутый странами Западной Европы во второй половине XIX века, можно судить исходя из высказываний самого Энгельса. В марте 1895 года, незадолго до своей смерти, в новом предисловии к «Классовой борьбе во Франции» Маркса, Энгельс признал, что история пошла курсом, отличным от того, который виделся когда-то Марксу и ему самому. В 1850 году, когда Маркс писал эту книгу, в памяти людей еще были живы революционные события 1848 года, и предположение о том, что в самом ближайшем будущем Европу захлестнут еще более мощные волны социального насилия, выглядело вполне логичным. Теперь же, спустя полвека, стало очевидно, что подобные ожидания были более чем оптимистическими. За прошедший с того времени период рабочие получили право голоса в демократических выборах; это дало им возможность использовать средства борьбы, обладающее куда большим потенциалом, чем все предыдущие. В силу этого стратегия социалистов требовала серьезной коррекции.

«Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 года повсюду в конечном счете решала дело, в значительной степени устарела. ...Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. ...Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с по-

мощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота»⁴.

Хотя Энгельс констатировал, что идея революции еще слишком близка сердцам социалистов, чтобы от нее можно было окончательно отказаться, и допускал, что и в современных условиях могут иметь место локальные насильственные действия и социальные перевороты, все же его анализ обозначил иную тенденцию — становление тезиса о том, что создание социалистического общества может быть осуществлено мирным путем, в ходе едва заметных изменений, и в этих условиях место баррикад займет кабинка для голосования. Эти высказывания сооснователя социал-демократического движения можно считать своего рода инаугурацией ревизионизма в более узком и исторически точном значении этого слова.

После смерти Энгельса его ближайший соратник Бернштейн стал активным адептом эволюционной идеи. В своих теоретических статьях, публиковавшихся в официальных социал-демократических изданиях, он подверг критике весь корпус идей, легших в основу теории социальной революции. В частности, он критиковал диалектику, а также теории концентрации земельной собственности и «отмирания» государства⁵. В его критических трудах ему помогали Вернер Зомбарт⁶, Пауль Кампфмейер и ряд дру-

⁴ Впервые опубликовано в несколько измененной версии в: *Die Neue Zeit*. — № 27 и 28, 1894-95. Этот текст можно найти в: *Karl Marx, Friedrich Engels. Werke*. — XXII. — Berlin, 1963. — S. 509-527. Цитируемые отрывки расположены на S. 519, 523, 525. В русском переводе цитируется по: *К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения*. — 2-е изд. — 50 т. — Т. 22. — С. 540, 544, 546.

⁵ *Probleme des Socialismus*. — *Die Neue Zeit*. — XV. — Pt. 1; XV. — Pt. 2. — 1896-97. Об эволюции взглядов Бернштейна и источниках ревизионизма см.: *Pierre Angel. Eduard Bernstein et l'évolution du socialisme allemand*. — Paris, 1961.

⁶ *Werner Sombart. Sozialismus und die soziale Bewegung im 19 Jahrhundert*. — Jena, 1896. В книге воспроизведены лекции, прочитанные ее автором за год до этого в Швейцарии. Зомбарт называл диалектический материализм «мистификацией» и, подобно Струве, призы-

гих немецких теоретиков. Печатным органом, пропагандирующим взгляды эволюционистского крыла немецких социал-демократов, стал основанный в 1897 году журнал *Sozialistische Monatshefte*. Струве, хотя и не писал ничего для этого издания, определенно симпатизировал ему. Его раннюю критику некоторых положений марксистской доктрины можно рассматривать как своего рода российский аналог этого направления немецкой социал-демократии.

Внутрипартийные волнения 1898–99 годов, вызванные деятельностью Бернштейна, возникли отнюдь не по причине новизны его идей — подобные идеи появились и циркулировали внутри партии достаточно давно, — а в силу того, что Бернштейн стал настаивать на том, чтобы партия внесла в свою программу соответствующие поправки. В письме, написанном в октябре 1898 года и адресованном Штутгартскому съезду Германской социал-демократии, он убеждал делегатов съезда в том, что партия должна отречься от теорий обнищания и социальной революции, перенеся тем самым проблему критики марксизма из области идеологии в область политики. Среди партийных лидеров началась паника. Для них вышеназванные теории не просто олицетворяли идеи, которые можно было принять, скорректировать или отвергнуть в соответствии с последними достижениями науки, — это были догматы веры, на которых держалось единство радикального движения, пусть оно даже функционировало уже в условиях стабильного и процветающего общества. Они не возражали против критики отдельных или даже всех доктрин Маркса, но только до тех пор, пока она не выходила за пределы страниц теоретических журналов. А ревизия партийной программы — это совсем другое дело. В этом вопросе инстинкты социал-демократов ничем не отличались от инстинктов

вал к критическому пересмотру философского фундамента марксизма. Взгляды этих двух людей, которые, кажется, были знакомы друг с другом, обнаруживают множество параллелей. — Архив за правне и друштвене науке (Белград). — № 1-2. — июль-август 1938. — С. 182.

всех прочих политиков: необходимо цепляться за каждое словосочетание, выражающее партийные интересы, неважно, является ли оно «реалистичным» и «истинным» или нет. Парадоксально, но в данном случае внутренний консерватизм политической организации работал на сохранение ею революционной позы.

По требованию партии Бернштейн теоретически обосновал свои взгляды и в 1899 году опубликовал их в книге, названной «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии»; содержание этой книги стало предметом оживленных дискуссий как в самой Германии, так и за границей. В конце концов немецкие социал-демократы отвергли предложения Бернштейна, так же поступил и Социалистический интернационал. Но при этом — и этот факт полезно помнить при разборе того, что впоследствии произошло со Струве — за Бернштейном признали право сохранить свое членство в партии. Вместе со своими последователями он занял периферийную, но прочную позицию на правом фланге немецкой социал-демократии и получал некоторое удовлетворение, наблюдая, как партия следует тем самым эволюционным курсом, который она в свое время отказалась принять. Характерно, что наиболее решительно требовали исключения ревизионистов из Интернационала представители Восточной Европы, такие, как Плеханов, Парвус (Гельфанд) и Роза Люксембург.

Вникая в суть разногласий, возникших среди немецких социал-демократов, Струве не испытывал особых затруднений в определении того, на чьей стороне лежат его собственные симпатии⁷. Он сразу же встал на сторону ревизионистов, хотя и не чувствовал большого уважения к интеллектуальным способностям их лидера. Он полагал, что Бернштейн «слаб в философии, немножко фили-

⁷ Осенью 1898 года Струве находился в Штутгарте и мог присутствовать на Штутгартском конгрессе немецких социал-демократов.

стер, теоретически не совсем ясно мыслит»⁸, к тому же он считал, что Бернштейн — мыслитель неоригинальный, следующий уже проложенными путями, прежде всего — фабианцами, в особенности — Веббсами⁹. Критика Бернштейна казалась ему слишком поверхностной, поскольку для него марксизм был не «грандиозной философской системой», требующей философского же анализа¹⁰, а простым «эмпирическим конструктом». Тем не менее Струве восхищалась гражданская смелость Бернштейна, и он не сомневался, что созданное им движение в конце концов одержит победу, поскольку оно в гораздо большей степени соотносится с жизненными реалиями, чем марксистская ортодоксия¹¹.

К тому же Струве приводили в ярость те нападки, которые партийные ветераны, особенно Плеханов, обрушили на Бернштейна. Плеханов не только, не вникая в их суть, огульно отменил все его аргументы, но и отказал ему в личной честности. Бесконтрольно пользуясь все тем же «отравленным оружием», от применения которого в дискуссиях его в свое время призывал отказаться Энгельс, Плеханов организовал кампанию систематической травли Бернштейна и его сторонников в российской и немецкой прессе. И когда лидер германских ортодоксальных марксистов Каутский, отвергнув все аргументы Бернштейна, нашел в себе достаточно благородства, чтобы выразить ему благодарность за то, что он «заставил партию еще раз подумать», Плеханов, не колеблясь, немедленно обрушился и на Каутского¹². Такая агрессивность со стороны Плеханова отчасти

⁸ Письмо Струве — Потресову от 2 февраля 1899 года.

⁹ #83/739.

¹⁰ #82/701-702.

¹¹ Весной 1899 года, рекомендуя Бернштейну Туган-Барановского, Струве писал: «Пользуюсь возможностью поздравить Вас с Вашей смелой критикой ортодоксии; эта критика несет в себе семена, из которых произрастут весьма важные последствия. Несмотря на все атаки [на Вас], я убежден, что в главном Вы окажетесь правы». — Письмо Струве — Бернштейну от 28 мая/9 июня 1899 года.

¹² См.: *Samuel H. Baron. Plekhanov, the Father of Russian Marxism.* — Stanford, Calif., 1963. — P. 176-177.

была вызвана ущемленным самолюбием — Бернштейн нанес ему смертельную обиду, написав в своих «Условиях возможности социализма», что Плеханов и его сторонники представляют меньшинство в российском социал-демократическом движении¹³. Но основной побудительной силой его поведения была приверженность все тому же староверческому принципу религиозного фанатизма: догматы веры неприкосновенны, или вера перестанет существовать.

Струве был убежден, что в глубине всей этой антиревизионистской кампании, организованной Плехановым, лежит интеллектуальная нечестность. Он был бы способен уважать плехановский догматизм, если бы чувствовал, что тот искренне убежден в неправоте Бернштейна. В этом случае он оспаривал бы его взгляды, но не имел бы к нему претензий морального характера. Однако Струве был уверен, что в глубине души Плеханов чувствовал, что Бернштейн затеял хорошее дело. Отвергая ревизионизм из соображений чисто политического характера, Плеханов ставил партийные интересы выше истины и совести, что превращало его в тривиального лжеца: «Ложь может быть объективно безвредна или полезна, но до тех пор пока она не признана как таковая. Для того же, кто ее уже осознал как ложь, она, будучи поддерживаема, обращается в зловредный яд. Так и с ортодоксией. Верить в нее безопасно, но перестав верить, необходимо ее отвергнуть, как ложь... а иначе она развратит мышление»¹⁴.

Рожденная сознательной ложью интеллектуальная нечистоплотность была проявлением тенденции, фактически уже наметившейся в действиях Плеханова, — подменять разумное обсуждение назревших вопросов и проблем «пролетарско-революционным выяснением» мотивов и благонадежности¹⁵. По мнению Струве, поведение Плеханова по отношению к Бернштейну несло в себе явные ин-

¹³ Там же. — Р. 177.

¹⁴ Письмо Струве — Потресову от 2 февраля 1899 года.

¹⁵ Письмо Струве — Потресову от 26 июля 1899 года.

квизиторско-полицейские черты, шокировавшие его и вызывавшие в нем опасения относительно будущего социал-демократического движения. Эти опасения, усиливаясь год от года, начали перерастать в нешуточную тревогу.

Но Струве все еще верил, что реальность непременно одержит верх над мифом, поэтому ему казалось, что будет совсем не трудно, оставив Плеханова в одиночестве, перевести российских социал-демократов в лагерь ревизионистов. Туган-Барановский и Булгаков уже были на его стороне, а в некотором отношении даже впереди него. Казалось, что обращение Веры Засулич не должно было составить особого труда. То же казалось и в отношении Ленина¹⁶.

Однако уже первый опыт, заключающийся в попытке обращения в ревизионизм Потресова, отнял у него столько сил, что потребовалась некоторая передышка. В течение первых месяцев 1899 года он вел с Потресовым (находившемся в то время на административном поселении в Вятке) оживленную переписку, которая открыла ему глаза на то, насколько тяжелую миссию принял он на себя. Положительного результата эта переписка не имела — раз от раза тон писем становился все более язвительным, свидетельствуя о назревающей ссоре.

«Я начал с критических сомнений, — писал Струве в одном из этих писем, — пережив чрезвычайно живительную и полезную пору увлечения ортодоксией и окончательно вернулся к критике — под давлением непреодолимого внутреннего убеждения, вносившего и вносящего много беспокойства в мою душевную жизнь... Не знаю, Вы ли излечитесь от утопизма, я ли отрекусь от реализма, но если не произойдет ни того, ни другого, в наших воззрениях будет существовать глубокое различие»¹⁷.

«Я был огорчен Вашим письмом, — ответил ему Потресов, — огорчен, потому что я чувствую, что мы пере-

¹⁶ См. главу 10 этого тома, стр. 343-344.

¹⁷ Письмо Струве — Потресову от 16 января 1899 года.

стали друг друга понимать, начали говорить на разных языках. А ведь у нас с Вами — сколько общих житейских и иных воспоминаний, сколько прожито вместе! *Когда-то* Вы с полуслова разумели мою мысль, мое настроение, *теперь* — все *выстрелы* Вашего письма летят мимо, не попадая в цель. Плохой это признак!»¹⁸

В процессе обмена мнениями страсти достигали такого накала, что однажды Калмыковой пришлось порвать одно из писем Струве Потресову, чтобы предотвратить между ними бесповоротную ссору¹⁹. К августу 1899 года Струве наконец понял, что дальнейшие попытки сделать из Потресова ревизиониста бесполезны. Потресов не поддался его влиянию. Примечательно, что позднее Потресов взял себе псевдоним «Старовер».

Несмотря на тяжелое состояние духа, Струве приступил к редактированию второго социал-демократического журнала. На сей раз инициатива организации журнала — о чем Струве, конечно же, не имел ни малейшего понятия — принадлежала полиции. Видя рост русского рабочего движения и желая располагать как можно более подробной информацией о его связях с интеллигенцией, министерство внутренних дел в конце 1898 года приняло решение о внедрении в социал-демократические кружки своих агентов. Следуя этой стратегии, оно приступило к спонсированию социал-демократической периодики, среди функционеров которой должны были подвизаться его агенты. Работу агента-provokatora должен был исполнять М. И. Гурович, бывший фармацевт, сосланный за участие в революционной деятельности на некоторое время в Сибирь и после возвращения из ссылки ставший платным информатором полиции. Пристрастия Гуровича выделяли его из среды русских интеллектуалов — он общался с дамами полусвета и даже имел репутацию биржевого игрока. Од-

¹⁸ Письмо Потресова — Струве от 27 августа 1899 года.

¹⁹ Письмо Струве — Потресову от 10 февраля 1899 года.

нако сомнения, возникавшие относительно него у некоторых социал-демократов, сглаживались благодаря поддержке, оказываемой ему филантропическими и общественными организациями, а также персональной рекомендации, данной ему его сотоварищем по сибирской ссылке В. Я. Яковлевым-Богучарским, пользовавшимся в партийной среде абсолютным доверием. Став в петербургской интеллигентской среде своим человеком, Гурович регулярно информировал полицию о происходящих там событиях²⁰.

Гурович еще и потому был наиболее подходящей для такой работы кандидатурой, что его гражданская жена А. А. Воейкова имела свое издательское дело. Учтя это обстоятельство, полиция 19/31 декабря 1898 года выдала Воейковой разрешение на издание ежемесячного журнала. Знала ли Воейкова о том, кому она должна быть благодарна за эту милость и где ее муж взял деньги для финансирования разрешенного издания, установить невозможно. Как бы то ни было она решила воспользоваться выпавшей на ее долю удачей и в январе 1899 года пригласила Струве на должность главного редактора журнала, отлично понимая, что он продолжит дело, начатое им в *Новом слове*, иными словами, сделает из ее журнала орган, пропагандирующий «экономический материализм». Журнал должен был называться *Начало*. Струве немедленно сформировал редакционный совет, состоящий из доверенных лиц — Туган-Барановского (помощник редактора), Калмыковой (литературный редактор), Яковлева-Богучарского и Маслова (сотрудники редакции)²¹. И по-

²⁰ О Гуровиче см.: *Л. Клейнборг*. М. И. Гурович-Харьковцев. — *Былое*. — № 16, 1921. — С. 86-107; *В. М. Абрамкин* и *А. Л. Дымищ*. «Начало» — марксистский журнал девяностых годов. — М., 1932. — С. 22-27; *В. Тотомьянц*. Журнал «Начало» и провокатор Гурович. — *Новый журнал*. — XLIII, 1955. — С. 264-266.

²¹ История *Начала* рассказана в следующих исследованиях: *В. М. Абрамкин* и *А. Л. Дымищ*. *Начало*; *В. Полянский*. Марксистская периодическая печать, 1896-1906 годы. — *Красный архив*. — № 2/9, 1925. — С. 264-268 (основано на рапортах цензоров); *В. Евгеньев-Максимов*. Очерки по исто-

скольку Воейкова выступала в роли издателя журнала, Гурович имел доступ ко всей информации.

Будучи главредом *Нового слова*, Струве был не совсем доволен его литературно-художественным отделом. Получив в свое распоряжение новый журнал, он решил поправить это дело, для чего установил связь с поэтами-символистами, поэзия которых еще только начинала привлекать к себе внимание публики, и предложил им взять в свои руки литературный раздел *Начала*.²² Однако из этой затеи ничего не вышло. (Только в 1907 году, когда Струве стал главным редактором своего самого замечательного журнала *Русская мысль*, он наконец преуспел в сотрудничестве с русским литературным авангардом.) Надежда на то, что в журнале будет публиковаться Чехов, тоже не оправдалась. Чехов согласился сотрудничать с *Началом*, но, будучи уже смертельно больным, не смог сдержать своего обещания²³. Из известных русских писателей в *Начале* публиковались только Мережковский и В. В. Вересаев. Горький для этого журнала не писал, хотя если судить по официальной фотографии редколлегии *Начала*, на которой он сидит в самом центре, в тени Гуровича и рядом с Калмыковой, он входил в его редакционный совет.

рии социалистической журналистики в России XIX века. – М.-Л., 1927. – С. 230-265; *Richard Kindersley*. The First Russian Revisionists. – Oxford, 1962. – P. 92-104. Предприятие первоначально планировалось в виде издаваемой в Москве ежедневной газеты, но этот план был отвергнут в пользу ежесюжетника, выпускаемого в Санкт-Петербурге. См.: *С. Франк*. Биография П. Б. Струве. – N-У., 1956. – С. 19, 21 и пере-сказ интервью с С. Франком Б. И. Николаевского, хранящийся в Архиве Николаевского. – Hoover Institution, Stanford, California.

²² См.: *В. М. Абрамкин* и *А. Л. Дымищ*. Начало. – С. 112-113.

²³ Оригинал письма, в котором Струве приглашает Чехова к сотрудничеству, датированный 12 января 1899 года, находится в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки. – М. – Архив Чехова. – Фонд 331. – Картон 59. – Ед. хр. 67. Письмо Чехова – Горькому, в котором тот пишет о своем желании сотрудничать с журналом, напечатано в: *А. П. Чехов*. Полное собрание сочинений и писем. – Т. XVIII. – М., 1949. – С. 24.

Казалось бы, то обстоятельство, что и главный редактор журнала, и его заместитель — ревизионисты, свидетельствовало о том, что *Начало* будет в основном органом «критиков». Но в начале 1899 года ревизионизм, по крайней мере в России, еще не был официально объявлен ересью, потому у Струве не возникло особых затруднений при налаживании сотрудничества со всеми основными публицистами от социал-демократии, большинство из которых придерживалось ортодоксальных взглядов. Только Плеханов больше не хотел иметь никаких дел со Струве и отказался принять участие в его журнале.

Первый, сдвоенный номер *Начала* вышел в феврале 1899 года, и его ударным материалом, вокруг которого было выстроено все содержание журнала, стала программная статья Потресова «О “наследстве” и “наследниках”». Отвечая народникам на их обвинения в том, что социал-демократы предали великие традиции русской демократии, Потресов доказывал, что, напротив, именно социал-демократы являются продолжателями демократических традиций 1860-х²⁴. В этом номере была также напечатана глава из будущей книги Ленина по истории капитализма в России. А также — две статьи Струве, посвященные крестьянскому вопросу и не имеющие никакого отношения к ревизионизму²⁵. Единственным материалом номера, заслуживающим эпитет «критический», оказалась принадлежащая Булгакову рецензия на книгу Каутского «Die Agrarfrage» («Аграрный вопрос»). В этой рецензии, занимающей три журнальные страницы, Булгаков попытался показать, насколько ошибочна позиция, занятая Каутским в отношении аграрного вопроса, а также продемонстрировать

²⁴ См.: А. Н. Потресов. Этюды о русской интеллигенции. — СПб., 1906. — С. 73-109.

²⁵ #77 и #78.

свое неуважение к корифеям международной социал-демократии²⁶.

Судя по всему, связь между полицией и цензурой была не столь тесной, как это принято думать — во всяком случае, цензоры, едва взглянув на первый номер *Начала*, приказали немедленно конфисковать весь тираж, и министру внутренних дел Горемыкину пришлось срочно вмешаться, чтобы отменить этот приказ. В конце концов разрешение на выпуск было выдано, но при условии, что из номера будет изъята программная статья Потресова.

Выход из печати *Начала* отнюдь не сопровождался таким восторгом, как это было в свое время с *Новым словом*. Многих привлекала к марксизму его новизна, которую он уже утратил, да и споры между марксистами и народниками явно выдохлись. Кроме того, слишком большая часть объема номера была отдана специальным экономическим вопросам. Поэтому откликов на журнал было немного. Кажется, только один Плеханов придал факту появления этого журнала большое значение. Среди социал-демократов он был первым, кто поднял тревогу по поводу обнаруженных им в журнале ревизионистских тенденций. Ознакомившись с содержанием первого номера, он писал Аксельроду: «Борьба с берштейнизмом в России есть насущнейшая задача минуты. «Начало» целиком на стороне Бернштейна. Мы должны противопоставить влиянию наших *катедер-марксистов* свое влияние *марксистов-революционеров*»²⁷.

Справедливость опасений Плеханова подтвердил второй, мартовский (1899), номер *Начала*. В нем, в статье, по-

²⁶ *Сергей Булгаков*. К вопросу о капиталистической эволюции земледелия. — *Начало*. — № 1-2, 1899. — Ч. 2. — С. 1-3. По мнению Kindersley, булгаковская рецензия стала первым текстом, в котором «русский марксист на равных спорил со своими германскими современниками»: *Russian Revisionists*. — P. 98.

²⁷ Письмо, датированное 21 апреля 1899 года. — Литературное наследие Г. В. Плеханова. — Т. V. — 1938. — С. 297.

священной молодому и еще неизвестному писателю В. Розанову, Струве высказал мысль о невозможности серьезной классовой войны в Западной Европе. Целостность европейской культуры, писал Струве, дает Западу иммунитет против восстания варваризированных масс, о котором пророчествовали Герцен и Достоевский. Классовые различия в Европе не затрагивают сути ее культуры, пронизанной духом индивидуализма. Там, где классовые конфликты не предполагают конфликта культур, они не могут выйти за пределы неких определенных границ²⁸. В другой статье второго номера Струве объявил «вульгарным» и отверг утверждение, что протекционистские тарифы были установлены в интересах правящего класса — по его мнению, в действительности они служат интересам класса или классов, которые придут к власти в будущем²⁹. Правда, Струве говорил об этом и раньше, но теперь, на фоне высказываний Бернштейна, на фоне разрастающихся вокруг ревизионизма споров, его слова звучали совсем по-другому.

К апрелю был готов третий номер журнала, но его выход опять был задержан цензурой — в основном из-за статьи Потресова, которая была воспринята — и не без основания — как продолжение той, которая была изъята из первого номера. Имелись претензии и к «Внутреннему обозрению» Струве, посвященному теме Финляндии и рабочих волнений³⁰. В результате — апрель пришел и ушел, редакция была занята подготовкой к печати следующего, майского, номера журнала, а разрешение на распространение апрельского номера от цензуры не поступало. Потеряв терпение, Струве переложил редакторские заботы на Туган-Барановского и уехал на воды в австрий-

²⁸ #79/187-188.

²⁹ #80/229-230.

³⁰ А. Н. Потресов. — С. 31. Статья Струве под общим названием «Внутреннее обозрение» продолжала линию «Текущих вопросов внутренней жизни» в *Новом слове* — более она нигде не печаталась; о ней см.: В. М. Абрамкин и А. Л. Дымшиц. Начало. — С. 39-40.

скую Силезию. Оттуда он, пытаясь прозондировать почву, писал Вере Засулич: «Журнальная работа — со всеми сопровождающими ее хлопотами — крайне истомила меня: она — физически большое дело, при котором совершенно не следовало бы иметь никаких мыслей в голове, а между тем они меня осаждают, и, в сущности, радость дела, *действительно крупного* и вполне удовлетворяющего, представляет главную прелесть бытия...

Наши английские разговоры припомнились мне теперь, когда в партии разыгрывается «Бернштейниада». Вы догадываетесь и знаете быть может, что я совсем не стою на стороне его противников. С их же собственной точки зрения я жалею, что они с самого начала взяли неправильный тон в борьбе и тем испортили дело. Ведь очевидно, что идеи партии должны были — рано или поздно — подпасть пересмотру, потому что «все течет», как говорит Гераклит, во 2-х же потому, что всякая даже самая надежная система *должна* иметь свои слабые стороны: чем богаче содержанием система, тем, относительно, больше имеется в ней таких слабых сторон. И потому для «критиков», как бы слабы ни были их силы, вопрос о пересмотре должен был стать на очередь, под страхом неискренности или недобросовестности мышления. Говорить в данном случае об оппортунизме, значит совершенно неправильно ставить вопрос, неправильно и логически, и *морально*. Книга Бернштейна слаба, гораздо слабее, чем вышедшая раньше брошюра Кампфмайера, особенно плоха у Бернштейна философская и абстрактно-экономическая часть, но это все же не значит, что движение, начатое Бернштейном, спасует перед ортодоксальной контрреакцией. Поистине сожаление возбуждает она — ортодоксия — тем, что к ней присоединились Люксембург, Парвус и Шенланк — и то, что говорила, напр., Цеткина, шло не от разума, а от темперамента. Конечно, темперамент очень великая вещь, но нельзя питать энтузиазма к тому, во что не веришь — и потому отсутствие «энтузиазма» не только не может быть

предметом упрёка, но, наоборот, заслуживает полного признания и уважения. Следует критиковать неверие, но не заподозривать намерения и мотивы. А между тем враги Бернштейна очень погрели в последнем смысле, и Бернштейн с большим достоинством ответил, что вопрос идет не об его личности, а об интересах партии. ... (P. S. Я не буду спорить об этом с Г. В. [Плехановым], зная, что этот спор совершенно бесполезен.)»³¹

Пока Струве отдыхал в Силезии (он вернулся в конце мая, когда Нина родила второго сына, Алексея), конфликт между *Началом* и цензурой продолжал разрастаться. В конце концов после долгих колебаний цензура запретила распространение апрельского номера. Разрешение на распространение майского номера было дано, но сразу после этого Горемыкин решил прекратить эксперимент с опекаемым полицией радикальным журналом. 22 июня 1899 года журнал *Начало* был закрыт. Библиотеки и читальни получили приказ изъять с полок уже вышедшие номера; для надежности в проскрипционный список были включены и номера *Нового слова*³².

После потери *Начала* у социал-демократов осталось еще три издания, в которых они могли публиковать свои статьи: *Мир Божий*, *Научное обозрение* и *Жизнь*.³³ Ни одно

³¹ Письмо Струве – Вере Засулнич, датированное 10 мая 1899 года. – Nikolaevsky Archive, Hoover Institution, Stanford, California.

³² См.: R. Kindersley, *Russian Revisionists*. – P. 104.

³³ *Мир Божий* был основан в 1891 году в качестве журнала для юных читателей, но вскоре трансформировался в ежемесячное издание, посвященное в основном общественным проблемам. Его основатель и издатель, А. А. Давыдова, была тещей Туган-Барановского. *Научное обозрение* впервые появилось в 1894 году и держалось в течение десятилетия. Его главным редактором был М. М. Филиппов. Журнал *Жизнь* был основан в 1896 году в качестве семейного журнала, но, попав под влияние Поссе, превратился в издание, выражавшее социалистические взгляды. Об этих трех периодических изданиях см.: В. Полянский. *Марксистская периодическая печать*. Гурович был в курсе дел всех этих журналов и информировал полицию о предпринимаемых их редакциями действиях. В конце концов в 1901 году он был разоблачен эсерами, после чего уже открыто работал в охранке.

из этих изданий тем не менее не являлось партийным органом. Факт отсутствия такого прежде всего объяснялся, конечно, обстоятельствами цензурного характера, но одновременно он являлся и симптомом нездорового состояния российской социал-демократии, «единый фронт» которой к этому времени распался на несколько враждующих друг с другом фракций.

Отличительной особенностью ревизионистской теории Струве является то, что она возникла у него в голове сразу во вполне оформленном виде. Как только он решил открыто встать на сторону Бернштейна (это случилось в начале 1899 года), он тут же приступил к систематической критике Маркса; теперь у него не было никаких колебаний, он шел не на ощупь, и прежние попытки оздоровить марксизм путем модификации некоторых его элементов или даже удаления их были оставлены. Встав на этот путь, Струве тут же взялся за критику основ марксизма: теорию стоимости, являющуюся стержнем его экономической системы, и теорию революции, стоящую в центре его социологической и политической систем. Обычно, прежде чем приступить к столь обширной и глубокой критике какой-либо системы, автор вынашивает ее в своей голове в течение нескольких лет — для Струве годы, непосредственно предшествовавшие ревизионизму (1895–1898), были годами наибольшей лояльности по отношению к марксизму. А поскольку его просто невозможно заподозрить в сознательном двуличии, остается предположить, что в его голове одновременно уживались две противоположные идеологии — позитивная и критическая. Понять интеллектуальную шизофрению такого рода нелегко, особенно если вспомнить, что Струве с абсолютно одинаковым пиететом и равной страстностью поддерживал сначала ортодоксию, а затем ревизионизм. Пожалуй, этот эпизод биографии Струве с наибольшей наглядностью демонстрирует его необычайную способность одновременно занимать две взаимоисключающие позиции.

Однако почему же для того, чтобы обнародовать свое понимание сути марксистской экономики и социологии, Струве понадобилось ждать выступления Бернштейна? Ответ на этот вопрос содержится в его письме к Потресову, написанному летом 1899 года. В нем Струве объясняет, что, приняв на себя обязательства по поддержанию единства социал-демократического движения, он был вынужден держать свои сомнения при себе. Но теперь, когда ортодоксии брошен публичный вызов и ее критика явлена взору буржуазии, когда теоретическое и организационное единство движения нарушено, молчание стало неоправданным. Теперь интересам движения соответствовало не умалчивание, а открытая критика³⁴.

Перед тем как изложить суть своего понимания марксизма, Струве сразу же оговорился, что он, собственно, никогда не требовал от этого учения безупречной последовательности мысли: «Можно сказать, что ни одна глубокая и богатая содержанием научная система немыслима без противоречий. Чем она богаче содержанием, тем больше в ней, стало быть, разнообразных мотивов мышления, и тем возможнее столкновения между этими мотивами. ...Ни один, хотя бы и самый гениальный ум, не в силах строить цельное научное здание и задаваться в то же время работой критической проверки отдельных идущих в дело камней. Он вынужден строить по плану, который он сам свободно и без критических задних мыслей сложил в своей голове. Он строит по критериям, которые в глазах последующей критики являются в значительной мере эстетическими»³⁵.

«Великие строители науки вообще никогда не отличаются методологической ясностью. И благо им: такая ясность всегда сковывает размах творческой мысли; она

³⁴ Письмо Струве — Потресову от 26 июля 1899 года.

³⁵ #85/xxxii-xxxiii.

всегда внушается известным скептицизмом, который есть не что иное, как теоретическая робость»³⁶.

Вместо того, чтобы, встав на философскую точку зрения, подвергнуть марксизм основательной критике, Бернштейн попытался придать ему вид последовательного учения, для чего убрал из него теории обнищания и социальной революции, а социологическую теорию модифицировал так, чтобы немного уменьшить присущую системе степень детерминизма. Действия такого рода были бесполезны, поскольку марксизм требовал глубокого критического анализа всех своих элементов.

«Мой подход... сознательно и априори лежит вне попыток сделать разработанную Марксом систему целостной и последовательной. Он скорее нацелен на обнаружение внутри этой системы сложной игры большого количества интеллектуальных мотивов и сюжетов. В этом случае не только не исключается наличие в системе противоречий, но, напротив, подразумевается их психологическая неизбежность и логическая взаимозависимость. Учитывая это, мы можем определить *пределы действительности* вышеозначенных индивидуальных мотивов. Такова первейшая и насущнейшая задача эпистемологической критики любой научной системы»³⁷. И еще.

«Марксизм — не просто некая эмпирическая конструкция, каких существует не менее дюжины. Это учение представляет из себя грандиозную философскую систему, разработанную под влиянием таких мыслителей, как Гегель, Фейербах, Сен-Симон, Фурье и Прудон. Все системы подобного рода, независимо от того, насколько хорошо они согласуются с эмпирикой, должны пройти теоретическую проверку своих философских оснований, то есть должны быть опробованы на оселке эпистемологии и логики»³⁸.

³⁶ #86/178.

³⁷ #83/730.

³⁸ #82/701-702.

Подобный подход, предполагающий, что критика метода является неотъемлемой частью научного исследования, — типично неокантианский.

Весной 1899 года Струве написал большую статью, посвященную социальной теории Маркса; в ней весьма убедительной критике были подвергнуты теории классово-вой борьбы и социальной революции³⁹.

В качестве основного объекта своего анализа Струве избрал *locus classicus* социальной теории Маркса — его знаменитый пассаж из «К критике политической экономии», в котором утверждается, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что в определенные исторические периоды «материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, внутри которых они до сих пор развивались», и что, когда это происходит, возникшее противоречие разрешается посредством социальной революции. Анализируя это утверждение, Струве спрашивает: если действительно верно, что способ производства «обуславливает» общественные отношения, то каким образом общественные отношения вообще «вступают в противоречие» со способом производства? Каким образом следствие может уклоняться от своей причины? Почему для того, чтобы установить нормальные отношения между производительными и общественными факторами, которые, согласно базовому утверждению теории, должны превалировать по самой природе вещей, необходим социальный взрыв? И поскольку ответов на эти вопросы не су-

³⁹ # 82. Статья эта была напечатана в конце лета 1899 года. В письме Гансу Дельбрюку, датированном 9 июля 1902 года, Струве назвал ее своей самой важной публикацией. Существует русский перевод этой статьи, правда, настолько плохого качества, что сам Струве от него отказался. — Марксовая теория социального развития. — Киев, 1905. Французский перевод статьи был напечатан в: *Etudes de Marxologie* (Paris). — № 6, 1962. — P. 105-156.

ществует, из этого вытекает, что марксистская теория социальной революции входит в прямое противоречие с базовыми принципами экономического детерминизма.

Единственным верным выводом из теории экономического детерминизма, продолжает Струве, является вывод о том, что производительные силы и социальное устройство находятся в состоянии «постоянных частичных столкновений и согласований»: как только общественные институты начинают колебаться под воздействием изменений в способе производства, начинается их пересогласование, устанавливающее новый баланс. Несоответствие между ними никогда не бывает настолько большим или значительным, чтобы привести к социальному взрыву. Поэтому процесс исторического развития идет не в сторону интенсификации социальных конфликтов (это противоречило бы принципам экономического детерминизма), но в сторону их постепенного сглаживания. Это видно на примере способа, с помощью которого капиталистическое общество постепенно приспособилось к появлению рабочего класса и социал-демократии. Общественный прогресс гораздо чаще движется путем постепенной эрозии консервативного сопротивления, чем путем обострения противоречий, ведущего к социальной революции.

«С теоретической точки зрения концепция социальной революции не только неверна и бесполезна — она вводит в заблуждение. Если термин «социальная революция» и был введен для обозначения полного переворота в общественной системе, то для современного сознания он может обозначать только постепенный, продолжительный процесс общественных трансформаций. Даже если краеугольный камень в этот процесс должен быть заложен политической революцией, то элемент, ответственный за развитие этого процесса, в конечном итоге не связан с политической революцией и прекрасно может быть воспринят без оной»⁴⁰.

⁴⁰ #82/673.

Конечно, всегда остается возможность посредством *сoup d'état* провозгласить «диктатуру пролетариата», к чему призывают якобинцы и бланкисты. В марксистской теории вообще весьма силен якобинско-бланкистский элемент, поскольку Маркс верил в «чудо политического восстания пролетариата». ⁴¹ Но захватить власть еще не значит совершить революцию: «[Диктатуры пролетариата] либо с избытком хватит для социального преобразования, либо вообще недостаточно. Чем ближе, по мере усиления рабочего класса, общество к социализму, тем меньше либо возможно, либо необходимо стремиться к диктатуре этого класса. Чем больше дистанция, отделяющая общество от социализма, тем в меньшей степени насильственные средства по установлению «диктатуры» способны преодолеть эту незрелость общества и стать средством перехода к социализму» ⁴².

В силу того, что экономика и общество (или законодательство) находятся в состоянии «постоянных частичных столкновений и согласований», их взаимоотношения строятся на основе связи, устанавливающейся не между причиной и следствием, а между содержанием и формой. Здесь Струве был согласен со Штаммлером, который полагал, что экономика является содержанием этих отношений и обладает приоритетом, поскольку она всегда реальна, тогда как законы — далеко не всегда. (По этому поводу Струве заметил, что «бумажной» экономики не бывает, а вот «бумажных» законов — сколько угодно. ⁴³) Но, являясь содержанием, экономика не существует вне своей формы, то есть общества. Специфика этой связи не позволяет им развиваться с разными скоростями, и это является еще одним аргументом против теории социальной революции. Предположение, что экономика может развиваться в одном направлении, а общество — в другом,

⁴¹ #83/726.

⁴² #82/685п.

⁴³ Об этом см. также #90/372-373.

равносильно предположению, что душа и тело могут вести раздельное существование. Подобные убеждения Струве называл «историческим утопизмом».

Было бы лучше, если бы социалисты отказались от подобных утопических представлений и поняли, что капитализм сам по себе шаг за шагом незаметно трансформируется в социализм. И с исторической точки зрения гораздо важнее не то, что разъединяет эти две системы, а то, что их объединяет. Только когда классовые конфликты сnivelируются до полного исчезновения, тогда и только тогда социализм станет реальностью.

От критики теории социальной революции Струве перешел к критике теории обнищания. Пауперизацию он определяет как усиление эксплуатации рабочих, которая, по его мнению, осуществляется двумя основными путями: путем понижения заработной платы и путем повышения нормы прибавочной стоимости. Но поскольку факты говорят о том, что в капиталистических странах зарплата рабочих отнюдь не понижается, то первый путь исключается и остается второй — повышение нормы прибавочной стоимости. А оно, в свою очередь, достигается также двумя путями: путем увеличения продолжительности рабочего дня и путем повышения производительности труда. Но поскольку практика показывает, что продолжительность рабочего дня не удлиняется, а укорачивается, первый путь также исключается и остается второй — повышение производительности. Оно действительно происходит, но обычно сопровождается одновременным увеличением зарплаты, которое в значительной мере нивелирует потенциальный рост прибавочной стоимости. Более того, любая интенсификация производства имеет естественные границы, выйти за которые она не в состоянии. И если учесть все эти доводы, то становится ясно, что в действительности никакого процесса пауперизации не существует, да и не может существовать, а положение рабочего класса меняется не в сторону все большего обнищания и забитости, а в сторо-

ну постепенного приобретения им все большего политического и экономического влияния.

Но если даже допустить возможность существования некоего *deus ex machina*, пауперизирующего рабочий класс, то сама по себе пауперизация станет одним из сильнейших аргументов отнюдь не в пользу социализма, а против него. Ибо где же пауперизированным, то есть обнищавшим, огрубевшим и дегуманизированным рабочим массам взять те моральные и интеллектуальные ресурсы, которые необходимы для построения социалистического общества?

«Нельзя забывать, что для Маркса социализм означал культурное процветание в самом широком значении этого слова. В его понимании социализм должен был воспринять все достижения буржуазной культуры. Но до тех пор, пока прогрессирующая пауперизация масс являлась неоспоримым фактом и воспринималась как обязательный процесс, как тенденция, имманентно присущая существующему экономическому порядку, и речи не могло идти о социализме, который воспринял и стал бы развивать культурные достижения буржуазного общества. Если взглянуть на вещи реально, то становится невозможной не только взаимосвязь, но даже и одновременность процессов пауперизации и социополитического созревания рабочего класса, в ходе которого этот класс подготавливается к осуществлению самой грандиозной, какую только можно себе представить, социальной трансформации... Чем более угнетенным является пролетариат, тем больше от него требуется усилий для установления нового общественного порядка, и тем менее реальной становится сама возможность этого»⁴⁴.

Однако несмотря на все приводимые им аргументы, свидетельствующие против обострения классовой борьбы, долженствующей увенчаться социальной революцией, Струве (как и Энгельс) вовсе не считал, что социал-

⁴⁴ #82/661-662.

демократия обязана отречься от веры в революцию. По его мнению, социал-демократия является своего рода религией, адепты которой жаждут воплощения определенного социального идеала. Маркс уверовал в социализм еще до того, как неизбежность его прихода была подтверждена последующими научными изысканиями. И именно вера стала для него источником необходимой силы. Любая политическая система, любое массовое движение требуют некоторой дозы утопизма; и социал-демократия в этом смысле не исключение⁴⁵. Здесь главное — не смешивать науку и утопию, настаивая на том, что марксизм является последовательной научной системой. В конечном счете социал-демократия, как и любое религиозное движение, секуляризуется, и когда этот процесс дойдет до конца, утопические догмы — классовая борьба и революция — исчезнут сами по себе.

Критикуя экономический аспект марксизма, Струве сосредоточился на его святой святых — теории стоимости. Также, как и в процессе критики марксистской социологии, он пошел по пути выявления логических сбоях внутри этой теории.

Согласно концепции, изложенной Марксом в 1-м томе «Капитала», меновая стоимость товаров определяется количеством труда, затраченного на их производство. Капитал, расходуемый на покупку этого труда, Маркс назвал «переменным», чтобы отличать его от «постоянного» капитала, затрачиваемого на покупку сырья, оборудования, помещений и т.п. Только «переменный» капитал влияет на величину прибавочной стоимости, которая является целью капиталистической эксплуатации, поскольку капиталист зарабатывает деньги на накоплении разности между заработной платой рабочих и ценой произведенных ими товаров. Согласно марксистской терминологии,

⁴⁵ Еще в 1896 году Струве писал о том, что, хотя марксизм как научная теория не содержит в себе «ни грана этики», того же нельзя сказать о современном пролетарско-социалистическом движении (#38/72).

капиталистическая «норма прибыли» есть отношение прибавочной стоимости к общему капиталу, который есть сумма переменного и постоянного. Получается, что чем больше отношение переменного капитала к постоянному, то есть чем больше трудовые затраты, тем выше норма прибыли.

Еще при жизни Маркса некоторые экономисты указывали на недостаточную последовательность его теории прибыли. Бем-Баверк настаивал на том, что теория Маркса противоречит хорошо известному факту — тому, что при капиталистической системе хозяйствования норма прибыли стремится к выравниванию, или, другими словами, «органический состав» капитала, то есть соотношение его постоянной и переменной составляющих, не оказывает на норму прибыли значительного воздействия. А если это так, то каким образом стоимость товаров и уровень нормы прибыли могут определяться количеством труда, затраченного на их производство?

Энгельс обещал, что объяснение этой несообразности будет дано в третьем, посмертном томе «Капитала», который он готовил к печати. Но когда наконец в 1894 году вышел этот том, большинство читателей испытали разочарование. Допуская постоянство нормы прибыли, Маркс отказался от того, что обмен товаров осуществляется на основе их трудовой стоимости. Отказавшись от этого, он вернулся к старому взгляду, состоящему в том, что стоимость товаров определяется «издержками производства», причем затраты на труд представляют собой одну из этих издержек. Для того чтобы увязать два совершенно разных взгляда на механизм образования стоимости, Маркс предположил, что даже если стоимость отдельных выставленных на продажу товаров и не равна вложенному в них труду, то установление этого равенства происходит на уровне производства всего «общественного продукта». Бем-Баверк незамедлительно отметил в своем труде «Карл Маркс и конец его системы» («Karl Marx and the Close of His System»), что подобного рода объяснение яв-

ляется тавтологией, из чего сделал вывод, что в конечном итоге Маркс так и не разрешил фундаментального противоречия своей теории стоимости.

Выход третьего тома «Капитала» показал неспособность его автора удовлетворительным образом разрешить центральную для марксистской экономики проблему; естественно, это явилось мощным толчком к дальнейшему развитию ревизионизма. (Бернштейн признался, что именно это событие вызвало в нем тот перелом, в результате которого он решительно порвал с марксистской ортодоксией.⁴⁶) Противоречие между содержанием первого и третьего томов «Капитала» сыграло немалую роль и в эволюции взглядов Струве. Непосредственно после выхода третьего тома он находился во вполне оптимистическом настроении. Прочитав этот том вскоре после его выхода в свет, в то время, как он находился в Швейцарии, Струве написал Потресову, что все разговоры о противоречиях в марксовской теории стоимости оказались «сухим вздором»⁴⁷. Он защищал Маркса по крайней мере до декабря 1896 года — времени написания им рецензии на новый перевод «К критике политической экономии»⁴⁸. Вообще, нельзя не заметить, насколько медленно и постепенно продвигался Струве по пути публичной критики какого-либо из аспектов марксистской экономической теории. И Туган-Барановский, и Булгаков в этом отношении его опережали⁴⁹, однако в то время они в гораздо меньшей степени были вовлечены в движение и последствия их критики имели для них гораздо меньшее значение.

Но когда Струве начал наконец серьезно сомневаться в системе марксизма, критика его была безжалостна и сокрушительна. И когда он довел ее до логического кон-

⁴⁶ См.: Г. Зайдель. Очерки по истории Второго интернационала (1889-1914). — Т. 1. — Л., 1931. — С. 156.

⁴⁷ Письмо Струве — Потресову из Монрё от 4 октября 1896 года.

⁴⁸ #40/112.

⁴⁹ Их работы обсуждаются в: R. Kindersley. Russian Revisionists. — P. 157-163.

ца, то лично у него от марксизма осталось разве что только восхищение гением создателя этой системы.

Зимой 1898–99 годов он пришел к выводу, что если в качестве фактора, определяющего цену товара, Маркс выбрал «издержки производства», это свидетельствует о том, что марксистская экономическая теория эклектична: «До выхода III тома «Капитала» многие — и признаюсь, я тоже принадлежал к числу этих многих — думали, что Маркс своим анализом ценности, прибавочной ценности и капитала вконец разрушил почтенную «вульгарную» — по столь популярной презрительной терминологии самого Маркса — теорию «издержек производства», как основы и мерил ценности. А между тем III том «Капитала» показал, что Маркс и по отношению к этой «буржуазной» теории пришел не разрушать. Третий том «Капитала» дал лишь социологическое обоснование вульгарной теории издержек производства»⁵⁰.

В отношении противоречий между первым и третьим томами «Капитала» Струве пришел к выводу, что они появились в результате неосознанного смешения Марксом экономического и социологического подходов: «Вопрос, мне кажется, не следует преувеличивать заслуги Маркса в области анализа чисто экономических явлений (явлений рынка). Маркс произвел переворот в науке политической экономии установлением ее социологических основ. Но ему самому было, бесспорно, неясно отношение этих социологических основ (теории капитала как общественного отношения) к анализу явлений рынка, анализу, который ставит себе совершенно иные задачи, чем социологическое обоснование политической экономии. Неясность в понимании соотношения между социологическими основами и экономическим анализом всего резче сказалась в противоречивости, которую бесспорно страдает учение о ценности, как оно изложено в I и III томах «Капитала». С другой стороны эта неясность привела Маркса

⁵⁰ #90/362.

к тому, что он в III томе быть может в значительной мере бессознательно, но тем выразительнее реабилитировал классически-вульгарную политическую экономию, поскольку она давала анализ рыночных отношений. Содержанием критики Маркса, этой важнейшей задачи современности в области теоретической экономики, и должно, на мой взгляд, явиться ясное отделение социологических основ его политической экономики как таковых от его анализа рыночных отношений. Такая критика должна прежде всего направиться на понятие ценности...»⁵¹

Задача состояла в том, чтобы опровергнуть марксистскую теорию стоимости: подвергнуть «критическому расчленению этот гениальный продукт, в котором социологические и экономические проблемы и решения не размежеваны, а переплетаются в эстетически-стройное, но научно несогласованное целое»⁵². Маркс, сам не осознавая того, рассматривал несколько различных теорий стоимости.

«Рассматривая, как ему казалось, единую проблему стоимости, Маркс рассматривал две совершенно разные проблемы: социологическую проблему эксплуатации — как таковой, так и в ее капиталистическом варианте, и экономическую проблему стоимости — как таковой, так и меновой в частности. Таким образом, в марксистской теории стоимости переплетены два подхода: социологический, направленный на изучение капиталистического способа производства как специфической и исторически определенной формы эксплуатации производителя и присвоения прибавочной стоимости; и экономический, направленный на изучение проблем обмена, а вместе с ними — и самой проблемы стоимости. Как уже было сказано, сам Маркс никогда не разделял эти подходы. Кроме того, к ним добавился еще и третий подход, особенно сильно сказавшийся при формировании *механически-натуралистической* концепции *стоимости как субстанции*

⁵¹ #76/48-49. Опубликовано в январе 1899 года.

⁵² #86/178.

(*Wertsubstanz*). Эта концепция подводит якобы объективный фундамент под саму стоимость. Однако подобная объективность не поддается ни малейшему осмыслению и при ближайшем рассмотрении распадается на субъективные элементы... Не существует никакой объективной *субстанции стоимости*, определенное количество которой можно было бы измерять или сопоставить с чем-то. Объективность может быть приписана стоимости лишь в той мере, в какой субъективная оценка стоимости может быть сопоставлена с объективизацией стоимостной оценки посредством установления общественной стоимости, то есть посредством феномена цен. Но и в этом случае объективность в конечном итоге вытекает из субъективности и может быть выведена только из нее»⁵³.

Чем глубже Струве вникал в теорию стоимости Маркса, тем больше поражался ее непоследовательности. Осенью 1899 года в статье «Основная антиномия теории трудовой ценности» он обратился к анализу так называемой доктрины «падающей нормы прибыли», которая уже была раскритикована Туган-Барановским⁵⁴. Согласно Марксу, утверждение капиталистического способа производства ведет к постепенному уменьшению нормы прибыли, поскольку вследствие механизации производства возрастает доля постоянного капитала, а постоянный капитал не приносит никакой прибыли. Струве считал, что этот постулат, столь резко расходящийся с действительными фактами, родился из стремления Маркса установить чисто «механическую» связь между прибавочной стоимостью, постоянным капиталом и переменным капиталом. В предисловии к новому русскому переводу «Капитала», вышедшему в 1899 году под его редакцией, Струве настаивал на том, что свою теорию стоимости Маркс

⁵³ #83/727.

⁵⁴ #89. Статья Туган-Барановского «Основная ошибка абстрактной теории капитала Маркса» (1899) обсуждается в: R. Kindersley. Russian Revisionists. – P. 160-163.

позаимствовал у классических экономистов, введя в нее метафизическую субстанцию.

«Маркс был в гораздо большей мере, чем обыкновенно думают, продолжателем англо-французской «классической» политической экономии, подразумевая под классической экономией все научное движение, начиная с Кенэ и кончая Рикардо. От физиократов и их английских продолжателей Маркс усвоил себе ту механически-натуралистическую точку зрения, которая столь ярко обнаруживается в его учении о труде как субстанции ценности. Это учение — венец всех *объективных* учений о ценности: оно прямо материализует последнюю, превращая ее в экономическую субстанцию хозяйственных благ, подобную физической материи, субстанции физических вещей»⁵⁵.

Наконец, весной 1900 года Струве опубликовал двухчастную журнальную статью, в которой наметил основные положения собственной экономической теории⁵⁶. Эта статья будет подробно обсуждаться в той части книги, которая посвящена экономическим теориям Струве (том II), поскольку содержащиеся в ней конструктивные элементы в значительной мере преобладают над критическими. В 1900 году Струве еще верил в возможность сочетания марксистской социологии и немарксистской экономики и говорил о желательности внедрения теорий великих «реалистов» — Рикардо, Госсена, Вальраса, Джевонса, Менгера, Визера и Бем-Баверка — в «широкую и грандиозную рамку социологических обобщений Маркса»⁵⁷, так же как в свое время он хотел убрать из марксистской философии диалектический материализм и поставить на его место нео-кантианский позитивизм. Однако довольно скоро

⁵⁵ #85/xxxі.

⁵⁶ #90. Эта статья так и осталась недописанной. Струве хотел сделать ее частью большого труда по политической экономии. — Письмо Струве к редакторам «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» от 10 февраля 1901 года. — Пушкинский дом, СПб. — Фонд 377. — № 2633.

⁵⁷ #89/305.

Струве понял, что подобная гибридизация невозможна. Отказавшись от теории трудовой стоимости, он некоторое время присматривался к идее «предельной полезности», но в конце концов пришел к выводу, что стоимость не может быть использована в качестве экономической категории, и от концепции стоимости обратился к концепции цены.

В 1899 году и еще несколько лет спустя Струве продолжал считать себя социалистом, поэтому необходимо уточнить, в какой мере он им являлся.

Во-первых, он продолжал верить в повышение концентрации производства: «По моему мнению, с точки зрения социализма единственным важным вопросом является происходит ли в процессе развития уменьшение пропорционального количества *собственников средств производства* относительно остальной части общества. В капиталистическом обществе этот вопрос разрешен. Общее повышение жизненных стандартов не только не противоречит этому обстоятельству, но в большой степени зависит от него, поскольку концентрация средств производства в виде частной собственности есть в то же время концентрация этих средств производства как таковых, которая включает в себя одновременно и рост общественной производительности, и условия для успешного разрешения классового конфликта»⁵⁸.

Из этого следовало, что обобществление средств производства двигалось вперед и неизбежно должно было привести к социалистическому обществу.

Во-вторых, Струве был убежден, что благодаря отчасти этой концентрации (которая увеличивает количество служащих, получающих заработную плату), отчасти индустриальной технологии (которая повышает уровень мастерства этих служащих) рабочий класс постепенно будет усиливать свое влияние. По мнению Струве, в социальном отношении рабочий класс являлся наиболее динамичес-

⁵⁸ #83/731. Струве был убежден, что подобная концентрация имеет место и в сельском хозяйстве.

ким элементом современности, «четвертым сословием», которому предназначено доминировать в обществе. А утверждение положения пролетариата — в отношении богатства, численности и политической силы — также должно было привести к установлению социализма.

Все это сильно напоминает теорию «индустриальной демократии» Веббсов. Обобществление в данном случае является неизбежным следствием технологического подъема, неотъемлемой составляющей процесса экономической модернизации.

Наконец, Струве все еще восхищался Марксом как первооткрывателем плодотворного подхода к экономике. Мысль Маркса о том, что все экономические явления и концепции (стоимости, капитала, ренты и т.д.) отражают отношения, в которые люди вступают в процессе производства, Струве считал его величайшим достижением⁵⁹.

Иными словами, в то время Струве еще не отошел ни от Маркса, ни от социализма. Это произойдет позже, после революции 1905 года, когда Струве не только отвергнет основные положения марксизма, но и, как по моральным, так и по философским соображениям, полностью откажется от социалистических взглядов. Как он сам однажды сказал, он порывал с Марксом дважды, сначала поверхностно, а затем всерьез⁶⁰. То отношение к социализму, которое выработалось у него спустя время, лучше всего можно выразить его же словами, написанными в 1902 году в письме к немецкому историку и политику Гансу Дельбрюку: «Я социалист, но социализм для меня давно уже превратился из решения в *проблему*»⁶¹.

⁵⁹ См., например: #83/729-730 и #85/32.

⁶⁰ *Россия*. — № 26. — 18 февраля 1928.

⁶¹ Письмо Струве — Гансу Дельбрюку от 9 июля 1902 года.

Глава 10

Конец единого фронта

К концу 1899 года стало очевидно, что оптимистические прогнозы Струве относительно перспектив ревизионизма в России были далеки от истинного положения вещей. Правда, несколько социал-демократических теоретиков отказались от марксистской ортодоксии, но ни профессиональные революционеры, ни большинство русской интеллигенции по-прежнему не испытывали к ревизионизму не только ни малейшей симпатии, но и особого интереса. В конце концов, вместо того, чтобы повести за собой остальных, Струве попал в изгой и оказался вне движения.

На самом деле довольно трудно представить себе, что все могло бы быть по-другому. Социал-демократическая партия Германии была вполне законной, открыто действующей организацией, которую поддерживала половина членов профсоюзов страны. Как отметил Роберт Микельс, в тех странах, где социал-демократия функционировала легально, она создавала условия, дающие наиболее умным и способным рабочим возможность подняться вверх по социальной лестнице — в свое время это делала церковь для крестьян и мелких буржуа¹. Чем многочисленнее партийная организация и чем сложнее ее административный аппарат, тем меньше она склонна руководствоваться в своих

¹ *Robert Michels. Political Parties. — Glencoe, Ill., 1949. — P. 278-279.*

действиях идеологическими догмами. Лидеры немецкой социал-демократии, будучи политиками-практиками, больше заботились не о неукоснительном соблюдении идеологической чистоты, а о поддержании дисциплины и единства партии. Для этого они были вынуждены демонстрировать хотя бы минимум интеллектуальной толерантности. Поэтому (как, впрочем, и потому, что профсоюзы отдавали ревизионизму очевидное предпочтение) вместо того, чтобы изгнать ревизионистов, они предпочли оставить их в составе партии.

Ситуация в России в корне отличалась от ситуации в Германии. В России политическая активность любого рода расценивалась властями как незаконная деятельность и была чревата суровым наказанием. Поэтому в силу естественного отбора политикой занимались в основном пристрастные — либо идеологически, либо эмоционально — люди. Как и все политически активные люди в России, социал-демократы были связаны друг с другом не политическими интересами (перспективы прихода к власти посредством социалистической революции в то время были еще слишком туманными, чтобы серьезно влиять на поведение активистов движения), а политическими идеалами и кодексом поведения, принятым в данной группе.

Представление о партии как о едином организме, члены которого связаны общностью не интересов, а идеологией, глубоко запало в сознание русских радикалов и во многом объясняет их фанатизм. Плеханов, знаменитую нетерпимость которого позже превзошел разве что один Ленин, считал, что только в условиях нетерпимости может быть сохранено единство партии: «Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из *единомышленников*: как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным»².

² Г. В. Плеханов. Сочинения. — Т. XII. — М., 1925. — С. 455. Эти слова процитированы в: *Samuel H. Baron. Plekhanov, the Father of Russian Marxism.* — Stanford, Calif., 1963. — P. 177. Курсив мой — П.П.

Если полицейские преследования развивали у русских радикалов такую черту, как интеллектуальная нетерпимость, то отсутствие многочисленных сторонников привело к формированию у них инстинктивной антипатии к социальному реформизму. В 1890 годах российская социал-демократия представляла собой элитное движение, целиком состоявшее из интеллектуалов, которые в основном были выходцами из дворян или среднего класса. В отличие от их немецких коллег социал-демократические лидеры России не прошли школы ежедневного взаимодействия с партийными функционерами, им не приходилось считаться с требованиями электората, иными словами, они избежали того умеренного давления, благодаря которому социал-демократическая партия Германии всего за несколько лет трансформировалась из революционной организации в реформистскую. В России социал-демократическое движение развивалось особым образом — и по духу, и по букве. Участники движения были ответственны только друг перед другом и в своих взаимоотношениях опирались на этику, согласно которой своего рода знаком принадлежности движению являлось безоговорочное принятие революции. Для них само понятие революции в гораздо большей степени являлось символом лояльности по отношению к группе, чем средством для установления лучшего миропорядка. А тот факт, что общество вовсе не разделяло их убеждения в обязательности революционного пути, говорил им не о том, что их взгляды нуждаются в серьезном пересмотре, а о том, что необходима бóльшая радикализация общества. И если в рядах социалистов раздавался призыв к отказу от революционной фразеологии, то он воспринимался ими как симптом болезни, лечение которой производилось хирургическим путем — либо исключением нездоровых элементов из партии, либо прочищением им мозгов. Именно такой и была инстинктивная реакция Плеханова, а вслед за ним и Ленина, на ревизионизм.

Фрейбург, Германия 1904.
Слева направо: Струве, Нина Струве,
В.Я. Яковлев-Богучарский, Н.А. Бердяев,
С.Л. Франк

Струве, 1905

Судя по всему, Струве плохо понимал окружающую его реальность — его теоретические построения были ориентированы на то, что жизнь непременно должна восторжествовать над догмой. Но для лидеров российской социал-демократии, полностью изолированных от социальных реалий, единственными реалиями жизни были личные взаимоотношения, установившиеся внутри замкнутого круга правоверных партийцев. Для сотоварищей Струве заниматься «делом» означало не просто бороться за свободу и национальное величие (как это было для самого Струве), что требовало прежде всего неограниченной гибкости в выборе наиболее подходящих средств. Для них «делом» было то, что сплачивало их воедино и придавало смысл их существованию. В таком «деле» не было места сомневающимся. Замкнутое на самое себя, оторванное от людей, для служения которым оно вроде бы существовало, в умах революционеров это «дело» разрослось до в высшей степени угрожающе больших масштабов — это произошло, когда они были изгоями общества, но сохранилось и тогда, когда они пришли к власти.

Полный провал деятельности Струве в рядах российской социал-демократии и последовавшее за ним в 1900–1901 годах изгнание его из этих рядов было первой иллюстрацией того, что широко развернулось впоследствии. Он стал первой жертвой того фанатичного поклонения революции ради революции, которое после 1917 года воплотилось в политике пришедших к власти большевиков и, разросшись до национальных масштабов, привело уже к многомиллионным жертвам.

Кампания по травле Струве была инициирована Плехановым. Он отказался сотрудничать с *Началом* еще до того, как увидел первый номер этого журнала. Увидев же, немедленно объявил ему войну — как органу российских бернштейнианцев. Позже, летом 1899 года, в речи, произнесенной в Швейцарии, Плеханов утверждал, что Струве никогда не был материалистом и, следовательно,

марксистом³. По мнению Плеханова, после того, как Бернштейн выступил со своими еретическими предложениями, организованный в 1895 году Потресовым «единый фронт» распался. И теперь опасность для движения идет не от народников, а от ревизионистов, поэтому он, Плеханов, считает себя свободным от обязательства воздерживаться от атаки на отступников от марксизма.

Аксельрод тоже считал, что Струве потерял для движения, но его реакция заключалась в основном в выражении сожаления по этому поводу, а не в гневных выступлениях. В начале 1900 года он писал Каутскому: «Должен признаться прямо, что, когда Струве порвал с марксизмом, я огорчился гораздо больше, чем когда это произошло с Бернштейном. Я относился к нему с особой нежностью и возлагал на него огромные надежды. Возможно, что в момент появления первых статей Бернштейна я был слишком занят, во всяком случае, они не вызвали во мне того смятения, в которое привели меня работы Струве»⁴.

Как уже было сказано, Потресов не поддавался на уговоры Струве отказаться от ортодоксальных марксистских взглядов, но сохранил к нему дружеское расположение. То же можно сказать и о Вере Засулич. Ленин колебался: в то время он был серьезно заинтересован в том, чтобы Струве оставался внутри движения. И если бы эти трое стали решительно отстаивать свою позицию, то возможно, даже несмотря на Плеханова, Струве не был бы исключен из рядов социал-демократов. Но этого не произошло, поскольку зимой 1900–1901 годов Ленин выступил против Струве, превратившись из сторонника в его смертельного врага.

Весной 1897 года, уезжая в сибирскую ссылку, Ленин считал себя не только политическим союзником Струве, но даже чем-то большим, чем то, что на партийном языке на-

³ Литературное наследие Г. В. Плеханова. – Т. V. – Л., 1938. – С. 163.

⁴ Письмо Аксельрода – Каутскому от 24 февраля [1900 года]. – В. I. Nikolaevsky Archive, Hoover Institution, Stanford, California. На это письмо мое внимание обратил проф. Абрахам Ашер.

зывалось «genosse», или «товарищ». Как уже было сказано, последним, что он успел сделать перед ссылкой, была защита Струве от нападков самарских ортодоксов в споре по поводу хлебных цен. В то время его взгляды на основные политические вопросы практически не отличались от взглядов Струве. Более того, подобно Струве, он стал расценивать борьбу за свободу — то есть за конституцию и парламент — как одну из важнейших насущных задач движения. Влияние Струве сказалось и в том, что Ленин во многом изменил свое отношение к капитализму: первоначально решительно отвергая его, в 1897–1899 годах он стал смотреть на него как созидательную и прогрессивную силу⁵. Правда, к попыткам Струве «улучшить» Маркса он продолжал относиться неодобрительно, но в то время он был склонен осуждать всякое теоретизирование, не связанное напрямую с политическим действием. И до тех пор, пока Струве оставался приверженцем главной задачи, которая для Ленина заключалась в том, чтобы, организовав социал-демократию и поставив ее на то место, которое до этого занимали народники, возглавить национальную борьбу за свержение царского режима, он был готов смотреть сквозь пальцы на идеологические грешки Струве.

На протяжении большей части периода сибирской ссылки Ленина между ним и Струве сохранялись терпимые и дружеские отношения. Они продолжали интенсивно общаться — либо напрямую, путем переписки, либо косвенным путем, через ленинских родственников, — обсуждая при этом самые разные вопросы. Большинство из этих вопросов были литературного характера, поскольку в течение всех этих лет Струве фактически выступал в роли литературного агента Ленина: заботился о размещении его статей в периодике, находил издателей для его книг,

⁵ В. И. Ленин. Сочинения. — 3-е изд. — 30 т. — М., 1926-1937. — Т. 2. — С. 305, 315. Ленин также согласился со Струве в том, что аграрные проблемы России являются наследием крепостничества. — Там же. — С. 519. См. также процитированные выше воспоминания Мартова (С. 222 данного тома).

вычитывал верстку и заботился о гонорарах. В 1898 году, по просьбе Ленина, он подготовил к печати сборник его статей «Экономические этюды и статьи»⁶. Наиболее существенный вклад Струве внес в подготовку к публикации книги Ленина, посвященной истории капитализма в России, над которой тот работал с момента его ареста в декабре 1895 года. На этот раз Струве не только, как всегда, помог Ленину получить недостающие ему для работы научные материалы, не только сделал все необходимое для публикации книги, не только вычитал всю верстку, но и дал ей название. Ленин хотел назвать ее «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности». Но Струве отверг это название на том основании, что оно слишком непривлекательно, и предложил свой вариант — «Развитие капитализма в России». После некоторых колебаний (предложенное Струве название показалось ему «слишком смело, широко и многообещающе») Ленин принял это название, и, таким образом, можно сказать что его основной вклад в науку стал известен под именем, которое ему дал Струве⁷. Однако предметом их общения были не только литературные дела. В их переписке присутствовали и личные, семейные мотивы, об одном из которых вспоминала в своих мемуарах Крупская: речь идет о письме Ленину, написанном Ниной Струве, в котором она пишет о своем сыне (скорее всего — о Глебе): «...каждый день подносим его к портретам Дарвина и Маркса, говорим: поклонись дедушке Дарвину, поклонись Марксу, он забавно так кланяется»⁸.

Струве также помог Ленину подработать на переводах. Восьми рублей в месяц — содержания, которое Ленин в качестве ссыльного получал от царского правительства,

⁶ Экономические этюды и статьи. — СПб., 1898. Доверие Ленина к Струве как к своему литературному посреднику подтверждено документально им самим в его «Письмах к родным, 1894-1919». — Л., 1934. — С. 87, 104-105, 109, 143.

⁷ В. И. Ленин. Письма к родным. — С. 123п, 166, 169, 185, 209.

⁸ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. — М., 1933. — С. 32.

хватало только на самое необходимое, но его не хватало на дополнительные расходы, например, на покупку книг и журналов. Ленин, как правило, был стеснен в деньгах и даже задолжал Калмыковой 100 рублей⁹. Струве предложил ему перевести для серии Поповой книгу Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Первый том Ленин перевел за невероятно короткий срок — шесть месяцев, одновременно продолжая работать над своей собственной книгой¹⁰. В «Теории и практике английского тред-юнионизма» была описана последовательность действий, с помощью которых тред-юнионы и кооперативные объединения должны побуждать современное общество все большее внимание уделять состоянию дел в социальной сфере и, таким образом, способствовать мирному продвижению общества в сторону социализма. Согласно Веббам, социализм должен был стать реальностью не с помощью прямых политических акций, а путем постепенного введения соответствующих административных изменений. В конечном итоге должно было образоваться управляемое государством эгалитарное демократическое общество. В то время Ленин вовсе не чуждался подобных суждений, поскольку в апреле 1899 года он с похвалой отзывался о Веббах как о представителях «одного из передовых течений английской общественной мысли»¹¹.

За 1897 и 1898 годы Ленин не изменил своего отношения к Струве, если не считать его досады по поводу не-

⁹ В. И. Ленин. Письма к родным. — С. 48, 147, 186.

¹⁰ Теория и практика английского тред-юнионизма (перевод В. Ильина [В. И. Ленина]). — Т. 1. — СПб., 1900. Книга была напечатана в выпускавшейся О. Н. Поповой экономической книжной серии, под общей редакцией Струве. Хотя на обложке второго тома этой книги в качестве переводчика также указан Ленин, на самом деле основная его часть была переведена Е. Смирновым (Гуревичем). — В. И. Ленин. Письма к родным. — С. 99п-100п, 209.

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. II. — С. 389. Ленин также перевел книгу Каутского, посвященную критике Бернштейна (Сборник статей. — СПб., 1905); см. об этом: В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. II. — С. 590.

надежности Струве как партнера по переписке¹². Он все так же высоко оценивал публицистический талант Струве: «Вообще в области публицистики он [Струве] оказывается едва ли даже не лучшим писателем, чем в чисто экономической сфере»¹³, — писал он Потресову. Он не высказывал ни малейшего недовольствия по поводу антиортодоксальных экономических или социальных взглядов Струве, включая открыто провозглашенный им отказ от философских оснований экономического материализма и от идеи социальной революции. А также не имел никаких претензий ни к посвященным кустарной промышленности лекциям Струве, в которых тот использовал немарксистскую типологию Бюхера¹⁴, ни к тому, что он в ходе своих исследований опроверг экономические причины акта освобождения крестьян. Последнее вызвало в нем лишь некоторое сомнение относительно того, что «с такими новыми взглядами вряд ли стоило выступать в кратком реферате»¹⁵. В апреле 1899 года Ленин получил два первых номера *Начала*. Его сильно раздражила рецензия Булгакова на книгу Каутского, задевшая его и своим тоном «профессорской претенциозности», и своей аргументацией, которая показалась ему «сплошным вздором»¹⁶. Но «в общем и целом», как он писал родным, *Начало* ему «очень понравилось»¹⁷. Он опубликовал в нем несколько

¹² В. И. Ленин. Письма к родным. — С. 143, 202, 206-207; Сочинения. — 30 т. — Т. XXVIII. — С. 19-20.

¹³ Сочинения. — 30 т. — Т. XXVIII. — С. 19. Ленин ссылается на #67.

¹⁴ #72. В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. XXVIII. — С. 19. В своем «Развитии капитализма в России» Ленин тем не менее неодобрительно отозвался о терминологии Бюхера и использовании ее Струве. — В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. III. — С. 430-431.

¹⁵ В. И. Ленин. Письма к родным. — С. 166.

¹⁶ Там же. — С. 202.

¹⁷ Там же. — С. 202, 209. Как уже отмечалось, Ленин напечатал отрывок из своей книги о капитализме в журнале *Начало* и в письмах называл себя «сотрудником» этого журнала. — В. М. Абрамкин и А. В. Дымшиц. — «Начало» — марксистский журнал девяностых годов. — М., 1932. — С. 75, 85.

рецензий, а затем — отрывок из своего капитального труда по истории русского капитализма. Для того, чтобы осознать все значение вышесказанного, необходимо вспомнить, что те же самые номера *Начала* подвинули Плеханова к открытой войне со Струве и всем российским ревизионизмом¹⁸.

Если принять во внимание все вышесказанное, тот факт, что в то время Струве считал Ленина без пяти минут ревизионистом, не вызывает ни малейшего удивления. В феврале 1899 года Струве писал Потресову: «Я, впрочем, думаю, что по отношению к *Zusammenbruchstheorie* (теории крушения [капиталистической системы]) Ильин [Ленин] еще не отрешился от ортодоксии, но надеюсь, что рано или поздно это произойдет. Ибо вера в *Zusammenbruch* может держаться только консерватизмом мышления или недомыслием, а у Ильина живой и прогрессирующий ум и есть истинная добросовестность мышления»¹⁹.

Медлительность Ленина в его реакции на ревизионизм, непроявление им должной бдительности в отношении критики марксизма Струве и его товарищами имели свои причины. Одна из них заключалась в том, что книги и журналы приходили в Сибирь с большим опозданием. Летом 1899 года Ленин все еще не видел книги Бернштейна и был вынужден обратиться к Потресову за уточнениями — правда ли то, что ревизионисты отвергают классовую войну²⁰. Не располагая соответствующей информации

¹⁸ Своей репутацией симпатизирующего ревизионистам человека Ленин был обязан статье, в которой он назвал Скалдина (Ф. П. Еленева), публициста 1860-х годов, имевшего среди радикалов репутацию «буржуазного либерала», предвестником социал-демократов. — *В. И. Ленин. Сочинения*. — 30 т. — Т. II. — С. 306-315, 659.

¹⁹ Письмо Струве — Потресову от 10 февраля 1899 года; впервые опубликовано в: *А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений* (предисловие Б. И. Николаевского). — Paris, 1937. — С. 33.

²⁰ *В. И. Ленин. Письма к родным*. — С. 212, 227; *Сочинения*. — 30 т. — Т. XXVIII. — С. 31, 42. Он получил «Условия возможности социализма» Бернштейна лишь в августе 1899 года. — *В. И. Ленин. Письма к родным*. — С. 230.

ей, он долгое время был просто не в состоянии оценить масштабы наступления Бернштейна на марксистскую ортодоксию. Второй причиной было отсутствие у него какого-либо интереса к рассуждениям, прямо не относящимся к политике, в силу чего он не обратил внимания на такое предвестие ревизионизма, как неокантианская критика марксистской философии. Он не дал себе труда ни ознакомиться с «Экономикой и обществом» Штаммлера, ни вникнуть в суть вызванного этой книгой спора между Булгаковым и Струве. К тому времени, когда антикантианские статьи Плеханова заставили его наконец-то осознать всю опасность этой критики, ревизионизм давно уже вышел за рамки чисто философских споров. И третья, может быть, наиболее важная причина состояла в том, что весной 1899 года Ленин все еще верил в то, что задача сохранения единого фронта против народников продолжает оставаться самой важной. Находясь в ссылке, он не мог видеть того, что старые конфликты отошли на задний план и уже возникли и разрастаются новые политические разногласия — на этот раз внутри самого социал-демократического движения. Ленина все еще беспокоило то, что Михайловский может воспользоваться разногласиями между социал-демократами²¹. В феврале 1899 года, когда Струве предложил Ленину написать для *Начала* рецензию на книгу одного из авторов этого журнала, тот оказался в сложном положении: книга ему не нравилась, но он считал, что сделает ошибку, если пойдет на публичную критику сторонника социал-демократов. В конце концов он разрешил свои затруднения тем, что 4/5 объема рецензии посвятил атаке на народников²². «Можно ведь, полемизируя между собой, оговорить общую солидарность

²¹ Зимой 1898-99 годов Ленин все еще думал о необходимости написания большой статьи, направленной против народников. — *В. И. Ленин*. Сочинения. — 30 т. — С. 305-338. Ср.: *В. И. Ленин*. Письма к родным. — С. 210.

²² *В. И. Ленин*. Письма к родным. — С. 182; Сочинения. — 30 т. — Т. II. — С. 381-382.

против народников», — как бы извиняясь писал он своим родственникам после того, как решился на критику Булгакова²³. Именно подобные «дипломатические» соображения сыграли решающую роль в том, что Ленин в течение долгого времени не присоединился к Плеханову в его войне против Струве.

Явно выраженное беспокойство по поводу ревизионизма Ленин впервые проявил весной 1899 года. Первоначально его реакция являла собой довольно своеобразную смесь подозрительности и неверия. 27 апреля он написал Потресову, что «новая критическая струя», которая в такой степени захватила Струве и Булгакова, кажется ему «крайне подозрительной». Ему также «не понравилось» утверждение Струве²⁴ о том, что теория стоимости Маркса в том виде, как она изложена в первом и третьем томах «Капитала», «страдает противоречивостью» — но не потому, что он счел эту оценку неправильной, а потому, что сам Струве был уверен в ее «беспорности», тогда как Ленину она представлялась «спорной»²⁵. Когда же Потресов, более тесно общавшийся со Струве, сообщил ему, что Струве действительно сильно тяготеет к ревизионизму, Ленин был потрясен: «Если П. Б. [Струве] такой горячий защитник Бернштейна, что чуть не «ругается» из-за него, то это очень и очень печально, ибо его [Бернштейна] «теория» против *Zusammenbruch*'а — непомерно узкая для Западной Европы — и вовсе негодна и *опасна* для России»²⁶. (Необходимо отметить, что ко времени написания этого письма Ленин все еще не видел книги Бернштейна²⁷.)

²³ В. И. Ленин. Письма к родным. — С. 210; письмо, датированное 1/13 мая 1899 года.

²⁴ #76/49.

²⁵ В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. XXVIII. — С. 31.

²⁶ Там же. — С. 32; письмо от 27 апреля 1899 года.

²⁷ В. И. Ленин. Письма к родным. — С. 212: «...я не видел ни этой книги [Бернштейна], ни чего-либо писанного о ней (кроме случайных заметок в «Frankfurter Zeitung»). Жаль очень». — Письмо от 9 мая 1899 года.

Той же весной между Струве и Лениным произошла небольшая ссора, первая со времени их знакомства в 1895 году, когда они дискутировали по поводу «Критических заметок». Тогда они преодолели свои разногласия и сумели прийти не только к идеологическому соглашению, но и к политическому альянсу; теперь же дело закончилось взаимным отчуждением.

Все началось с того, что Ленин вмешался в спор между Булгаковым и Туган-Барановским, разгоревшийся по поводу одной из занимавшей всех проблем — проблемы рынков²⁸. Ленин послал Струве свою статью с тем, чтобы тот поместил ее в какой-нибудь журнал. Струве сделал то, о чем его просили, но дополнил публикацию небольшой собственной заметкой, посвященной критике теории стоимости Маркса. В первом же абзаце этой заметки он открыто выразил свою радость по поводу того, что марксизм все чаще и чаще подвергается критическому анализу: «Ортодоксальные перепевы, конечно, еще продолжают доминировать, но они не могут заглушить новой критической струи, потому что истинная сила в научных вопросах всегда на стороне критики, а не веры»²⁹. Номер журнала, в котором были напечатаны обе эти статьи, Ленин получил в начале марта. Ему польстило то, что в его споре с Булгаковым и Туган-Барановским Струве в большей степени принял его сторону. Однако его сильно раздражило в позиции Струве то, что он расценивал как либо недопонимание, либо умышленное искажение Маркса. Поэтому он не замедлил с весьма резким ответом³⁰. Как и четыре года назад, он позволил себе назидательный тон учителя, но на этот раз это был тон обращения к нерадивому ученику. На призыв Струве приступить к широкой критике Маркса Ленин возражал: «Нет, уж лучше оставимся-ка “под знаком ортодоксии”!», добавив при этом,

²⁸ О литературе по поводу этого спора см.: *В. И. Ленин. Сочинения.* — 30 т. — Т. II. — С. 632-633.

²⁹ #76/46.

³⁰ *В. И. Ленин. Сочинения.* — 30 т. — Т. II. — С. 405-420.

что, по его мнению, ортодоксия вовсе не требует ни слепой веры, ни отказа от конструктивной критики³¹.

Это расхождение с Лениным, при всей его незначительности, повергло Струве в состояние сильнейшего разочарования. Убедившись в своей полной неспособности воздействовать на друзей посредством ясных логических аргументов, он ощутил себя в полном тупике: «Даже самые сведущие и отличающиеся остротой мысли марксисты, — прокомментировал он, — способны не усматривать логически безусловно необходимых выводов из основных теоретических посылок своего учителя»³². В письмах Струве к Потресову, написанных летом 1899 года, больше нет речи о «живом и прогрессирующем уме» Ленина. Напротив, о книге «Развитие капитализма», которую он сам же готовил к печати, говорится, что в ней «отсутствует столь ценное для меня движение мысли», в силу чего она «наводит на меня эстетическое уныние»³³. Струве публично ответил Ленину в короткой и еще более резкой статье, в которой сообщал, что даже не знает, с чего начинать опаривать своего оппонента, настолько по-разному они воспринимают марксистскую экономику. По поводу ленинской приверженности ортодоксии он едко заметил: «...он [Ленин] считает, по-видимому, решительно обязательным по всех случаях не только думать, но и выражаться по Марксу, и к тому же по переведенному на русский язык Марксу. ... Я рассуждаю условно: “если верна теория трудовой ценности”, Ильин [Ленин] же должен рассуждать категорически: “так как теория трудовой ценности гово-

³¹ Там же. — С. 420.

³² #86/176. Приведенные слова относятся к Ленину и еще одному автору.

³³ Письмо Струве — Потресову от 26 июля 1899 года. Критики разделяли мнение Струве относительно ленинской книги, выход которой не вызвал ни широкого отклика, ни особых похвал. В рецензиях признавались определенные достижения автора в области сбора фактического материала и наглядности его представления в книге, но одновременно делались упреки в схематизме и в узости концептуального мышления. См.: *В. И. Ленин. Сочинения.* — 30 т. — Т. III. — С. 545-555, где напечатаны несколько таких откликов.

рит то-то и то-то»³⁴. В конце статьи Струве отметил, что было бы неплохо, если бы Ленин освободился, наконец, от «чар ортодоксии». Это был последний случай, когда Струве высказывал по поводу Ленина подобные пожелания и надежды. С этого времени он стал считать его столь же невосприимчивым ко всем доводам жизни и логики, как и Плеханова, и даже перестал отвечать на письма, которые Ленин продолжал ему посылать³⁵.

С наступлением своего последнего проведенного в ссылке лета Ленин решил познакомиться с ревизионистской литературой, особенно — с неокантианской философией. Чтобы адекватно оценить это направление философской мысли, он решил самостоятельно вникнуть в историю философии, начав с французских материалистов XVIII века. Его провалы в знании этого предмета были огромны (я «очень хорошо сознаю свою философскую необразованность», — признавался он в частном письме³⁶); однако предмет оказался настолько чужд ему, что вскоре он отказался от мысли глубоко изучить историю философии. Бегло повторив зады, он обратился к Штаммлеру и тут же объявил его книгу «сплошной *erkenntnisstheoretische Scholastik*» [теоретико-познавательной схоластикой], содержащей «глупые “определения”» и «глупые “выводы”»³⁷. Относящиеся к 1897 году дебаты Струве и Булгакова по поводу вопросов исторической причинности произвели на него такое же впечатление. Он пришел к выводу, что Плеханов прав: неокантианство действительно является философией «реакционной буржуазии», с которой «необходимо посчитаться серьезно». Поделившись этими мыслями с Потресовым в письме от 27 июня 1899 года, он также выразил свое изумление по поводу сообщенного ему Потресовым факта, что в Петербурге весьма

³⁴ #84/1581, 1583.

³⁵ См.: *В. И. Ленин. Письма к родным.* — С. 229.

³⁶ *В. И. Ленин. Сочинения.* — 30 т. — Т. XXVIII. — С. 40.

³⁷ Там же; *В. И. Ленин. Письма к родным.* — С. 216.

сильны антимарксистские настроения. Он хотел знать, кто за всем этим стоит. «Он [Струве] ли это и его К° развивают тенденцию к единению с либералами??» И если все на самом деле обстояло именно так, то Струве более не заслуживал звания «товарищ» (Genosse): «Если П. Б. [Струве] совершенно перестанет быть Genosse, — тем хуже для него. Это будет, конечно, громадной потерей для всех Genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, «дружба-дружкой, а служба-службой», и от этого необходимость войны не исчезнет»³⁸.

Однако Ленин еще не был готов к настоящей войне. Совершив полемический наезд на Булгакова, которого он считал наихудшим из ревизионистских отступников, перед тем, как отослать рукопись для публикации, он все же смягчил наиболее резкие пассажи своей статьи. «...я, мол, «ортодоксальный» и решительный противник «критиков»... но не надо преувеличивать этих разногласий [как это делает г. Булгаков] пред лицом общих врагов», — так он объяснил свою позицию Потресову³⁹.

Наиболее сильную брешь в невозмутимости Ленина пробил полученный им в конце июля от его сестры Анны документ под названием «Credo». Этот текст был написан юной марксисткой Екатериной Кусковой, только что вернувшейся из Западной Европы, где она вместе со своим мужем С. Н. Прокоповичем изучала профсоюзное движение. Анна получила этот текст от Калмыковой и, переписывая его для своего брата, дала ему название «Credo», под которым он с тех пор и стал циркулировать, хотя сама Кускова не была согласна ни с данным ему названием, ни с приписываемым ему значением программ-

³⁸ В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. XXVIII. — С. 41.

³⁹ Там же. — С. 42. Письмо от 27 июня 1899 года. «Один из главных недостатков Булгакова это именно тот, что он не указал точно, в чем он солидарен с Каутским против народников», — писал он в мае 1899 года (Письма к родным. — С. 210). Из этой цитаты хорошо видно, насколько трудно было Ленину даже тогда отказаться от идеи объединенного фронта против народников.

ного документа⁴⁰. Как и все, что когда-либо выходило из-под пера этой спиритически настроенной женщины, «Credo» было путанно и написано довольно корявым языком, но основная его идея была очевидна: по мере созревания русского социализма партия должна будет отказаться от формирования самостоятельной рабочей организации и присоединиться к общенациональной борьбе за конституцию и гражданские свободы. «Партия признает общество; ...и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении...»⁴¹

Вообще-то Кускова написала эту небольшую статью для того, чтобы объяснить, почему возник ревизионизм. По ее мнению, он являл собой неизбежный этап в развитии европейского социализма, и его появление свидетельствовало о взрослении, сопровождавшемся переходом от погружения в политическую борьбу к озабоченности состоянием общества, в том числе положением в экономике. Однако, несмотря на то, что Кускова испытывала явную симпатию к ревизионизму (во всяком случае, так казалось, хотя ее высказывания по этому вопросу были довольно путанными), сам по себе текст «Credo» не был ревизионистским документом, как это и выяснилось впоследствии в ходе партийной полемики. Ревизионисты вовсе не считали, что рабочий класс не должен участвовать в политической борьбе — просто они исключали из методов этой борьбы революцию и насильственный захват власти. Струве, например, и в ревизионистский период своей деятельности смотрел на рабочий класс как на силу, которая опрокинет царский режим. Идеи Кусковой, скорее всего, уходили корнями в экономизм. Стирание различий между агитацией как таковой и агитацией, ис-

⁴⁰ История «Credo» рассказана в: *В. И. Ленин. Сочинения.* — 30 т. — Т. II. — С. 636-639; *Richard Kindersley. The first Russian Revisionists.* — Oxford, 1962; *J.L.H. Keep. The Rise of Social Democracy in Russia.* — Oxford, 1963. — P. 65-66.

⁴¹ *В. И. Ленин. Сочинения.* — 30 т. — Т. II. — С. 478.

пользуемой в качестве средства для вовлечения в политическую борьбу, произошло, как уже было отмечено, еще в 1897–98 годах⁴². В 1899–1900 годах экономисты составляли большинство в Союзе российских социал-демократов, официальной партийной организации российских социал-демократов за границей⁴³. Кускова, которая за время своего пребывания за границей вступила в члены этого Союза, просто довела появившиеся в практике рабочей агитации и экономизме тенденции до их логического конца, показав, что их суть в том, что вторая, политическая, часть агитационной стратегии должна быть отброшена.

Плеханов боролся с экономическими тенденциями внутри Союза, хотя и с меньшим упорством, чем с идеями Бернштейна, поскольку считал экономизм менее опасным. Однако Ленин придерживался другого мнения. До тех пор, пока «критические тенденции» затрагивали лишь теорию — эпистемологию, философию истории, теории стоимости, прибыли и обнищания, даже концепцию социальной революции, — он был склонен относиться к этой «критике» достаточно снисходительно. Но как только она затронула идею самостоятельной социалистической партии, от его терпимости не осталось и следа.

Чтобы понять, почему реакция Ленина на «Credo» была такой сильной, необходимо вспомнить обстоятельства, при которых он в 1895 году стал социал-демократом. В то время он по сути отказался от бланкистской идеи террора и насильственного захвата власти, что произошло после общения с Аксельродом, Плехановым и Струве, которые убедили его в преимуществах стратегии социал-демократов, включавшей в себя временный альянс со всеми оппозиционными царизму силами в России, особенно с

⁴² Экономизм имел место не только в России, но и на Западе. См.: *P. Kampffmeyer. Historisches und Theoretisches zur sozialdemokratischen Revisionsbewegung. — Sozialistische Monatshefte. — № 5, 1902. — S. 345-354.*

⁴³ См.: *В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. II. — С. 641; S. H. Baron. Plekhanov. — P. 153-154, 186-192.*

«буржуазией». Согласно Аксельроду, в этом альянсе пролетариат должен был играть роль «гегемона», а под «пролетариатом» в данном случае подразумевалась, естественно, прежде всего социал-демократическая партия. Поэтому в случае отказа от идеи самостоятельной социал-демократической партии, стоящей во главе политической борьбы с царизмом, данная стратегия полностью утрачивала свой смысл. Хуже того, этот шаг превращал социал-демократов в пособников буржуазии при захвате ею власти. Придя в ужас от подобной перспективы, Ленин отреагировал мгновенно и резко — можно даже сказать, панически, — на статью, которая на самом деле отражала взгляды только самой Кусковой и ее мужа⁴⁴. Безукоризненный политический инстинкт, которым обладал Ленин, подсказал ему, что этот документ — предвестник кризиса, симптомы которого он определил как «грядущую болезнь» социал-демократии⁴⁵. Он немедленно сочинил «Протест российских социал-демократов» против «Credo», который дал подписать нескольким своим товарищам по ссылке. В этом тексте он, зачастую копируя то, что в 1898 году Струве изложил в партийном манифесте, еще раз подтвердил приверженность социалистов и рабочих политической борьбе⁴⁶.

Однако это не заглушило проснувшейся в нем тревоги, которая теперь, пожалуй, лишь усилилась. В своем «Протесте» он отверг мысль о том, что социал-демократическое движение постиг внутренний кризис — сказать такое, писал он, значит «повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, сияющихся раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистических партий»⁴⁷. Но он, безусловно, понимал, что этот кри-

⁴⁴ Согласно Б. И. Николаевскому (*А. Н. Потресов*. Посмертный сборник. — С. 34), даже самые крайние экономисты признавали, что у рабочих имеются свои политические задачи.

⁴⁵ *В. И. Ленин*. Сочинения. — 30 т. — Т. II. — С. 636.

⁴⁶ Там же. — С. 477-486.

⁴⁷ Там же. — С. 481.

зис наступил. Его это беспокоило настолько, что он поху-
дел и стал страдать бессонницей⁴⁸.

Анализируя причины возникновения экономизма, Ленин пришел к выводу, что первейшей из них является изолированность рабочих групп друг от друга и от социалистически настроенной интеллигенции. Предоставленные самим себе, рабочие бессознательно обращаются к «малым делам» и теряют ощущение рабочего движения как целого. Исходя из этого, Ленин пришел к выводу, что наиболее важной задачей для социал-демократов на сегодняшний день является внедрение в российское рабочее движение классового сознания и ощущения общей цели.

Программа такого рода выдвигалась не впервые. И Каутский, и Плеханов еще до Ленина заговорили о том, что перед интеллигенцией стоит задача возглавить пролетариат и внедрить в него социалистическое сознание. Но до Ленина никто из марксистов, к какому бы ответвлению этого движения он ни принадлежал, не рассматривал отношения между рабочими и социалистической интеллигенцией как далекие от гармоничных. В основном все признавали, что интересы и устремления этих двух групп во многом совпадают, в силу чего считалось, что нет никакой необходимости в том, чтобы точно определять их функции или разделять сферы влияния. Ленин стал первым марксистом, который отказался от положения о гармонии интересов рабочих и социализма. Опыт личного общения с рабочей элитой Петербурга в 1894–95 годах, также как и очевидная привлекательность аполитичного тред-юнионизма для международного пролетариата, привели его к мысли, что рабочий по своей сути, по своей природе вовсе не является социалистом. Предоставленный самому себе, он бессознательно будет искать связи с буржуазией и предаст социализм. Эта не имевшая прецедента в истории социалистической мысли концепция оформилась в голове Ленина далеко не сразу — он обду-

⁴⁸ Н. К. Крупская. Воспоминания. — С. 35.

мывал ее в течение полутора лет после получения «Credo». Наконец в декабре 1900 года он изложил ее в программной статье «Насущные задачи нашего движения», где прямо утверждал, что «оторванное от социал-демократии рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность»⁴⁹. Эта концепция отвергала базовое положение марксизма о том, что капитализм неизбежно радикализует рабочий класс и в конце концов не оставляет ему иного выхода, кроме борьбы за социализм. Это было еще большим отходом от учения Маркса, чем даже ревизионизм, и, подобно ему, являло собой симптом болезни, охватившей ряды европейской социал-демократии.

Для того чтобы рабочий класс проникся социалистическими убеждениями, рассуждал Ленин, прежде всего необходима эффективно действующая социал-демократическая партия. Но чтобы сделать ее таковой, требовалось терпение и мастерство дипломата. Движение распалось на три части: ортодоксы, ревизионисты и экономисты. Поэтому первым шагом на пути создания эффективно действующей организации должна была стать нейтрализация двух ересей. В процессе переписки с Мартовым и Потресовым во второй половине 1899 года Ленин разработал план действий, базирующийся на двух противоположных стратегиях: необходимо было отделить ортодоксальных марксистов от ревизионистов и экономистов на идеологическом уровне и, напротив, объединить их всех на организационном уровне. Ортодоксы должны были объединиться с еретиками в одну партию с тем, чтобы затем, настойчиво указывая им на их промахи и ошибки, склонить их на свою сторону.

Приступив к осуществлению этого плана, «триумvirат» (Ленин, Потресов и Мартов) для начала решил организовать выпуск двух периодических изданий. Первое из них, идея которого принадлежала Потресову, необходимо было посвятить решению теоретических вопросов.

⁴⁹ В. И. Ленин. Сочинения. – 30 т. – Т. IV. – С. 56.

Речь шла о журнале под названием «Заря». Первоочередной его задачей должна была стать полемика с ревизионистскими тенденциями, превалировавшими в легальной периодической прессе России. Вторым изданием, предложение о котором внес Ленин, должна была стать газета типа *Der Sozialdemokrat*, органа немецких социал-демократов, выходившего в Швейцарии еще в те годы, когда действовал антисоциалистический закон Бисмарка⁵⁰. Потресов назвал эту газету *Искрой*⁵¹. В ее задачи входила идеологическая борьба как с экономизмом, так и с правительством, а ее редакция должна была стать чем-то вроде зародыша центрального комитета будущей партии. Предполагалось, что в число авторов обоих изданий войдут и те социал-демократы, которые придерживались неортодоксальных взглядов. План должен был начать осуществляться сразу же после того, как закончатся сроки ссылки трех договорившихся между собой друзей.

Данная стратегия содержала в себе фатальное противоречие. С одной стороны, *Искра* и *Заря* должны были стать органами воинствующей ортодоксии и служить цели выявления и ликвидации возникающих в среде социал-демократов ересей; а с другой — по ходу их функционирования должен был образоваться каркас будущей партийной организации, в состав которой вошли бы и все еретики. *Искра* и *Заря* должны были стать инструментами одновременно идеологической войны и политического объединения, иными словами, они должны были в одно и то же время и разъединять, и соединять.

Словно для того, чтобы еще больше усложнить положение, триумvirат искренне верил, что сложившаяся по ходу функционирования его изданий социал-демократическая организация возглавит общенародную борьбу с царизмом. Согласно Потресову, *Искра* должна была стать проводником политической идеологии, «упирающейся в

⁵⁰ См.: В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. II. — С. 502.

⁵¹ А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. — С. 39.

идею гегемонии пролетариата и его социал-демократического авангарда в деле политического освобождения России»⁵². Подразумевалось, хотя и не проговаривалось вслух, что социал-демократы под видом помощи либеральному движению используют его для своих собственных целей. Однако допустила ли бы буржуазия, чтобы ее использовали таким образом? И как в таком случае быть с пролетариатом, которому из политических соображений предлагалось объединяться именно с теми элементами, которых социалистическая же пропаганда клеймила как его смертельных врагов?

В конечном счете сия весьма «тонкая» стратегия, предложенная Лениным и Потресовым и принятая, правда, с большими сомнениями, Мартовым, базировалась исключительно на их непоколебимой уверенности в своей способности примирить непримиримое: идеологическую чистоту и политический оппортунизм.

В январе 1900 года, когда сроки ссылки подошли к концу, Ленин и Потресов направили свои стопы на запад; Мартов, который отбывал свой срок в более отдаленной местности, последовал вслед за ними. Всем им было запрещено жить в Петербурге, поэтому в качестве легального места жительства они избрали Псков, от которого до северной столицы было всего два часа езды на поезде — благодаря этому они могли поддерживать постоянный контакт со своими друзьями в Петербурге. В качестве резиденции для партийной работы была избрана квартира Радченко, который жил в Пскове под гласным полицейским надзором. В их распоряжении был также скромный деревянный дом В. А. Оболенского, который работал в Пскове статистиком.

В феврале-марте Ленин и Потресов несколько раз тайно приезжали в Петербург — повидаться с друзьями и

⁵² *Л. Мартов и др.* Общественное движение в России в начале XX века. — 4 т. — Т. 1. — СПб., 1909-1914. — С. 613.

из первых рук получить информацию о сложившейся обстановке. За всеми этими встречами, проходившими на квартире Калмыковой, полиция вела пристальное наблюдение, воздерживаясь пока от арестов. Ленин и Потресов были приятно удивлены тем, что они обнаружили в столице. Ситуация вовсе не была такой катастрофичной, как это представлялось им в Сибири: оказалось, что экономисты не совсем пренебрегают политикой, а ревизионисты не настолько яростно сражаются с ортодоксами⁵³. Кроме того, они узнали, что в Россию тайно прибыли представители эмигрантского Союза российских социал-демократов, посланные для участия во втором съезде социал-демократов, который должен был состояться в мае 1900 года в Смоленске. Все ждали, что на этом съезде будет наконец-то объявлено о создании настоящей партии. В процессе разговоров с представителями Союза выяснилось, что они в общем-то не против того, чтобы признать *Искру* органом складывающейся партии. Все это заставило Ленина и Потресова серьезно задуматься — не стоит ли остаться в России и сделать *Искру* подпольной газетой⁵⁴.

Переговоры со Струве и его сторонниками-ревизионистами тоже прошли вполне нормально. Для успешного осуществления своих планов Ленину и Потресову было чрезвычайно важно заручиться поддержкой Струве. Его обширные литературные знакомства позволяли ему связать с *Зарей* многих потенциальных авторов, а контакты с известными земскими деятелями (Шаховским, Родичевым и другими) давали возможность получать точную информацию и документы, свидетельствующие о бюрократических безобразиях — в фактах такого рода очень нуждалась *Искра*. Более того, благодаря тому, что у него имелись друзья и в издательском мире, и в высшем свете — например,

⁵³ А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. — С. 38. Судя по всему, Б. Николаевский в своем предисловии к сборнику опирается на сведения, сообщенные ему Потресовым.

⁵⁴ Там же. — С. 38-39.

богатый помещик Д. Е. Жуковский, — Струве имел доступ к деньгам. Ленин и Потресов прекрасно понимали, насколько важны для их дела литературные и финансовые связи Струве — без его поддержки они просто не смогли бы выпускать *Искру* и *Зарю*. Поэтому они были чрезвычайно рады услышать от Струве, что, несмотря на свои ревизионистские взгляды, он продолжает считать себя социал-демократом и готов оказывать им помощь всеми имеющимися в его распоряжении средствами⁵⁵. После предварительных переговоров они пришли к соглашению, что, как только Мартов вернется из Сибири, все три редактора подпишут со Струве официальный договор, в котором будут оговорены условия, на которых все они будут участвовать в проектируемых изданиях. Тем временем Ленин взялся подготовить проект редакционного заявления, четко формулирующий ту идеологическую позицию, на которой должны базироваться *Искра* и *Заря*.

Стоящая перед Лениным задача была невыполнима: с одной стороны, требовалось осудить идеи ревизионистов и экономистов, а с другой — оправдать необходимость сотрудничества с ними. Чтобы преодолеть это затруднение, Ленин разделил свое сообщение на две существенно различающиеся части: теоретическую и практическую⁵⁶. В первой части как о причине кризиса, потрясшего социал-демократическое движение, говорилось об изолированности его основных групп. Ревизионизм он приравнивал к экономизму и назвал их обоих «русской легальной литературой с... пародией на марксизм»⁵⁷. Проведя резкую черту между настоящим марксизмом и его извращениями, Ленин начал обосновывать необходимость объединения с извращениями. Социал-демократия, разъяснял он, готова со-

⁵⁵ Там же; Л. Мартов. *История российской социал-демократии*. — Пг., 1918. — С. 57; P. Struve. My Contacts and Conflicts with Lenin. — *The Slavonic and East European Review*. — V. XIII. — № 37, 1934. — P. 75.

⁵⁶ В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. IV. — С. 1-13.

⁵⁷ Там же. — С. 6; это был один из самых ранних случаев употребления прилагательного «легальный» рядом с существительным «марксизм».

трудничать с любой борющейся с царизмом группировкой. Он также разъяснял настоятельную необходимость издания печатных органов, открытых для откровенных дискуссий, касающихся программы партии.

«Но, ведя свою литературную работу с точки зрения определенного направления, мы отнюдь не намерены выдавать всех частностей своих взглядов за взгляды всех русских социал-демократов, отнюдь не намерены отрицать существующих разногласий, затушевывать или оттирать их. Напротив, мы хотим сделать наши органы — органами *обсуждения* всех вопросов всеми русскими социал-демократами со взглядами самых различных оттенков. Полемику между товарищами на страницах наших органов мы не только не отвергаем, а, напротив, готовы уделить ей очень много места. ...

Более того: признавая в русском рабочем классе и в русской социал-демократии передового борца за демократию, за политическую свободу, мы считаем необходимым стремиться к тому, чтобы сделать наши органы *общедемократическими* органами...»⁵⁸

Трудно представить, каким образом Ленин и Потресов собирались сотрудничать с ревизионистами и экономистами в изданиях, редакторская политика которых заключалась в основном в оскорблении и поношении тех же ревизионистов и экономистов. Мартов, ознакомившись по прибытии в Псков в конце марта с ленинским докладом, счел всю эту затею бессмысленной; того же мнения придерживалась и Вера Засулич, нелегально приехавшая в Петербург из Женевы и скрывавшаяся на квартире у Калмыковой. Но Ленин и Потресов просто лучились самоуверенностью. Они заверили Мартова, что Струве вполне согласен «играть роль второй скрипки», особенно в том случае, если на грядущем съезде в Смоленске социал-демократам все-таки удастся сформировать партию. В любом случае, у них практически не было выбора: без Струве *Искра* и *Заря* ис-

⁵⁸ Там же. — С. 11-12.

пытывали бы такой недостаток в деньгах и литературных материалах, что дело просто закончилось бы в самом начале. У Мартова же создалось впечатление, смягчающее его недоверие к альянсу со Струве, которого Мартов сильно недолюбливал, что Ленин мыслил себе это соглашение с «камнем за пазухой»³⁹.

К сожалению, сведения о том, чем в это время занимался Струве, довольно скудны. Он принимал участие в дебатах в Вольном экономическом обществе⁶⁰ и работал над книгой, посвященной общей экономической теории, выдержки из которой он опубликовал весной 1900 года⁶¹. Что еще происходило с ним в период между июлем 1899 года, когда он вместе с семьей выехал из Петербурга на летний отдых в деревню, и апрелем 1900 года, когда он прибыл в Псков, чтобы вступить в переговоры с триумвиратом — об этом до сих пор ничего неизвестно. Недостаток информации об этих месяцах жизни Струве особенно досаден потому, что именно тогда он установил первые рабочие контакты с либеральными кругами и начал движение в сторону конституционалистов.

Свидетельством происходящего может служить его сотрудничество с недолго просуществовавшей либеральной газетой *Северный курьер*. Она была основана в ноябре 1899 года князем В. В. Барятинским как орган «умственного сознания русского общества»⁶² и в основном развивала тему, название которой дал Струве в период своей работы в *Новом слове* — «Народная жизнь усложняется».

³⁹ Ленинский сборник. — Т. IV, 1925 — С. 56.

⁶⁰ Как яствует из «Трудов ИВЕО», он принял участие в дискуссиях, состоявшихся 23 октября и 4 декабря 1899 года.

⁶¹ #90.

⁶² Первый номер *Северного курьера* вышел 14/26 мая 1899 года в малом формате с этими словами, подписанными М. Головинским, на первой странице. По крайней мере еще два следующих номера вышли в таком же формате, а затем газета перестала печататься. Она возобновила свой выход уже в стандартном большом формате 1/13 ноября 1899 года и регулярно выходила вплоть до 22 декабря 1900/4 января 1901 года, после чего ее запретили.

Используя опыт Струве по организации рубрики «Внутреннее обозрение» в журналах *Новое слово* и *Начало*, *Сверный курьер* пытался на примерах из повседневной жизни наглядно продемонстрировать непреодолимую пропасть, разверзшуюся между реалиями российской жизни и анахроничным по самой своей структуре правительством. В опубликованной в первом номере газеты редакционной статье Струве подтвердил свою приверженность вышеуказанной теме и столь недвусмысленно, насколько это позволяла цензура, предупредил о неизбежности падения царизма: «В глубинах жизни народа происходит всегда нечто обратное тому, что совершается на поверхности: там не маленькие дела творятся под аккомпанимент громких слов, а, наоборот, крупные исторические факты создаются, сопровождаемые маленькими словами, или даже вовсе без слов...

Бессловесное творчество истории сказывается на одном факте, который, при других условиях жизни всего общества, подразумевался бы сам собой, но в нашей русской жизни, совершающей свою творческую миссию по преимуществу безусловно, должен быть нарочно отмечен. В заголовке нашей статьи мы охарактеризовали этот факт. Имя ему — *усложнение жизни*. Оно чувствуется на каждом шагу и является одним из выражений перехода страны к новым формам хозяйственного быта. Усложнение это — количественное и качественное. Растут пути сообщения, торговые сношения, народное передвижение, развиваются городские центры, преобразуется сельская жизнь. И самое главное: в процессе этих перемен создается и в интеллигенции, и в народе — новый человек...

Усложнившаяся жизнь требует усложненных форм воздействия и, наталкиваясь на упрощенные формы и способы, ежеминутно испытывает от них боль. Она сжимается, но она не может ни стусеиваться, ни опроститься в интересах упрощенного воздействия. Она сильна своей сложностью и не может от нее отказаться. Наконец, ведь

на то она и есть жизнь, она тот «человек», ради которого и существует «суббота» — формы. Прямоком или обходом, безболезненно или болезненно, но жизнь должна приспособить к себе эти формы...

Человек этот хочет и самими условиями жизни вынуждается учиться, но не только учиться по указам и по программе, а, в конце концов, и самочинно умствовать и так же самочинно строить свою жизнь. Он желает, чтобы современная техника не угнетала и не ограничивала его, а «выпрямляла» в меру роста самоопределяющейся человеческой личности. Он желает простора и для материально-го, и для духовного своего существования»⁶³.

Образ рабочего класса, возглавляющего всеобщую борьбу за политическую свободу, здесь уступил место более широкому образу требующего свободы народа, образу бурлящей массы, рвущейся из закостенелых форм. Здесь уже слышались раскаты грома «освободительного движения» 1902–1905 годов, теоретическое обоснование которого Струве еще предстояло создать.

В это же время (февраль 1900 года) Струве, видимо, заключил деловое соглашение с неким неизвестным земским деятелем (возможно, это был Д. Е. Жуковский), который, как говорили, снабдил Струве деньгами, необходимыми для того, чтобы выехать за границу и основать

⁶³ Усложнение жизни. — *Северный курьер*. — № 1. — 1/13 ноября 1899. — С. 2. Струве впервые признал себя автором этой статьи в письме, посланном 10 февраля 1901 года из Мюнхена редакторам Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: Пушкинский дом. — Санкт-Петербург. — Фонд 377. Статья, наделавшая много шума, вызвала первое предупреждение газете со стороны полиции. — *П. Струве*. Памяти В. Я. Яковлева-Богучарского. — *Русская мысль*. — июнь 1915 года — Ч. 2. — С. 143. В письме, о котором говорилось выше, Струве также указал себя автором статьи в *Северном курьере*, подписанной «П. И.». См.: А. Д. Градовский, как публицист. — *Северный курьер*. — № 9. — 9/21 ноября 1899. — С. 1. А также еще одной статьи, название которой я не смог разобрать в рукописи. Ленин тоже был приглашен к сотрудничеству с газетой в мае 1900 года, возможно по рекомендации Струве, но отказался. — *Красная летопись*. — № 1/10, 1924. — С. 22.

там оппозиционную газету⁶⁴. Слухи об этом секретном поручении дошли даже до Сибири, так что Ленин опасливо осведомлялся, правда ли, что Струве «развивает тенденцию к единению с либералами»⁶⁵.

Короче говоря, в тот момент, когда Ленин и Потресов вдруг предложили Струве сотрудничать с их изданиями, он был всюю занят укреплением своих связей с либералами. Будучи убежденным, как тогда, так и после, в необходимости формирования настолько широкой, насколько это только возможно, коалиции против царизма, Струве с готовностью согласился на предложение Ленина и Потресова, хотя то, что они задумали, представлялось ему утопией. Он не боялся сотрудничества с заявившими о себе марксистами-ортодоксами, поскольку был убежден, что в самом скором времени ортодоксия окончательно потеряет какую-либо связь с живой реальностью.

В апреле 1900 года на даче Оболенского в Пскове состоялись переговоры, в которых в качестве представителей ревизионистского крыла российской социал-демократии приняли участие Струве и Туган-Барановский, а в качестве представителей ортодоксальных редакций *Искры* и *Зари* — Ленин и Потресов⁶⁶. На этих переговорах присутствовал и Мартов, но он только наблюдал за происходящим. Вначале Ленин зачитал свое сообщение. Мартов, ставший важнейшим свидетелем этих событий⁶⁷, впоследствии утверждал, что Туган-Барановский сильно обиделся на Ленина за те пассажи, в которых тот объединял «критиков» и экономистов и называл их труды «пародией» на марксизм. После окончания чтения Туган-Барановский раздраженно потребовал объяснить, на каком

⁶⁴ *И. П. Белоконский*. Земское движение. — М., 1914. Информация об этом была получена от анонимного лица, каковым не мог быть никто, кроме В. Я. Яковлева-Богучарского.

⁶⁵ См. *выше*. С. 349.

⁶⁶ См.: *Б. Н [иколаевский]*. Из эпохи «Искры» и «Зари». — *Каторга и ссылка*. — № 35, 1927. — С. 10; Ленинский сборник. — Т. III. — 1924. — С. 130.

⁶⁷ Ленинский сборник. — Т. IV. — 1925. — С. 49-61.

основании ревизионисты и экономисты смешаны в одно, в то время как экономисты были против политических действий, а ревизионисты считали их необходимыми. Будучи профессиональным юристом, Ленин пришел на эту встречу подготовленным — он выложил на стол целое досье, в котором содержались факты, подтверждающие то, что позиция ревизионистов на самом деле аполитична. По мнению Мартова, досье содержало не столько доказательства, сколько мелочные придирки; наиболее значительным из содержащихся в нем фактов был тот, что, руководствуясь принципом партийной солидарности, Струве отказался объединиться с Радченко для атаки на экономистов. Во время чтения сообщения и последовавшей затем дискуссии Струве, как и Мартов, сидел молча и всем своим видом выражал презрительное отношение к происходящему.

Мартов был уверен, что все эти переговоры — напрасная трата времени⁶⁸. Но к его удивлению, как только препирательства закончились, Струве и Туган-Барановский объявили о полной поддержке планов триумvirата. В конечном итоге стороны пришли к неформальной договоренности, но воздержались от подписания официального соглашения до тех пор, пока редакторы не проконсультируются с Плехановым и его группой. Струве и Туган-Барановский обещали оказать *Искре* и *Заре* помощь, как в поиске денежных средств, так и в организации материалов, и, в свою очередь, оставили за собой право «в дискуссионном порядке» пропагандировать в этих изданиях свои взгляды на марксизм⁶⁹. Таким образом, Ленин и Потресов косвенно признали ревизионизм вполне законной фракцией социал-демократического движения. Струве считал, что на этой встрече Ленин вел себя достаточно уступчиво, по-оппортунистически, Потресов тоже был настроен весьма дружелюбно, тогда как Мартов скрыл свои

⁶⁸ Там же. — С. 57.

⁶⁹ My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 75-76.

истинные чувства⁷⁰. После того как наиболее резкие пассажи ленинского сообщения были либо изъяты, либо в значительной мере сглажены (включая и замечание о «пародии»), стороны расстались вполне дружески. На прощание Струве выдал Ленину и его товарищам пять рублей — в качестве своего партийного взноса⁷¹.

Через несколько дней после псковской встречи полиция выследила и арестовала организаторов смоленского съезда. Планы по созданию социал-демократической партии пришлось на время отложить. Оценив ситуацию, триумvirат принял решение не теряя времени отбыть за границу. Местом для реализации своих издательских проектов они избрали Германию, а не Швейцарию, поскольку хотели быть как можно дальше от Плеханова, опасаясь, что его нетерпимость весьма затруднит им жизнь и помешает сохранить хорошие отношения с экономистами и ревизионистами. Первым из страны выехал Потресов. Он приехал в Германию в апреле и с помощью немецких социал-демократов сделал все необходимое для того, чтобы можно было приступить к печати *Искры* и *Зари*. Находившиеся в его распоряжении денежные ресурсы были весьма незначительными: на оба издания у него было 5000 рублей — 2000 рублей дала Калмыкова, 1000 рублей дал Жуковский, а 2000 рублей были его собственными⁷². О том, насколько мала была эта сумма и в какой мере задуманное предприятие нуждалось в дополнительном финансировании, можно судить по тому, что для запуска среднего российского ежемесячника в то время требовалось от 30000 до 40000 рублей первоначальных вложений. Отдав все необходимые распоряжения, Потресов уехал в Швейцарию.

Ленин предполагал вскоре там с ним встретиться, но задержался, поскольку во время нелегальной поездки в Пе-

⁷⁰ Там же. — С. 76.

⁷¹ Ленинский сборник. — Т. IV. — 1925. — С. 60.

⁷² А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. — С. 39.

тербург был арестован полицией. Судя по всему, полицейские власти были осведомлены о том, чем он и его друзья собираются заниматься за границей, тем не менее его быстро отпустили и даже вернули ему паспорт. Этот эпизод во многом остался непроявленным, но есть некоторые указания на то, что охранка по ошибке сочла Ленина принадлежащим к экономическому крылу социал-демократии и в силу этого заинтересованным в деполитизации рабочего движения, поэтому, по ее мнению, он не только не мог ничего плохого совершить за границей, но, напротив, мог оказаться весьма полезным⁷³. Мартов должен был оставаться в России — на то время, которое требовалось для того, чтобы позаботиться о перевозе и распространении изданий.

Пока триумвират занимался всеми этими делами, Плеханов начал военные действия против русских еретиков, окопавшихся на Западе. В марте 1900 года он опубликовал «Vademecum» — работу, направленную против экономистов, контролировавших Союз российских социал-демократов. Грубость языка, которую он позволил себе в

⁷³ ГА РФ. — ф. Д.П. — 3-е д-во. — хр. 950/1899. — л. 118; см.: *Вопросы истории*. — № 1. — январь 1963. — С. 114. Согласно этому документу охранки, полиция была уверена, что Ленин намерен ехать за границу для того, чтобы взять под свой контроль организацию «Рабочее дело», в которой, естественно, доминировали экономисты. Владимир Бурцев, разоблачивший Азефа, считал, что Зубатов, один из высших офицеров охранки, осуществлял финансирование *Искры*, полагая, что это неплохое средство для нейтрализации эсеров. По его мнению, полиция была прекрасно осведомлена о проходивших в Пскове переговорах и о всех заграничных распоряжениях Потресова, отданных для издания *Искры* и *Зари*. Он обратил внимание на тот факт, что полиция выдала Крупской загранпаспорт, хотя прекрасно знала, что та направляется в Мюнхен, где располагалась редакция *Искры*. См.: В. Бурцев. Ленин под покровительством Департамента полиции и немцев. — *За свободу* (Варшава). — № 113. — 19 мая 1927; Как Департамент полиции отпустил Ленина за границу для большевистской пропаганды. — *Былое* (Н.С.). — Т. II. — 1933. — С. 85-92. Мюнхенский адрес редакции *Искры* действительно значится в годовом отчете шефа жандармов за 1901 год, там же названы и все члены редакции, среди них и Ленин. — *Обзоры важнейших дознаний о государственных преступлениях, произведенных в Империи*. — Т. XXV, 1901. — С. 120-121. См. также: А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. — С. 38; *Красная летопись*. — № 1/10, 1924. — С. 18-26.

этой работе, шокировала даже его поклонников и в немалой степени способствовала тому, что триумvirат решил расположиться за границей подальше от него⁷⁴. Затеянная Плехановым кампания провалилась самым позорным образом. На конференции заграничных социал-демократов, состоявшейся в апреле 1900 года, сторонники Союза одержали верх, и потерпевший поражение Плеханов, обозленный, отдалился от активной политической деятельности и приступил к написанию большого труда, посвященного критике ревизионизма⁷⁵.

Учитывая воинственное настроение Плеханова, довольно легко представить себе его реакцию на те предложения, которые Ленин и Потресов изложили ему по своему приезду в Женеву. Они предлагали ему присоединиться к ним и оказать финансовую помощь двум изданиям, на страницах которых его врагам будет позволено открыто выражать свои взгляды. Придя в бешенство, он обозвал их закоренелыми оппортунистами и наотрез отказал в какой-либо помощи. Если судить по эмоциональному и довольно путаному ленинскому отчету, написанному им сразу после этой встречи⁷⁶, главным камнем преткновения оказался Струве. Плеханов напомнил Ленину и Потресову, как они в 1895 году упрашивали его «не стрелять в Струве», и выразил раздраженное неудовольствие по поводу их теперешнего желания «все примирить». Ленин попытался оправдаться: «...мы обязаны быть *елико возможно* снисходи-

⁷⁴ А. Н. Потресов и Б. И. Николаевский. Социал-демократическое движение в России. – Т. I. – М.-Л., 1928. – С. 357.

⁷⁵ Плеханов впервые атаковал неокантианцев еще осенью 1898 года, когда, критикуя Конрада Шмидта, назвал это направление «буржуазным опиумом». Кроме того, он написал еще несколько работ, посвященных критике неокантианства. См.: Kh. Zhitlovsky. Die Polemik Plechanov contra Stern und Conrad Schmidt. – *Sozialistische Monatshefte*. – V. III. – 1899. – S. 277-283 и 322-330.

⁷⁶ Как чуть не потухла «Искра». – В. И. Ленин. Сочинения. – 30 т. – Т. IV. – С. 19-31. Редакторы данного издания изъяли из этой статьи несколько антисемитских замечаний Плеханова. Они напечатаны в: В. И. Ленин. ПСС. – Т. IV. – С. 338-339.

тельны к Струве, ибо *мы сами* не без вины в его эволюции: мы сами, и *Г. В. в том числе*, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895–1897)»⁷⁷. Но Плеханов не собирался признавать за собой никакой вины. Он с яростью накинулся на «предателей» дела, крича, что, будь у него власть, он бы их всех поставил к стенке⁷⁸. Его брань была столь несдержанной, а ненависть к еретикам столь яростной, что Ленин, к своему собственному изумлению, вдруг обнаружил, что встал на защиту Струве.

Переговоры с Плехановым длились несколько дней. Ленин чувствовал, что истинной ставкой во всех этих спорах является контроль над *Искрой* и *Зарей*. Угрожая разрывом, Плеханов в конце концов выторговал для себя должность главного редактора *Зари* и двойной голос в редакционном совете *Искры*. Он надеялся что благодаря этому сумеет обеспечить этим изданиям верность ортодоксальной линии. Но эта победа ему дорого обошлась: Ленин, ранее видевший в нем образец партийной чистоты, при столь тесном контакте разглядел в нем обыкновенного политикана. В ходе этих столкновений с Плехановым Ленин пережил один из духовных кризисов, через которые ему несколько раз пришлось пройти в течение переходного периода его жизни. В одной из беглых записей, сделанных им в то время, он писал, «что мы [с Потресовым] за одну ночь совсем переродились»⁷⁹.

Центральным вопросом разногласий Плеханова с Потресовым и Лениным был вопрос об участии Струве.

⁷⁷ *В. И. Ленин. Сочинения.* – 30 т. – Т. IV. – С. 19; ср.: *А. Н. Потресов. Постмертный сборник произведений.* – С. 42.

⁷⁸ Примерно в те же дни Поссе приехал в Англию. Там он встретился со старым почтенным анархистом Кропоткиным, который выразил ему свое восхищение Струве. Он также заметил, что вернись он, Кропоткин, в Россию при Николае II, его бы отправили на Сахалин проводить там геологические изыскания, тогда как если бы Россией правил Плеханов, то его просто повесили бы. – *В. А. Поссе. Мой жизненный путь.* – М.-Л., 1929. – С. 240. Так что, по крайней мере, относительно намерений Плеханова Кропоткин был недалек от истины.

⁷⁹ *В. И. Ленин. Сочинения.* – 30 т. – Т. IV. – С. 28.

Ленин и Потресов хотели остаться верными достигнутым в Пскове устным соглашениям и убеждали Плеханова согласиться, по крайней мере, на «условное приглашение» Струве. Но Плеханов не уступил ни на йоту: он «очень холодно и сухо» заявил о «своем полном несогласии» и сказал им, что они должны выбирать между ним и Струве⁸⁰. В конце августа Ленин и Потресов, опустошенные и подавленные, уехали в Германию, так и не получив от Плеханова обещания участвовать в работе *Искры*. Разочарование их было так сильно, что они решили на некоторое время оставить начатое и вернуться в Россию.

Если бы не вмешательство Веры Засулич, то вполне возможно, что *Искра* и *Заря* никогда не стали бы реальностью. После того, как Ленин и Потресов уехали, а злость Плеханова слегка улеглась, она сумела заставить его прислушаться к их точке зрения: было бы странным ожидать от Струве и его сторонников помощи *Искре* и *Заре*, которая, как все согласились, была довольно существенной, не давая им при этом что-нибудь взамен. Плеханов смягчился. В письме, которое он послал ей в Мюнхен, куда она поехала на встречу с Лениным и Потресовым, он писал: «...по долгом размышлении я признаю, что в своей тактике они правы и я готов уступить им во всем. Пусть пригласят и Струве с Тюленем [Туган-Барановский], я и с этим согласен»⁸¹. Эта уступка, вошедшая в биографию Плеханова как единственное деяние подобного рода, означала успешное завершение переговоров.

Относительно Струве Плеханов выдвинул одно условие: тот должен отказаться от каких-либо притязаний на то, чтобы называться социал-демократом. Плеханов настаивал на этом условии, опасаясь того, что появление на страницах *Искры* и *Зари* ревизионистски ориентированных статей еще больше дезориентирует социал-демократические ряды и приведет к усилению теоретических разногла-

⁸⁰ Там же. – С. 21.

⁸¹ А. Н. Потресов и Б. И. Николаевский. Социал-демократическое движение. – Т. I. – С. 74.

сий. Он предложил, чтобы Струве и его единомышленники объявили себя «демократической оппозицией» и выступали скорее как друзья социал-демократов, а не как «товарищи». Ленин и Потресов согласились с этим требованием. Таким образом, по настоянию Плеханова, для того чтобы ему позволили сотрудничать с социал-демократами, Струве должен был добровольно покинуть их ряды.

После достижения соглашения с Плехановым Ленин заново переписал псковское заявление. Те пункты, которые вызвали сильное раздражение Плеханова — о необходимости «многообразия» мнений и об «общедемократической» природе новых изданий, — были изъяты и заменены кратким лаконичным обещанием того, что *Искра* откроет свои страницы «полемике между товарищами». Если псковский вариант был пронизан мыслью о желательности единства всех социал-демократических направлений, то в новой версии ленинского заявления упор делался на размежевание между настоящими марксистами и диссидентами. И если в первом варианте относящиеся к ревизионизму замечания были несистематичны и расплывчаты, то во втором отношении к нему было сформулировано резко и определенно: «...мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом — марксизм, и нам вряд ли есть надобность добавлять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других»⁸².

В другой части пересмотренного варианта аннотации было использовано понятие «легальный марксизм» — для обозначения идеологического течения в российской

⁸² В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. IV. — С. 37-41. Первая и вторая редакции текста напечатаны в двух параллельных колонках в: Ленинский сборник. — Т. IV. — 1925. — С. 62-75.

социал-демократии, якобы антагонистически отличающегося от настоящего марксизма.

6 октября 1900 года (нов. ст.) Ленин и Потресов заключили соглашение с группой «Освобождение труда». При этом гласности была предана только первая статья договора, в которой говорилось о том, что стороны достигли соглашения; статьи, в которых были сформулированы условия заключенного соглашения, были засекречены. Следуя условиям этого соглашения был напечатан пересмотренный вариант ленинского заявления.

Струве, скорее всего, ничего не знал о происходящих в Женеве словесных баталиях, хотя его персона была центральным объектом идущих там споров. Пока Плеханов, Ленин и Потресов, выясняя отношения, орали друг на друга, он в очередной раз был занят решением философских проблем. Именно в это время (сентябрь-октябрь 1900 года), подводя итог долгим внутренним поискам, Струве решил, что ему ничего не остается, как отказаться от позитивизма и обратиться к метафизике⁸³. Такая перемена философской позиции коренным образом повлияла на его политические взгляды, но не изменила отношения к альянсу с прежними друзьями социал-демократами, чья ближайшая цель — политическая свобода — совпадала с его собственной.

В ноябре 1900 года Потресов вернулся в Петербург и привез с собой новый вариант редакторского заявления об *Искре*. Этот вариант столь коренным образом отличался от того, который был принят в Пскове, что опубликовать его без предварительного согласования со Струве и Туган-Барановским значило пойти на очевидный разрыв достигнутого в Пскове соглашения. Во всяком случае, Туган-Барановский оценивал ситуацию именно таким образом. Взбешенный двуличием «Ортодокса», он отказался встречаться с Потресовым и больше никогда не имел дела ни с *Искрой*, ни с *Зарей*, ни с их редакторами⁸⁴. Вряд ли

⁸³ #96. Эта тема подробнее будет обсуждена в главе 12.

⁸⁴ В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. IV. — С. 68.

Струве был рассержен меньше Туган-Барановского, однако он сдержал свои чувства и решил не разрывать отношений. При первой же возможности он вместе с женой поспешил в Мюнхен, чтобы узнать, что, собственно, там произошло и можно ли попытаться как-то сохранить проектировавшееся партнерство. Там к нему присоединился Яковлев-Богучарский.

На целый месяц — с конца декабря 1900 года до конца января 1901 года — Мюнхен превратился в место постоянных и как правило весьма шумных встреч между членами разросшейся редакции *Искры* и представителями «демократической оппозиции». На первый взгляд могло показаться, что их споры были посвящены прежде всего условиям, на которых «демократическая оппозиция» могла бы участвовать в издании *Искры* и других совместных проектах. Однако обсуждавшиеся вопросы далеко выходили за рамки чисто редакционных проблем. На самом деле речь шла ни больше ни меньше как о лидерстве в российском освободительном движении и об установлении отношений между двумя претендентами на это лидерство: социал-демократами и либералами.

К тому времени этот вопрос уже перестал быть чисто теоретическим. После почти двух десятилетий политического затишья движение сопротивления самодержавию опять начало активизироваться, временами принимая даже насильственные формы. В университетах опять начались студенческие волнения, размах которых заставлял вспомнить 1860 годы. В 1899 году студенты Санкт-Петербургского университета освистали и изгнали своего ректора, а затем оказали сопротивление присланной для их усмирения полиции. Пытаясь утихомирить студенческие волнения, правительство издало летом 1899 года «временное положение», на основании которого можно было исключать из учебных заведений студентов, заподозренных в политической активности. Сразу после летних каникул студенты Киевского университета провели демонстрацию, выражая свой протест против этого «положения». Публи-

ка по большей части выражала им свою поддержку, в свою очередь собираясь на массовых митингах.

В земствах также было неспокойно. Предводители земств организовали неформальное всероссийское совещание, заседания которого проводились под видом различных научных и литературных конференций. Особо недоброжелательно относились к правительству и его чиновникам представители так называемого третьего элемента — наемные работники земств, в основном придерживавшиеся умеренно социалистических взглядов. Правительство, в свою очередь, предпринимало свои меры против недовольных. В июне 1900 года вышел указ, согласно которому сильно уменьшались как налоговые, так и административные полномочия земств и соответственно сокращалась и без того уже до крайности урезанная сфера их политического влияния. Все руководители земств, заподозренные в политической деятельности, были отправлены в отставку. Вольное экономическое общество, один из важнейших центров либеральной оппозиции, было закрыто.

Сильное беспокойство у правительства вызывали также рабочие волнения, которые отнюдь не улеглись после знаменитых стачек 1896-97 годов; напротив, их география постепенно расширялась — от Санкт-Петербурга до других промышленных центров империи. Начались волнения и среди национальных меньшинств страны. В данном случае особой проблемой для правительства являлись финны, которые, лишившись в 1899 году конституции, постоянно выражали по этому поводу протест — как в активной, так и в пассивной форме.

Как-то неожиданно царское правительство оказалось один на один с нарастающей волной мощного сопротивления со стороны самых различных общественных и национальных групп, до того времени выступающих в основном поодиночке, в силу чего с ними было достаточно легко справиться. В стране поднималась огромная волна возмущения, которая в 1905 году должна была обрушиться на монархию и смести ее главный бастион — абсолютизм.

Между тем отношения Струве с социал-демократами все больше портились; это касалось как совместимости взглядов на теоретические проблемы, так и личных отношений, и способствовало его постепенному сближению с конституционалистскими группами в земствах. В Мюнхене он еще всячески старался избежать окончательного разрыва, поскольку в его глазах социал-демократы продолжали оставаться единственной эффективно действовавшей в России антимоноархической группировкой. Тем не менее он вовсе не хотел оказаться в слишком явной зависимости от них, возможно, боясь повредить установлению отношений с новыми друзьями — либералами. «Я вполне осознавал, — писал он впоследствии, — что мое влияние как среди либералов, так и среди демократов уменьшится или даже сведется к нулю, а то и скатится в минус, если я присоединюсь к «ортодоксалистам». Именно поэтому я был таким решительным и твердым»⁸⁵. Когда редакторы *Искры* потребовали от него публично отречься от звания социал-демократа, он с готовностью согласился, несмотря на то, что все еще продолжал считать себя социалистом. Но согласившись представлять нечто, названное «демократической оппозицией», он добивался того, чтобы быть равноправным партнером, а не клиентом у ортодоксов.

Это не могло не прийти в противоречие с той позицией, которую социал-демократы заняли по отношению к «либеральной буржуазии», и с их пониманием ее роли в борьбе за политическую свободу. Согласно исповедуемой ими идее гегемонии, они и только они должны быть во главе, а все остальные обязаны следовать в их фарватере. Что же до Ленина, то ему было присуще особо узкое понимание идеи гегемонии. Он придерживался мнения, что непролетарские классы по определению не могут быть союзниками в общей борьбе, поэтому их можно только использовать для достижения социал-демократических целей⁸⁶. В характерном для него письме Потресову, написан-

⁸⁵ My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 78-79.

⁸⁶ См.: Ф. И. Дан. Происхождение большевизма. — N-Y., 1946. — С. 329.

ном в 1899 году, Ленин отверг мысль Аксельрода об «Unterstützung und Bundesgenossenschaft» (поддержке и союзе) с либеральной буржуазией: буржуазная оппозиция, писал он, должна «в хвосте идти, иногда даже “со скрежетом зубным”»⁸⁷. Поэтому для него гегемония была равнозначна монополии: социал-демократы должны быть единственной организующей силой оппозиции; другим во главе движения места не было.

Все эти обстоятельства сказались на результатах первой же встречи Струве с редакторами *Искры*, состоявшейся 29 декабря 1900 года в Мюнхене. В самом начале Струве заявил, что пересмотренная аннотация *Искры* фактически аннулирует достигнутое в Пскове соглашение о сотрудничестве. И он не видит никакого смысла снабжать деньгами и материалами издание, которое шельмует его как «оппортуниста» и «буржуазного апологета». Тем не менее возможность сотрудничества, по его мнению, еще существовала, хотя его рамки сильно сузились. Он предложил организовать третье совместное издание, которое должно было выходить в качестве регулярного приложения к *Заре* и единственным редактором которого был бы он сам. Это издание, которому он предлагал дать название «Современное обозрение», должно было быть посвящено не спорам внутри социалистического движения, а тому, чтобы настроить общественное мнение против царского режима.

Ленин интерпретировал предложение Струве исходя из собственной политической тактики — как хитрую уловку, диктуемую жаждой власти. В сложившихся обстоятельствах Струве больше не годился на роль, которую он ему уготовил — второй скрипки в оркестре, — теперь он претендовал на роль дирижера в более престижном ансамбле — самостоятельной либеральной партии. В силу этого Ленин потерял всякий интерес к дальнейшему сотрудничеству как со Струве, так и с либералами. Более того, тако-

⁸⁷ В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. XXVIII. — С. 25.

го рода сотрудничество представлялось ему крайне опасным. Располагая огромными финансовыми ресурсами, имея многочисленных сторонников в земствах и в городских администрациях, либералы могли просто-напросто подмять под себя своих социал-демократических союзников и заставить их служить своим интересам. В этом случае социал-демократы просто превратились бы в прислужников либералов. Наблюдая за тем, как Струве обговаривает с Потресовым и Верой Засулич детали своего предложения, Ленин вдруг осознал, что ненавидит Струве. Внезапно он увидел его в совершенно ином ракурсе: теперь это был не заблуждающийся товарищ, а ренегат, иуда, который раньше только прикидывался социал-демократом, чтобы затем предать своих товарищей и сделать карьеру либерального политика. Его стремление преобразовать аморфную несоциалистическую демократическую оппозицию в самостоятельное политическое движение угрожало стратегическим планам Ленина, которые он вынашивал еще с 1895 года и на которые возлагал все свои надежды.

На следующий день, в два часа утра 30 декабря 1900 года (нов. ст.), Ленин решил изложить на бумаге накопившие у него за время переговоров чувства.

«Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы с «близнецом» [Струве]. Это было знаменательное «историческое» в своем роде собрание (Арсеньев [Потресов], Велика [Вера Засулич], близнец + же [жена Струве] + я), по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой — если не эпохе, то стезе жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь.

По первоначальной передаче дела Арсеньевым я понимал так, что близнец идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны — оказалось как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка от того, вероятно, что Арсеньеву очень уже хотелось того, чем «манил» близнец, именно политического материала, корреспонденций etc., а «чего хочется, тому верится», и Арсеньев верил в возможность то-

го, чем манил близнец, хотел верить в искренность близнеца, в возможность приличного *modus vivendi* с ним.

И именно это собрание окончательно и бесповоротно опровергло такую веру. Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом. Он приехал *с полной уверенностью в нашем бессилии* — так формулировал сам Арсеньев результаты переговоров, и это формулирование было совершенно верно. Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия *сдачи*, и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего «критика».

На мои запросы (с которых началась деловая часть вечера), почему он, близнец, не хочет идти просто в сотрудники, он отвечал с полной решительностью, что для него это психологически невозможно работать на журнал, в коем его «разделявают под орех» (буквальное его выражение), что не думаем же мы, что мы будем его ругать, а он нам будет «политические статьи писать» (буквально!), что о сотрудничестве могла бы идти речь только при условии полной равноправности (то есть равноправности, очевидно, критиков и ортодоксальных), что после заявления [аннотация к «Искре»] его товарищ и друг [Туган-Барановский] не захотел даже ехать на свидание с Арсеньевым, что его, близнеца, отношение определяется не столько заявлением, и даже вовсе не заявлением, а тем, что раньше он хотел ограничиться ролью «благожелательного пособничества», а теперь он не намерен ограничиться этим, а хочет быть и редактором (близнец почти так и сказал!!). Все это выпалил близнец не сразу, переговоры о его сотрудничестве тянулись изрядно долго (слишком долго, по мнению Арсеньева и Велики), но из них мне с полной ясностью вырисовалось, что с этим джентльменом каши не сварить.

Он стал затем настаивать на своем предложении: почему не основать 3-го политического органа на равных правах, это выгодно и ему и, нам (для газеты материал, «заработаем» кое-что на даваемых на это ресурсах), он предполагает, что тут на обложке не должно стоять ничего социал-демократического, ничего указывающего на нашу фирму, что мы должны (не формально, а нравственно должны) давать в этот орган и весь свой общеполитический материал.

Дело стало ясно, и я прямо сказал, что об основании 3-го органа не может быть и речи, что дело сводится тут к вопросу о том, *социал-демократия ли должна вести политическую борьбу или либералы самостоятельно и самодовлеюще* (я выразился яснее и определеннее, точнее). Близнец понял, озлился и заявил, что после того, как я высказался с *anerkannter Klarheit* [заслуживающая признательности ясность] (буквальные слова!), нечего и говорить об этом, а надо говорить только о заказах — о заказах сборников: это тот же журнал 3-го рода (стал говорить я). Ну, тогда заказ одной лишь *наличной* брошюры — заявил близнец. Какой? спросил я. К чему это знать — нахально ответила ж[ена]. Если в принципе решите за, тогда мы решим, а если нет, тогда не к чему и знать. Я спросил об условиях печатанья: издание-де NN и больше ничего, об фирме Вашей не должно быть упомянуто, кроме Verlag'a [издательства] не должно быть связи с Вашей фирмой — заявил близнец. Я заспорил и против этого, требуя указания нашей фирмы — Арсеньев стал возражать мне, и разговор прервался.

В заключение — сговорились отложить решение, — на близнеца наседали еще Арсеньев и Велика, требовали от него объяснений, спорили, я больше молчал, смеялся (так, что близнец ясно это видел), и разговор быстро пришел к концу»⁸⁸.

⁸⁸ В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. IV. — 1925. — С. 67-68. Здесь представлен полный текст ленинской записки с расшифрованными партийными кличками. Курсив слов от «социал-демократия ли» до «самодовлеюще» мой. На этих переговорах велись протоколы (Ленинский сборник. — Т. III. — С. 129), но они не опубликованы до сих пор.

Для Ленина этот необычный вечер действительно обозначил рубеж, конец целой «эпохи». Именно тогда он окончательно решил, что дальнейшее сотрудничество с «буржуазией» бесполезно, поскольку «буржуазия» будет стремиться «вести политическую борьбу ... самостоятельно и самодовлеюще». Поэтому он пойдет своим собственным путем⁸⁹.

Приняв это решение, Ленин стал требовать немедленного прекращения всех переговоров со Струве. Но этому воспротивился Плеханов. Добившись исключения Струве из рядов социал-демократии, он больше не видел оснований лишать *Искру* и *Зарю* той помощи, которую Струве и его друзья-либералы должны были оказать ортодоксам в их борьбе против экономистов. Остальные члены редакции были согласны с Плехановым, и Ленин, оставшись в меньшинстве, вынужден был подчиниться.

Наконец, 30 января 1901 года стороны пришли к формальному соглашению. (По настоянию Плеханова, который специально для этого приехал в Мюнхен, оно было заключено в письменном виде.⁹⁰) Текст этого соглашения до сих пор не опубликован⁹¹, но главные его тезисы могут быть реконструированы на основе подготовленного Лениным проекта (впервые опубликованного в 1959 году) и отрывочных описаний, содержащихся в других источниках⁹².

⁸⁹ Дополнительную информацию относительно разрыва Ленина с «либеральной буржуазией» можно найти в моей статье «The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin». – *Revolutionary Russia* (ed. by Richard Pipes). – Cambridge, Mass., 1968. – P. 63-66.

⁹⁰ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. – Т. II. – М., 1925. – С. 139.

⁹¹ Сам текст соглашения (к которому у меня нет доступа) хранится в Доме Плеханова в Санкт-Петербурге: Архивный фонд 1. – ед. хр. 29. – лист 2.

⁹² К проекту соглашения со Струве. – *В. И. Ленин*. ПСС. – Т. IV. – С. 389-390. То, что этот проект не идентичен окончательному варианту соглашения, становится ясно из ссылки на седьмой пункт соглашения, содержащейся в письме Ленина – Плеханову от 30 января 1901 года (Ленинский сборник. – Т. III. – 1924. – С. 128). В ленинском проекте было только шесть пунктов.

Договаривающиеся стороны были названы «Социал-демократическая группа «Зари» и «Искры» и «Группа демократической оппозиции «Свобода». Второе название было условным: под ним подразумевались все те группы, которые в своей борьбе с царским режимом пользовались легальными методами. Соглашение устанавливало, что Струве и другие обозначенные члены его партии вступают в сотрудничество с двумя социал-демократическими изданиями от имени этой демократической оппозиции, однако при этом они должны были воздерживаться от каких-либо дискуссий по вопросам, имеющим отношение к теории и практике социал-демократической партии. Вышеозначенные группы согласились совместно выпускать периодическое приложение к *Заре* под названием «Современное обозрение», редактором которого должен стать Струве. Судя по всему, социал-демократическая группа оставила за собой право «veto» относительно содержания приложения, но документальных подтверждений этому нет. Большую часть объема «Современного обозрения» должны были занимать документальные материалы, являющиеся свидетельством обвинения против царского правительства. Эти материалы обязывались поставлять обе группы. В дополнение к соглашению социал-демократы взяли на себя ответственность за обеспечение печати, транспортировки и распространения «Обозрения», а Группа демократической оппозиции обязалась покрывать расходы, связанные с изданием и распространением *Искры* и *Зари*.

Соглашение от 30 января 1901 года представляло из себя нечто более значительное, чем просто издательский контракт. Фактически оно знаменовало собой первый шаг в сторону формирования коалиции между социал-демократами и еще не оформившимся либерально-демократическим движением с обозначением сфер действия этих групп. Одна из них выбрала революционные методы борьбы, а другая — легальные⁹³. В качестве оплаты за предостав-

⁹³ В письме Аксельроду, датированному 20 марта 1901 года, Ленин потребовал не предавать гласности сообщение о «коалиции» со

ляемые им услуги либералы обязывались финансировать социал-демократическую организацию, группировавшуюся вокруг *Искры* и *Зари*. Данное соглашение имело настолько двусмысленный характер, что после того, как пути групп окончательно разошлись, они стыдились его, и этим достаточно ясно объясняется тот факт, что текст соглашения не только не был напечатан, но и старательно затемнялся в исторической литературе.

Что касается Ленина, то, будучи совершенно не удовлетворенным этим соглашением, он начал уговаривать Плеханова (который вернулся в Женеву еще до того, как оно было подписано) «поднять знамя восстания». Если этот договор вступит в силу, писал он, то Струве «хозяин и хозяин полный будет там [в «Современном обозрении»] ... ибо у него деньги и 99% материалов». «Гегемония» социал-демократов обернется при этом «простым лицемерием», тогда как Струве в качестве либерала сделает блестящую политическую карьеру, попутно уничтожив *Искру* и *Зарю*⁹⁴. Но Плеханов с ним не согласился: «Обстоятельства таковы, что разрыв *теперь* погубит нас; а *после* мы посмотрим»⁹⁵. Судя по всему, Ленин в конце концов подписал соглашение⁹⁶.

Обе группы подготовили свои собственные, предназначенные для широкого распространения декларации, в которых заявляли о согласии сотрудничать друг с другом. Однако эти декларации не были напечатаны, поэтому

Струве, откуда значит, что январское соглашение было именно «коалицией». См.: *В. И. Ленин*. ПСС. – Т. XLVI. – С. 90.

⁹⁴ *В. И. Ленин*. Сочинения. – 30 т. – Т. XXVIII. – С. 213.

⁹⁵ Ленинский сборник. – Т. III. – 1924. – С. 133.

⁹⁶ Редакторы «Переписки Плеханова и Аксельрода» (Т. II. – С. 143.) утверждают, что Ленин отказался подписать соглашение со Струве. Это очень сомнительно, поскольку, если это так, вряд ли Ленин впоследствии проявил бы столько усердия, чтобы аннулировать это соглашение (см. сноску 93); кроме того, факт отказа Ленина подписать соглашение наверняка был бы отображен в статье советского исследователя Л. В. Ширикова, в которой он отчаянно пытается оправдать Мюнхенское соглашение, дав ему, пожалуй, очень сомнительную интерпретацию. – *Вопросы истории*. – № 4, 1961. – С. 139-144.

до нас дошли только отрывки из них⁹⁷. В написанной Плехановым декларации социал-демократов говорилось, что свержение царского режима требует объединения всех прогрессивных сил. И если пока, в силу различных причин, они не могут объединиться в единую партию, необходимо стремиться хотя бы координировать действия, предпринимаемые в ходе борьбы с общим врагом. Легальная оппозиционная деятельность Группы демократической оппозиции «Освобождение» служит прекрасным дополнением революционной деятельности социал-демократов и направлена на ее усиление. «Современное обозрение», являясь совместным проектом обеих групп, с радостью предоставит свои страницы для выражения самых различных взглядов, за исключением тех, которые враждебны делу политической свободы⁹⁸.

Декларацию второй группы написал Струве. Ниже приводятся известные нам фрагменты ее текста (все многоточия стоят в оригинале): «...желая служить делу широкой общественной пропаганды идеей свободы, мы не задаемся выработкой какой-либо партийной программы, предпрещающей в деталях то или другое политическое устройство нашей многоплеменной и многоязычной страны. ...Наше внимание будет одинаково уделено и нелегальной, т. наз. «революционной» борьбе и всем фактически осуществляемым и возможным попыткам — бороться с существующим политическим порядком вещей на его собственной почве. Мы наперед заявляем, что одной из главнейших задач литературного предприятия будет — политически осмысливать легальную борьбу с... превосходно организованным самовластием бюрократии. ... Все больше и больше укрепляющееся и у русской оппозиции и у... правительства убеждение в неразрывной исторической связи между т. н.

⁹⁷ См.: *Л. Мартов и др. Общественное движение в России в начале XX века.* — Т. I. — С. 615-616; перепечатано в: *Ленинский сборник.* — Т. III. — 1924. — С. 130-132.

⁹⁸ *Общественное движение в России...* — Т. I. — С. 615-616; *Ленинский сборник.* — Т. III. — 1924. — С. 131-132.

легальной и культурной деятельностью и деятельностью, прямо и открыто направленной на изменение существующего политического порядка, является, на наш взгляд, важнейшим приобретением политического сознания за последнее время. ...Мы не отвергаем в легальной общественной деятельности неизбежности известных компромиссов, но мы будем признавать только те компромиссы, которые диктуются неуклонным стремлением скорее и прочнее завоевать для русского человека условия достойного политического существования. За этими пределами практическая переходит в нравственно презренную и политически опасную беспринципность. ...Наконец, мы считаем нужным подчеркнуть, что мы также, как и соединившаяся с нами для общего дела социал-демократическая группа, признаем первостепенное политическое значение и призвание русского рабочего движения. В нем политическая мысль интеллигенции нашла себе могучего союзника, с ростом которого отныне неразрывно связаны судьбы политической свободы в России. Мы рассчитываем, что «Совр. обозр.» встретит сочувствие и поддержку со стороны всех оппозиционных элементов. Задача его — соединить все эти элементы на одном литературном предприятии, в теснейшем союзе с единственной организованной силой русской оппозиции, социал-демократией...»⁹⁹

Пункты, в которых изложена редакторская политика Струве, содержат зародыши принципов, позднее сформулированных им в программе «Освобождения» — эмигрантского журнала, увидевшего свет в июне 1902 года. Их общей базой является идея широкого антиабсолютистского фронта (в отличие от идеи гегемонии одной из групп), что обуславливает необходимость альянса с рево-

⁹⁹ Общественное движение в России... — Т. I. — С. 616. Полный текст с пометками Плеханова хранится в Доме Плеханова в Санкт-Петербурге. — Архивн. фонд 1. — № 6083. — ед. хр. Р. 29. 1. Неопубликованные фрагменты, по-видимому, содержат важные политические пассажи, характеризующие коалицию социал-демократов и «демократической оппозиции». — *Вопросы истории*. — № 1, 1963. — С. 143.

люционным движением и вследствие этого обязывает воздержаться на некоторое время от формулирования какой-либо детальной программы, которая могла бы оттолкнуть потенциальных союзников.

В феврале тексты обеих деклараций должны были увидеть свет: их должен был напечатать Дитц, издатель немецких социал-демократов. Но он отказался от этой миссии, ссылаясь на то, что слова «революционная активность» могут создать ему проблемы с немецкой полицией.

После того как соглашение было подписано, Струве выпустил брошюру, содержание которой очень заинтриговало Ленина. Речь шла о тексте подготовленного Витте секретного меморандума, которому Струве дал название «Самодержавие и земство» и который, возможно, был получен им от одного из сочувствующих либералам высокопоставленных чиновников. Пока шли затяжные мюнхенские переговоры, Струве написал длинное и весьма многозначительное предисловие к этому меморандуму. Было договорено, что издатели *Искры* и *Зари* опубликуют этот меморандум вместе с предисловием Струве в виде брошюры. Сколь выгодным с финансовой точки зрения было для социал-демократов сотрудничество со Струве, становится ясным хотя бы из того факта, что за публикацию этой брошюры он заплатил им 6000 рублей. Из них только 1800 рублей пошли на покрытие связанных с этим изданием расходов, а 4200 рублей — сумма, сопоставимая с размером всего их начального капитала, — поступила в распоряжение редакции *Искры* и *Зари*¹⁰⁰.

В начале марта 1901 года Струве вернулся из Мюнхена в Санкт-Петербург, чтобы уладить финансовые и редакторские дела, касающиеся *Современного обозрения*, а так же уладить некоторые жилищные проблемы, поскольку намеревался вскоре вернуться в Германию.

¹⁰⁰ Обзор важнейших дознаний о государственных преступлениях производившихся в Империи. — Т. XXV. — 1901. — С. 121. Полиция установила, какая сумма денег пошла на публикацию меморандума Витте, но ничего не узнала об источнике этих денег; она также ничего не узнала и о том, каким образом редакторы *Искры* завладели этим документом.

Глава 11

Социал-демократы разрывают отношения с либералами

В то время, когда Струве вернулся в Санкт-Петербург, там только-только прошла очередная волна антиправительственных выступлений. 11/24 января 1901 года по решению правительства 183 студента, ранее арестованных за участие в студенческих волнениях в Киевском университете, были забриты в солдаты. В ответ на это три дня спустя один из террористов совершил покушение на министра образования Н. П. Боголепова, смертельно ранив его. По всей стране шли митинги и демонстрации, участники которых требовали отмены «временных положений» и амнистии киевских студентов. Самой значительной из них стала демонстрация, проведенная студенческими организациями Петербурга 4/17 марта на площади перед Казанским собором. Эта демонстрация была поддержана Союзом писателей, обладавшим большим престижем¹.

День 4/17 марта выпал на воскресенье. К собору начали подтягиваться небольшие группы студентов и интеллигентов, и атмосфера в центре столицы становилась все более напряженной. В полдень на площади перед собором толпа насчитывала уже около трех тысяч человек, стоявших плечом к плечу. В половине первого пополудни

¹ Струве присутствовал на бурном собрании Союза писателей, состоявшемся 3/16 марта, на котором было решено принять участие в демонстрации. — *Освобождение*. — № 14. — 2/15 января 1903. — С. 218.

некто в толпе громким голосом зачитал прокламацию, текст которой был роздан демонстрантам. Над толпой взвился красный флаг; раздались крики «ура». В это время со стороны боковых улиц выдвинулся полк казаков. Казанский собор является уменьшенной копией собора Св. Петра в Риме, и их колоннады имеют сходное строение. Казаки выстроились в линию, соединившую оба крыла этой колоннады, прижав демонстрантов к фасаду церкви и отрезав их от толпы сочувствующих и любопытных, которая находилась напротив, на Невском проспекте. Оказавшись в западне, некоторые из демонстрантов начали «отстреливаться» от казаков снежками и галошами. Один из брошенных предметов (в официальном отчете говорится, что это был камень или железный молоток) попал в лицо офицера и разбил его до крови. После этого казаки получили приказ наступать. Достав кожаные нагайки, они врезались в сгрудившуюся толпу, без разбору раздавая удары направо и налево. Прижатые к стенам церкви, демонстранты проскальзывали внутрь ее, где в это время шла воскресная служба. Через десять минут демонстрация была полностью разогнана, в результате чего некоторые из ее участников, в том числе несколько женщин, получили глубокие раны в голову².

Струве был среди демонстрантов и тоже получил удар нагайкой. Школьная подруга Нины Ариадна Тыркова, которая пришла на площадь вместе с Туган-Барановским, заметила его уже после того, как казаки отступили. «Он был в совершенном исступлении. Увидав Тугана, он бросился к нему и, размахивая руками, захлебываясь кричал: «Это черт знает что такое! Как они смели? Как они смеют меня, меня по ногам колотить нагайкой! Вы понимаете? — меня!...» Он хлопал руками по своему пальто, на котором нагайка оставила грязные следы. Мы все были

² Документы, в которых перечисляются нанесенные студентам ранения, опубликованы в: *Красный архив*. — № 2/75, 1936. — С. 83-112; № 4-5/89-90, 1938. — С. 258-308.

возбуждены, возмущены тем, что творилось кругом. Но жизнь любит смешивать трагическое и комическое и, глядя на взлохмаченные рыжие волосы и рыжую бороду Струве, на его искаженное от негодования лицо, слушая его нелепый, нескладный несколько раз повторенный выкрик — меня! меня! — я чуть не рассмеялась»³.

К часу дня все было кончено. Казаки отступили назад и перестроились, а вперед выдвинулась полиция, приступившая к аресту демонстрантов. Это заняло почти весь день. К пяти часам вечера около тысячи людей, в том числе и Струве, оказались за решеткой. Некоторые из них практически сразу были освобождены, остальные просидели в заключении несколько дней, после чего им было приказано покинуть столицу и поселиться — на разные сроки, максимальным из которых был три года — в одном из провинциальных городов, выбранном по своему усмотрению. В течение всего срока ссылки они должны были находиться под надзором полиции.

Струве был определен срок в один год, и он решил поселиться на это время в Твери, которая тогда была центром земского конституционалистского движения. Калмыкова, принявшая активное участие в организации демонстрации и тоже пришедшая на площадь Казанского собора, провела в ссылке три года, а после этого закрыла свое предприятие и уехала в Германию.

Если судить по письмам, которыми весной 1901 года обменивались редакторы *Искры* и *Зари*, то при сообщении об аресте Струве они испытали самые разные чувства, но только не огорчение. За исключением Потресова и Веры Засулич, все еще сохранявших к нему дружеское расположение, в силу чего их даже называли «die Struvefreundliche

³ А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. — Нью-Йорк, 1952. — С. 70-71. Официальный полицейский рапорт напечатан в: *Красный архив*. — № 2/75, 1936. — С. 103-105; газетный отчет, враждебный по отношению к демонстрантам, был напечатан в: *Санкт-Петербургские ведомости*. — 7/20 марта 1901.

Partei», лидеры социал-демократии к тому времени уже настолько не доверяли Струве, что, скорее всего, испытали чувство облегчения от того, что теперь можно было не соблюдать достигнутого с ним соглашения. Что до Плеханова, то он считал, что «самый факт существования Р. Н. С. [Струве] на свете есть величайшая несправедливость»⁴.

Однако главным источником, питавшим подобные чувства, была отнюдь не личная неприязнь, которая в интересах дела была бы легко преодолена: к тому времени сама потребность в союзе со Струве и его сторонниками стала постепенно отпадать. Дела *Искры* пошли гораздо лучше, чем ожидалось. Устав от умеренности ревизионистов и экономистов, социалистическая интеллигенция с энтузиазмом приветствовала появление этой газеты, и вскоре на нее обрушилось такое количество статей и корреспонденций, что после нескольких ежемесячных номеров она стала выходить два раза в месяц. Финансовое положение газеты также изменилось к лучшему. Еще в марте 1901 года ситуация была столь плачевной, что редакторы *Искры* потребовали от Струве немалых дополнительных ассигнований на текущие расходы, угрожая в противном случае отказаться от участия в *Современном обозрении*⁵. Однако, судя по всему, довольно скоро у *Искры* появились другие источники финансирования, в силу чего она обрела такую степень независимости, на которую даже не смели надеяться ее основатели.

Таким образом, частью из-за того, что Струве не мог вернуться в Германию, частью из-за того, что *Искра* перестала нуждаться в его помощи, соглашение от 30 января 1901 года оказалось мертворожденным. Проект *Современного обозрения* остался нереализованным, и, если не считать пары незначительных исключений, та же участь постигла прочие совместные проекты. Единственными кон-

⁴ Ленинский сборник. – Т. III. – 1924. – С. 205.

⁵ Рукопись этого письма, без даты и подписи, хранится в архиве Потресо-ва. – International Institute of Social History, Amsterdam. Ср. письмо Ленина – Аксельроду от 20 марта 1901 года. – В. И. Ленин. ПСС. – Т. XLVI. – С. 90, в котором содержится ссылка на этот документ.

кретными результатами этого договора стали: публикация на страницах *Искры* двухчастной статьи Струве «Самодержавие и земство»⁶; публикация брошюры, содержащей меморандум Витте под тем же названием с большим предисловием Струве⁷; а также появление в *Заре* статьи Яковлева-Богучарского⁸.

В помещенной в *Искре* статье Струве писал о том, каким образом земства борются с режимом самодержавия, призывая рабочих и социал-демократов оказать им помощь. По мнению Струве, самодержавный режим будет опрокинут только в результате слаженных действий рабочих и земств.

Целью меморандума Витте была дискредитация своего противника — министра внутренних дел И. Л. Горемыкина. Витте оспаривал предложение Горемыкина о создании земств в западных провинциях империи (где их пока не было), аргументируя свою позицию тем, что в перспективе земства представляют собой смертельную опасность для самодержавия. Поэтому не только нельзя допустить образования новых земств, но необходимо разогнать те, которые существуют.

В предисловии к меморандуму Витте Струве, полностью согласившись с аргументами Витте, опроверг сделанные им выводы. В определенном смысле земства действительно представляют собой опасность для монархии, писал Струве, тем не менее они же защищают ее от еще большей опасности — от опасности революции. По его мнению, дол-

⁶ #99.

⁷ С. Ю. Витте. Самодержавие и земство. — Штутгарт, 1901. Второе издание этой брошюры было осуществлено Струве также в Штутгарте в 1903 году (#190). Сам Витте опубликовал свой меморандум в 1914 году под названием «По поводу непреложности законов государственной жизни». Петрункевич, однако, утверждал, что Витте не является истинным автором этого документа. — Архив русской революции. — Т. XXI. — 1934. — С. 328.

⁸ *Бывалый*. О старом и новом. — *Заря*. — №1. — апрель 1901. — С. 137-142. Яковлев-Богучарский указан в качестве автора этой статьи, см.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов. — Т. 1. — М., 1956. — С. 175.

современные интересы правительства заключаются в том, чтобы не только сохранить земства, но и расширить поле их деятельности. Сохранить принципы самодержавия было уже невозможно: структура страны достигла такого уровня сложности и динамизма, что бюрократические методы управления стали просто недействительны. Россия нуждалась в политической свободе, и единственным реальным вопросом был — каким образом она обретет эту свободу, иными словами — законным или насильственным путем.

«Если правительство пойдет по пути, указываемому г. Витте, и упразднит земство, то оно — без всякой непосредственной в том для себя надобности — отнимет у общества главнейшее поприще постепенного и легального совершенствования русских общественных и государственных порядков и перенесет центр тяжести общественной самодеятельности на почву нелегальную. ...Упразднение земства даст революционной пропаганде огромный козырь — мы говорим это вполне объективно, не испытывая никакого отвращения к тому, что обычно зовется революционной деятельностью, но и не восхищаясь и не увлекаясь именно этой формой борьбы за политический и общественный прогресс»⁹.

Это обязательно случится, продолжал Струве, поскольку средним слоям российского общества, до поры до времени довольствующимся неполитическими формами выражения своих интересов, в случае разгона земств не останется ничего другого, как обратиться к политике. А это прямой путь к революции, поскольку в самодержавной России любая политика приобретает революционный характер. В конечном итоге все это принесет монархии гораздо больший вред, чем мирная земская деятельность: «Сама по себе нелегальная либеральная партия как организация, состоящая из наиболее умеренных и наименее подвижных оппозиционных элементов, не может развивать ни особен-

⁹ С. Ю. Витте. Самодержавие и земство. — 2-е изд. — Штутгарт, 1903. — С. xxxiv.

но широкой, ни особенно интенсивной деятельности. Но при наличии такой деятельности со стороны других партий, в особенности партии социал-демократической, или рабочей, либеральная партия — даже не вступая в прямое соглашение с социал-демократами — может оказаться очень серьезным фактором...»¹⁰

И когда монархия испытает на себе последствия действия революционно настроенного меньшинства, она очень пожалеет об отсутствии сдерживающего влияния земств.

Короче говоря, для того чтобы предотвратить разрушительную во всех отношениях революцию, монархия, в пику тому, что рекомендует Витте, должна стремиться к увеличению влияния средних слоев и создаваемых ими структур. Действия этих слоев будут намного менее опасными для монархии, если позволить им действовать законно в рамках земств, чем если вынудить их действовать в рамках подпольной либеральной партии. Предисловие заканчивалось призывом к правительству дать стране «права и властное всероссийское земство» — на эзоповом языке это означало здравицу в честь конституции¹¹.

Предисловие Струве к меморандуму Витте содержало в себе ряд интересных мыслей, но в качестве политической программы не выдерживало никакой критики. Вероятность того, что оно побудит Николая II склониться на сторону либералов, была практически ничтожной, тогда как угроза того, что оно вызовет сильное раздражение социал-демократов, была более чем реальной. Весьма трудно понять, исходя из каких соображений Струве полагал, что социал-демократы смирятся с политической игрой, в которой они — формальные союзники его группы — использовались бы в качестве средства для полити-

¹⁰ Там же. — С. xli-xlii.

¹¹ Там же. — С. xlvi. См. замечание, сделанное Струве во втором издании меморандума Витте (Там же. — С. xii), в котором Струве предъявляет Ленину претензии по поводу умышленно неправильной интерпретации этой здравицы, как будто Ленин в действительности не понимал, что это было скрытое приветствие конституции.

ческого шантажа, цель которого — добиться от правительства конституции. То была *Realpolitik* в своем худшем виде.

Для Ленина это стало последней каплей, переполнившей его терпение. Его и без того сильные подозрения (впервые возникшие, когда Струве потребовал независимого редакторства в «Современном обозрении»), что либералы стремятся к союзу с социал-демократами исключительно для того, чтобы использовать и уничтожить их, переросли в уверенность. Он ответил Струве в статье, названной «Гонители земства и Аннибалы либерализма»¹². Земства, писал он, никогда не были центрами политической оппозиции; поскольку являются всего-навсего орудием самодержавия, с помощью которого оно держит страну в повиновении. И либералы только тогда смогут стать полезными союзниками социал-демократов, когда их движение оформится в виде подпольной партии. Если же они будут пользоваться исключительно легальными методами борьбы, осуществляемой через земства, то в конце концов превратятся в агентов контрреволюции. Ленинская статья содержала в себе такие грубые нападки на русских либералов, что ее невозможно было опубликовать за подписью авторитетного социал-демократического лидера.

Плеханов и Аксельрод не одобрили ленинскую тактику. «Смягчите его [тон], голубчик, — писал Плеханов Ленину после прочтения рукописи его статьи. — *Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка!*»¹³ Аксельрод, со своей стороны, высказался в том смысле, что не слишком ли рано Ленин разоткровенни-

¹² В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. IV. — С. 119-157. Выражение «Аннибалы либерализма» связано с тем пассажем в предисловии Струве (2-е изд. — С. ix), который призывал народ дать «Аннибалову клятву» отвоевать свободу для России, подобно тому как пятьдесят лет назад была дана клятва добиться освобождения крепостных.

¹³ Письмо Плеханова — Ленину от 14 июля 1901 года. — Ленинский сборник. — Т. III. — 1924. — С. 204.

чался по поводу того, каким образом социал-демократы намерены использовать либералов¹⁴.

Ленин согласился с редакторской правкой Плеханова и Аксельрода, но его политическая позиция осталась неизменной: «Вообще я вовсе не так уж упорен на счет смягчений частных, но принципиально не могу только отказаться от мысли о нашем праве (и нашей обязанности) разнести Р. Н. С. [Струве] за его политическое жонглерство. Он именно политический жонглер — в этом меня окончательно убедило чтение и перечитывание предисловия, и в свою критику я внес все, что дали нам последние месяцы (т. е. Verhandlungen [переговоры] с «теленком» [Струве], попытка договора etc.), так сказать, душу отводил, сводя счеты с этим субъектом. Выяснение вопроса о конституционности земства я считал центром тяжести всей статьи. «Земский» либерализм это — в области воздействия на общество то же самое, что экономизм — в области воздействия на рабочих. И ту, и другую узость мы должны преследовать»¹⁵.

Итак, столь длительная связь Струве с социал-демократами подошла к концу, равно как и личные отношения с ними. После того, как были разорваны идеологические связи, исчезла и возможность дружбы, поскольку эти люди не отделяли личные отношения от служения делу.

Ненависть Ленина к Струве имела просто уникальный характер — в том смысле, что Ленин даже не находил нужным накинуть на нее флер объективности, которую обычно выставлял напоказ при рассмотрении всего, что попадало в поле его внимания.

Ленин жаждал мести. Отказавшись быть использованным, Струве превратился для него в объект охоты с использованием любого вида оружия, включая покушение на репутацию. В этой охоте к нему с большой радос-

¹⁴ В. И. Ленин. Сочинения. — Т. IV. — С. 576.

¹⁵ Ленинский сборник. — Т. III. — 1924. — С. 219-220.

тью присоединился Мартов, дав волю своему развитому воображению и своим немалым журналистским способностям. Оба они не упускали ни малейшей возможности «выставить» Струве врагом российского рабочего класса, иудой, который, объявив себя борцом с самодержавием, на самом деле работал на него¹⁶. В ходе этой травли Ленин зачастую не стеснялся намеков на то, что ревизионизм как таковой зародился в недрах полиции¹⁷. Злоба, с которой Ленин начиная с 1900 года обрушивался на Струве, была вызвана не только опасением, что либеральное движение может стать потенциальным соперником в его борьбе за власть, но и внутренней потребностью уничтожить человека, являвшегося живым напоминанием о его прошлых ошибках.

Методы, к которым Ленин и Мартов прибегли для того, чтобы уничтожить репутацию Струве, имели значение, далеко выходящее за рамки взаимоотношений между этими тремя людьми: они означили то, что в действительности привело к разрыву между социал-демократией и либерализмом. Возникновение либерального движения на его собственной основе сводило на нет идею гегемонии, а вместе с ней и всю стратегию, на которой до сих пор бази-

¹⁶ Среди ленинских наскоков на Струве содержалась характеристика его как человека, который наконец-то снял с себя маску и показал себя тем, кто он есть на самом деле — главарем или лакеем [одновременно!] либеральных помещиков, — а также утверждение, что либеральный лагерь является прибежищем предателей, которые должны быть разоблачены. — *В. И. Ленин. Сочинения.* — 30 т. — Т. V. — С. 145, 198. А вот яркий пример полемической манеры Мартова: «Конституционалисты пытаются организовать либеральную буржуазию не столько для борьбы за низвержение самодержавия, сколько для того, чтобы *приготовить ее к борьбе за право безраздельно хозяйничать в России после победы народа над самодержавием*». — *Искра.* — № 23. — 1 августа 1902. См. также его статью «Всегда в меньшинстве». — *Заря.* — № 2/3, 1901. — С. 191-193, 201. Использование в ходе политических споров таких грубых, оскорбительных выражений сегодня шокирует публику в гораздо меньшей степени, чем это было до первой мировой войны, когда все-таки было принято быть более сдержанным в выражениях.

¹⁷ См., например: *В. И. Ленин. Сочинения.* — 30 т. — Т. IV. — С. 375.

ровалось социал-демократическое движение. И поскольку больше нельзя было рассчитывать на лидерство в национальном движении за политическую свободу, социал-демократы были вынуждены основательно пересмотреть свою политику¹⁸. Некоторые из них — будущие меньшевики — решили сосредоточиться на организационной работе среди трудящихся, другие — под предводительством Ленина — решили сформировать сплоченную нелегальную партию профессионалов, способных в подходящий момент захватить власть. Таким образом, корни исторического разрыва между меньшевиками и большевиками, происшедшего в 1903 году на Лондонском съезде партии, надо искать в состоявшемся двумя годами ранее падении идеи гегемонии, ярким показателем чего и стал разрыв со Струве. Однако прекращение отношений между социал-демократами и либералами имело и менее отдаленные исторические последствия. Оставив надежды повести за собой «буржуазию», социал-демократы резко сдвинулись влево, и большинством из них овладели антилиберальные, антиконституционные и антипарламентские настроения. В конце концов либерализм и социализм в России оказались перед необходимостью бороться не только с самодержавием, но и друг с другом, результаты чего столь пагубным образом сказались на всех в 1917 году.

Кампания персональной травли, затеянная против Струве Лениным и Мартовым с одобрения Плеханова, шокировала даже многих читателей *Искры*, хотя они уже привыкли к полемическим приемам, которые любое теоретическое разногласие переводили в плоскость личных оскорблений и поношений. Однако то, что позволяли себе на этот раз Ленин и Мартов, по грубости и жесткости далеко превосходило то, что уже стало традицией. Среди тех, кто обратил внимание на это обстоятельство, был Н. К. Тахтарев, один из приверженцев эконо-

¹⁸ Ф. И. Дан. Происхождение большевизма. — Нью-Йорк, 1946. — С. 320-321.

мизма. Однажды он прямо сказал Ленину, что считает неправильным называть Струве «изменником, ренегатом и новым Тихомировым». Такого рода обвинения могут лишь разжечь не нужные страсти у читателей *Искры* и привести к непредвиденным последствиям. Например, спросил он, «что если кто-либо из рабочих, фактически преданных делу, под влиянием травли Струве на страницах “Искры”, вдруг решится расправиться с ним или даже убьет его как “изменника и ренегата”?» На что Ленин невозмутимо ответил: «Его и надо убить»¹⁹.

Суть фанатизма, по словам американского философа Сантаяны, заключается в удвоенных усилиях при давно забытых целях.

¹⁹ Н. К. Тахтарев. В. И. Ленин и социал-демократическое движение. — *Былое*. — № 24, 1924. — С. 22.

ЧАСТЬ III

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Идея свободы является единственной светской идеей, способной зажечь сердца.

Струве в Париже (22 января 1932)

Глава 12

Философия и полититка либерализма

Однажды Струве пришел в голову вопрос — каким образом получилось так, что Пушкин, почитаемый россиянами как величайший национальный поэт, получил относительно малое признание за рубежом. Отвечая самому себе, Струве пришел к выводу, что Запад всегда интересовался русской культурой лишь постольку, поскольку обнаруживал в ней своеобразную экзотику. Пушкин для Запада был слишком «западным», слишком близким к его собственной литературе. *Mutatis mutandis* — точно таким же образом можно объяснить и индифферентность, проявленную Западом по отношению к русскому либерализму. На протяжении почти полувека, предшествовавшего падению «старого режима», либерализм был доминирующей среди российских образованных слоев политической философией; начиная с 1860-х по 1905 год, ознаменовавшийся конституционным манифестом, либерализм представлял из себя ту силу, которая стояла практически за всеми конструктивными изменениями, проводимыми сверху царским правительством¹. Однако в отличие от анархистов

¹ Наиболее полно история российского либерального движения вплоть до образования Конституционной демократической партии (кадетов) изложена в: *George Fisher. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia.* — Cambridge, Mass., 1958. Основной работой, освещающей деятельность Союза освобождения, является: *Shmuel Galai. The Liberation Movement in Russia, 1900-1905.* — London, 1973.

или славянофилов в либералах не было ничего экзотического. Среди них не было ни Бакуниных, ни Нечаевых, ни Достоевских, которые так интриговали Запад и давали ему возможность воспринимать Россию как совершенно чужую и весьма странную страну, судьба которой в тот момент его никоим образом не касалась.

На самом же деле российская либеральная традиция, опирающаяся на уверенность в том, что политическая власть в стране должна базироваться на законах и выборных институтах, является ничуть не менее древней, чем традиция самодержавия. С того самого момента, как русская монархия предъявила свои притязания на абсолютную и никем и ничем не ограниченную власть, ей постоянно приходилось бороться с общественными группами и отдельными личностями, заявлявшими, что она не имеет права ни на то, ни на другое. С начала XVI века каждый серьезный кризис в России осложнялся конфликтом между абсолютизмом и либерализмом — как в сфере идей, так и в сфере реальной жизни. В качестве примера можно вспомнить споры по поводу монастырского землевладения в XVI веке, войны Смутного времени в XVII веке и целую серию кризисов власти на протяжении всего XVIII века. Со времени царствования Екатерины II стремление к некоторому формальному ограничению монархии стало настолько значительной и неотъемлемой составляющей российской политической жизни, что самодержавие было вынуждено делать всякого рода реверансы, время от времени заявляя о своей приверженности принципам законности, иногда даже заговаривая о возможности конституции².

Разумеется, в России либерализм так и не достиг своей окончательной цели. Тот период времени, который история отвела России на конституционный эксперимент, начатый в 1905–1906 годах, был слишком непродолжительным, чтобы либералы могли осуществить то, к че-

² Этой теме посвящена книга: *Б. Б. Глинский. Борьба за конституцию, 1612-1861 гг.* — СПб., 1908.

му стремились. Если не считать всего десяти лет — с 1906 по 1917-й, — в России никогда не было ничего, что в достаточной степени походило бы на гражданские свободы или выборное правительство. Поэтому можно, конечно, сказать, что российский либерализм потерпел поражение. Но вопрос о потенциальной эффективности идеи или движения необходимо отделять от вопроса об их исторической значимости. Изучение документов, относящихся к разным историческим эпохам, с определенной степенью точности и объективности позволяет установить, какое влияние та или иная историческая сила оказала на свое время, поскольку эти документы дают возможность сравнить то, что предполагалось осуществить, с тем, что действительно было осуществлено. Но где тот критерий, на основании которого можно оценить степень «успешности» того или иного исторического феномена? Совершенно очевидно, что оценка такого рода целиком определяется позицией того, кто ее производит. Как известно, время обращает в прах все — все приходит в «упадок». В свое время пал Наполеон, затем та же участь постигла победившие его консервативные монархии, над которыми одержали верх либералы; но в конце концов пали и пришедшие им на смену социалисты. Если посмотреть на вещи трезво, становится очевидным, что правота всех этих вердиктов об историческом «успехе» базируется на том, что судья, который выносит решение, просто избирает для этого подходящий исторический момент, а за всеми рассуждениями о «неудаче» фактически стоит всего-навсего завуалированное признание того общеизвестного факта, что человек смертен, а все его дела конечны.

Однако работа историка заключается не в том, чтобы выносить вердикты; его задача — не подводить итоги, а анализировать события.

Обращаясь к истории русского либерализма второй половины XIX века, очень трудно сформулировать, какого рода социальные или экономические интересы стояли

за этим движением. Оно не опиралось ни на промышленников, ни на торговцев, стремящихся обеспечить своему бизнесу более благоприятные условия, как это было в случае с английским либерализмом. Что касается российских бизнесменов, то, вынужденные функционировать в условиях неразвитой и весьма нестабильной экономики, они скорее склонялись к тому, чтобы искать у правительства защиты от наступления рабочего класса и от конкуренции со стороны иностранного капитала. В политическом отношении они, фактически, отдавали предпочтение консерватизму, идеалом которого была отнюдь не свобода, а скорее законность в духе германского *Rechtsstaat*. Как писал в 1905–1906 годах Макс Вебер, в основе российского либерализма лежали не социоэкономические, а идеологические интересы³. Социальную основу либерального движения в России составляло образованное дворянство — класс, который, собственно, не столько приобретал, сколько терял в случае реализации исповедуемых либеральной партией принципов политической демократии и проведения провозглашаемых ею социальных реформ (особенно в аграрной сфере).

Постреформенный российский либерализм вырос на почве не экономических интересов, а подавленного индивидуализма и униженного патриотизма. Широкое распространение либеральных идей среди образованных слоев населения было вполне естественной реакцией на упорное нежелание правительства поддержать программы, способствующие распространению просвещения и национализма в виде, соответствующем настроениям охваченных патриотическими чувствами образованных граждан. Поначалу заставляя дворян учиться, а в дальнейшем по-

³ *Max Weber. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland.* – Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. – XXII. – 1906. – S. 243-244, 247. (Веберовская точка зрения обсуждается в моей статье «Max Weber and Russia». – *World Politics.* – VII. – № 3. – april 1955. – P. 371-401.) Временами эта точка зрения находила свое выражение и в русской литературе, см.: *Революционная Россия.* – № 9. – июль 1902. – С. 4.

ощряя в них стремление к образованию, монархия способствовала развитию у них способности к суждению и чувству вкуса, а это неизбежно повлекло за собой осознание наличия альтернатив и возможности выбора и ощущение собственной индивидуальности. История Запада показывает, что все это может стать источником огромной созидательной силы, работающей на процветание нации, но только в том случае, если ей будут предоставлены широкие возможности для реализации; подавленная же, она обращается к разрушению. Именно в возможности реализации этой силы и отказывало своим гражданам царское правительство. С одной стороны, оно практически ничем не ограничивало доступ к знаниям, разрешая при этом выезды за границу, поощряло развитие искусства и науки, стремились воспитать в гражданах чувство национальной гордости, но тем не менее оно ни за что не хотело допустить, чтобы русский человек, получив образование, попутешествовав, развив в себе патриотические чувства, жил и действовал в условиях тех правовых гарантий для личности и возможностей для политического самовыражения, которые стали для него жизненной необходимостью. Даже самый лояльный и уважаемый российский гражданин в любой момент мог быть унижен полицией. Он не имел права голоса при решении политических и бюджетных проблем своей страны, от него не зависело, каким образом используются ее ресурсы, где и как действуют ее вооруженные силы. По отношению к жившим при царском режиме русским обычно употребляют эпитет «угнетенные», но это слово не совсем точно передает реалии их истинного положения. В ходе обыденной жизни никто персонально не подвергался какому-либо особенному угнетению, и до тех пор, пока не переступалась та грань, за которой деятельность можно было определить как политическую, людей, как правило, никто не беспокоил. Русских, скорее, оскорбляло и отчаянно унижало отношение к ним как к нации шаловливых детишек — и это после того, как они уже не раз доказывали, что являются великим и в высшей сте-

пени способным к творчеству народом. Подобное отношение к себе образованные граждане России находили совершенно нестерпимым, в силу чего многие из них были вынуждены жить в своей стране с ощущением непреходящей внутренней оппозиционности к власти предрержащим.

Однако само по себе это ощущение личной и всенародной пришибленности было неспособно инициировать политическую активность, и на это были две причины. Первая заключалась в том, что, следуя привитому ей кодексу дворянской чести, образованная элита общества чувствовалась нелегальной деятельностью. Второй причиной было то, что эта элита страшилась стихии крестьянской массы, в глубине которой, как ей казалось, таились необузданные страсти разрушительного характера — именно это опасение заставляло ее воздерживаться от тех действий, которые могли быть истолкованы крестьянами как признак ослабления власти. Поэтому большинство постреформенных русских либералов были либералами скорее консервативного, нежели демократического толка. Вместо того, чтобы стремиться к политической деятельности, они сосредоточивались на решении практических вопросов в области культурной и общественной жизни, уповая на то, что усилия такого рода постепенно поднимут как интеллектуальный, так и материальный уровень жизни страны до той отметки, начиная с которой можно будет надеяться на появление в обозримом будущем в России возможности организации свободного общества. Они шли работать в земства, в органы городского самоуправления, служили мировыми судьями, помогали организовывать сельскохозяйственные товарищества. Осуществляя свою программу «малых дел», они настойчиво избегали как идеологии, так и политики.

Вплоть до наступления XX века русские либералы лишь дважды переходили обозначенную ими для себя границу, и оба раза без особого успеха.

Первый всплеск политической конституционалистской активности имел место в 1862 году — сразу же после

провозглашения манифеста; в то время сразу несколько дворянских собраний выдвинули ряд требований, составивших своего рода программу весьма умеренных правительственных реформ. Некоторые из них присоединились к предложениям, сделанным в январе 1862 года Иваном Аксаковым, — об отмене дворянских привилегий и о введении равенства перед законом. В Твери дворянское собрание пошло еще дальше и практически единогласно приняло решение добиваться от царя созыва собрания народных представителей, демократически избранных и представляющих всю Россию. Власти немедленно отреагировали на все эти обращенные к ней предложения: главные лидеры либеральной партии были арестованы и отправлены в ссылку. Не найдя поддержки среди большинства населения страны, движение стало затихать. Оно полностью сошло на нет к 1863 году, когда, под предлогом умирения польского восстания, правительство начало разжигать националистические страсти, направляя их против внутренней оппозиции⁴.

Последующие пятнадцать лет идея конституции оставалась под спудом. Вторая попытка оживить ее была предпринята уже в самом конце царствования Александра II. Впервые осознав серьезность революционного движения, правительство в 1878 году стало домогаться поддержки общества. Теперь оно просило оказать ему помощь в борьбе с мятежниками, в качестве платы обещая наконец-то инициировать в стране политические реформы. Бюрократический аппарат воспринял этот новый правительственный курс как команду проявлять терпимость по отношению к политическому самовыражению «респектабельных» общественных слоев. Поэтому бюрократия не стала прибегать к каким-либо запретительным

⁴ О конституционалистском движении см.: *Д. И. Шаховской*. Политические течения в русском земстве. — Юбилейный земский сборник, 1864-1914. — СПб., 1914. — С. 441-447; *Н. И. Иорданский*. Конституционное движение 60-х годов. — СПб., 1906.

мерам, когда в 1878 году несколько земств вновь обратились к идее политической либерализации. В марте 1879 года руководителям трех земств (Твери, Чернигова и Москвы) было разрешено встретиться в Москве и сформировать Земский союз, открыто конституционалистский по своей ориентации. Лидерами этой организации стали Ф. И. Родичев (Тверь) и И. И. Петрункевич (Чернигов). В это время Петрункевич вступил в переговоры с «Народной волей», надеясь, что сумеет убедить ее лидеров отказаться от тактики террора и объединиться с земствами в борьбе за политическую свободу. Однако перспектива создания либерально-радикальной коалиции довольно быстро сошла на нет: 1 марта 1881 года бомба террориста оборвала жизнь царя и тем самым выбила почву из-под ног администрации, которая, опираясь на поддержку Александра II, пыталась прийти хоть к какому-то согласию с обществом⁵.

В этом же году, после некоторого колебания, правительство окончательно решило впредь разбираться со всеми дальнейшими покушениями на его власть не путем переговоров, а путем репрессий. Возглавив значительно увеличенные и централизованные полицейские силы, министерство внутренних дел превратилось в мощную службу политического контроля. Началась эра «контрреформ» — все обещания 1879–1881 годов были забыты.

В период нарастающей реакции конституционалистское движение быстро заглохло. Ошеломленные убийством царя, даже наиболее смелые из земцев сразу же потеряли интерес к политической деятельности, к которой они уже собирались открыто приступить; другие

⁵ Конституционалистское движение 1878–1881 годов рассматривается в: Д. И. Шаховской. Политические течения... — С. 453–462; И. П. Белоконский. Земское движение. — М., 1914. — С. 17–34; В. Я. Богучарский [Яковлев]. Земский союз конца 70-х — начала 80-х гг. XIX века. — Юбилейный земский сборник. — С. 233–259.

же вовсе и не собирались заниматься политикой до тех пор, пока сам царь официально не призовет их к этому. После 1881 года российские либералы второй раз отказались от конституционалистских притязаний и вновь обратились к практике «малых дел». Теперь они требовали не свободы, а законности, под которой подразумевалось скрупулезное, в бюрократическом смысле, соблюдение изданных царем законов. Главными органами этого прагматичного, верноподданнического, аполитичного либерализма были ежедневная газета *Русские ведомости* и ежемесячный журнал *Вестник Европы*. Таков был общественный климат в 1885 году, когда к либералам примкнул Струве, и это могло быть одной из причин, по которым он решил перейти к социал-демократам. Именно открыто провозглашавшийся в 1880-х и в начале 1890-х годов аполитизм российских либералов позволил социал-демократам заявить о своих притязаниях на лидерство в политической борьбе против самодержавия и всерьез рассуждать о своей гегемонии во всенародном движении за политическую свободу.

Собственно говоря, большую часть земцев вполне удовлетворяла практика «малых дел», и они благополучно занимались бы ею всю оставшуюся жизнь, если бы правительство позволило им это. Но при двух последних монархах запрет для общества на какое бы то ни было политическое самовыражение казался власти недостаточной мерой; всеми доступными ей способами она стремилась свести на нет даже ту область более чем умеренной неполитической общественной активности, которая стала возможной благодаря реформам Александра II. Серьезное наступление на местное самоуправление началось в декабре 1886 года, когда министр внутренних дел Дмитрий Толстой подал тайный проект, предлагая отменить Положение о земстве, изданное в 1864 году. Его доводы сводились к тому, что это Положение создало в стране двойственную систему местного администрирования, отчасти бюрократическую, отчасти выборную, которая исключала

возможность эффективного управления. Толстой не настаивал на том, чтобы совсем разогнать земства, но хотел подчинить их государственному бюрократическому аппарату⁶. Его предложения были отвергнуты как слишком «радикальные»; тем не менее были приняты соответствующие меры, направленные на то, чтобы урезать полномочия институтов местного самоуправления. Указом от 12 июля 1889 года была отменена должность мирового судьи, пользовавшаяся большой популярностью среди либерально настроенного дворянства; его полномочия были переданы земельному начальнику, официально избираемому из числа помещиков, но отчитывающемуся перед государственными чиновниками. После указа от 12 июня 1890 года прямой административный контроль над земствами стал более жестким, кроме того, в них увеличилось представительство земельной аристократии. Губернаторы получили полномочия утверждать в должности людей, избранных земствами⁷.

Все это отнюдь не вызвало паники в земских кругах, однако пробудило от политического летаргического сна некоторых вполне консервативно настроенных земских деятелей. В начале 1890-х годов лидеры земств возродили восходивший к 1878 году обычай неформальных встреч. Наиболее активно выказывали свое неудовольствие проводимыми правительством репрессиями наемные работники земств, которых позже стали называть «третьим элементом». Это агрономы, статистики, учителя, врачи и другие специалисты, жизнь и заработки которых зависели от ситуации в земствах, в силу чего они были заинтересованы в стабильности. Политически они склонялись к левому флангу выборных земских депутатов и уже начали организовываться в собственное сообщество. Собран-

⁶ Правительственное наступление на земства подробно, на базе архивных материалов, описано в: *Л. Г. Захарова*. Земская контрреформа 1890 г. – М., 1968.

⁷ *G. Fischer*. Russian Liberalism. – P. 12-13; *Hugh Seton-Watson*. The Russian Empire, 1801-1917. – Oxford, 1967. – P. 469.

ные в 1897 году данные показали, что эта общественная группа насчитывала 47000 человек⁸.

Смерть Александра III в 1894 году вызвала мимолетную надежду на то, что новый царь откажется от репрессивного курса своего предшественника и вернется к либеральной политике 1860-х. Эти упования развеялись, как уже было сказано, в 1895 году, после тронной речи Николая II, в которой он определил их как «бессмысленные мечтания». Сбылось то, о чем предупреждал тогда же Струве в своем открытом письме царю: провозглашенная в этой речи политика полицейско-бюрократического правления способствовала сильному сдвигу влево весьма умеренно настроенных представителей земств, которые стали склоняться к мысли о необходимости политических действий. В 1895 году лидерами земств был создан в Москве полулегальный центр, в функции которого входила организация неформальных встреч земцев, на которых в основном обсуждались проблемы местного самоуправления. Главной фигурой этого центра стал Д. Н. Шипов, глава московского земского совета, явный консерватор, противник парламентаризма и конституционализма. Сам факт, что человек подобных взглядов был вынужден заняться деятельностью такого рода, является прямым свидетельством того, что проводимая царским правительством политика даже в самых лояльных подданных пробудила чувства недоверия и недовольства⁹.

В 1899 году Шипов и несколько известных земских деятелей конституционалистской ориентации (среди них

⁸ Д. Л. Эрман. Интеллигенция в первой русской революции. – М., 1966. – С. 13. Об активности «третьего элемента» см.: И. П. Белокопский. – Земское движение. – М., 1914. – С. 36-46.

⁹ В своих мемуарах Маклаков пишет, что министр внутренних дел Горемыкин знал об этих неформальных встречах и относился к ним со скрытым одобрением: В. А. Маклаков. Из прошлого. – *Современные записки*. – № 48, 1932. – С. 358; Историк Е. Д. Черменский считает, что эти встречи были нелегальными: Земско-либеральное движение. – *История СССР*. – № 5, 1965. – С. 44.

братья-близнецы Петр и Павел Долгоруковы, Д. И. Шаховской и П. С. Шереметьев) основали общество под названием «Беседа». В его задачи входила организация дискуссий по насущным с точки зрения земских собраний проблемам. Членами этого общества могли стать только избранные земские представители, так называемые *земские гласные*. (Единственным исключением из этого правила был постоянный секретарь общества юрист В. Маклаков.) Количество членов «Беседы» колебалось между 40 и 50, все они были весьма богаты и имели аристократическое происхождение. Встречались они несколько раз в году, в Москве, судя по всему, с молчаливого согласия полиции. После того как указ от июня 1900 года урезал налоговые полномочия земств, проходившие в «Беседе» дискуссии обрели политическую окраску, поскольку стало очевидно, что правительство действительно поставило своей целью уничтожить существующую в России систему самоуправления, тем самым отказываясь от участия в обсуждении назревших политических вопросов. Очень сильное воздействие на земские круги оказала публикация в начале 1901 года социал-демократами секретного меморандума Витте (с предисловием Струве), который призывал царя к окончательному разгрому земств, существование которых представлялось как несовместимое с самодержавием; знакомство с этим документом способствовало сдвигу влево все еще колебавшихся сторонников умеренного курса¹⁰.

¹⁰ Архив «Беседы» хранится в отделе рукописей Московского государственного исторического музея. – Фонд 31. Относительно активности этого общества см.: В. А. Маклаков. Из прошлого. – С. 354-359, где он, правда, ошибочно относит основание «Беседы» к началу 1890-х годов; Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение. – С. 44-46; Е. П. Михеева. Несколько дополнений к истории «Беседы». – *История СССР*. – № 2, 1966. – С. 241-243; Петр Дм. Долгоруков в: кн. Павел Дм. Долгоруков. Великая разруха. – Мадрид, 1964. – С. 332-335. Относительно того влияния, которое оказало на земские круги предисловие Струве, см.: Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918. – С. 177.

Однако переход «Беседы» от выражения политической озабоченности к конкретным действиям был сильно осложнен тем, что члены этого общества, как и большая часть всего земства, были поделены на две фракции: либерально-консервативную и либерально-конституционалистскую.

Первую фракцию возглавлял Шипов, который своей приверженностью здравому смыслу и другими личными качествами снискал себе уважение даже тех, кто отвергал его политическую программу¹¹. Он и его друзья выступали не против самодержавия, а против бюрократии. Его мнение о том, какая политическая система наилучшим образом подходит для России, не очень отличалось от того, что за столетие до этого выразил в своей «Записке о древней и новой России» Карамзин. В силу исторически сложившихся традиций России требуется сильное монархическое правление, но оно должно базироваться на строго соблюдаемой законности и не чинить препятствия осуществлению «законных» интересов общества. Внедрившаяся между царем и народом бюрократия не дает возможности монархии поддерживать традиционную для Руси связь с народом, вследствие чего именно она несет главную ответственность за царящее в стране беззаконие. Исходя из этого Шинов предлагал не ослаблять самодержавие путем введения конституционных и парламентских ограничений, а, напротив, сделать его более сильным, превратив тем самым в «настоящую» монархию. По мнению Шипова, этого можно было достичь путем укрепления существующих в стране институтов самоуправления, противостоящих власти бюрократии и влияющих на царя с помощью разрешенных законом средств¹².

¹¹ Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение. – С. 44.

¹² См.: Д. Н. Шипов. Воспоминания. – С. 269-271; Leonard Schapiro. Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. – New Haven and London, 1967. – P. 143-167.

Конституционалистски настроенные земцы, предводительствуемые Петрункевичем, Петром Долгоруковым и Шаховским, считали программу Шипова утопической. С их точки зрения бюрократия представляла собой инструмент самодержавия, и они не видели смысла в том, чтобы бороться со следствием, игнорируя при этом причину. Истинным виновником происходящего было самодержавие. Исходя из этих воззрений они обратились к конституционалистским лозунгам 1862 и 1878–1882 годов¹³.

Не видя ни малейшей возможности примирить столь противоположные взгляды, конституционалисты «Беседы» (они были в меньшинстве) согласились до поры до времени не афишировать свою приверженность конституции и объединиться со своими коллегами-консерваторами на почве общей программы минимальных требований, главными из которых были усиление местного самоуправления и ослабление влияния бюрократии. «Беседа» приняла многообещающую издательскую программу, согласно которой и в России, и за границей должны были публиковаться серии книг, призванных просвещать российскую публику как в сфере политики, так и в сфере экономики¹⁴. Действия конституционалистов, однако, не ограничивались рамками «Беседы»: они также установили контакт с левыми, включая социал-демократов и «третий элемент». Плеханов и Аксельрод, хотя и не поддерживали постоянных контактов с земскими конституционалистами, относились к ним неплохо. Струве писал, что в ходе личных бесед с этими двумя лидерами группы «Освобождение труда» (особенно это касалось Аксельрода) у него

¹³ Е. Д. Черменский причислил к конституционалистской фракции Петра и Павла Долгоруковых, Ф. Ф. Кокошина, Г. Е. Львова, В. А. Маклакова, Ю. А. Новосильцева, И. И. Петрункевича, А. А. Свечина, Е. Н. и С. Н. Трубецких, М. В. Челнокова и Д. И. Шаховского (Указ. соч. – С. 44).

¹⁴ Ссылка на неполный список изданных «Беседой» книг можно найти в: *И. П. Белокопский. Земское движение.* – С. 80; *Павел Д. Долгоруков. Великая разруха.* – С. 336-338. См. также: *В. А. Маклаков. Из прошлого.* – С. 354-355, 357.

составилось мнение, что их «всегда тянуло и духовно, и эмоционально» к демократическому либерализму¹⁵.

Таким образом, к 1900 году российское «освободительное движение» начало принимать относительно четкие очертания. Оно отличалось весьма широким спектром общественно-политических взглядов — от либерально-консервативного до революционно-демократического. Но несмотря на то, что лидеры движения имели весьма отличные друг от друга конечные цели, все они сходились в одном: полицейско-бюрократический режим отжил свое. В центре этой свободной коалиции находились земские конституционалисты, видевшие свою задачу в том, чтобы установить связь между консерваторами и радикалами.

В случае Струве открытому объявлению себя либералом-конституционалистом не предшествовал глубокий внутренний переворот. Либералом и конституционалистом он ощущал себя с пятнадцати лет, и его пребывание в рядах социал-демократов объясняется главным образом тем, что между 1885 и 1900 годами в России еще не было сколько-нибудь действенного либерального движения. Но к 1900 году ситуация изменилась. Земское движение заметно сдвинулось с присущей ему аполитической позиции, а его конституционалистская фракция, хоть и меньшая по численности, действовала более активно, чем консервативная, постепенно, по мере усиления тех санкций, которое правительство предпринимало против земств, приобретая все большее число сторонников. Струве всегда поддерживал личные дружеские отношения с земскими конституционалистами, и когда в 1900–1901 годах его изгнали из рядов социал-демократии, свое естественное пристанище он обрел в среде либералов.

Однако перед тем как окончательно присоединиться к земским конституционалистам, Струве должен был раз-

¹⁵ P. Struve. My Contacts with Rodichev. — *The Slavonic and East European Review*. — Vol. XII. — № 35. — January 1934. — P. 363.

решить для себя некоторые философские проблемы, связанные с политикой либерализма. Как везде в мире, так и в России, в основе либерализма лежит убеждение в том, что существуют некие абсолютные и вечные этические истины, главной из которых является то, что нет ничего более ценного, чем человеческая личность. Струве, безусловно, верил в наличие таких истин, но никак не мог примирить их с философией критического позитивизма. (А связность и последовательность мысли для него всегда были делом первой важности.) С позиции позитивизма он не мог ничего сказать об «абсолютных и вечных этических истинах», поскольку они никоим образом не могли быть выведены из эмпирического опыта, являвшегося для позитивистов единственным критерием истины. Более того, будучи критическим позитивистом и последователем Рилья, он не мог говорить о ценностях как о чем-то в некотором смысле «необходимом», то есть обязательном, поскольку, согласно Канту, область ценностей является областью свободы, а не необходимости. Надо сказать, что Струве давно интересовала проблема примирения позитивизма и этики. Но со всей очевидностью он это осознал только во время споров с Плехановым и Лениным, вплотную столкнувшись с проблемой правильного поведения в ситуации, когда необходимо разрешить конфликт между политической целесообразностью и желанием сохранить личную моральную чистоту.

В «Критических заметках» он лишь слегка коснулся всех этих проблем. Цитируя Рилья и Зиммеля, он писал, что сознание определяется бытием (имея в виду, что моральные ценности включены в человеческое существование и вытекают из него), и определил свободу как осознанную необходимость¹⁶. Но, как он признавался впоследствии, на самом деле его никогда не удовлетворяло столь поверхностное решение этих проблем. В опубликованном в 1903 году эссе, которое было подписано псевдонимом, прослеживая свою интеллектуальную эволюцию, он писал: «Лишь

¹⁶ #15/40, 42.

очень внимательный и чуткий читатель [«Критических заметок»] мог и тогда уже уловить в резких решениях Струве скрывавшуюся за ними внутреннюю неуверенность в правильности найденного исхода, мучившую автора, но им не сознанную и заглушенную»¹⁷. Именно это и было истинным предметом спора между Струве и Булгаковым в 1896–97 годах, в ходе которого Струве сделал несколько удивительных для постороннего взгляда уступок идеализму, говоря, что рассматриваемая с точки зрения науки свобода превращается в иллюзию, тогда как, рассмотренная с точки зрения человеческой психологии, она становится несомненной реальностью, а социальные идеалы формируются независимо от социальной реальности.

Тем не менее, судя по всему, вплоть до 1900 года Струве оставался критическим позитивистом. Что же до метафизики, то к ней он продолжал относиться со своего рода глубочайшим презрением. Весной 1897 года в рецензии на недавно вышедшую статью Владимира Соловьева он излил свое раздражение по поводу метафизики и метафизиков. Метафизика представлялась ему в лучшем случае ответвлением эстетики: «Без поэзии и вне поэзии метафизика по меньшей мере скучна и бесплодна». «Моральный императив», к которому взывал Соловьев, с точки зрения логики был полной чепухой: «Мы до сих пор думали вместе с устарелым философом Кантом, что в мире познаваемых явлений есть только одна необходимость, выражающаяся в законе причинности, и что область нравственного, как *должного*, управляется понятием свободы, которое к миру познаваемых явлений неприменимо, а потому непригодно также и для опытного, научного объяснения человеческих действий. Но г. Соловьев, «не отрицая закономерности человеческих действий», в то же время спокойно говорит о «нравственной необходимости». Не лучше ли было бы просто написать: *свободная необходимость* и тем прямо заявить о своей

¹⁷ #191/89.

полной свободе от всяких стеснительных рамок науки и логики»¹⁸.

Однако, несмотря на то, что идеализм Соловьева был отвергнут Струве весьма надменно, этические проблемы не выходили у него из головы, и он пытался ответить на вопрос: можно ли каким-либо образом подтвердить существование ценностей, которые «необходимы» в том смысле, что человек способен быть морально обязанным? По мнению Струве, позитивист может пойти одним из двух путей: «Позитивист, если он рассуждает критически и последовательно, должен быть в этике, как учении о нравственно должном, либо абсолютным скептиком (или, что то же, циником в вульгарном смысле слова), либо по меньшей мере крайним субъективистом»¹⁹.

Он решил оценить возможность совмещения морали с «абсолютным скептицизмом» и с большой осторожностью приступил к чтению Ницше. Ознакомившись с его трудами, он отверг изложенную в них позицию. Ницше, как его понял Струве, попытался устранить проблему морали, отказавшись от идеи морального долга²⁰. Но личный опыт говорил Струве, что чувство долга бесспорно существует. В размышлениях автобиографического характера он писал следующее. «Всякая моральная деятельность должна производить росчисти в душе, многое подсекать и вырывать с корнем. Словом, это есть борьба, театром которой является душа, борьба не личности с внешними силами, а борьба личности, раздвоившейся разделившейся, в себе. Как бы нравственное деяние ни было свободно, если оно есть сознательная творческая деятельность, в нем все-

¹⁸ #41. Струве поместил эту статью (первоначально опубликованную в *Самарском вестнике*) в сборник своих избранных статей «На разные темы». – СПб., 1902. – С. 187-197; однако к тому времени, когда он редактировал этот сборник, он уже перестал быть позитивистом и стыдился своих прежних атак на метафизику. Поэтому из статьи были убраны наиболее грубые пассажи.

¹⁹ #96/liii.

²⁰ #107/190.

гда много страданий, горечи и скорби, неразрывно связанных с борьбой. Но когда эта борьба закончена, победитель распоряжается не только властной, но и свободной рукой или, вернее, душой. Победитель не только пригнул, он смел и отмел своих супротивников: их нет больше в душе, они уничтожены или скрылись»²¹.

Не мог принять Струве и второй, открытый для позитивиста путь — «субъективного метода», поскольку оставался верен кантианскому дуализму, строго отделявшему свободное от необходимого. Между этими категориями принципиально не могло быть никакой формальной связи. «Бытие не вмещает в себя свободы и творчества. Эти понятия чужды бытию. Настоящее целиком определено прошлым; будущее настоящим (и, стало быть, прошлым); таким образом, все определено или предопределено. Весь мир сущего необходим: он и не мог, и не может быть иным, чем он был есть и будет, по неизменному закону своего бытия»²².

В 1900 году молодой марксист Николай Бердяев, находившийся в то время в политической ссылке, прислал Струве рукопись своей первой книги, посвященной критическому анализу социологической теории Михайловского²³. Струве принял на себя заботы, связанные с ее публикацией и, пользуясь возможностью, написал к ней предисловие, в котором в объеме двадцати тысяч слов изложил свой собственный взгляд на затронутую проблему. «Субъективный метод» продолжал быть для него неприемлемым. Прежде всего потому, что в нем смешивается феноменальное с ценностным: «субъективное психологии

²¹ #107/194.

²² #191/78.

²³ *Николай Бердяев. Субъективизм и индивидуализм.* — СПб., 1901. См. по этому поводу: *С. Франк. Биография П. Б. Струве.* — Нью-Йорк, 1956. — С. 24. На эту книгу, с которой началась литературно-философская карьера Бердяева, Михайловский написал рецензию: *Русское богатство.* — № 1, 1901. — Ч. 2. — С. 77-97.

г. Михайловский смешал с субъективным теории познания»²⁴. Кроме того, «субъективный метод» не дает какого-либо приемлемого способа для определения ценности. В конце концов, позитивистская этика всегда сводится к эвдемонизму (гедонизму). Но отождествлять добро с удовольствием значит заниматься тавтологией: «Счастье есть критерий нравственности». Но необходима оценка, или определение «счастья, к которому обязательно стремиться». Оценка — с точки зрения счастья? Но в таком случае мы вертимся в заколдованном круге»²⁵. Подробно и с очевидным наслаждением цитирует Струве критику Ницше эвдемонической морали. Время от времени он возвращается к этике Михайловского, в одном месте определяя ее как попытку удовлетворить метафизические нужды в рамках позитивизма²⁶. Теперь Струве осознает, что заслуга Михайловского в том, что он осознал заложенную в позитивизме проблему морали; тем не менее предложенное им решение этой проблемы Струве отвергает в силу того, что оно базируется на неприемлемой для него деривации (извлечении) нормативного из существующего²⁷.

В конце концов Струве не осталось ничего другого, как отказаться от позитивизма, во всяком случае, перестать видеть в нем универсальную систему. С совершенной очевидностью выяснилось, что эмпирическим способом моральные императивы не могут быть ни опровергнуты, ни выведены, следовательно, моральные ценности принадлежат другой области реальности — области трансцендентного, существующей независимо от мира феноменов. «Принудительное присутствие во вся-

²⁴ #96/xviii.

²⁵ #96/lx. Внутренние цитаты в приведенном отрывке взяты Струве из работы Михайловского «Что такое счастье?».

²⁶ #191/87.

²⁷ #191/85. 14/27 ноября 1900 года Струве держал речь на обеде, данном по случаю 40-летия литературной деятельности Михайловского: письмо Калмыковой — Потресову, без даты, написанное, вероятно, в ноябре 1900 года.

ком нормальном человеческом сознании нравственной проблемы несомненно; невозможность ее решения эмпирическим путем так же бесспорна. Признавая невозможность объективного (в смысле опыта) решения нравственной проблемы, мы в то же время признаем *объективность нравственности как проблемы и соответственно этому приходим к метафизическому постулату нравственного миропорядка, независимого от субъективного сознания*²⁸.

Если иметь в виду философские воззрения Струве, то этот пассаж, относящийся к осени 1900 года, обозначил для него своего рода Рубикон. И если бы речь шла исключительно об интеллектуальной эволюции Струве, то именно здесь надо было бы проводить линию, разделяющую ранний и последующий периоды его жизни. Поскольку вышеприведенная цитата с очевидностью свидетельствует, что, потеряв способность воспринимать позитивизм как универсальную философскую систему, он принял дуалистическую концепцию, согласно которой мир разделен на две существующие параллельно друг другу области: эмпирическую и трансцендентную, или метафизическую. Обе они объективно реальны, обеим присущи свои собственные законы: то, что нечто существует, еще не означает, что его существование имеет основания, так как желание, чтобы что-то случилось, не гарантирует, что это случится²⁹.

В процессе своих метафизических исканий Струве открыл для себя философию Фихте. Он пришел к ней отнюдь не прямым путем. Ознакомившись с теми работами Бернштейна, которые были посвящены Лассалю, он принялся интенсивно изучать самого Лассалья, ученика Фихте, успешно развивавшего его философию. И только после

²⁸ #96/liv.

²⁹ Отказ Струве от прямолинейного позитивизма не привел его к принятию субъективного метода. В отличие от Михайловского и других «субъективистов» после 1900 года он стал считать, что моральные ценности объективно обоснованы, то есть вечны и абсолютны.

этого обратился к первоисточнику³⁰. Разумеется, и Лассаля, и Бернштейна, и Струве мало интересовал тот факт, что Фихте снискал себе известность как шовинист и автор работ «Рассуждения о немецкой нации» и «Замкнутое торговое государство», — их привлекла почти забытая философия молодого Фихте, гуманиста и автора трактата «Назначение человека»³¹. Во всех философских и политических работах Струве, написанных непосредственно после 1900 года, явно просматривается влияние раннего Фихте.

Как и Фихте, Струве говорит о человеческом существе в понятиях «Я» — мыслящего и вечно борющегося индивидуума, который реализует себя в ходе непрерывного взаимодействия с внешним миром, то есть «не-Я». Правда, в отличие от Фихте, Струве для определения «Я» использует религиозную терминологию. Для него душа человека есть богоданная, «вечная и самоопределяющаяся субстанция»³². В качестве таковой она свободна, то есть способна действовать сама по себе. Согласно новым воззрениям Струве, любая метафизика должна исходить из религиозной концепции человека, в силу чего та метафизическая система, например диалектический материализм, которая не соответствует этому критерию, неприемлема³³. Жизнь есть бесконечное стремление к самоосуществлению или самореализации «Я», в процессе которого оно осозна-

³⁰ См.: *Ferdinand Lassalle. Fichte's politisches Vermächtniss und die neueste Gegenwart*, а также — *Die Philosophie Fichte's* в кн.: *Ferdinand Lassalle's Reden und Schriften* (ed. by Eduard Bernstein). — Berlin, 1892. — Vol. I. — P. 365-395, 425-461. Наиболее важной, посвященной Лассалю, работой Струве является #95, которую он завершает призывом к социалистам обратиться к философии Лассаля и Фихте: #95/299.

³¹ *C. Trautwein. Über F. Lassalle und sein Verhältnis zur Fichteschen Sozialphilosophie*. — Jena, 1913; *G. Leibholz. Fichte und der demokratische Gedanke*. — Freiburg, 1921. Согласно Leibholz'у, демократический аспект фихтеанской философии стал известен в Германии только после ее поражения в первой мировой войне. Он и Кант стали своего рода духовными основателями Веймарской республики.

³² #107/196.

³³ #93/13 и #96/1-lviii.

ет себя. Вся суть морали заключается в признании абсолютной ценности личности и абсолютности ее прав на самоосуществление. «Абсолютное добро и заключается в том, чтобы... всякий человек свободно содержал в себе и творил абсолютную истину и абсолютную красоту»³⁴.

Полагая моральные ценности вечными и абсолютными, Струве тем не менее настаивал на том, что основанное на них поведение человека имеет отнюдь не автоматический характер. Будучи «необходимой», мораль проявляется вовсе не с той «железной» обязательностью, какая превалирует в эмпирическом мире. «Если нравственное, или должное общеобязательно, то оно общеобязательно не в том смысле, в каком общеобязательно сущее. Общеобязательность долженствования предполагает всегда не только возможность, но даже реальность непризнания этой общеобязательности. “Ты должен” — всегда предполагает: “ты можешь и отрицать долженствование”. “Ты видишь, ты понимаешь” значит всегда: “ты не можешь не видеть, не можешь не понимать”»³⁵.

Именно в том и заключается специфика этики, что, несмотря на императивный характер ее принципов, они реализуются в ходе духовного конфликта. Моральный долг осознается таковым только после напряженного диалога, происходящего в переживающей раздвоение человеческой душе. В процессе реализации моральных принципов допускается свобода и сознательный выбор³⁶; секрет действенности морали заключается в специфическом смешении долга и возможности выбора, обязанности и свободы³⁷. Подобная этическая концепция очень близка к фиктеанской. Согласно Струве, свобода является необходимым компонентом этического поведения, поскольку отсутствие свободного выбора между альтернативными действиями озна-

³⁴ #96/lxiii.

³⁵ #96/xxxix.

³⁶ #96/lxix.

³⁷ #107/191.

чает отсутствие внутреннего конфликта, в силу чего действие не может иметь статус морального: «[Формальный момент определения «высшего блага»] заключается в признании индивидуальности, свободы и равенства, как необходимых условий осуществления в человеке абсолютного добра, или высшего блага. Без этих формальных условий высшая ценность жизни, воплощение в человеке абсолютной истины и абсолютной красоты не только не достижима, но и способна превратиться в свою прямую противоположность, в глубочайшую безнравственность...»³⁸

Почему «равенство» столь же необходимо, как и индивидуализм и свобода? «Я глубочайшим образом уверен в том, что идея равноценности людей, как продуманное до конца философское убеждение, опирается на идею субстанциального бытия духа, и что в этом смысле наименование «христиански-демократическая мораль» совершенно верно»³⁹.

Не существует прямого связующего звена между миром существования и миром трансцендентного, можно сказать, что эти миры соединяются внутри нашей психики, в том смысле, что крепость идеалов зависит от убежденности, что в мире вещей все идет так, как нам представляется должным. «Есть явления, которых существо, реальный смысл и эстетическая прелесть заключаются в своеобразном и таинственном сожительстве противоположных начал. Так, идеал, к которому мы стремимся, не может быть для нас вполне необходим. Если он будет сплошь окрашен в цвет необходимости, то для его осуществления не нужны наши стремления, как не нужны они для движения небесных светил и для отложения морских берегов. Но, с другой стороны, мы будем чувствовать себя страшно слабыми, если на стороне нашего идеала будет только одна сила, — наше желание осуществить его. Мы всегда сознательно ищем или бессознательно примышляем для этой силы мощного

³⁸ #96/lxiii-lxiv.

³⁹ #96/lxviii.

союзника — силу вещей. И мы будем тем увереннее в конечном наступлении идеала, чем больше работы возьмет на себя бессознательная стихийная сила вещей. Наше *свободное деяние* никогда не может исчезнуть вполне из представления об идеале, ибо иначе он распадется как таковой, превратившись из человеческого творчества в естественное течение вещей, но чем больше это последнее будет работать с нами и для нас, тем бодрее будем мы взирать на будущее. Для существования идеала как такового нужно участие нашего свободного деяния. Но для крепости этого идеала как объективного факта, для реального его воплощения в жизни нужно как можно большее участие в его созидании силы вещей. А так как все человеческое без остатка слагается из этих двух величин, то, очевидно, что возрастание одной означает умаление другой. Умаление это, однако, носит совершенно своеобразный характер в нашем случае: оно не есть вовсе уменьшение ни внутренней силы, ни моральной ценности свободного деяния. Умалаясь в сравнении с объективным фактором, свободное деяние объективно крепнет от этого умаления и в то же время совершенно не поступается своею внутреннею ценностью. Свободное деяние теряет смысл там, где вся территория захватывается силой вещей, но психологически оно может занимать очень много места и значить очень много, хотя бы в реалистически-обоснованном образе будущего ему и пришлось объективно совершенно отступить на задний план перед силою вещей»⁴⁰.

Тому, кто склонен видеть в идеях некие «функции» или «сублимации» душевных порывов и усгремлений, стоит подумать над вышеприведенными размышлениями. Что же касается Струве, то придя к мысли о существовании независимого мира моральных ценностей, он не только решил для себя проблему, которая много лет не давала ему покоя, но и обрел в этом неиссякаемый источник духовной силы. И в дальнейшем, какое бы разочарование

⁴⁰ #107/191.

ему ни пришлось испытать, а жизнь посылала ему их в изобилии, он никогда не пытался приспособливаться к «реальности». Его жизнь протекала в ощущении наличия двух реальностей: невидимый мир моральных императивов был для него не менее реален, чем видимый мир эмпирических событий. Правда невидимого мира представлялась ему независимой от перипетий реальной жизни. Эти философские убеждения позволили ему с завидной стойкостью переносить удары судьбы.

Исходя из своих новых философских взглядов Струве создал теорию либерализма, наиболее полно изложенную в его замечательной статье «В чем же истинный национализм?»⁴¹. Нельзя сказать, что его идеи были совершенно оригинальными, они восходят к идеям Фихте, Лассаля и Ивана Аксакова; тем не менее созданная им теория либерализма представляет несомненный интерес, поскольку является одной из наиболее амбициозных попыток за всю историю российской политической мысли разработать последовательную доктрину национально-демократического либерализма. (Помимо нее, в России была создана до этого только одна теория либерализма, автором которой являлся Борис Чичерин, но эту теорию отличает недемократический, консервативный характер.)

Исходным положением теории Струве является мысль о том, что наделенная богоданной душой человеческая личность может стать собой только в том случае, если имеет возможность свободно мыслить и действовать. Подобное воззрение носит чисто номиналистский характер. Личность является единственным реальным субъектом политики, и ни при каких обстоятельствах нельзя приписывать действительность таким понятиям, как го-

⁴¹ #106. Несколько лет спустя Струве писал, что эта статья была его прощанием с Россией, поскольку уже тогда он намеревался отправиться в добровольную ссылку на Запад. – *Речь*. – № 47. – 24 февраля/8 марта 1908.

сударство или нация. «Некритический и бессознательный реализм или универсализм в обществоведении и политике практически часто приводит к грубым и чреватым вредными последствиями заблуждениям. Так, когда мысленно создается фантастическое существо под именем государства, ему охотно приносятся в жертву реальные интересы (в самом широком смысле) объединенных в государственном общении людей. Но так как *существо* этого имени — фантастическое, в действительности не существующее, то на место его, конечно, тотчас становится более или менее обширная группа живых людей, для которых очень удобно давать своим, подчас низменным, интересам высокую государственную санкцию. Это почти всегда бывает в тех случаях, когда текучее общественно-правовое отношение между людьми, именуемое государством, превращается в самостоятельное существо, или субстанцию, которое можно мыслить отдельно от живых людей и их взаимодействия»⁴².

Хотя вышеприведенный пассаж направлен против консервативного национализма имперского режима и его теоретиков, нет ни малейшего сомнения в том, что в процессе его написания Струве помнил и о марксистах типа Плеханова и Ленина с их пониманием революционного «дела».

Личность вправе требовать для себя прав, как гражданских, так и политических, ибо только обладая ими она может осуществить свое предназначение в качестве человеческого существа. Права личности — вовсе не некий исторический феномен, связанный с «буржуазным» периодом истории. Истоки этих прав имеют религиозный характер. Апеллируя к работам Георга Еллинека, Струве утверждает, что понятия свободы слова и свободы совести зародились в ходе протестантских движений, имевших место в Англии и Америке в XVII и XVIII веках. И, как и все ценности, принадлежащие ми-

⁴² #106/501.

ру морального, эти свободы не относительны, а вечны и абсолютны. «Естественное право есть не только идеальное или желаемое право, призываемое или идущее на смену действующего или положительного права; оно есть право *абсолютное*, коренящееся в этическом понятии личности и ее самоопределения и служащее мериллом для всякого положительного права. ...Идея абсолютного права... составляет существенное и вечное содержание либерализма. Проблема либерализма... не исчерпывается вовсе вопросом об *организации власти*; таким образом, она шире и глубже проблемы демократии; демократия в значительной мере является лишь методом или средством для решения проблемы либерализма. ...Мы видели, наоборот, что либерализм — общенародного и идеального происхождения. Он возник в ответ на запросы религиозного сознания и получил кровь и плоть в недрах общин истинно демократических, образовавшихся путем не мифического, а реально-го «общественного договора» на девственных землях Америки. Первым словом либерализма была свобода совести. И это следует хорошо знать и твердо помнить во всякой стране, где либерализм еще не сказал ни одного слова. Я нарочно употребляю термин «либерализм». Вопреки ходячему взгляду на либерализм как на нечто мягкотелое, половинчатое и бесформенное, я разумею под этим словом строгое, точное, исключаящее компромиссы воззрение, проводящее резкую грань между правом и неправом»⁴³.

⁴³ #106/507-509. Ср.: *Georg Jellinek. Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte.* – Leipzig, 1895. Макс Вебер, который был знаком с работами Струве периода «Освобождения» (в то время Вебер изучал русский язык, чтобы иметь возможность следить за продвижением русской революции), прокомментировал его мысли в том ключе, что массовые движения начала XX века превратили идеал личных прав и свобод в старомодную идею. К либерализму Струве он относился с огромной симпатией, но одновременно и с большим скептицизмом. – *Max Weber. Zur Lage.* – S. 280.

Понимая, насколько сильна в России консервативная традиция, зиждящаяся на убеждении, что закон существует не для обеспечения гарантии индивидуальных прав (как на Западе), а для поддержания порядка, Струве решил как можно более полно обосновать тезис о том, что нельзя ограничиваться чисто формальной законностью. Законодательство должно выполнять специфические функции, прежде всего — обеспечивать гарантии прав личности. В статье «Право и права» Струве горячо протестовал против формалистского подхода к законодательству: «Им [российским гражданам] нужны не отвлеченное право и не отвлеченная от всякого содержания “правомерность”, а и конкретные права. “Правомерность” и “законность” ценны и ценятся людьми тоже не в силу присущих этим началам *внутренних* достоинств, а потому что в реальной, правовой жизни народа они соединяются с конкретным содержанием, с ценными для человеческой личности и для целых общественных групп “правами”. ...Иначе говоря, правовой порядок ценен не только потому, что он выражает собой господство объективного и бесстрастного права, а и потому, что, благодаря господству этого объективного и безличного права, обеспечиваются важнейшие интересы человеческой личности, облеченные в форму прав. ...Для того, чтобы обыватель-крестьянин имел основания “перекреститься” перед законом, необходимо, чтобы “закон” утешал не только своей формой, но и своим содержанием, чтобы закон расширял свободу крестьянина, то есть подымал его личность, давал ему “права”»⁴⁴.

Наличие гарантий индивидуальных прав является важным фактором в любую историческую эпоху, но в но-

⁴⁴ #100/89-90. Ср. положительный отзыв в: *Вестник Европы*. — № 2. — февраль 1901. — С. 888-889. Тех же взглядов Струве придерживался в 1897 году, в период своей наибольшей марксистской «ортодоксальности»: #42/230. Главным сторонником формального легализма в России был, возможно, Н. М. Коркунов: см. его «Русское государственное право». — Т. 1. — СПб., 1893. — С. 215-222.

вых условиях этот фактор приобрел исключительную важность, поскольку мощное развитие техники и все большего количества сложных технологий расширяло возможности государственной власти. Струве вовсе не смотрел на этот процесс как на исключительно негативный, однако полагал, что он должен быть уравновешен соответствующим усилением сферы индивидуального: «Никогда, ни в одну историческую эпоху отсутствие у личности отверженных в праве прав не грозило такою культурною опасностью, как в веке огромных государств с превосходною сетью железных дорог, телеграфов, телефонов, с их точно работающим, «просвещенным» бюрократическим «аппаратом». Современная техника, конечно, оказывает огромные услуги личности и ее смелым исканиям новых путей и содержаний жизни. Но недаром она основана на принципах концентрации и централизации силы, девиз которых: у кого мало, у того отнимется и малое, у кого много, тому и дастся многое. Там, где централизованный государственный механизм заведует всем, указывает всему предел и меру, всюду проникает, все улавливает, управляет настоящим и стремится преднаправить будущее, — там современная техника (в широчайшем смысле этого слова) неизмеримо больше идет на пользу централизованному аппарату власти, чем самодеятельной личности.

Если «христианство не нуждалось ни в свободе печати, ни в свободе собраний для того, чтобы завоевать мир», то только потому, что оно пользовалось в сущности почти беспредельной свободой слова и общения. В те эпохи, когда технические средства государства и власти были крайне несовершенны и произвол не был еще упорядочен, его господство было гораздо менее всеобъемлющим и потому менее вредным для культурного и в особенности для духовного творчества, чем в наше время. Не было ни книг, ни журналов, ни газет, но зато не было ни цензуры, ни полиции, и не могло их быть, потому что и эти учреждения требуют для своего развития и

усовершенствования известных технических средств. Известно, что в классической стране свободы печати цензура пала не только или не столько вследствие ясно-го сознания ее неправомерности как таковой, сколько в силу технических несовершенств полицейского аппарата... Английская свобода вообще исторически связана с неповоротливостью государственного, или, иначе, административного аппарата Англии.

Отсюда ясно, что там, где субъективные права не отвержены в праве, технический (в широком смысле слова) прогресс, подхватываемый и усваиваемый всего лучше и полнее централизованным государственным аппаратом в некоторых, и очень существенных, отношениях, ухудшил и ухудшает позицию личности как творца новой культуры, как искателя новых путей.

В этом заключается огромное культурное зло, источник, обильно питающий в обществе грубейший материализм и угрожающий национальной культуре оскудением животворными духовными силами, порывами и интересами. В самом деле, область культурного творчества оказывается произвольно разделенной на две части. Та часть, которая представляет непосредственное поприще для человеческого духа, где творится религиозная, политическая и общественная культура, всячески ограждается от вторжения свободного почина личности и свободных союзов; здесь господствует принцип, недавно с холопским цинизмом вылитый в формулу: «никакого сомнения в разумности приказанного». Зато личности и свободным союзам довольно «либерально» предоставляется низменная сфера материальных интересов; здесь допускается некоторая свобода и сюда же направляется главный поток попечительных забот, грубо, на восточный лад, воспроизводящих знаменитое: *Enrichissez vous*. Искание новых путей для духа и жизни заменяется погоней за материальными выгодами и наслаждениями. Так национальная культура пропитывается и отравляется ядом практического материализма; особенно и даже ис-

ключительно пагубно это отражается на высших классах населения, для которых участие в выгодах обогащения гораздо легче и гораздо осязательнее, чем для народной массы, до сих пор неизменно остававшейся и остающейся за штатом на банкете мира сего. Между тем из этих классов вербуются большая часть интеллигенции в лице бюрократии, оказывающей такое властное влияние на всю народную жизнь»⁴⁵.

«Материальное могущество современного государства есть, таким образом, совершенно новый и специфический фактор, характерный для нашей эпохи. Культурное значение его, очевидно, совершенно различно в зависимости от того, противостоит ли государству, вооруженному всеми новейшими приобретениями промышленной, административной и иной техники, облеченная правами личность или нет. Иначе говоря: что значит рост материального могущества государства, создаваемый и обеспечиваемый прогрессом техники всякого рода, там, где права личности не отвернулись в право, где господство или признание права объективного не сопровождается безусловным признанием прав субъективных? Эта проблема, имеющая огромный интерес для философии культуры, а стало быть, и права, есть в то же время, по нашему глубочайшему убеждению, основная, поглощающая все остальные, проблема современной культуры»⁴⁶.

Истинный национализм — Струве был твердо убежден в этом — основывается на либерализме. Цитируя Аксакова, он нападает на идеологию официального национализма, привязывающего национальный дух к определенным «готовым, уже найденным “народным началам”». Национальный дух не есть нечто фиксируемое и застывшее, он все время развивается и изменяется. Это еще один аргумент, который, согласно Струве, свидетельствует о необходимости обеспечения прав и свобод инди-

⁴⁵ #106/524-527.

⁴⁶ #106/523.

вида. «Либерализм в его чистой форме, то есть как признание неотъемлемых прав личности, которые должны стоять выше посягательств какого-либо коллективного, сверхиндивидуального целого, как бы оно ни было организовано и какое бы наименование оно ни носило, и есть единственный вид истинного национализма, подлинного уважения и самоуважения национального духа, то есть признания прав его живых носителей и творцов на свободное творчество и искания, созидание и отвержение целей и “форм” жизни»⁴⁷.

Струве находит замечательную метафору, показывая, что в процессе взаимоотношения со своей страной человек находится одновременно и в положении ребенка, и в положении родителя: в качестве ребенка он наследует, в качестве родителя завещает.

Струве был убежден, что Россия стоит на пороге беспрецедентного подъема национальной культуры, безусловным свидетельством чего в его глазах являлся тот факт, что в самом конце XIX века в стране развернулись религиозные дебаты.

«Может существовать общество, которое живет лишь стихийною жизнью, не ощущает никакой потребности и не в силах двигать культуру, то есть *сознательно* ставить и *самочинно* разрешать ее задачи; общество, где все может идти вперед только по мановению государства, его силами, по его указке; общество, которое рассматривает культуру как государственную повинность и пред которым культура выступает в образе полиции (не в фигуральном, а в научном смысле этого слова). Таким было в общем и целом русское общество на всем пространстве XVIII века. Современное русское общество не таково. От вершин интеллигенции (в лице национального героя мыслящей России Льва Толстого) и до низин народных оно сознательно и самочинно творит культуру, работая над разрешением высших ее задач —

⁴⁷ #106/512.

религиозных, выдвигая их, как христианство первых веков и реформация нового времени, рядом и в связи с проблемами моральными и социальными. Этой особенностью нашего времени — упорной работе народного сознания над религиозной проблемой (работе, которая не есть просто мучительное *недоумение*, каким был раскол), мы придаем огромное значение: в ней видится нам явственный знак культурной зрелости русского народа в его целом и благое предзнаменование широкого подъема национальной культуры. Как ни тягостны те условия, в которых происходит процесс творчества национальной культуры, мы готовы с радостным сердцем повторить классические слова Гуттена: “Die Geister sind erwacht: es ist Lust zu leben!” — “Души пробудились: какое счастье быть живым!”⁴⁸.

⁴⁸ #106/523-524.

Глава 13

Истоки Союза освобождения

Если, перебирая эпизоды биографии Струве, оценивать их с точки зрения значимости для его политической деятельности, то и по длительности, и по важности либеральный период окажется ничуть не менее значительным, чем социал-демократический. Тем не менее структура и замысел данного исследования не могут быть полностью реализованы в соответствии с этим обстоятельством, что объясняется недоступностью необходимых источников информации. На сегодняшний день мы не располагаем достаточно полной информацией для того, чтобы должным образом воссоздать историю российского либерализма. Основное количество документов, относящихся к периоду формирования Конституционно-демократической партии, то есть к периоду, в течение которого Струве внес свой главный вклад в теорию либерализма, находилось в архиве Союза освобождения, безвозвратно утерянном, либо, вполне возможно, сознательно уничтоженном еще до того, как с ним могли ознакомиться историки¹. Не луч-

¹ По словам проф. Глеба Струве, сына П. Б. Струве, в тот момент, когда разразилась революция 1917 года, архив Союза освобождения находился в квартире его отца. Согласно его же сообщению, в конце 1917 года, когда Петр Струве уехал на юг, чтобы присоединиться к белому движению, он передал архив на хранение С. Ф. Ольденбургу, секретарю Российской Академии наук. Существует также свидетельство, что архивы Конституционно-демократической партии, в которую преобразовался

шим образом обстояли дела и с другими материалами — невозможно было даже установить местонахождение большинства из них. Многие хранились в архивах, контролируемых Центральным архивным управлением министерства внутренних дел, то есть службой госбезопасности. Понятно, что при этом все делалось для того, чтобы материалы, относящиеся к истории русского либерализма, оставались недоступны для историков, поскольку содержащаяся в них информация могла поколебать официальную версию, гласившую, что единственной, решительно и бескомпромиссно противостоящей царизму силой были большевики. Здесь историки столкнулись с пикантной ситуацией: коммунистическая полиция утаивала от них досе на антимонархическую оппозицию, собранное в свое время царской полицией. В числе этих материалов находились и документы Конституционно-демократической партии и Русского Исторического архива в Праге, который был затребован советским правительством в 1945 году². Иными словами, вследствие недоступности необхо-

Союз освобождения, были засекречены большевиками после обнаружения их во время чистки 1930 года во взятом под контроль Хранилище рукописей Академии наук. Они были переведены в Центральный Исторический архив (*Красный архив*. — № 46, 1931. — С. 38, 42), а оттуда попали в Центральный Государственный Исторический архив в Москве (ЦГИАМ). Однако, согласно каталогу этого архива (Центральный Государственный Исторический архив в Москве. — Путеводитель. — М., 1946. — С. 104), в Фонде 523, содержащем материалы Конституционно-демократической партии, нет документов периода до 1905 года. Этот факт наводит на мысль, что в этом архиве нет документов, касающихся Союза освобождения. Поскольку ни в одном из изученных мною советских исследований не содержится ссылок на архивные материалы, относящиеся к Союзу освобождения, остается сделать вывод, что они либо уничтожены, либо тайно где-нибудь хранятся.

² Некоторые материалы, касающиеся Союза освобождения, собранные заграничными агентами полиции, хранятся в Архиве охраны в Институте Гувера (Stanford, California) и будут процитированы ниже. Среди рукописей вывезенного в Москву Пражского архива находится неопубликованная история Союза освобождения, написанная В. Водовозовым, см.: *George Fisher. Russian Liberalism*. — Cambridge, Mass., 1958. — P. 142n-143n.

димых материалов, у автора не было возможности глубоко и подробно проследить жизнь Струве в либеральный период его деятельности.

Мы покинули Струве в марте 1901 года, когда он должен был отправиться в административную ссылку в Тверь. Он прибыл туда в начале апреля и сразу же погрузился в исследования, связанные с аграрной историей этого региона. В ходе этой работы им были обнаружены новые факты, убедительно подтверждающие его концепцию дореформенной экономики России; позднее они были вставлены в новые редакции его статей по этим вопросам, вышедших в виде книги в 1913 году³. В Твери также были написаны несколько дискуссионных статей, посвященных философии и политике либерализма, о которых говорилось в предыдущей главе. Там же была проведена работа по подготовке к публикации сборника избранных статей, получившего название «На разные темы» и опубликованного весной 1902 года⁴.

Но совершенно очевидно, что в то время, когда страна буквально бурлила от деятельности огромного количества оппозиционных правительству групп, стремящихся организовать в партии, столь приверженный политике человек, как Струве, не мог не тяготиться тем, что его жизнь ограничена рамками исключительно научной и редакторской работы. Вынужденное условиями ссылки бездействие раздражало его, и он начал мечтать о том, чтобы уехать за границу. Петрункевич, который в то время так-

³ П. Б. Струве. Крепостное хозяйство. – СПб. – М., 1913.

⁴ О том, что Струве закончил редакторскую работу над этой книгой (#132) еще в Твери, нам известно из посланного из этого города недатированного письма Струве – С. А. Венгеру (Пушкинский Дом – СПб. – Фонд 377. – № 10476). Предисловие, датированное мартом 1902 года, по всей вероятности, написано уже в Германии. Струве был удивлен тем, что цензура разрешила публикацию книги, поскольку после своего ареста в марте 1901 года он был вынужден публиковать свои статьи анонимно. – Письмо Струве – Гансу Дельбрюку от 9 июля 1902 года, в которое был вложен экземпляр «На разные темы».

же жил в Твери под полицейским надзором, позже вспоминал, что Струве говорил ему о том, что намерен покинуть Россию и готов, в случае необходимости, сделать это нелегальным способом⁵.

Прежде всего он хотел издавать журнал типа проектировавшегося в свое время *Современного обозрения*; ему было все равно, какое название будет иметь это издание, главное, чтобы с его страниц зазвучал заглушаемый правительством голос совести страны, как это в свое время было с *Колоколом* Герцена и *Свободным словом* Драгоманова. Позднее, когда он осуществил этот проект, то открыто сравнивал свою литературную деятельность с деятельностью этих двух своих предшественников: «Продолжать [дело] Герцена и Драгоманова не значит просто повторять их идеи. Это значит питать и распространять тот широкий, не скованный никакими доктринами и в то же время твердый дух борьбы за всестороннюю свободу личности и общества, который все время, как огонь неугасимый, поддерживали эти два деятеля свободного русского слова»⁶.

Пока Струве вынашивал эти планы, конституционалисты «Беседы» решили издавать за границей периодический орган своей партии⁷. В качестве наиболее подходящих кандидатов на пост главного редактора были названы Милюков и Струве; обе кандидатуры были подробно обсуждены. Казалось бы, наиболее подходящей из них был Милюков: он был старше (ему было 42 года, а Струве — 31), имел репутацию оппозиционера, не связанного с радикальными организациями; кроме того, обладая, как и Струве, широ-

⁵ И. И. Петрункевич. Из записок общественного деятеля. — Архив русской революции. — Т. XXI. — 1934. — С. 336. Петрункевич датирует свою встречу со Струве 1902 годом, что неверно.

⁶ #254/15. Струве вообще любил проводить аналогию между ситуацией в России времени Герцена и современностью, см., например: #98/xiii-xiv; #111/2; #124/105.

⁷ Это решение, судя по всему, было принято в конце июня 1901 года на тайной встрече земцев. — Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение. — *История СССР*. — № 5, 1965. — С. 50.

чайшим кругозором, он не отличался столь характерным для последнего интеллектуальным эксцентризмом. (О Миллюкове говорили, что он в одиночку способен сформировать номер газеты, начиная с политических новостей на первой странице и кончая шахматным разделом на последней.) Однако Миллюков только что вернулся из Болгарии, где провел несколько лет в добровольном изгнании после того, как лишился своего поста в Московском университете. Казалось немилосердным просить его о повторной эмиграции, притом что на этот раз она могла оказаться вечной. Кроме того, в качестве действующего политика Миллюков мог быть гораздо более полезным в России, чем за ее пределами. В конце концов, Миллюков и конституционалисты «Беседы» согласились на том, что пока Миллюков останется там, где он в то время находился, то есть в Финляндии, и будет ожидать развития событий⁸.

Что же касается Струве, то относительно него у конституционалистов подобных сомнений не возникало, поскольку они считали его политической однодневкой. Однако здесь возникали сомнения иного рода. Его яркие, пронизанные либеральным духом статьи произвели на либералов весьма благоприятное впечатление, особенно это относилось к предисловию к меморандуму Витте и эссе «Право и права»⁹. Однако, несмотря на то, что его приверженность идеям либерализма не вызывала сомнений, его политическая позиция казалась неопределенной. Всем была известна его склонность к непредсказуемым сменам интеллектуальной позиции и решительность в отстаивании своего права делать это в любое время исходя исключительно из собственного желания. Кроме того, его недавняя и широко известная дружба с социал-демократами тоже отнюдь не говорила в его пользу, поскольку это

⁸ *И. И. Петрункевич. Из записок...* – С. 337.

⁹ *Д. Шаховской. Союз Освобождения. – Зарницы. – Вып. 2. – СПб., 1909. – С. 85; Л. Мартов и др. Общественное движение в России в начале XX века. – Т. 1. – СПб., 1909-1914. – С. 386-387; Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918. – С. 177, 186.*

обстоятельство могло оттолкнуть от конституционалистов часть консервативно настроенных земцев. Поэтому конституционалисты, отказавшись от кандидатуры Милюкова, достаточно долго колебались в отношении кандидатуры Струве¹⁰. Петрункевич, часто встречавшийся со Струве в Твери и державший его в курсе всего, что происходило в конституционалистском лагере, в своих мемуарах писал, что даже не считал нужным проинформировать Струве о том, что конституционалисты решили организовать эмигрантское издание¹¹.

Что именно побудило Струве уехать за границу и принять на себя пост редактора *Освобождения*, до конца не выяснено. Милюков утверждал, что это он, отвергнув сделанное ему предложение, предложил вместо себя кандидатуру Струве¹². Сам Струве не оставил детального описания этого эпизода своей жизни, но утверждал, что где-то в 1901 году в Тверь внезапно приехал Д. Е. Жуковский и, положив перед ним 30000 рублей золотом, сказал, что эти деньги должны быть использованы на создание эмигрантской газеты, «которая предназначена исключительно для пропаганды идеи создания конституционного правительства в России»¹³. Жуковский, который до этого был одним из спонсо-

¹⁰ И. П. Белокопский. Земское движение. – М., 1914. – С. 92-93; И. И. Петрункевич. Из записок... – С. 336-337.

¹¹ И. И. Петрункевич. Из записок... – С. 337.

¹² В своих мемуарах Милюков сообщает, что это он рекомендовал Струве на пост редактора. – П. Н. Милюков. Воспоминания. – Т. 1. – Нью-Йорк, 1955. – С. 197. Однако его записки, относящиеся к периоду «Освобождения», но сделанные во время второй мировой войны во Франции, изобилуют неточностями и ошибками.

¹³ P. Struve. My Contacts and Conflicts with Lenin. – *The Slavonic and East European Review*. – V. XII. – № 36. – April 1934. – P. 81. В этой публикации Струве не называет Жуковского по имени, поскольку тот жил в Советском Союзе и обнародование этих фактов могло иметь для него весьма нежелательные последствия. Последней из занимаемых им в СССР должностей, о которой нам известно, была скромная должность ассистента на факультете ботаники Крымского педагогического института в Симферополе: Академия наук СССР «Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда». – Л., 1928. – С. 131. Он был репре-

ров *Искры* и так и не ставшего реальностью *Современного обозрения*, был другом и последователем Струве. Именно соблазнительный блеск его денег стал главной побудительной причиной того усердия, с которым Ленин и Потресов стремились вовлечь Струве в их издательское предприятие. Жуковский был достаточно богат для того, чтобы позволить себе выложить из своего кармана эти 30000. Возможно, так оно и было, а может быть, эта сумма была собрана им совместно с другими почитателями Струве. Как бы то ни было вряд ли эта сумма была взята из средств земских конституционалистов, собравших на издание своего органа 100000 рублей, поскольку они были выданы Струве только в следующем году. Однако Струве не слишком волновало, откуда взялись предложенные Жуковским деньги — единственное, что его интересовало, будет ли ему как редактору предоставлена полная самостоятельность. На этот вопрос Жуковский ответил утвердительно, поставив, правда, при этом единственное условие: предполагаемое издание никоим образом не будет зависеть от социалистов¹⁴.

Получив от Жуковского деньги, Струве решил больше не тянуть с отъездом и подал прошение о выдаче паспорта ему и его семье. Теперь все зависело от бюрократической машины. Наконец, в конце года власти выдали паспорт Нине, которая была уже на седьмом месяце беременности. В середине ноября (нов. ст.) она вместе с детьми уехала в Монтрё, еще не зная, когда к ней сможет присоединиться ее муж¹⁵. Он приехал в конце де-

сирован где-то в 1930 годах и, судя по всему, погиб в сталинских лагерях. — А. Тьркова-Вильямс. На путях к свободе. — Нью-Йорк, 1952. — С. 172-173. Тот факт, что он передал Струве 30000 рублей золотом, установлен по письму Струве — Н. А. Цурюкову от 31 марта 1938. Письмо хранится в Hoover Institution, Stanford, California.

¹⁴ P. Struve. My Contacts and Conflicts with Lenin. — P. 81. «Современное обозрение», которое Жуковский тоже собирался финансировать, естественно, должно было избавиться от социал-демократического покровительства.

¹⁵ Письмо Нины Струве — Потресову из Монтрё от 3/16 ноября 1901 года.

кабря¹⁶. Вполне осознавая всю серьезность этого шага, Струве полагал, что приговорил себя по крайней мере к двадцати годам эмиграции и что ему, вполне возможно, как и Герцену, никогда больше не придется увидеть Россию¹⁷ — настолько он был уверен, как, впрочем, и все его поколение, в незыблемости царского режима.

Оказавшись в Швейцарии, Струве начал рассылать повсюду письма с призывами поддержать его планы. Он рассчитывал, что все эмигрантские группы — социалисты, либералы, беспартийные, этнические меньшинства — так или иначе помогут литературному предприятию, единственной целью которого является свержение самодержавия.

Среди тех, с кем он попытался связаться в первую очередь, были его прежние друзья — социал-демократы. 30 декабря 1901 года Струве писал Аксельроду: «Хотя я и разошелся во взглядах с Вами и Вашими ближайшими со товарищами по делу, тем не менее у меня по отношению к Вам сохранились самые лучшие чувства».

Неизвестно, последовал ли на это письмо какой-либо ответ. В начале нового, 1902 года Струве приехал в Мюнхен, чтобы встретиться с редакторами *Искры*. Ленин наотрез отказался от этой встречи. Крупская, присутствовавшая при встрече Веры Засулич и Нины Струве, друживших еще в школьные годы, утверждала, что от этой встречи «пахнуло какой-то тяжелой достоевщиной», поскольку Струве жаловался на то, что оскорблен поведением редакции *Искры*, и всячески старался привлечь внимание к своей особе. Сама Крупская пришла к выводу, что Ленин повел себя правильно: по отношению к «партии» Струве стал абсолютным чужаком. На следующий день Нина послала Крупской коробку с мармеладом, и на этом

¹⁶ Письмо Струве — Аксельроду из Монрё от 30 декабря 1901 года; *Россия и славянство*. — № 196. — 27 августа 1932.

¹⁷ П. Струве. О чем ведется тяжба? — *Вестник партии народной свободы*. — № 2. — 11 января 1907. — С. 77; С. Франк. Биография П. Б. Струве. — Нью-Йорк, 1956. — С. 32.

попытки завязать с *Искрой* какие-либо отношения с целью дальнейшей кооперации закончились¹⁸. Стало очевидно, что с этой стороны помощи ожидать не приходится. Став неоспоримыми лидерами движения, Плеханов и Ленин больше не хотели иметь дела с «либеральной буржуазией». Это сильно пошатнуло надежду Струве организовать общенародную антимонархическую коалицию, в которой социал-демократы, заявлявшие о своей приверженности политической свободе, могли бы стать мощными союзниками либералов. Однако Струве решил подождать более подходящего момента. Он был абсолютно убежден, что для российской социал-демократии нет другого пути, кроме того, по которому пошли немецкие социал-демократы, то есть постепенного движения вправо, в сторону либерального реформизма, и продолжал надеяться на восстановление столь презрительно отвергнутой дружбы; при этом одним из принципов его редакторской политики стало игнорирование язвительных наскоков *Искры*¹⁹.

Переговоры с социалистами-революционерами, напротив, прошли благополучно. Последние не видели в либералах соперников и продемонстрировали явное стремление к сотрудничеству в борьбе против самодержавия. «Нам выгоднее иметь дело с либеральным режимом, чем с самодержавным», — писал орган эсеров, газе-

¹⁸ Ленинский сборник. — Т. III. — 1924. — С. 43-44.

¹⁹ Кускова категорически утверждает, что в 1902 году Струве и Ленин договорились о сотрудничестве. — *Новое русское слово*. — 21 октября 1945. Это утверждение противоречит всему, что известно об отношениях Струве и Ленина после 1900 года, так же как и утверждение о том, что Струве открыто отказался от каких-либо взаимоотношений с Лениным в то время, когда работал в *Освобождении* (*My Contacts and Conflicts with Lenin*. — P. 82). Скорее всего, в сознании Кусковой переплелись январское соглашение 1901 года относительно *Современного обозрения* и то, что происходило с *Освобождением* в 1902 году. 11 октября 1902 года Струве в письме Аксельроду скорее с сожалением, чем со злостью, писал о нападках *Искры* на всех ее политических соперников и добавил: «...вообще постановка вопроса о «гегемонии» в революционной борьбе не может вызвать ничего, кроме морального недоумения и сожаления».

та *Революционная Россия*. И далее: «Вот почему мы признаем, что не только мы можем оказать либералам большие услуги — если только, конечно, либералы сумеют воспользоваться нашей работой, — но и либералы смогут, если захотят, оказать немаловажные услуги нам, нашему общему делу политического освобождения России»²⁰. Социально разнородное окружение либералов казалось социалистам-революционерам той самой средой, в которой они могут пополнить свои ряды. Представители социалистов-революционеров принимали самое активное участие во всех предприятиях, которые затевались и финансировались конституционалистами. Особую активность при этом проявляла фракция, позднее отколовшаяся от партии социалистов-революционеров и сформировавшая собственную партию — Народных социалистов.

Что касается национальных меньшинств, то Струве удалось установить тесные рабочие связи с финской оппозицией и, кажется, с еврейским Бундом²¹.

Струве хотел назвать свое издание «Свобода» — по названию той самой фиктивной организации, от имени которой он в январе 1901 года заключил соглашение с *Искрой*. Но пока он вынужденно находился в Твери, это наименование использовала одна из групп, которая откололась от социалистов-революционеров и завела свое собственное периодическое издание. Поэтому Струве пришлось взять другое название — *Освобождение*. Договор об издании и распространении был заключен с фирмой J. H. W.

²⁰ *Революционная Россия*. — № 9. — июль 1902. — С. 5.

²¹ В июле 1902 года Мартов, услышав от Плеханова, что Струве имеет дело с Бундом, написал Плеханову, что хочет обрушиться на бундовцев с вопросом «*Правда ли?*»: «Правда ли, что одна социалистическая организация решилась оказывать за деньги существенные услуги буржуазной партии, группирующейся около «Освобождения»?» — Письмо Мартова — Плеханову из Парижа от 12 июля 1902 года. — Дом Плеханова. — Санкт-Петербург. — V.281.9.). Возможно, Мартов уже успел забыть о том, что всего полтора года назад его же собственные товарищи, в том числе и Плеханов, за деньги были готовы оказывать подобные услуги этой самой «либеральной» партии.

Dietz в Штутгарте — главным издателем Германской социал-демократической партии. Эта же фирма издавала и *Искру* и *Зарю*, поэтому Дитц держал в штате трех русских наборщиков.

В марте 1902 года Струве приехал в Штутгарт. Однако поселился он не в самом городе, а в пригороде — в поселке Гайсбург, где арендовал квартиру. Возможно, что это было сделано по соображениям безопасности, поскольку в Гайсбурге было всего несколько сотен жителей, которые хорошо знали друг друга и большинство из которых придерживалось социал-демократических убеждений: в таких условиях полицейские агенты практически не могли сохранить анонимность. Выбор места жительства оправдал себя: германский отдел охраны испытал немалые затруднения, пытаясь наладить слежку за Струве и установить его связи. Квартира Струве в Гайсбурге имела шесть комнат и находилась в большом доме на Schlosstrasse, 84; этот дом называли Замком. Квартира служила пристанищем не только для семьи Струве (жена, четверо детей, овдовевшая мать жены и два человека русской прислуги) — здесь же находилась и редакция газеты. Кроме Струве в этом доме снимали квартиры отставной учитель немецкой гимназии и вдова немецкого архитектора — с ними у Струве сложились дружеские отношения. Р. Стрельцов, молодой русский радикал, выполняющий обязанности секретаря редакции, снял квартиру недалеко от Струве²².

Пока Струве занимался редакционно-организационными делами в Германии, Яковлев-Богучарский, избранный им на роль основного сотрудника редакции, работал над тем, чтобы организовать поток журналистских материалов из России. Этот соратник Струве начал свою политическую деятельность как народоволец, после чего прошел проторенным путем через социал-демократию к социал-либерализму и теперь принял на себя функции организатора литературно-журналистского базиса *Осво-*

²² Архив охраны. — Hoover Institution. — Index XIIIb (1). — Folder 1C.

бождения (Струве проектировал его на эту должность, еще когда речь шла об издании *Современного обозрения*). В 1902 году Богучарский посетил Тулу, Курск, Харьков и Крым и везде получил согласие на предложение о сотрудничестве²³. Среди тех, кто обещал писать для *Освобождения*, были М. Горький (в то время большой поклонник Струве)²⁴ и Чехов. Однако Поссе, которому Богучарский предложил войти в состав редакции, отказался, сославшись на то, что намерен уехать в Лондон и возобновить издание своего запрещенного ежемесячника *Жизнь*²⁵.

До определенного момента Струве и Богучарский представляли только самих себя. Струве не устанавливал никаких формальных связей с земскими конституционалистами, хотя некоторые из них и обещали ему личную поддержку²⁶. Несмотря на то, что прошел уже год с того момента, как конституционалисты решили издавать свой эмигрантский орган, у них все еще не было ни редактора, ни газеты. Узнав в феврале 1902 года, что Струве находится за границей и собирается выпускать независимое либеральное издание, они делегировали в Штутгарт Д. И. Шаховского и Н. Н. Львова с тем, чтобы те на месте сориентировались, насколько реальна возможность объединения со Струве²⁷. Оба эмиссара приехали в Штутгарт в марте, привезя с собой составленное Милюковым программное заявление, которое было одобрено на состоявшейся в Москве

²³ *И. П. Белоконский*. Земское движение. – М., 1914. – С. 92-93. Личность неназванного Белоконским человека, чьи записи он цитирует, можно установить по: *С. Франк*. Биография Струве. – Нью-Йорк, 1956. – С. 31; *М. Горький и А. Чехов*. – М., 1937. – С. 87.

²⁴ *В. А. Поссе*. Мой жизненный путь. – М.-Л., 1929. – С. 242.

²⁵ *И. П. Белоконский*. – С. 93; *В. А. Поссе*. Мой жизненный путь. – С. 292.

²⁶ *Д. Шаховской*. Союз Освобождения. – *Зарницы*. – Вып. 2. – СПб., 1909. – С. 85.

²⁷ *И. И. Петрункевич*. Из записок. – С. 337. Шаховской пишет, что он нанес визит Струве в компании двух земцев, с которыми тот раньше не был знаком (*Д. Шаховской*. Союз Освобождения. – С. 86-87); все другие источники говорят только о двух визитерах (например, *И. П. Белоконский*. – С. 93).

встрече конституционалистов²⁸. Программа Милюкова включала в себя положения, которые позже вошли в октябрьский манифест: о гарантии гражданских свобод, равенстве перед законом и создании демократически избираемого парламента, контролирующего работу кабинета министров и бюджет²⁹.

Сам Струве полностью одобрял милюковскую программу, о чем он написал, представляя ее читателям в первом номере *Освобождения*³⁰. Тем не менее он наотрез отказался от предложения Шаховского и Львова принять ее в качестве идеологической платформы выпускаемого им издания. В 1902 году Струве считал, что для того, чтобы обеспечить успех движению за конституцию, необходимо заручиться поддержкой земств, единственного средоточия легальной оппозиционной активности в стране. Однако большинство земцев в тот период были настроены антиконституционалистски. Поэтому отождествление *Освобождения* с конституционалистами могло отвлечь от него земское движение. Струве же продолжал верить, что рано или поздно славянофильски настроенные земцы сдвинутся влево, точно так же, как он верил в то, что социал-демократы со временем поправеют: сама логика жизни должна будет привести их к этому. Разумеется, полагал Струве, такого рода эволюция должна проходить постепенно, естественным образом, как реакция на усиливающееся давление со стороны самодержавия, а не со стороны конституционалистов. Иными словами, Струве считал, что чем меньше в данный момент будет сказано о том, что должно прийти на смену царизму, тем успешнее будет продвигаться дело его свержения. По мнению Струве, ло-

²⁸ И. П. Белокопский. – С. 93.

²⁹ От русских конституционалистов. – *Освобождение*. – № 1. – 18 июня/ 1 июля 1902. – С. 7-12. В своих мемуарах Милюков изображает себя посредником-миротворцем, зорко следившем за тем, чтобы оградить движение от левосторонней ориентации Струве. – П. Н. Милюков. Воспоминания. – Т. 1. – С. 236, 238.

³⁰ *Освобождение*. – № 1. – 18 июня/ 1 июля 1902. – С. 7.

зунгом *Освобождения* должен быть простой и понятный, спланирующий всех призыв: «Долой самодержавие!» Он был уверен, что только на этом пути возможно формирование общенационального фронта оппозиции. В открывающей первый номер *Освобождения* редакционной статье (эта статья, отпечатанная в виде отдельной листовки, широко циркулировала по всей России) он писал: «[*Освобождение*] будет развивать положительную программу широких политических и общественных реформ. Это не означает, однако, что редакция от себя предложит читателям готовую программу, содержащую по пунктам решение всех основных вопросов необходимого для страны коренного преобразования. Такая программа должна быть еще выработана общественными деятелями нашей страны и, прежде всего, деятелями самоуправления. Не дать программу им, а получить ее от них — вот на что рассчитывает редакция *Освобождения*»³¹. Иными словами, *Освобождение* должно было стать повивальной бабкой российской свободы. Что же касается Струве, то продемонстрированный им «негативный» политический прием вполне соответствовал тем принципам, которые он год назад разработал для *Современного обозрения*.

Два дня между Струве и его визитерами шли горячие споры, посвященные вопросам стратегии, однако необходимо заметить, что решения, принятые в ходе этих споров, никак не сказались на будущем либерального движения в России³². Несмотря на существование уже двух партий социалистов (эсдеки и эсеры), Милюков хотел организовать собственную партию, для которой было необходимо сформулировать конкретную политическую программу. Струве же мыслил более широко — в общенациональных масшта-

³¹ #111/5. Редакционная статья Струве наделала шуму и за границей. Дельбрюк перевел ее для *Preussische Jahrbücher*. — August 1902. — S. 364-368 и обратил внимание читателей на то, что в ней автор пытается скомбинировать «европейские идеи с российским народным патриотизмом».

³² Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 86-87.

бах. Он стремился поднять на борьбу с царизмом все силы — политические организации, социальные группы, этнические меньшинства. Фактически он хотел сформировать то, что на более современном политическом языке стало называться «народным фронтом». Однако прежде чем формировать такой фронт, необходимо было создать достаточно специфическую программу, руководствуясь которой, можно было бы разрешать неизбежно возникающие разногласия³³. Иными словами, Милюков и Струве пытались идти настолько разными путями, что конфликт между ними, положивший начало их политическому соперничеству, был неизбежен; это соперничество, то затихая, то вспыхивая с новой силой, тянулось около сорока лет, вплоть до смерти обоих; однако можно сказать, что в данном конкретном случае победителем оказался Струве. Вняв его доводам, конституционалисты решили пока не составлять собственной политической программы и приняли антимонархический лозунг в его открыто-негативной форме. В итоге вместо либеральной партии появилось «освободительное движение», идею которого Струве вынашивал с 1899 года. И в течение 1902–1904 годов, то есть того периода, на протяжении которого решалась судьба самодержавия, либеральное движение придерживалось той стратегии, автором которой был Струве.

Удачно складывались и редакторские дела Струве. Шаховской и Львов передали ему 100000 рублей — сумму, собранную их коллегами для издания конституционалистского органа. Вообще, с этого момента конституционалисты взяли на себя основную часть финансовых забот *Освобождения* и сопутствовавших ему изданий. Они занимались этим несмотря на то, что Струве настоял на сохранении всей полноты редакторской независимости,

³³ Часть разногласий касалась требования Милюкова созвать учредительное собрание, связанное с уже существующими институтами самоуправления. Струве опасался, что подобное требование может оттолкнуть от фронта его потенциальных радикальных сторонников. — Письмо Струве — Дельбрюку от 24 июля 1902 года.

обещанной ему Жуковским. В итоге Струве создал издание столь специфического характера, что ему трудно подыскать аналог в истории русской эмигрантской журналистики. *Освобождение* (как он сам писал в одном из писем) «не являлось ни органом какой-либо революционной группы, ни частным предприятием редактора», оно было общей трибуной для всех, кто стремился к «фундаментальной мирной трансформации совершенно несостоятельного бюрократического режима»³⁴. Принято думать, что *Освобождение* было официальным органом сначала — земских конституционалистов, а затем — Союза Освобождения, после его образования в 1903–1904 годах, однако в действительности дело обстояло не совсем так. На самом деле это издание не зависело ни от управлявшего им редактора, ни от финансировавших его конституционалистов³⁵. Наилучшим образом феномен *Освобождения* может быть описан словами «общенародная трибуна».

Напечатанная в первом номере *Освобождения* программа Милюкова была поддержана лично редактором издания, поскольку выражала взгляды группы «российских конституционалистов». Однако в параллель с ней Струве напечатал политическое заявление земцев, отражавшее гораздо более консервативные взгляды. Так что в конечном итоге программа конституционалистов фактически ни к чему не обязывала ни напечатавшее его издание, ни его сотрудников, ни его сторонников.

Первый номер *Освобождения* вышел 18 июня/1 июля 1902 года. Его выходу предшествовала буря возмущения, поднятая социал-демократами, поскольку Дитц ошибочно заявил это издание как орган их партии. Ленин был вне себя от ярости, но, когда спустя несколько дней

³⁴ Письмо Струве — Дельбрюку от 9 июля 1902 года.

³⁵ «*Освобождение* не есть вовсе орган, уполномоченный говорить от имени Союза освобождения — по общему желанию наших друзей и нашему *Освобождение* сохраняет свою полную литературную независимость». — #247/185. Написано 30 ноября/13 декабря 1904 года.

Vorwärts, газета немецких социал-демократов, напечатала внесшую ясность поправку Струве, социал-демократы успокоились³⁶.

Комичность этой ситуации заключалась в том, что на самом деле Струве был бесконечно далек от мысли связать свою газету с какой бы то ни было партией. Характеризуя свою редакторскую политику, он писал: «Его [*Освобождения*] призвание быть органом... широкой национальной задачи и всех поборников новой свободной России. Оно желает быть их отголоском, их словом, их будильником». *Освобождение* стояло на платформе достижения революционных целей легальными средствами, не выходящими за рамки закона: «Мы будем проповедовать не приспособление к существующему политическому строю, подтачивающему лучшие силы нашего народа, а, наоборот, борьбу с ним; мы не будем дипломатически замалчивать всех выводов, вытекающих из требования политической свободы. ... Не разъединять, а объединять наша задача. Культурное и политическое освобождение России не может быть ни исключительно, ни преимущественно делом одного класса, одной партии, одного учения. Оно должно стать делом национальным, или общенародным, на которое откликалось бы каждое сердце, различающее между нравственным и безнравственным в политике и потому не мирящееся с насилием и произволом кучки бюрократов, бесконтрольно и безответственно управляющих великим народом»³⁷.

В качестве редактора *Освобождения* Струве ручался, что страницы этого издания будут использованы для показа во всей их красе лживости и произвола бюрократии, а также для представления широкой публике всех составляющих оппозиционного движения, особенно тех, которые имеют непосредственное отношение к активности

³⁶ Ленинский сборник. – Т. IV. – 1925. – С. 122-123, 129-131, 134.

³⁷ #111/2.

промышленных рабочих и революционной интеллигенции. Одной из важнейших задач издания было служить своего рода «дополнением» к официальному *Правительственному вестнику*³⁸.

В последующих после первого выпуска *Освобождения* Струве развернул постепенно усиливающееся наступление на имперскую бюрократию. Пользуясь помощью своих друзей в России (некоторые из них, судя по всему, находились на высоких государственных постах), он опубликовал неисчислимое множество фактов, свидетельствующих о репрессиях и коррупции, называя при этом конкретные имена, даты и места. Иногда Струве публиковал даже полные тексты сверхсекретных правительственных циркуляров. Материал такого рода занимал в газете немалое место, что весьма способствовало росту ее популярности в России. Довольно часто публикуемые документы и репортажи с мест сопровождались комментариями самого Струве.

Вся эта критика царского режима производилась исходя из концепции, которую Струве сформулировал еще в 1890-е годы. Ее основные положения уходили своими корнями в те идеи Ивана Аксакова, которые Струве усвоил со школьных лет: для процветания России необходима политическая демократия, но возникшая не сама по себе, а как неизбежное следствие общего прогресса российской культуры. С самодержавием должно быть покончено; что же касается Николая II, то он лишь продолжил деструктивный курс своего отца: «самодержавие» в современной России невозможно и его там не существует»³⁹. Самодержавная монархия трансформировалась в полицейское государство, управляемое посредством «всестороннего наблюдения, негласно осуществляемого на основании тайных инструкций и циркуляров». Стоит только ограничить власть полиции, подмена станет очевидной и

³⁸ #194.

³⁹ #118/64.

«самодержавие» падет⁴⁰. И вопрос заключается уже не в том, обретет ли Россия политическую свободу или нет, а в том, как скоро и какими средствами, мирными или насильственными, эволюционными или революционными, это будет достигнуто. Выбор в данном случае был за царем и его министрами. Если в самое ближайшее время они все-таки проведут в стране основные жизненно необходимые реформы, то могут спасти ее от кровавой революции; если нет — революция неизбежна. Но в любом случае у самодержавия не было будущего.

Во второй половине 1902 года наиболее реальным Струве представлялся путь реформ, а не революции, хотя бы по той причине, что правительство все еще было достаточно сильным, а оппозиция — слишком слабой для того, чтобы революция в России могла победить. По мнению Струве, изменения в стране должны происходить в ходе постепенных уступок со стороны царского режима, на которые он вынужден будет пойти по мере все более отчетливого осознания того факта, что управлять страной, пользуясь исключительно бюрократическими средствами, практически невозможно.

«Мы нисколько не сомневаемся в том, что если правительство не станет на путь коренных политических и экономических реформ, то в России рано или поздно произойдет революция, и нация в буквальном смысле слова сама возьмет себе необходимые реформы. Нас страшат не только и не столько те жертвы, которыми может сопровождаться этот “революционный взрыв”. Мы не можем без негодования и скорби помыслить о тех огромных жертвах и ущербах всякого рода, которыми страна должна оплачивать каждый день охранительной политики. Да, поистине неизмеримы и ужасны они, эти жертвы не исключительно дня революционной расплаты, а серых будней существующего порядка. И если бы мы верили в близость революции, мы призывали бы ее одним ударом покончить с этим

⁴⁰ #150/357-358.

постыдным политическим истязанием великого народа. Но мы убеждены в том, что день неизбежной — при упорстве правительства — революции еще не близок. У русской оппозиции нет материальных сил, достаточных для того, чтобы сейчас самой упразднить бюрократический режим, но за ней огромная моральная сила. А русское *самодержавное* правительство, обладая огромной материальной силой, поражено полным моральным бессилием. Оно не способно двигать вперед жизнь, оно лишено всякой творческой силы. Россия готова к коренной политической реформе и ждет ее, но элементы революции в нашей стране еще, к сожалению или к счастью, не созрели. Революция придет тогда, когда счет жертв существующего порядка будет ужасно велик, когда чаша будет переполнена. За эти жертвы не вознаградит страну никакая основательность тех преобразований, которые явятся вослед революции. Таков, в кратких чертах, наш взгляд на положение России. Вот почему мы призываем мирные реформы, вот почему мы желаем уступок власти. Рисуя перед ней неизбежную перспективу революции, мы выражаем только наше научное убеждение. Призывая власть предупредить революцию своевременными и коренными реформами, мы повинемся голосу нашей морально-политической совести, возмущающейся царящей неправдой»⁴¹.

Именно в силу того, что и в принципе, и в силу реально сложившихся обстоятельств он предпочитал путь реформ, а не революции, Струве с такой настойчивостью добивался формирования альянса между всеми оппозиционными группами. Нет никакой единой «столбовой дороги», которая вела бы к свободе, писал он в своих редакторских статьях, и потому «славянофилы» обязаны объединиться в своих действиях с революционерами⁴². Сам Струве тем не менее с самого начала все-таки больше склонялся влево, чем право. Отчасти потому, что находил

⁴¹ #122/102.

⁴² #124/104.

левых более решительными и менее склонными к разного рода компромиссам, отчасти потому, что основная часть читательского контингента *Освобождения* принадлежала к только еще начинавшему зарождаться «демократическому» слою населения империи. Официальный орган партии социалистов-революционеров описал этот слой следующим образом.

«Здесь сильно представлен, прежде всего, так называемый, “третий элемент”; здесь можно найти ту часть революционной интеллигенции, которая или не может выбрать между с.-д. и с.-р., или по условиям своей природы или жизненного положения не находит в себе достаточно “пороху” для “каторжной” жизни нелегального революционера; здесь же немало скептиков, разочарованных марксистов, “недоношенных социалистов” (равно и “перезрелых”); и “отцы”, раздраженные карами, которым подвергались революционеры-“дети”, и распропагандированные последними; здесь и люди либеральных профессий, и земцы-идеологи, и мелкая интеллигенция на частной и общественной службе; здесь встретится и разночинец, и *declassé*, и мелкий чиновник, и приказчик, и даже рабочий, и крестьянин, и мещанин, и мелкий ремесленник; словом, здесь, в этом общем неопределенном потоке выступает широкая демократическая “улица”, многие элементы которой могут дать, уже дают и еще больше дадут в будущем кадров для революционно-социалистической армии, теперь же представляют собою “ни пав, ни ворон”, от “старого мира” отставших, но к новому не успевших пристать. Это — по преимуществу “сочувствующие”»⁴³.

Струве хотел вывести этот контингент из-под влияния социалистов, с тем чтобы он стал опорой конституционалистского дела. Даже еще в 1902 году он позволил себе некоторое отклонение от избранного им пути для того, чтобы выразить симпатию по отношению к революционерам, особенно к эсерам, с которыми он и его друзья бы-

⁴³ *Революционная Россия*. — № 56. — 5 декабря 1904. — С. 5.

ли в хороших отношениях. Назвав эсеровский террор «исторически необходимой и нравственно законной борьбой», оправданной тем террором, который бюрократия обрушила на страну⁴⁴, он призвал либералов к поиску взаимопонимания с революционерами⁴⁵. Крен *Освобождения* влево был настолько явственен, что за ним закрепилась репутация радикально-либерального издания. Видимо, этим объясняется тот факт, что летом 1902 года «Беседа» объявила о своей полной непричастности к этому изданию⁴⁶.

Этот, по словам Кусковой, «крен на левый борт» стал еще более заметен зимой 1902–1903 годов, когда Струве решил, что дальнейшее заигрывание с консервативными земцами бесполезно.

Это решение стало реакцией на успешную контратаку, проведенную против конституционалистов новым министром внутренних дел Плеве. Понимая, что консервативному земскому большинству не слишком комфортно в полулегальной организации, левое крыло которой поддерживает связь с террористами, он решил спровоцировать в рядах земцев раскол. Подходящий для этого случай представился летом 1902 года.

В марте этого года правительство обнародовало программу «Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», которое должен был возглавить Сергей Витте. Тот факт, что правительство в деле решения столь важных вопросов положило в большей мере на бюрократию, чем на земство, и что представители земств, приглашенные на это совещание, должны были отбираться этой же бюрократией, сильно

⁴⁴ #113/14; #114/19; #120/82.

⁴⁵ #124.

⁴⁶ Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение. – С. 45. Шаховской, однако, пишет, что под влиянием *Освобождения* «Беседа» обратилась к политическим вопросам и даже собиралась послать в *Освобождение* свои программные статьи. – Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 104.

задел многих земцев, почувствовавших, что действия правительства направлены против самого существования местного самоуправления в России. Чтобы принять общеземское решение относительно продолжающегося наступления бюрократии, в конце мая на своей московской квартире Шипов провел одно из тех полулегальных земских собраний, которые периодически проводились там в течение нескольких лет⁴⁷. Настроение собравшихся, пятая часть которых являлась членами «Беседы», было решительным и воинственным. Возглавляемые Петрункевичем конституционалисты потребовали от земцев объявить полный бойкот особому совещанию, отказавшись от какого бы то ни было сотрудничества с ним. Шипову удалось нейтрализовать действия этой группы, но тем не менее собрание земцев приняло весьма резкую резолюцию. Четвертая статья этой резолюции содержала открытое требование к правительству обеспечить адекватное представительство земских депутатов в готовящемся совещании, пойдя на то, чтобы его делегаты были именно избраны, а не назначены⁴⁸. Смысл резолюции сводился к тому, что правительство не сможет должным образом разрешить проблемы, касающиеся сельскохозяйственного производства, как, впрочем, и других сторон жизни страны, без участия в решении этих проблем выбранных членов органов местного самоуправления. На этом же собрании было избрано постоянное бюро земских съездов, которое возглавил Шипов.

Плеве, который, разумеется, немедленно узнал обо всех этих бунтарских затеях земцев, скорее всего, не обратил бы на них особого внимания, если бы сразу вслед за этим не вышел первый номер *Освобождения*. Судя по всему, появление этого журнала было для него серьезной и

⁴⁷ Д. Н. Шипов. Воспоминания. – С. 156-161.

⁴⁸ Там же. – С. 161-168. Впервые эта резолюция была опубликована в: *Освобождение*. – № 5. – 19 августа/ 1 сентября 1902. – С. 65-66. Тексты протоколов этого собрания можно найти в: С. Ю. Вумме. Самодержавие и земство. – 2-е изд. – Штутгарт, 1903. – С. lviii-lxviii.

неприятной неожиданностью⁴⁹. Нарисованная Струве перспектива скоординированных действий земства и радикалов заставила Плеве со своей стороны предпринять некоторые ответные меры. 28 июня/11 июля, то есть десять дней спустя после выхода первого номера *Освобождения*, он пригласил к себе Шипова и М. А. Стаховича как представителей неконституционалистского большинства земства. Во время разговора с Шиповым, изложение которого можно найти в мемуарах последнего⁵⁰, Плеве мешал угрозы с уверениями в дружбе и обещаниями сотрудничества. Он сказал Шипову, что в его намерения входит привлечь его и его коллег к исполнению управленческих функций, но только если они откажутся от какой бы то ни было политической деятельности, другими словами, порвут с конституционалистами. Витте, с которым Шипов встретился после беседы с Плеве, в сущности, говорил то же самое.

Как Плеве и предполагал, Шипов с готовностью пожал протянутую ему руку. В августе он вновь собрал собрание земцев и настоял на отмене четвертой статьи резолюции, вызвавшей такое неудовольствие Плеве. Стахович тоже не замедлил с демонстрацией лояльности. Удобный для этого случай представился ему в ноябре 1902 года, когда правительство отстранило от работы в Курском земстве Петра Долгорукова, предъявив ему обвинение в агитации в пользу конституционалистов. Некоторые члены Курского земства решили выразить по этому поводу официальный протест, но Стахович отговорил их от этого. В послании, направленном этому земству, Николай II подтвердил то, о чем Плеве говорил Шипову: отказ от политической деятельности является условием участия в местном самоуправлении⁵¹.

Струве наблюдал за процессом капитуляции консервативного земства с удивлением и разочарованием.

⁴⁹ И. П. Белокопский. Земское движение. – С. 96-97, 102. Маклаков писал, что для правительства выход *Освобождения* стал своего рода объявлением войны. – В. А. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России. – Париж, 1936. – С. 142.

Ему казалось, что в этом конфликте с бюрократией все козырные карты были в руках земства: что смогло бы сделать правительство, спрашивал он, каким образом оно стало бы управлять страной, если бы земцы все как один решили уйти в отставку?⁵² Уверенный, что столь грубый маневр Плеве не может увенчаться успехом, он пытался убедить земцев возобновить борьбу и потребовать восстановления Земского собора⁵³. Однако к декабрю 1902 года в его статьях стали проскальзывать все более сердитые нотки по отношению к «славянофилам»: августовские действия Шипова в Москве и ноябрьские действия Стаховича в Курске он назвал печальными промахами, которые были на руку только одной бюрократии⁵⁴.

Похоронив свои несбывшиеся надежды, Струве написал для двенадцатого номера *Освобождения* (2/15 декабря 1902 года) яркую редакторскую статью. В ней он впервые публично выступил за официальное создание либеральной организации (пока еще не партии) и настаивал на том, что эта организация должна быть сформирована на конституционалистской платформе. «События идут с неотразимой логикой, положение вещей усложняется и в то же время обостряется — и требует прежде всего *организации либеральных элементов русского общества в некоторое сплоченное и планомерно действующее единство*»⁵⁵. Единство такого рода — только оно способно помешать бюрократии успешно следовать выбранной ею тактике «разделяй и властвуй», легко реализуемой в ситуации, когда отдельные

⁵⁰ Д. Н. Шипов. Воспоминания. — С. 171-184.

⁵¹ *Освобождение*. — № 13. — 19 декабря 1902/1 января 1903. — С. 203-205; Л. Мартов и др. Общественное движение в России в начале XX века. — Т. 1. — 1909. — С. 389.

⁵² #119/67.

⁵³ #120/81-82; #128/149-150; и #129/176. Согласно авторам идеи «Земского собора», речь шла в этом случае, скорее, о консультативном, нежели законодательном выборном органе; эта идея поддерживалась многими консервативно настроенными земцами.

⁵⁴ #125/115; #128/149-150; #131/203.

⁵⁵ #130/186.

личности делают только первые шаги к объединению в некое сообщество. Более того, продолжал Струве, как показал пример Бориса Чичерина (книга которого вышла незадолго до того), события последнего времени даже либералов консервативного толка заставили понять, что всевластие бюрократии можно ограничить только конституционными средствами⁵⁶. Поэтому Струве не исключал возможности, что люди типа Шипова и Стаховича в конце концов захотят присоединиться к предлагаемой им организации; однако его отношение к консерваторам приобрело весьма сдержанный характер, теперь он с гораздо большим энтузиазмом воспринимал действия революционеров. По поводу «объективной необходимости» в либерализации России он писал, что ей соответствует «огромная рвущаяся на протест и на дело творческая энергия интеллигенции. Эта энергия составляет внутреннюю, не устранимую никакими полициями, силу русских революционных партий. Последние соединяют в себе лучшие, наиболее деятельные и самоотверженные элементы молодого поколения все растущей и растущей интеллигенции. Этот умственный и нравственный цвет нации...»⁵⁷

И так далее — из номера в номер. Как сильно раскается он в этих словах! Уже грядет время, когда эти «лучшие элементы», этот «умственный и нравственный цвет нации»

⁵⁶ #130/188. В данном случае Струве ссылается на анонимно опубликованную в Берлине в 1900 году книгу Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия».

⁵⁷ #130/186. См. также #131/202, где Струве пишет о пропаганде «революционеров», что она «исполняет великую культурную миссию, работая над превращением стихийных и животных движений народных масс в сознательную, проникнутую человеческим достоинством борьбу, одухотворенную идеей права». В июле 1902 года Струве написал Дельбрюку два негодующих письма, протестуя против сделанного в *Preussische Jahrbücher* заявления о том, что интеллигенция «варваризировала Россию». Он назвал эту точку зрения типичной для «балтийских аристократов» и заявил, что нельзя грехи современного российского абсолютизма списывать на интеллигенцию. — Письмо Струве — Дельбрюку от 15 июля 1902 года. См. также его письмо от 9 июля того же года.

в его же собственных глазах превратятся в проклятие. Но в то время, как и в последующие два года, его глаза были застланы пеленой ненависти к самодержавию, что лишало его возможности замечать многие очевидные вещи. Он так сильно верил в конструктивность бурлившей в российском народе энергии и в незыблемую мощь российской империи, что не отдавал себе отчета в том, что насилие может осуществляться не только сверху, но и снизу. Однако в частных разговорах он не говорил ничего положительного о революционных методах борьбы. С. Франк утверждал, что именно тогда он отозвался об убийстве Александра II как о «величайшей трагедии» России⁵⁸. В ходе же публичных выступлений, следуя избранной им политической стратегии, он не только ни за что не порицал революционеров, а, напротив, прилагал все усилия, чтобы умерить ту неприязнь, которую испытывали к ним либералы. В его глазах каждый очередной акт революционного насилия был очередным поворотом в механизме дыбы истории, на которой было подвешено тело царского режима. Когда таких поворотов будет сделано столько, что вызываемая ими боль станет невыносимой, правительство взмолится о пощаде. Поэтому Струве занимался тем, что прославлял на страницах *Освобождения* революционные методы, совершенно, видимо, не понимая, что, если позволить «злым страстям» толпы, о которых говорил Бакунин, выйти на поверхность, загнать их обратно будет очень нелегко, даже в том случае, если страна и обретет наконец столь необходимую ей свободу. В то время Струве находился в плену характерной для интеллектуалов его поколения иллюзии, заключающейся в том, что насилие, примененное ради «благого» дела, приобретает якобы несколько иной характер и его можно удержать в определенных рамках.

С незамедлительным ответом на статью Струве выступил Милюков. Прежде всего он выразил свое удовлетворение по поводу того, что его политический соперник

⁵⁸ С. Л. Франк. Биография П. Б. Струве. – С. 34.

наконец-то отказался от идеи общего с консерваторами оппозиционного фронта. Далее Милюков согласился с тем, что наступило время организовываться в сообщество, но сначала, по его мнению, необходимо определиться, кто должен в него войти и с какими целями. Он находил, что *Освобождение* обращается к слишком широкому кругу читателей, что оно занято исключительно объединением, тогда как сейчас, прежде чем объединяться, необходимо размежеваться⁵⁹.

Струве горячо ответил Милюкову в том духе, что он и сам, независимо ни от кого, пришел к аналогичному выводу. Затем он обратился к тем принципам, на основе которых либералы должны были объединиться в собственную организацию и о необходимости которых говорил Милюков. Ту программу, которую Милюков представил прошлогодней весной, он находил недостаточно широкой. Сам Струве в качестве основных выдвинул два принципа: конституционализм и демократия⁶⁰. Эта краткая формула должна была стать той основой, на которой организуется русское либеральное движение. И надо сказать, что именно эти два принципа составили название либеральной партии, появившейся в октябре 1905 года.

Эта, состоявшаяся на страницах *Освобождения*, короткая дискуссия между Милюковым и Струве оказала весьма сильное влияние на политический курс российских либералов. Вплоть до зимы 1902–1903 годов они тесно сотрудничали с консерваторами. Я уже писал, почему в 1900–1901 годах земские конституционалисты пошли на объединение с консерваторами в рамках «Беседы». Теперь же конституционалистско-консервативная коалиция начала распадаться: конституционалисты рвали связи со своими консервативными друзьями и поворачивались влево, навстречу радикальным программам и альянсам. Милюков

⁵⁹ *Освобождение*. – № 17. – 16 февраля/1 марта 1903. – С. 289-291. Ср.: П. Н. Милюков. Воспоминания. – Т. 1. – С. 239ff.

⁶⁰ #140/291.

и Струве — главные теоретики либерального движения — сошлись на том, что в создаваемой ими либеральной организации нет места ни для Шипова, ни для Стаховича, ни для их последователей: в данном случае речь шла о невозможности для них членства в партии, но не о разрыве с ними дружеских и приятельских отношений⁶¹. Начиная с этого времени, российский либерализм перестал представлять интересы преимущественно земельной аристократии и превратился в движение «демократической» интеллигенции⁶². Это означало, что политическими целями движения будут введение всеобщих выборов и принятие программы решительных экономических и социальных реформ, а его конкретная политика будет направлена на то, чтобы во что бы то ни стало привлечь в свои ряды «третий элемент», служащих частных компаний и предприятий, журналистов и т.п.

В определенной степени такая переориентация либералов была вызвана необходимостью воспрепятствовать весьма удачной тактике, с помощью которой Плеве пытался расколоть земское движение. Однако для Струве происходящее означало нечто большее. Он был убежден, что пришло время, когда для успеха либерального движения оно должно безоговорочно принять принципы политической и социальной демократии. Комментируя состоявшиеся в 1903 году выборы в германский рейхстаг, он объяснил провал немецких либералов деградацией этой партии, неуклонно происходившей с тех пор, как в 1878 году они поддержали антисоциалистические законы Бисмарка. «Крушение немецкого либерализма с полной неизбежностью вытекло из того, что в самые критические моменты своего существования он порвал живую связь с со-

⁶¹ П. Б. Струве. #140/291; П. Н. Милюков («ss»). — *Освобождение*. — № 17. — 16 февраля/1 марта 1903. — С. 289-291.

⁶² Переориентация конституционалистского движения в левую сторону была отмечена Кусковой (*Современные записки*. — № 44, 1930. — С. 366-395) и Фишером (*Russian Liberalism*. — P. 117-155). См. также: Л. Мартов и др. Общественное движение в России в начале XX века. — Т. 1. — С. 390-391.

циальными и политическими задачами демократии. ...Либерализм, выступающий против социал-демократии, отказывается от своих принципов, становится на классовую точку зрения защиты политических и социальных привилегий и тем отрицает себя»⁶³.

Все то время, когда он был либералом, Струве последовательно защищал принципы политической и социальной демократии; занимаемая им в этом вопросе позиция очень похожа на ту, которую продемонстрировали на выборах 1906 года английские либералы.

В. Маклаков, а вслед за ним и другие историки консервативного толка интерпретировали поворот влево российских либералов как катастрофу всего либерального дела России. Маклаков обвинял *Освобождение* в том, что оно раскололо единое до тех пор движение и «деформировало» либерализм, внедрив в него элементы революционности⁶⁴. Он был убежден, что если бы либералы продолжали следовать своей традиции работать в рамках закона на благо прогресса, они сумели бы достичь согласия с царским правительством, в результате чего в России появились бы настоящие либеральные институты. Однако необходимо заметить, что идея «лояльной оппозиции» выглядела вполне осуществимой в Париже в 1930 годов, где Маклаков писал свои воспоминания, а отнюдь не в России первых лет XX века. Лояльная оппозиция может действовать только при наличии лояльной администрации: со стороны правительства требуется проявить хоть сколь-нибудь доброй воли и готовности разделить свою власть с общественностью. Но до 1905 года в России ничего подобного не было. Наиболее близкий, с точки зрения Маклакова, к идеалу политика Шипов на своем личном опыте познал, насколько не-

⁶³ #158/4.

⁶⁴ В. А. Маклаков. Власть и общественность. – Т. 1. – С. 242-245; Из прошлого. – *Современные записки*. – № 48, 1932. – С. 355. Позднее в более яркой форме эту же мысль выразил В. Леонтович в своей книге «История либерализма в России». – М., 1995.

возможной была в тогдашней России любая политическая деятельность. Будучи во внеправительственных кругах открытым и одним из самых преданных сторонников монархии, он попытался наладить сотрудничество с Плеве. Наградой же за все, что он сделал, было то, что двумя годами позже он был вынужден уйти с поста главы московского земства, на котором так долго и честно служил. Лишь тогда он был вынужден наконец признать, что Плеве просто обманул его⁶⁵. Как будет показано ниже, именно после этого, окончательно разочаровавшись в занимаемой им до того позиции, он согласился в ноябре 1904 года принять участие в земском съезде, конечным итогом которого явилась революция 1905 года. Все это только лишний раз подтверждает, что та либерально-консервативная программа действий, о которой ретроспективно сожалел Маклаков, в свое время была неосуществима.

Ниже приведены выдержки из рапортов, содержащих отчеты о слежке за Струве, которые шеф Берлинского бюро охраны Аркадий Михайлович Гартинг (служебная кличка Гекельман-Ландесен) посылал шефу Парижского бюро Леониду Александровичу Ратаеву⁶⁶.

[Ноябрь 1902]

«Как я имел честь докладывать Вашему П-ву в телеграмме от 12/25 текущего ноября, редакция оппозиционного органа *Освобождение* находится в России. Петр *Струве* только печатает и издает таковой, поддерживая сношение с русскими единомышленниками. Местоительство свое Струве тщательно скрывает, бывая часто в Швейцарии и Штутгарте... Несмотря на видимую оппозицию революционных организаций, действующих за границей, означенной группе либералов эмигрантами придают-

⁶⁵ Д. Н. Шунов. Воспоминания. – С. 197.

⁶⁶ Okhrana Archives, Hoover Institution. Номера папок в порядке цитирования: Index XIIIb, Folder 2; Index XVIIr-1, № 92; Index XIIIa, Folder 5A, № 101; Index XIIIa, Folder 5A, № 144; Index XIIIa, Folder 5A, № 174; Index XIIIa, Folder 5A, № 186; Index XIIIc (3), Folder 14.

ся большое значение, ибо, как они уверяют, конституционально движение в России постоянно расширяется, подчиняя, мало помалу, своему влиянию все образованное общество. Придавая газете «Освобождение» значение предприятия, заслуживавшего политического внимания и уважения, наиболее компетентные элементы утверждают, что либеральное движение в России настолько, будто бы, окрепло и соорганизовано, что в конце концов, и в самом ближайшем будущем, явится неизбежным фактором в падении самодержавия».

[Январь 27 / февраль 9, 1903]

«Ввиду крайних затруднений для наших филеров, находившихся уже 10 дней в Штутгарте, установить личность Петра Струве имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, нельзя ли получить хоть приблизительно его приметы, так как в циркулярах Департамента от 1901 г. за № 131 и 1902 г. за № 141 указывается только его фамилия без всяких сведений о личности.

Сообщаю вкратце донесения филеров. Струве живет не в Штутгарте, а в подгородной деревушке Gaisburg, в которой имеется от 2 до 3 сот жителей. Когда филеры проходят по улице сказанной деревни, на них смотрят, как на диких зверей. Одному из них удалось устроиться в одной из боковых улиц, но наблюдать оттуда весьма тяжело, а другой пока не находит помещения вблизи.

Зато они наткнулись, еще в день своего приезда туда, на Рувима (Рубина) Стрельцова, род. в 1875 г. в Таганроге, оставившего Берлин 10 октября прошлого года.

Стрельцова видели здесь осенью в сопровождении какой-то девицы, а в Gaisburg'e он живет с той же женщиной. В течение этих десяти дней филеры видели его несколько раз выходящим из дому (он живет в двух шагах от Струве) с целыми пакетами писем, опускаемых им в Gaisburg'ом почтовом ящике, и с пакетами брошюр, относимых в известный дом, но кто там живет, пока не выяснено».

[Апрель 13/26, 1904]

«Струве по целым дням дома в деревне и изредка отправляется в Штутгарт в типографию. Таким образом, агенты видят его урывками, бывало, что они его не видели в течение 6–8 дней. ...Условия деятельности для наблюдения в высшей степени неблагоприятные в Штутгарте, ибо интересующие нас лица живут в глухих местностях в домах, окна которых выходят на улицу, что крайне затрудняет наблюдение. Полиция в Штутгарте не государственная, а городская, и городская управа почти вся в руках социал-демократов. Я с трудом получаю оттуда малейшие справки и ввиду довольно незначительных результатов, добытых до сих пор наблюдением, прошу не отказать в ответе, не лучше ли отозвать их оттуда. Во-первых, все эти люди работают более или менее сносно под неустанным контролем и без одного они, к сожалению, весьма ненаходчивы, затем я сильно ощущаю здесь недостаток в агентах, так как при сложившихся обстоятельствах приходится охранять вокзалы, а не наблюдать за квартирами, и я не могу устроить сего не имея всех людей под рукой».

[Май 13/26, 1903]

«13/26 сего мая в Штутгарт приехал неизвестный, остановившийся в гостинице Marquardt под именем Doljoff, вероятно Долгов или Должов из Москвы⁶⁷. Он пробыл у Струве до 11 ч. вечера и на другой день 14/27 в 12 ч. 48 м. пополудни выехал из Штутгарта во Франкфурт-на-Майне. Агенты пишут, что он поедет оттуда в Москву, без указания мотивов сего предположения. Он дал, очевидно, много денег Струве, ибо после отъезда Струве с женою расхаживали долго по разным магазинам, а раньше сидели без денег».

⁶⁷ Петр Долгоруков, использовавший фамилию «Долгов» в качестве псевдонима. – *И. И. Петрункевич*. Из записок. – С. 348.

[Июнь 1903]

«Около 8 июня нов. ст. у Струве появился англичанин, остававшийся с ним и с его женою по целым дням, посещавший вместе с ними типографию, где печатается *Освобождение* (т. напр. 2/15 с. м.) ...Англичанин жил в штуртгартской гостинице Марквард под именем D. D. Graham из Лондона. Одному из агентов удалось подслушать несколько фраз из разговора Струве с этим англичанином. На вопрос Струве «На каком языке Вы говорили с... (агент не расслышал фамилию)» тот ответил «на французском». Струве: «Удивляюсь, для англичанина Вы говорите также хорошо по-немецки». Graham: «Да, я говорю очень хорошо по-немецки, но еще плохо по-русски». Полагаю, что D. D. Graham известный корреспондент *Times*, высланный недавно из России».

[Июнь 1903]

«8/21 июня ночью в Штутгарт приехал писатель Виктор Бердяев из Киева⁶⁸. До того он пробыл несколько дней в Берлине. Бердяев провел весь день 22-го июня в обществе Петра Струве, ночевал у него в Гайсбурге, 23-го днем отправил свой большой багаж в Гейдельберг, все время провожаемый Струве, и 24-го днем выехал в Гейдельберг. Струве провожал его до вагона. Прощались весьма дружески и целовались неоднократно...

После долгих усилий и при некоторой трате денег удалось узнать, что Струве посылал в последнее время заказные письма следующим лицам или учреждениям [далее следует список из сорока имен и наименований в России и Западной Европе, многие из которых искаженные].

[Телеграмма от Ратаева из Парижа Гартингу в Берлин, датированная 17 августа 1903 года]

«Директор ordonne cesser специальное наблюдение Struve. Léonide.»

⁶⁸ Николай Бердяев, конечно.

Начальник Особого департамента распорядился прекратить слежку, поскольку два шпика, следившие за Струве — русский по имени Продоусов и немец по имени Шливерт (или Шлиеверт) — передавали содержание огромного количества малозначительных разговоров, но не заметили идущих у них под носом приготовлений к первой общенациональной конференции конституционалистов. После того как Струве и Милюков обменялись мнениями на страницах *Освобождения*, «русские друзья», как называли себя сторонники этого издания, жившие в России, решили встретиться в Западной Европе с тем, чтобы совместно со Струве выработать программные положения и идеологическую основу для организации, которую тот предлагал. Место и время встречи должен был определить Струве. Однако он переложил решение этой проблемы на Жуковского, этого вездесущего серого кардинала конституционалистского движения⁶⁹.

Поскольку все приглашенные на эту конференцию, за исключением Струве, жили в России и, в случае, если охранка узнала бы об их участии в этом мероприятии, могли иметь большие неприятности. Жуковский, потратив много труда и сил, закамуфлировал конференцию под невинное туристское мероприятие. Местом встречи он избрал пограничный швейцарский город Шафгаузен, в который, воспользовавшись ходящим по Рейну пароходом, можно было быстро прибыть из Германии. Там он в нескольких, ничем не примечательных отелях («демократических трактирчиках», как их назвал Петрункевич) заказал номера для участников конференции. Каждое утро они, разбившись на небольшие группы, могли отправляться в расположенную недалеко от Шафгаузена деревню и встречаться там в безымянном ресторанчике⁷⁰. Конференция должна была продолжаться три дня, первый из

⁶⁹ *И. И. Петрункевич*. Из записок... — С. 337-338; *Д. И. Шаховской*. Союз Освобождения. — С. 102-103.

⁷⁰ *И. И. Петрункевич*. Из записок... — С. 338-339.

которых, 2 августа 1903 года (нов. ст.), был следующий после дня швейцарского национального праздника. Все было спланировано так тщательно, что в то время охранка, равно как и швейцарская полиция, так и не узнали о конференции. Штутгартские агенты даже решили, что Струве вознамерился вернуться в Россию, и послали предупреждение пограничной службе.

Собравшиеся в Шафгаузене делегаты составляли две группы. Первую — земских конституционалистов — представляли восемь человек (примерно половина участников, точное количество которых установить невозможно): В. И. Вернадский, Петр Долгоруков, Д. Е. Жуковский, С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, И. И. Петрунkevич, Ф. И. Родичев и Д. И. Шаховской⁷¹. Вторая состояла из профессиональных писателей, ученых и публицистов, в основном бывших социал-демократов, либо порвавших с марксизмом по причине теоретических разногласий (Струве, Бердяев, Булгаков и Франк), либо, несмотря на социалистические взгляды, не смогших ужиться там, где всем заправляли Плеханов и Ленин (Кускова, Прокопович и Яковлев-Богучарский). Среди них был и Б. А. Кистяковский⁷². Группа бывших социал-демократов сформировала своего рода идеологическую партию под предводительством Струве. Все они отвергали позитивизм и стояли на позициях философского идеализма. Зимой 1902–1903 годов члены этой группы опубликовали сборник под названием «Проблемы идеализма», в котором попытались сформулировать метафизические и религиозные основания либеральной политики⁷³. Все участники

⁷¹ Там же. — С. 338; *Е. Д. Черменский*. Земско-либеральное движение. — С. 51.

⁷² *Е. Д. Черменский*. Земско-либеральное движение. — С. 51. Петрунkevич дал другой список участников, в который не вошел Яковлев-Богучарский, но в который добавлены имена П. Новгородцева, И. Гревса и В. Водовозова. — Из записок. — С. 338.

⁷³ Проблемы идеализма. — СПб., 1903. Я вернусь к этой книге во втором томе биографии.

конференции в Шафгаузене (всего около 20 человек) сформировались как личности стоя на различных политических платформах, но было бы ошибкой пытаться причислить их к каким-либо социальным группам⁷⁴. Все они были дворяне по происхождению и интеллектуалы по призванию, и никто из них не представлял каких-либо общественных или экономических групповых интересов. Именно столь глубоко внедрившееся в русское либеральное движение нежелание представлять интересы определенных экономических или социальных групп было одним из источников его слабости.

Согласно Шаховскому, конференция в Шафгаузене строго следовала повестке дня⁷⁵. Наиболее спорным из включенных в нее был организационный вопрос, поставленный Струве и Милюковым. Дискуссии вращались вокруг альтернативы: политическая партия или народный фронт? Большинство делегатов склонялись ко второму варианту, отдавая, таким образом, предпочтение «широкой» платформе Струве перед «узкой» — Милюкова. (Милюков, кстати, отсутствовал на этой конференции, поскольку читал в то время публичные лекции в Соединенных Штатах.) Конференция постановила незамедлительно начать формирование во всех крупных городах России «Союзов освобождения», в которые мог войти каждый, считавший, что с самодержавием в России должно быть покончено. Эти союзы должны были заниматься решением двух задач: (1) посредством организации демонстраций и подачи петиций настраивать общественное мнение против самодержавия; (2) снабжать *Освобождение* конкретными материалами, показывающими истинное обличье бюрократии⁷⁶. Предполагалось, что со време-

⁷⁴ Как это было сделано, например, Фишером в его книге «Russian Liberalism». — P. 141-142.

⁷⁵ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 106.

⁷⁶ В. Водовозов. Союз Освобождения. — *Энциклопедический словарь общества Брокгауз и Ефрон*. — Т. III (дополнительный). — С. 354; M. Weber. Zur Lage. — S. 253-254.

нем Союзы освобождения сольются в единую либеральную партию, а пока в них допускалась полная свобода мнений по всем вопросам, исключая кардинальный — о политической либерализации⁷⁷.

Конференция также одобрила тактику Струве, направленную на достижение альянса с радикалами. Провозгласив, что «у либералов нет врагов слева», Петрункевич фактически встал на сторону Струве и в споре с Родичевым убеждал либералов не обращать внимания на те атаки, которые велись против них в радикальной (прежде всего социал-демократической) прессе⁷⁸.

Участники конференции обсудили и многие другие вопросы, включая кризис в русско-японских отношениях, аграрный вопрос, а также вопрос об организации всеобщих выборов в постсамодержавном, конституционном российском государстве. По всем вопросам внутренней политики участники конференции придерживались открыто левых позиций, а при обсуждении аграрного вопроса речь даже, хотя и весьма осторожно, зашла о насильственном отчуждении частных земель⁷⁹. Но поскольку все осталось на уровне мнения делегатов и решения по этим вопросам не имели обязывающей силы, их значение было невелико, и по ним можно судить лишь о том, насколько сильны были в среде конституционалистов левые настроения.

Вернувшись в Россию осенью 1903 года, участники встреч в Шафгаузене приступили к осуществлению принятых ими решений. Во всех значительных городах России были проведены собрания друзей «Освобождения», в результате чего к концу года образовалось множество местных организаций будущего Союза. 3–5/16–18 янва-

⁷⁷ *Е. Д. Черменский*. Земско-либеральное движение. — С. 51-52.

⁷⁸ *G. Fischer*. Russian Liberalism. — Р. 142, где автор ссылается на неопубликованные воспоминания Водовозова.

⁷⁹ *В. Водовозов*. Союз Освобождения. — С. 354; *Д. И. Шаховской*. Союз Освобождения. — С. 106; *И. П. Белокопский*. Земское движение. — С. 172-183.

ря 1904 года пятьдесят делегатов, представлявших двадцать таких организаций⁸⁰, съехались в Санкт-Петербург и создали единый Союз освобождения. Некоторые из делегатов высказали сомнение по поводу того, целесообразно ли давать организации имя издания, действия которого она не контролирует, но разногласия по этому вопросу удалось преодолеть. Съезд принял следующую резолюцию относительно целей, преследуемых Союзом освобождения:

«Союз освобождения ставит своей первой и главной целью — политическое освобождение России. Считая политическую свободу даже в самых минимальных ее пределах совершенно несовместимую с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться, прежде всего, уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима. При определении конкретных форм, в которых конституционный режим может быть осуществлен в России, Союз освобождения употребит все усилия, чтобы политическая проблема была решена в духе широкого демократизма, и, прежде всего, признает существенно необходимым положить в основание политической реформы принцип всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов.

Ставя на первый план требования политические, Союз освобождения признает необходимым определить свое принципиальное отношение к социально-экономическим проблемам, выдвигаемым самой жизнью: в области социально-экономической политики Союз будет руководиться тем же основным началом демократизма, ставя прямой целью своей деятельности защиту интересов трудящихся масс.

В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к тре-

⁸⁰ Они перечислены в: *Д. И. Шаховской. Союз освобождения.* — С. 110.

бованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения в настоящее царствование»⁸¹.

Главным практическим результатом первого съезда Союза освобождения стало формирование Совета из 10 членов, в чьи функции входило координирование действий местных организаций, поддерживание связи со Струве и заключение различных соглашений с другими политическими организациями. Состав этого Совета, насколько он вообще может быть определен (по причине того, что результаты тайного голосования не были объявлены делегатам съезда), следующий: И. И. Петрункевич (глава Совета), Петр Д. Долгоруков, Н. Н. Ковалевский, Н. Н. Львов, Д. И. Шаховской, В. Я. Яковлев-Богучарский, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, А. В. Пешехонов и В. М. Хижняков — все то же привычно равное деление на представителей земства и интеллектуалов⁸². Насколько можно судить, полиция ничего не узнала ни о самом съезде, ни об избранном на нем Совете.

Итак, была создана организация, прямой и непосредственной задачей которой объявлялась осада самодержавия путем проведения открытых публичных массовых кампаний. Эта организация, представлявшая собой коалицию либералов и радикалов, стала единственной успешно действовавшей в условиях царской России революционной организацией. Менее двух лет понадобилось ей для того, чтобы преуспеть в том, в чем все другие терпели поражение: она заставила самодержавный режим отказаться от монопольного обладания политической властью.

⁸¹ *Листок Освобождения*. — № 17. — 19 ноября/ 2 декабря 1904. — С. 2; О дискуссии см.: *Д. И. Шаховской*. Союз Освобождения. — С. 109-114.

⁸² *Е. П. Михеева*. Несколько дополнений к истории «Беседы». — *История СССР*. — № 2, 1966. — С. 243. Другие источники дают немного иной состав Совета: Большая советская энциклопедия. — Т. LII. — 1947. — С. 342; *Е. Д. Черменский*. Земско-либеральное движение. — С. 53.

Глава 14

Либералы у руля

Не прошло и месяца со времени учредительного съезда Союза Освобождения, как в феврале 1904 года японцы неожиданно атаковали русские войска на Дальнем Востоке, после чего началась русско-японская война. Реакция Струве на эти события более ярко, чем что-либо в первой половине его жизни, свидетельствует о глубоко укорененном в его душе национализме. Вместе со всей оппозицией самодержавию он радовался тому, что царское правительство вовлечено в войну, которая не может кончиться его победой (в этом он был убежден) и которая наверняка подорвет его силы и престиж. Тем не менее в отличие от некоторых интеллигентов-оппозиционеров он не стремился использовать сложившиеся обстоятельства и не призывал население России саботировать военные мероприятия. Его беспокоило, скорее, каким образом скажется на будущем страны проводимая правительством дальневосточная политика, от которой он не ожидал ничего, кроме неотвратимой катастрофы, и не важно, что при этом будет достигнута определенная цель. Именно это беспокойство мешало ему испытывать удовлетворение от затруднений правительства. В конечном итоге его отношение к войне было настолько двойственно, что читатели с большим трудом разбирались, на чьей же стороне он все-таки находится.

Струве никогда не одобрял российскую экспансию на Дальнем Востоке. Он был убежден, что даже при самых благоприятных обстоятельствах Россия не способна добиться в Китае и его сателлитах того политического и экономического господства, за которое ратовал Витте. Любой выход России на коммерческие рынки Дальнего Востока, считал он, будет работать в основном не на плохо развитую и сверхдорогую российскую помышленность, а на гораздо лучше развитые экономики Англии, Японии и Соединенных Штатов. Шансы на выгодные для России последствия от проводимой ее правительством политики *Drang nach Osten* были ничтожными, тогда как опасность, которой подвергалась страна в результате этой политики, была велика и весьма реальна, поскольку, по мере своей экспансии на Восток, Россия рано или поздно должна была вторгнуться в сферу жизненных интересов других держав. За полгода до нападения Японии на Порт-Артур Струве писал: «Восточно-азиатская политика петербургского правительства есть чудовищное по своим размерам расточение народных сил, никаких выгод, ни материальных, ни моральных, русскому народу в предвидимом будущем не обещающее и не могущее обещать. Вся эта политика достаточно характеризуется тем, что политические захваты России определяются не ее экономической силой, а ее экономической слабостью на Дальнем Востоке, и последняя не дает ей возможности реально воспользоваться захваченным. Сибирь была вольными набегам и медленной колонизаторской поступью взята в обладание русским народом, Маньчжурия захвачена генералами и дипломатами при помощи огромных ассигновок из государственного казначейства, которые скоро дойдут до миллиарда рублей. В то время, как сотни миллионов бросались на Маньчжурию, мужик коренной России нищал, и у государства не оставалось средств ни для каких реформ, кроме введения казенной продажи питей, усиления полиции и вспомоществования дворянству. Разве это не так, господа патриоты с звонким голосом и легкими мыс-

лями? Почему Россия охраняет неспособную к государственному развитию Турцию и судорожно удерживает ни к чему ненужную Маньчжурию, почему она ведет именно такую бесславную и бессмысленную внешнюю политику, из-за которой расплзается дружба с Францией и угрожает конфликт с Японией, Англией и Америкой?»¹

Причины упорного неприятия Струве политики российской экспансии в Восточной Азии коренились не столько в его ненависти к империализму, сколько в убеждении, что территорией, где имперские амбиции России оправданны и законны, в действительности является Ближний Восток. Еще в ранних своих работах по экономике и в дискуссиях по поводу индустриальной политики России он утверждал, что именно этот регион может стать потенциальным рынком сбыта российской промышленной продукции. В 1904 году, осуждая военную активность России на Дальнем Востоке, он писал в *Освобождении* о необходимости изгнания турок из Европы как о «великой культурной цели»².

После того как разразилась война с Японией, Струве в своей весьма эмоциональной редакторской статье, названной «Военный юбилей и юбилейная война», отметил, что она началась почти день в день пятьдесят лет спустя после начала Крымской войны. Он видел в этом большое символическое значение, поскольку был убежден, что по прошествии некоторого времени Россия окажется в ситуации, очень похожей на ту, в которой она находилась в середине XIX века. Эта «юбилейная война», предупреждал Струве, окончится так же, как и Крымская: российское

¹ 3161/34; см. также #179/222-223 и #194/3. Руководство Союза Освобождения разделяло мнение Струве относительно российской экспансии в Восточной Азии. – Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 114.

² #200/301. Ср. с его заявлением, сделанным в июне 1905 года: «...и в экономическом, и в культурном отношении Россия обращена лицом к Черному морю и Малой Азии» (#281/354).

правительство капитулирует, сначала перед противником на полях сражений, а затем дома — перед российским обществом³.

В качестве главного идеолога российского либерализма Струве был вынужден решать проблему — какова должна быть политика либералов в отношении войны. Будучи совершенно уверен в поражении России, он считал, что самой мудрой для либералов позицией является та, при которой проводится четкое различие между спровоцировавшим войну правительством и военными, по долгу службы вынужденными сражаться на русско-японском фронте. Как только армия будет разбита, считал Струве, у либералов появится возможность обратить естественно возникшие в ней чувства разочарования и унижения против имперского правительства, тем самым обеспечив делу политической либерализации поддержку со стороны военных. Политика либералов, по мнению Струве, должна заключаться в сочетании внешне выказываемой поддержки армии на полях сражений с внутренним принятием и приветствованием ее поражения. В самом первом своем заявлении по поводу войны Струве, обращаясь к отправляемым на фронт солдатам, назвал их «героями»⁴. Еще более открыто Струве высказался в поддержку армии в первом номере *Листка Освобождения*, приложении к *Освобождению*, которое он начал издавать специально в связи с войной и в котором собирался печатать военные сводки и материалы, разоблачающие связанную с войной деятельность международной реакции. В этом приложении было напечатано знаменитое «Письмо студентам», в котором Струве призывал молодых россиян к активному участию в организуемых властями патриотических митингах с тем, чтобы они, крича вместе со всеми «Да здравствует армия!», одновременно выкрикивали: «Да здравствует Россия!», «Да здравствует свобо-

³ #200; см. также #198.

⁴ #198.

да!», «Да здравствует свободная Россия!» и «Долой Плеве!»⁵ В опубликованных в то время в *Освобождении* и его приложениях статьях он снова и снова напоминал о необходимости сопрягать рожденное войной патриотическое движение с борьбой за политическую свободу. По его мнению, в созданной этой войной ситуации либералы получили удобную возможность привлечь на свою сторону ранее ускользавшие от их влияния общественные группы, включающие в себя как военных, так и гражданских националистически настроенных граждан. И этим людям нужно было представить наглядные доказательства того, что полицейско-бюрократическое государство имеет антипатриотический и антинациональный характер. Чтобы извлечь выгоду из этой ситуации, было недостаточно занимать пораженческую позицию.

Встав на эту точку зрения, Струве, не сочтя нужным посоветоваться с коллегами по Союзу освобождения, привел в соответствие с ней свою редакционную политику; он продолжал следовать ей даже после того, как стало ясно, что большинство либералов ее не одобряют. Разумеется, если принять во внимание ранее существовавшие между ним и Союзом договоренности, он имел право проводить ту редакционную политику, какую считал необходимой. Но поскольку речь шла о политических маневрах чрезвычайной важности, допущенная им поспешность в принятии решений и то обстоятельство, что он не счел нужным предварительно проконсультироваться со своими коллегами, настроили против него многих российских либералов, результатом чего стало заметное понижение его авторитета в их среде⁶.

Выработанная Струве политическая стратегия в отношении войны подверглась незамедлительной критике как справа, со стороны националистов, так и слева, со стороны либералов. В общественном мнении России произо-

⁵ #202/2-3; ср. с #283, где он обращается непосредственно к армии.

⁶ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 118.

шел раскол. Консерваторы, включая значительную часть консервативно настроенных либералов, приняли сторону правительства, хотя и в разной степени. На период войны земцы решили соблюдать что-то вроде соглашения о прекращении огня в своем сражении с бюрократией. Соответствующая резолюция была принята на собрании «Беседы» 14/26 февраля 1904 года⁷. Некоторые известные ветераны либерального движения, среди которых был и идол Струве времен его юности, К. К. Арсеньев, дошли даже до того, что вместе с одной из депутатий пришли на прием к Николаю II, дабы выразить ему свои патриотические чувства⁸. Струве нашел их поведение позорным. Он был поражен тем, как легко бюрократия обвела вокруг пальца всех этих людей. По его мнению, каждый, кто на время войны забыл о своем противостоянии правительству, страдал политической близорукостью: по сути дела, писал он, Плеве гораздо более опасен для России, чем японцы⁹. Было очень неразумно отказываться от давления на правительство с целью получения политической свободы только потому, что оно спровоцировало японцев на военные действия на Дальнем Востоке. Подобные аргументы, да еще выраженные с присущей Струве язвительностью, побудили крайне правых публицистов обвинить его в антипатриотизме вплоть до государственной измены¹⁰.

В свою очередь, Союз освобождения (особенно его достаточно мощное левое крыло) также не испытывал восторга от позиции Струве — этим людям она казалась *чересчур* националистической. Когда номер *Листка Освобождения* с текстом обращения Струве к студентам достиг России, он вызвал настоящую бурю. Один из членов Петербургского Союза — Струве полагал, что это была

⁷ Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение. — *История СССР*. — № 5, 1965. — С. 54.

⁸ #203.

⁹ Там же.

¹⁰ Несколько таких «наездов», предпринятых против него правой пресой, Струве процитировал в #210.

Кускова — даже выпустил листовку, содержащую протест против занятой Струве в отношении войны позиции и заявление о том, что Петербургский Союз ее не одобряет¹¹. Некоторые члены местных Союзов освобождения в ярости публично рвали *Листок*¹². Милюков, постепенно приобретавший статус предводителя либеральных «войск» и в силу этого не желавший упустить ни одного случая, чтобы поддеть своего главного соперника, на этот раз решил сделать это в форме письма, направленного ему как редактору *Освобождения*. Народные массы России, писал он, безразличны к идущей войне, и студентам, которых Струве призывал присоединяться к демонстрациям, просто не к чему было присоединяться: «Пока русская армия будет кулацким символом русского нахальства... мы не станем кричать: “да здравствует русская армия”». Проявление патриотических чувств, по мнению Милюкова, лучше отложить на будущее, когда возникнет нужда защищать свободную Россию¹³.

Но Струве и не думал уступать. Правым, которые обвиняли его в недостатке патриотизма, он ответил, что в данном конкретном случае истинные национальные интересы России требуют военного поражения страны: «Истинно национальная и истинно государственная точка зрения не позволяет рассматривать войну как какое-то состояние, которое якобы без победы нельзя прекратить. Война есть акт политический и, как таковой, должна быть обсуждаема с точки зрения разумности и целесообразности той политики, одним из звеньев которой является война.

Нельзя говорить: войну необходимо вести до конца, независимо от того, имеет ли смысл ее вообще вести. Тем более этого нельзя говорить в данном случае, когда более

¹¹ *Россия*. — № 18. — 24 декабря 1927.

¹² С. Л. Франк. Биография П. Б. Струве. — Нью-Йорк, 1956. — С. 41-42.

¹³ *Освобождение*. — № 19/43. — 7/20 марта 1904. — С. 330. Тем не менее в своих воспоминаниях Милюков соглашается, что война с Японией спровоцировала в России взрыв национализма. — П. Н. Милюков. Воспоминания, 1859-1917. — Т. 1. — Нью-Йорк, 1955. — С. 239.

чем неясно, до какого конца — до победы или до полного истощения сил — придется вести войну. ...

Перед всяким ясно, трезво и беспристрастно рассуждающим умом с поразительной ясностью выступает то, что можно назвать *парадоксом русско-японской войны*.

Этот парадокс заключается в полном объективном совпадении тех ближайших политических целей, к которым стремится воюющая против нас Япония, с национально-государственными интересами русского народа на Дальнем Востоке. *Япония стремится вытеснить Россию из Маньчжурии, русский народ заинтересован в том, чтобы уйти оттуда с возможно меньшими потерями»¹⁴.*

Струве вовсе не считал, что потеря дальневосточных владений — трагедия для России. История знает немало случаев, когда большие территориальные потери являлись прелюдией к национальному возрождению: примером могут служить потери Францией Канады, а Великобританией — североамериканских колоний¹⁵.

Левым же, обвинявшим его в национализме, Струве отвечал, что они плохо осведомлены о настроении народа. Со всей России поступали сообщения корреспондентов, что населению страны далеко не безразличен исход войны, при этом некоторые группы доходили даже до патриотической истерии¹⁶. Все это удивляло самого Струве, поскольку до самого начала военных действий он не верил, что правительство пользуется такой поддержкой населения¹⁷. Но убедившись в своей непрозорливости и осознав положение вещей, он пришел к выводу, что у либералов нет иного пути, как прислушаться к проявлениям сентиментально-националистических чувств и использовать их в собственных целях¹⁸.

¹⁴ #231/65.

¹⁵ #209/385.

¹⁶ #204/319.

¹⁷ #179/223.

¹⁸ #207/331-332.

С точки зрения историка позиция Струве может показаться не слишком реалистичной, однако его нельзя упрекнуть в непоследовательности. Что же касается современников, то среди них его позиция в отношении войны вызвала замешательство, дававшее о себе знать еще долго после того, как сама война уже закончилась. Одни твердо верили в то, что в 1904–1905 годах Струве поддержал войну¹⁹; другие же столь же твердо верили, что он возлагал большие надежды на поражение России²⁰. После революции 1917 года Струве солидаризировался с теми, кто считал, что он поддерживал войну²¹, но его статьи времен самой русско-японской войны опровергают это мнение. В 1904–1905 годах он не раз обвинял Россию в том, что именно она развязала войну, и, предрекая ее поражение, утверждал, что, несмотря на вызванные этим поражением огромные потери, в долговременной перспективе оно будет полезно для страны. Его призывы поддержать армию, создавшие ему в определенных кругах репутацию «ястреба», на самом деле были только тактическим маневром, с помощью которого он хотел обеспечить либералам поддержку масс. И все-таки нельзя отрицать то обстоятельство, что пораженчество Струве несло в себе элемент двойственности, тем самым значительно отличаясь от пораженчества радикалов. Он никогда не забывал об интересах российского народа и российского государства, даже когда жаждал падения правительства. Его пораженчество было умеренным, тактическим, идущим от ума и в силу этого малоубедительным.

Спустя месяц после начала войны охранка возобновила регулярную слежку за Струве²². На этот раз она бы-

¹⁹ В. А. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России. – Т. 1. – Париж, 1936; Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 118.

²⁰ Например, А. Ф. Керенский, которого Струве процитировал в: *Россия*. – № 18. – 24 декабря 1927; С. Л. Франк. Биография П. Б. Струве. – С. 37.

²¹ *Россия*. – № 18. – 24 декабря 1927.

²² Okhrana Archives. – Hoover Institution, Stanford, California. – Index XIIIa. – Folder 7. – Document 93. – dated March 1904.

ла более результативной, поскольку незадолго до этого штутгартские агенты Гартинга сумели обеспечить себе доступ к корреспонденции Струве. При попустительстве немецкого почтового начальства шпики перлюстрировали все адресованные Струве письма, копировали или конспектировали их, а полученную таким образом информацию отправляли в Санкт-Петербург²³. Но переписка между Струве и его корреспондентами велась с большими конспиративными предосторожностями, в силу чего из их писем мало что можно было понять. А внедрить в среду руководителей Союза освобождения своего провокатора охранка не могла, поскольку все члены Союза были известными и к тому же абсолютно неподкупными людьми. Как это ни странно, но непрактичный ученый и его аристократические и литературные друзья в деле сокрытия от полиции своих тайн преуспели гораздо больше, чем профессиональные революционеры.

Русско-японская война разрушила планы Союза освобождения по проведению всенародной антиправительственной агитационной кампании, решение о которой было принято учредительным съездом за месяц до войны. В то время, когда солдаты и матросы умирали на дальневосточном фронте, а большинство земцев решительно противились всему, что, по их мнению, могло помешать успешному ведению войны, совершенно невозможно было настраивать население против правительства. Кроме того, большие трудности возникли в связи со значительным усилением репрессий со стороны полиции. Несколько членов Совета Союза были арестованы и сосланы, хотя это произошло и вне их связи с Советом, о существовании которого охранка, по всей видимости, до сих

²³ Германское отделение охранки начало перлюстрацию почты, приходящей в Штутгарт на имя Струве, в августе 1903 года. – Okhrana Archives. – Hoover Institution, Stanford, California. – Index XIIIa. – Folder B. – document dated 26 August 26/8 September 1903.

пор не знала. На место выбывших членов в Совет были кооптированы новые лица, и он продолжал собираться на ежемесячные совещания — либо в Москве, либо в Санкт-Петербурге²⁴.

Центральный аппарат Союза освобождения, его мозг и нервный центр в то время находился в Москве. Здесь, в самом городе и в его пригородах, жили наиболее известные и влиятельные конституционалисты, в том числе и четыре из пяти избранных в Совет земцев. Московский Союз имел множество автономных отделений, каждое из которых самостоятельно решало вопросы, касающиеся формулирования политической программы и планирования политических акций. Каждое такое отделение обозначалось одной из букв алфавита. В конце концов их стало так много, что букв алфавита стало не хватать — этот факт весьма наглядно говорит о масштабах этой организации. Наиболее влиятельным было старейшее отделение Союза, обозначаемое как Группа А; эта организация имела весьма немалый бюджет и даже держала на полной ставке оплачиваемого секретаря. Группа А занималась разработкой вопросов политической стратегии, и многие из предложенных ее членами разработок позднее составили важнейшую часть конституционного проекта, принятого Союзом освобождения в 1905 году²⁵. Эта Группа также определяла и направляла действия нескольких секций, исполнявших особые функции. Одна из этих ключевых секций, Техническая, отвечала за получение и рассылку специальной литературы либерального толка, поддерживала связи с прочими отделениями Союза, а также организовывала специальные политические банкеты. Другие секции занимались агитационной работой, например, среди женщин или среди крестьян. Существовала даже так называемая Историческая секция, в состав которой входил М. По-

²⁴ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 122.

²⁵ Там же.

кровский, впоследствии — один из лидеров советской исторической науки²⁶.

Если в московских организациях Союза освобождения преобладали земцы и люди с ярко выраженной либерально-конституционалистской ориентацией, то в Петербурге тон задавали политики, которые прежде всего были радикалами, а уж потом — либералами. Многие из них раньше были социал-демократами, а некоторые — активными эсерами. Лидерство в этой группе принадлежало четверем интеллигентам, членам Совета; самой известной и интересной фигурой среди них была неутомимая Кускова²⁷. Согласно своим политическим взглядам и предпочтениям, петербургские освобожденцы вели свою пропаганду и агитацию прежде всего среди промышленного пролетариата. Они установили хорошие отношения с рабочими организациями города, что позднее сослужило им неплохую службу.

В провинциальных российских городах дела Союза освобождения шли далеко не так блестяще. Кускова, совершив весной 1904 года от имени Союза поездку в Курск, Орел, Саратов и Харьков, нашла созданные в этих городах отделения раздробленными и по преимуществу дезориентированными. Трудности, по ее мнению, вызывались не столько идеологическими разногласиями, сколько социальными различиями, существовавшими между

²⁶ Информация относительно Группы А в основном почерпнута мною из сведений, приводимых Г. И. Шрейдером, эсером, которого Н. Н. Львов и Д. И. Шаховской взяли на работу осенью 1903 года в качестве секретаря московского Союза освобождения. Покойный Борис И. Николаевский проинтервьюировал Шрейдера в Брюсселе в 1928 году и любезно позволил мне ознакомиться с записями этого интервью.

²⁷ Шрейдер называет восемь членов Петербургского Союза: Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов, Я. Я. Гуревич, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. В. Хижняков, В. Я. Яковлев-Богучарский и Н. П. Ашешов. Милюков (Воспоминания. — Т. 1. — С. 266) пишет о «большой Санкт-Петербургской группе», насчитывавшей от 12 до 14 членов, из которых он называет Яковлева-Богучарского, Хижнякова, Кускову, Н. Д. Соколова, Миклашевского и Куприянову.

членами Союза. Провинциальные Союзы освобождения, отмечала Кускова, повсюду разделялись на две группы: «верхняя палата», состоявшая из земцев и людей с высоким профессиональным статусом, и «нижняя», которая, как правило, состояла из наемных работников земств и представителей «демократической интеллигенции». Никакая политическая общность не могла нивелировать того обстоятельства, что в социальном отношении эти две группы были слишком чужды друг другу. Возникавшее на этой почве глубокое внутреннее недоверие друг к другу постоянно провоцировало всевозможные разногласия, мешавшие наладить слаженную политическую работу. В некоторых городах дело доходило до того, что представители «третьего элемента» срывали организуемые земцами банкеты, используя для этого ватаги рабочих²⁸. Позднее один из членов Саратовского Союза, независимо от Кусковой, подтвердил сделанные ею наблюдения²⁹. Тем не менее, судя по всему, Союз освобождения преуспевал именно в тех провинциях, в которых работали земства; в других местах ему гораздо труднее было найти опору³⁰.

Все источники говорят о том, что Союз освобождения отнюдь не загружал своих членов работой; в первые шесть месяцев существования этой организации (первая половина 1904 года) ее деятельность в основном заключалась в рассылке и раздаче производимой Струве в Штутгарте литературы. Все это так, однако подобный взгляд на ситуацию неадекватен в отношении политического потенциала Союза. Эта организация либералов вовсе не собиралась превращаться в политическую партию, поэтому такие вещи, как привлечение на свою сторону все новых лиц, образование внутренней партийной структуры и проведение

²⁸ Е. Д. Кускова. Крен налево: Из прошлого. – *Современные записки*. – № 44, 1939. – С. 289-390.

²⁹ Д. Протопопов. Из недавнего прошлого. – *Русская мысль*. – № 11, 1907. – Ч. 2. – С. 16-38. См. также: Л. Мартов и др. Общественное движение в России в начале XX века. – Т. 1. – С. 391-392.

³⁰ И. П. Белокопский. Земское движение. – М., 1914. – С. 192.

открытых политических акций не имели для нее особого значения, как это было в случае социал-демократов или эсеров. Союз освобождения хотел быть своего рода группой политического давления; его цель состояла в создании для правительства столь невыносимой обстановки, что оно согласилось бы на принятие конституции. Для решения этой задачи Союзу не обязательно было соблюдать организационные формальности и открыто проявлять политическую активность. Наоборот, отсутствие четкой структуры и конкретной политической программы защищало его в случае претензий со стороны полиции. И как только политический климат в стране стал более благоприятным, что произошло после убийства Плеве (в июле 1904 года), Союз очень быстро продемонстрировал свою жизнеспособность и эффективность.

Свою основную задачу, как уже отмечалось, Союз видел в том, чтобы настраивать против самодержавия население страны. Основным используемым при этом оружием было *Освобождение* и другая производимая и редактируемая Струве печатная продукция.

Освобождение выходило раз в две недели и имело две формы выпуска. Первая, печатавшаяся на обычной бумаге, распространялась за пределами Российской империи путем подписки и через книжные магазины. Для нелегального распространения на территории России это издание печаталось на тонкой бумаге. Для того чтобы застраховать российских подписчиков от полицейского преследования, в правом верхнем углу второй формы издания печаталось объявление: «Мы нашли Ваш адрес в адрес-календаре и позволяем себе послать Вам наше издание». Сведения о величине тиража могли содержаться только в одном источнике информации: Макс Вебер, ссылаясь на полученные от Богдана Кистяковского данные, полагает, что общий тираж издания составлял 12000 экземпляров, из которых 4000 печатались на нормальной бумаге, а 8000 — на тонкой; правда, около последней ци-

фры он поставил знак вопроса³¹. Если верить этим цифрам, тираж *Освобождения* был практически такой же, как у *Искры* (13000–15000 экз.)³². Кроме *Освобождения* Струве выпускал еще несколько связанных с ним изданий. Об одном из них, *Листке Освобождения*, мы уже говорили — всего вышло двадцать шесть номеров этого издания. Для того чтобы публика могла ознакомиться с крупными теоретическими работами, Струве выпускал ежегодник, имевший то же название, что и основное издание — «Освобождение»; вышло два номера этого ежегодника (за 1903 и 1904 годы)³³. Выпускались также специальные брошюры, содержащие огромное количество документальных материалов и специальных сведений по таким вопросам, как рабочее законодательство в России, еврейские погромы, земские съезды; печатались в них и проекты конституции³⁴. Кроме того, Струве профинансировал издание нескольких монографий, посвященных истории борьбы против самодержавия, в том числе сборник политических трудов Драгоманова, историю общественных движений в России в период правления Александра II, написанную А. А. Корниловым, а также полный текст (впервые) воспоминаний революционера В. Дебогоры-Мокриевича³⁵. Из всего этого видно, что Струве занимался не только *Освобождением* — он организовал целое издательское предприятие, сравнимое со Свободной русской прессой Герцена.

³¹ Max Weber. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland. — Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. — XXII, 1906. — S. 237.

³² Л. Мартов и др. Общественное движение в России в начале XX века. — Т. 1. — С. 403.

³³ «Освобождение». Книга первая. — Штутгарт, 1903, см. # 186; «Освобождение». Книга вторая. — Париж, 1904, см. # 254.

³⁴ Список этих брошюр приводится в: G. Fischer. Russian Liberalism. — P. 218-219.

³⁵ М. П. Драгоманов. Собрание политических сочинений и статей. — 2 т. — Париж, 1905-1906 [А. А. Корнилов]. Общественное движение при Александре II (1855-1881). — Париж, 1905; Воспоминания Вл. Дебогоры-Мокриевича. — Штутгарт, 1903. По поводу последнего издания Струве отозвался в # 189.

Вся эта литература предназначалась прежде всего для российских читателей, отделенных от Европы плотным полицейским кордоном. Для того чтобы успешно противостоять усилиям пограничной стражи, почтовых инспекторов и полицейских агентов, стремящихся перекрыть поступающий в страну поток нелегальной литературы, Струве пришлось организовать особый контрабандный конвейер, обеспечивающий доставку в Россию издаваемой им печатной продукции. Управляла этим конвейером его жена Нина. (Сходную функцию выполняла в отношении Ленина и Крупская.)

Согласно Шаховскому, большая часть печатной продукции Струве доставлялась в Россию частными лицами, не имеющими к *Освобождению* практически никакого отношения. Возвращаясь в Россию из заграничных путешествий, они везли в своем багаже нелегальную литературу³⁶. А поскольку, согласно статистическим данным, в начале XX века около 200000 российских граждан ежегодно выезжали за границу в среднем на восемьдесят дней³⁷, то нет ничего удивительного в том, что таким способом доставлялось огромное количество нелегальной литературы. Струве находил этот способ наилучшим, поскольку он не требовал дополнительных расходов и не создавал ни малейшей опасности для организации. Однако этот способ имел свои недостатки, главный из которых заключался в том, что с его помощью нельзя было систематически обеспечивать литературой читающую публику, в силу чего приходилось прибегать и к другим, лишенным этого недостатка, способам.

Одним из таких способов стала регулярная почтовая пересылка. Чтобы обмануть почтовых чиновников, экземпляры *Освобождения* посылались в закамouflированном виде. Нина Струве, используя многочисленных дру-

³⁶ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 123.

³⁷ В. Ischchanian. Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. – Berlin, 1913. – S. 5n.

зей и сторонников, а иногда просто наемных работников, вкладывала экземпляры журнала в конверты, на которых стояли фальшивые названия, надписывала, используя разные виды почерка, адреса частных получателей в России, и опускала конверты в почтовые ящики — либо по одному, либо небольшими пачками. Большая часть этих материалов отправлялась по почте под видом коммерческих каталогов. И понятно, что российские почтовые власти очень быстро заметили бы неладное, если бы все эти материалы посылались из Штутгарта, поэтому многие пачки конвертов Нина отправляла сначала в другие страны Европы, включая Германию, Италию, Швейцарию, Австрию и Англию, и уже оттуда они с соответствующими штемпелями посылались в Россию. В частности, в архиве финского корреспондента *Освобождения* Арвида Неовуса (подписывавшего свои статьи буквой «F») хранится несколько писем Нины, в которых она инструктирует его по поводу переправки нелегальной литературы из Швеции в Россию³⁸.

И наконец, большое количество материалов, часто вместе с социал-демократической литературой, переправлялось в Россию сложным контрабандным способом, ключевую роль в котором играл город Мемель в Восточной Пруссии и железная дорога в Финляндии, соединявшая Хельсинки с Выборгом.

О существовании в Восточной Пруссии центра, осуществлявшего доставку в Россию социалистической и либеральной литературы, прусская полиция узнала осенью 1903 года от российской полиции. Тогда были арестованы несколько немецких социал-демократов и среди них некий Трептов, у которого при обыске обнаружили письма Нины Струве. Полиция Кенигсберга информировала об этом власти Вюртемберга, на территории которого располагался Штутгарт, и потребовала провести обыск на квартире Струве. В результате внезапно проведенного 9 декабря 1903 года обыска полиция обнаружила огромное количест-

³⁸ Архив А. Неовуса. — Финский Государственный архив, Хельсинки.

во печатных материалов на русском языке, конверты и почтовые марки различных европейских стран, а также списки адресов в России и за границей³⁹. Этот обыск на квартире у Струве не вызвал особого публичного скандала в Германии. Немецкие либералы и социал-демократы открыто заговорили о незаконности связи между германской и российской полицией и о недопустимости той свободы действий, которую предоставило на своей территории правительство Германии агентуре охраны. Произведенные в Восточной Пруссии аресты немецких граждан и связанный с ними обыск на квартире у Струве скорее лили воду на мельницу германских левых, давая им лишний повод для разоблачения правительства. Ганс Дельбрюк описал этот инцидент в статье, которая была посвящена деятельности российской полиции на территории Германии и напечатана во влиятельном немецком ежемесячнике *Preussische Jahrbücher*⁴⁰, а Август Бебель выступил с угрозой поставить вопрос о разборе этого дела в рейхстаге. (И с тем, и с другим у Струве были дружеские отношения.) Министерство иностранных дел в Берлине упрекнуло власти Вюртемберга за то, что те решились на действия, затрагивающие столь деликатные вопросы, предварительно не проконсультировавшись с центральным правительством. Вюртембержцы оправдывались тем, что приняли Струве за опасного анархиста, и в дальнейшем обещали не беспокоить его, поскольку убедились в том, что он не анархист, а напротив, «вполне уважаемый человек» (*ein durchaus achtbarer Mann*)⁴¹. Судя по всему, штутгартская полиция,

³⁹ Staatsarchiv Ludwigsburg, Germany. – Bestand E 150. – Bund 1608. – документ, датированный 15 декабря 1903 года и подписанный «Nickel». О суде над немецкими социал-демократами, арестованными в Восточной Пруссии в 1903 году, был репортаж в: *Освобождение*. – № 54. – 19 августа / 1 сентября 1904. – С. 70-78.

⁴⁰ Politische Korrespondenz: Russische Polizei in Deutschland. – *Preussische Jahrbücher*. – № 2. – February 1904. – S. 394.

⁴¹ Staatsarchiv Ludwigsburg. – документы из Берлина, датированные 5 января 1904, подпись «Varnbüler»; 2 февраля 1904, подпись «v. Soden»; 3 февраля 1904, подпись «Nickel».

оказавшаяся в центре всей этой шумихи, не преследовала никаких особых целей. Как написала Нина Струве в своем письме к Ниовусу, отправленному вскоре после обыска, все это дело завершилось вполне «удовлетворительно», что может означать лишь то, что полиции не удалось обнаружить никаких существенных улик⁴².

Один из наиболее продуктивных путей доставки нелегальной литературы в Россию пролегал, по всей видимости, через Финляндию⁴³. После февраля 1899 года, когда российское правительство в одностороннем порядке урезало полномочия финского парламента, финские националисты стали организовывать контрабандные пути для переправки в Россию изданной за границей нелегальной литературы. Ими пользовались также издатели *Искры* и *Революционной России*, платившие финнам в среднем 1–1,5 финской марки за килограмм переправленных в Финляндию материалов. Струве договорился с финнами на сходных условиях; возможно, что это произошло именно тогда, когда в августе 1902 года он встретился в Штутгарте с Ниовусом⁴⁴.

Центральной фигурой среди финнов, занимающихся контрабандными операциями, был Кони Зиллякус, выделяющийся из проживавших в то время в Стокгольме финских политиков-националистов своей энергичностью и от-

⁴² Письмо Нины Струве — Ниовусу от 18 декабря 1903 года; Архив Ниовуса. — Финский Государственный архив, Хельсинки. Ее выводы подтверждаются и рапортами сотрудников охраны. — Закодированная телеграмма Гартинга — Лопухину от 8/21 декабря 1903 года. — Okhrana Archives. — Hoover Institution — Index XIIIa. — Folder B.

⁴³ Сведениями относительно финского канала доставки литературы в Россию я в большой степени обязан великодушному г-на Вильяма Коупленда (Copeland) из Куопио, Финляндия, который является специалистом по истории существовавших в тот период отношений между российскими либералами и финскими националистами. Относительно использования финского канала доставки социал-демократами см: В. М. Смирнов [А. Паульсон]. *Революционная работа в Финляндии, 1900-1907 гг. — Пролетарская революция.* — № 1/48, 1926. — С. 119-157.

⁴⁴ Письмо Струве — Ниовусу от 23 августа [1902]. — Архив Ниовуса.

сутствием склонности к скрупулезности. Струве рассылал литературу по разным тайным адресам в Швеции. Зиллякус собирал эти посылки, переупаковывал их и отправлял в Финляндию либо под видом коммерческого груза, либо спрятанными в чемоданах с двойным дном. Переправка через шведско-финскую границу была относительно нетрудным предприятием, поскольку командовали там сами финны, многие из которых симпатизировали националистам. Курьеры оставляли багаж с литературой в заранее оговоренных местах в Хельсинки или в населенных пунктах, расположенных вдоль железной дороги Хельсинки — Санкт-Петербург. На этом участие Струве и Зиллякуса заканчивалось: через финско-русскую границу литературу переправлял Союз Освобождения. Масштабы перевозок финнами нелегальной литературы можно оценить по тому факту, что только в одном 1902 году они переправили в Финляндию 10 тонн этой литературы самых разных видов. Для злободневных изданий, требовавших скорейшего распространения, у финнов была разработана ускоренная схема доставки, при которой задействовались профессиональные контрабандисты. Такая переправка была в пять раз дороже обычной — она использовалась в основном для доставки *Листка Освобождения*.

Поскольку для поездок в Финляндию российским гражданам не требовался загранпаспорт, через финско-русскую границу дефилировало огромное количество людей, особенно летом, когда множество отпускников выезжало на дачи, расположенные на финских озерах. Поэтому для Союза не составляло особого труда организовать провоз литературы на этом участке пути. Способы, какими он осуществлялся, стали известны после того, как полиции удалось-таки задержать нескольких курьеров. Один из таких случаев произошел в ноябре 1903 года, когда на финско-русской границе были арестованы Ариадна Борман (Тыркова) и Е. В. Аничков. О том, каким образом это произошло, нам известно из представ-

ленных суду обстоятельств этого дела и из воспоминаний самой Тырковой. Кускова, что называется, по дружбе попросила Тыркову съездить в Финляндию и привезти пачку *Освобождения*. Хотя Тыркова не была связана с Союзом освобождения и имела о нем весьма смутное представление, она, ни минуты не колеблясь, дала свое согласие — таков был общий настрой того времени. За компанию она предложила проехаться с ней своему другу, молодому филологу Аничкову. В соответствии с инструкцией, выданной им Кусковой, они сняли себе два номера в лучшей гостинице Хельсинки. Там к ним явился неизвестный финн с двумя сумками, набитыми *Освобождением* и прочей, выпущенной Струве, литературой. Все это они, согласно инструкции, спрятали под одеждой. После того как все было сделано по инструкции, Аничков для большего удобства сунул несколько пачек *Освобождения* в карман своей шинели. При возвращении в Россию российский пограничник ощупал шинель Аничкова и, услышав подозрительный хруст, обнаружил контрабанду. Затем Аничков еще больше усугубил и без того скверное положение, крикнув Тырковой, которая с невинным видом сидела в соседнем купе: «*Ils ont trouvé!*» (Они обнаружили!) В результате они были арестованы и обысканы. У Аничкова было обнаружено 106 экземпляров *Освобождения*, у Тырковой — не менее 227 плюс несколько брошюр. Суд над ними был закрытым, но материалы судебного заседания стали известны Струве и были опубликованы им в очередном номере *Освобождения*. Если бы им вменялась в вину только контрабанда *Освобождения*, оба «контрабандиста», скорее всего, отделались бы легким испугом, но после их ареста полиция произвела на их квартирах обыски, в результате которых было обнаружено большое количество запрещенной литературы, в том числе рукописный вариант славящей Струве листовки. В итоге Тыркова и Аничков были приговорены к 2,5 годам тюрьмы. Царь сократил эти сроки до одного года. Затем Тыркова, предъявив медицинские

основания, обратилась с просьбой об освобождении под залог; эта просьба была удовлетворена, после чего Союз освобождения устроил ей выезд из России, и она присоединилась к команде Струве⁴⁵. Бедняге Аничкову пришлось отбыть полный срок. Среди арестованных за провоз *Освобождения* из Финляндии оказался и Д. Е. Жуковский, которого освободили после трехдневного задержания⁴⁶. За исключением таких случайных провалов, контрабандный провоз через финскую границу нелегальной литературы осуществлялся вполне налаженно и без серьезных срывов.

Итак, используя тщательно разработанные, обходные и весьма дорогостоящие способы, Союз освобождения доставлял в Россию огромное количество нелегальной литературы. Обычный промежуток между временем публикации в Штутгарте и доставкой ее читателям в России составлял три-четыре недели⁴⁷. Из-за отсутствия детальных исследований довольно трудно говорить о том, как широко распространялось основное издание Струве, но, судя по всему, область его распространения была весьма обширной. Содержание колонок, в которых печаталась приходившая в редакцию *Освобождения* корреспонденция, говорит о том, что это издание достигало самых отдаленных губерний страны и что при этом его внимательно прочитывали и горячо обсуждали. Водовозов пишет, что *Освобождение* «принадлежало к числу наиболее распространенных и наиболее влиятельных нелегальных русских журналов, конкурируя в этом отношении с герценовским

⁴⁵ Арест и суд над Тырковой и Аничковым описан в: А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. – Нью-Йорк, 1952. – С. 131-169; *Освобождение*. – № 24/48. – 21 мая/3 июня 1904. – С. 426-431. См. также: И. П. Белокопский. Земское движение. – С. 171п-172п; Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 121-125.

⁴⁶ И. П. Белокопский. Земское движение. – С. 172п; А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. – С. 172; Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 124.

⁴⁷ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 125.

“Колоколом”»⁴⁸, а поскольку Водовозов был известным членом Союза освобождения, а также его историографом, его мнение в данном случае имеет немалый вес.

Со временем *Освобождение* стало одним из главных источников, из которых иностранная пресса черпала информацию о России. И когда в начале 1903 года российское правительство за публикацию «подложного документа» о причастности Плеве к кишиневскому погрому выслало из страны корреспондента *Times* Д. Д. Брахама, эта газета не стала посылать в Россию другого корреспондента, а представила находящемуся в Штутгарте Струве специального корреспондента по России Гарольда Вильямса. Репортажи Вильямса носят на себе явный отпечаток материалов, которые печатались в журнале Струве⁴⁹. Два известных очерка о России, автором которых был Макс Вебер, также несут на себе следы влияния Союза освобождения и его изданий⁵⁰.

Если раньше Струве раздражал своих друзей-социалистов упорным отстаиванием приоритета свободы личности и свободы мысли, то теперь он точно так же раздражал своих новых друзей-либералов вынесением во главу всего национальных интересов. Это уже было показано на примере его отношения к русско-японской войне. Другой пример — его реакция на кишиневский погром, испортившая ему отношения с немалым числом еврейских интеллигентов.

⁴⁸ В. Водовозов. Союз Освобождения. — *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. — Т. III (доп.). — С. 353; Ср.: Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 102-103. А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. — С. 199.

⁴⁹ А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. — С. 185. Тыркова, вышедшая замуж за Вильямса, написала его биографию, названную «The Cheerful Liver». — London, 1935. Струве пишет, что после высылки Брахама из России ему, Струве, было предложено работать в качестве корреспондента *Times*. Он отклонил это предложение, тогда *Times* прислал в качестве своего специального корреспондента Вильямса. — *Россия и славянство*. — № 1. — 1 декабря 1928.

⁵⁰ М. Weber. Zur Lage, а также Russlands Uebergang zum cheinkonstitutionalismus. — *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. — XXIII, 1906.

Как и любой цивилизованный человек Струве никогда не судил о людях по их национальной или религиозной принадлежности и был абсолютно чужд любым предубеждениям подобного рода. Ни одна из его работ не содержит в себе ни малейшего намека на антисемитизм. Но как только дело касалось так называемого еврейского вопроса («так называемого» в силу того, что этот вопрос ставится отнюдь не евреями, а людьми других национальностей), Струве всегда ощущал себя русским националистом. Достижение политического освобождения и культурного процветания русского народа — вот что было великим делом всей его жизни. Интересы же населявших Российской империю национальных меньшинств не вызвали у него ни малейшего понимания. Он был согласен, что Финляндия и Польша имеют право на автономию и даже на независимость. Однако когда украинцы, мусульмане, грузины или какие-либо другие живущие на территории России национальные меньшинства устами своей интеллигенции требовали предоставления им их исконных национальных прав, у Струве это не находило ни малейшей поддержки. Для него все они, в конечном итоге, были русскими, и в качестве таковых должны были быть уверены, что все их нужды будут удовлетворены лишь тогда, когда Россия станет свободной страной. Иными словами, доминирующей национальностью в будущей свободной стране должны были быть русские. В этом смысле проживавшие в России евреи тоже были для него русскими. И их прямая обязанность заключалась в том, чтобы помогать делу освобождения России от атакизмов самодержавия; все же, что отвлекало их от выполнения этой первоочередной задачи, моментально вызывало у Струве раздражение и презрение.

Узнав о кишиневском погроме, Струве ужаснулся: он воспринял происшедшее как очередную никчемную попытку Плеве направить энергию политических и социальных противоречий в стране в русло, наименее опасное для существующего режима. Печатаемые *Освобождением* ре-

портажи давали полное и подробное описание картины кровавого побоища; именно из этого издания российская публика впервые узнала о том, что происходило за закрытыми дверями суда над участниками погрома⁵¹. Статьи Струве были полны тепла и симпатии к евреям как к людям: «Этот строй создал жестокое и бессмысленное законодательство об евреях, делающее из них каких-то загнанных в ограниченное пространство и на нем травимых зверей. Скажите, положи руку на сердце, кто бы вы ни были — друзья или враги евреев, — разве в звании человека, а не зверя состоят люди, если они не могут свободно двигаться даже в пределах отведенной им «черты оседлости», если отец и мать не могут следовать за сыном и дочерью, сестра за братом и т. п., раз у них неодинаковые «права по жительству». ...Евреи — в положении худшем, чем звери»⁵².

Однако как к российским гражданам он относился к ним более сдержанно. И не преминул использовать тему кишиневского погрома как удобный повод для того, чтобы прочесть им небольшую нотацию. «И приходится удивляться тому, как покорно еще выносит еврейское население России свое бесправное положение и вытекающий из него гнет нужды! Евреям без различия профессий и классов нужно прежде всего отрешиться от этой рабьей покорности и начать энергичную борьбу за право. С этой точки зрения сионистское движение представляет явление двойственное, внутренне противоречивое. С одной стороны, оно означает соби́рание, развитие и укрепление культурных сил еврейства и, как таковое, заслуживает всяческого сочувствия. С другой стороны, сионизм, воспитывая идею еврейской национальности и даже государственности и

⁵¹ Материалы о кишиневском погроме публиковались в *Освобождении* из номера в номер, начиная с № 12/36. — 24 ноября/7 декабря 1903. Дополнительные материалы были опубликованы в виде брошюры под названием «Кишиневский погром» (Штутгарт, 1903), выпущенной редакцией *Освобождения*. См. предисловие Струве к этой брошюре: #193. См. также: *Д. И. Шаховской*. Союз Освобождения. — С. 100.

⁵² #151/377.

тем недомысленно идя навстречу подлому антисемитизму, всячески избегает политической борьбы, борьбы за эмансипацию евреев. Между тем только в полной эмансипации может заключаться решение еврейского вопроса. От прямой постановки этой простой задачи, разрешение которой отнимет почву и у грубого юдофобства, и у еврейского национализма, последний, в лице сионизма, уклоняется — и в этом его великий грех и перед еврейством, и перед русским обществом. ...Еврейство есть раса; евреи образуют особое религиозное общество, но идея еврейской нации есть фантастический и болезненный продукт ненормальных правовых условий, в которые поставлено многомиллионное *еврейское население России*. Пусть евреи, если они могут и хотят, образуют в Палестине особое еврейское государство, мы не будем им в этом ни мешать, ни содействовать. Но в пределах русского государства они — в совокупных интересах самого еврейства и культурного развития всего русского народа — должны стать равноправными русскими гражданами. Еврейство русское и международное — в лице своих имущих представителей — обладает крупной экономической силой, и в том, что оно не пользуется этой силой для дела эмансипации русских евреев, заключается большой грех состоятельного еврейства и одушевляющего его сионизма»⁵³.

Эта «го редакторская статья многими российскими евреями была воспринята как антисемитская. *Освобождение* получило большое количество писем, в которых издание обвинялось в том, что оно третировает евреев, призывая их к раболепствованию перед имперским режимом, и отказывает им в статусе нации. Разумеется, Струве не стал ни извиняться, ни оправдываться. Этот конфликт стал своего рода предтечей куда более серьезного конфликта — по вопросу существования украинской национальности и культуры, — в диспут вокруг которого Струве ввязался несколько позже, в 1911–12 годах.

⁵³ #151/378.

Что же касается Плева, то к 1904 году *Освобождение* уже сидело у него в печенках. 24 июня 1904 года (нов. ст.) он запросил германское посольство в Санкт-Петербурге: позволяет ли германское законодательство найти какие-либо основания для закрытия этого издания, или, по крайней мере, для высылки его главного редактора? В своем отчете в Берлин немецкий посол передал слова Плева о том, что нет нужды объяснять, насколько признательно будет российское правительство германским властям, если они помогут ему ликвидировать данное издание⁵⁴. Поскольку, согласно Конституции Германской империи, решение этого вопроса было в компетенции властей Вюртемберга, Берлин переслал запрос Плева в Штутгарт. Видимо, кто-то — надо думать, один из дружески настроенных социал-демократов, работающий в правительстве Вюртемберга — тут же предупредил Струве о грозящей ему опасности, поскольку уже 28 июня (нов. ст.) он и его жена были замечены агентами охраны в Париже — они присматривали себе дом для проживания⁵⁵. В начале июля они арендовали двухэтажную виллу в Пасси (Rue Bellini 14) и вернулись в Штутгарт. Чуть позже в том же месяце Струве связался с властями в Гайсбурге и информировал их о своем намерении переехать в Париж⁵⁶, освободив таким образом власти Вюртемберга от тех забот и неприятностей, которые могли обрушиться на них в случае его дальнейшего пребывания в Штутгарте. В сентябре, проведя с семьей отпуск в Шварцвальде, он перевез весь свой домашний и редакторский скарб в Париж.

Надо сказать, что из всех политических деятелей дореволюционной России Струве особенно ненавидел Плева, равно как и Ленина, по отношению к которому у

⁵⁴ Выдержка из секретного коммюнике германского посольства в Санкт-Петербурге. — № 527 от 24 июня 1904 года, подписанного «Romberg». — Staatsarchiv Ludwigsburg.

⁵⁵ Okhrana Archives, Hoover Institution. — Index XVIIIr (1). — Report № 170, датированный 25 июля/8 июля 1904 года, подписанный Ратаевым.

⁵⁶ Staatsarchiv Ludwigsburg. — Сообщение от 25 июля 1904 года. — № 10216.

него несколько позднее возникло фактически то же чувство. В глазах Струве Плеве воплощал в себе «злой дух» режима и был официальным проводником «азиатской культуры», «охранителем и в то же время могильщиком самодержавия»³⁷. В июле 1904 года, когда бомба террориста оборвала жизнь Плеве, Струве писал: «Трупы Боголепова, Сипягина, Богдановича, Бобрикова, Андреева и ф.-Плеве не мелодраматические капризы и не романтические случайности русской истории; этими трупами обозначается логическое развитие отжившего самодержавия. Русское самодержавие в лице двух последних императоров и их министров упорно отрезывало и отрезывает стране все пути к легальному и постепенному политическому развитию и, наконец, стало лицом к лицу с ужасающей действительностью неизбежных, одно за другим следующих политических убийств. Страшно для правительства не физическое устранение Сипягиных и ф.-Плеве, а та создаваемая этими носителями власти общественная атмосфера негодования и возмущения, которая рождает из рядов русского общества одного мстителя за другим. Политический заговор и террористическую организацию можно изловить и задушить. Напряженную политическую атмосферу, рождающую убийц, нельзя разрядить и обезвредить никакой полицией. Ровно два года тому назад ф.-Плеве хвалился, что мерами умелой полиции он быстро подавит русскую смуту. И что же оказалось? Он даже технически для своей собственной особы на огромные средства департамента полиции не сумел разрешить задачи внешней охраны. При назначении ф.-Плеве его встретили, как умного человека. На самом же деле сколь велика была полицейская ограниченность этого всемогущего министра! Он думал, что, истязая инородцев на потеху бессмысленного национализма, предавая разгрому конституционную Финляндию, подавляя русскую печать, систематически подкапываясь под земство и снова на-

³⁷ #141/306; #150/344; #192; #203/1.

стежь раскрыв полиции двери в университет и среднюю школу, — он раздавит ненавистную “смуту”. Он думал, что, подменив настоящую программу коренных реформ тщательно обдуманными реакционными предначертаниями и обольстительными неясностями пресловутого манифеста 26 февраля 1903 года, он, как великий реформатор русского самодержавия, начнет собой новый период его истории, откроет его не смущаемое ничем торжественное шествие. Он думал, что самодержавие, которое ввело полицию во все и вся: законодательство, управление, науку, церковь, школу и семью... сможет предписывать великому народу законы его исторического развития. А полиция ф.-Плеве не сумела даже предотвратить бомбы. Какой он был жалкий безумец!»⁵⁸

⁵⁸ #225. Комментарии Струве по поводу манифеста от 26 февраля 1903 года содержатся в #141. Радость Струве по поводу убийства Плеве описала Тыркова-Вильямс в своей книге «На путях к свободе». — С. 176.

Глава 15

Осуществление надежд — 1905

Агония монархического абсолютизма в России длилась целый год: ее началом стала состоявшаяся в октябре 1904 года так называемая Парижская конференция «оппозиционных и революционных» партий, а концом — провозглашение Манифеста от 17 октября 1905 года. В этом Манифесте монархия безоговорочно капитулировала перед требованиями, выдвинутыми Союзом Освобождения. Что же касается лично Струве, то для него этот Манифест стал воплощением всего, к чему он стремился с 1885 года. Надо сказать, что ни один российский политик и публицист не сражался столь последовательно и целеустремленно за победившее, наконец, дело политической свободы, как он. И если бы ему было суждено умереть 17 октября 1905 года, он умер бы счастливым человеком.

Однако судьба подарила ему еще четыре десятилетия жизни, на протяжении которых — за исключением коротких промежутков — возможность реализации личной свободы в России становилась все более и более эфемерной — пока не исчезла совсем. По мере того, как это происходило, Струве пережил целую серию трагических разочарований, являющуюся содержанием второй половины его биографии, которая будет рассмотрена нами по ходу дальнейшего повествования. Правда, необходимо отметить, что даже тогда, в час своего триумфа, Струве предчувствовал, что

ждет его впереди. Он был гениальным политическим мыслителем и неудачным политиком, но в обеих своих ипостасях всегда оказывался на шаг впереди других, воодушевляя слабых духом и предостерегая тех, кто слишком восторженно праздновал победу. В его работах, написанных в 1905 году, сквозит главенствующий в них оптимизм пробиваются легко улавливаемые нотки беспокойства по поводу того, что столь удачно начавшаяся революция в любой момент может обернуться контрреволюцией. С того момента, как был провозглашен Октябрьский Манифест, Струве стал подвержен приступам «патриотической тревоги», от которых не смог избавиться до конца жизни.

Как только стало очевидно, что час самодержавия пробил, то есть после Кровавого воскресенья 9/22 января 1905 года, коалиция оппозиционных групп и партий, теоретиком и душой которой был Струве, начала распадаться. «Освободительное движение» сделало свое дело. Его, как правило, имеющая негативную направленность, деятельность в новой политической обстановке стала неуместной; теперь пришло время политических партий, которые, списав самодержавие со счета, начали конкурировать друг с другом, чтобы накануне грядущих выборов заручиться поддержкой электората. Струве не боялся ни конкурентной борьбы, ни того, какое воздействие она могла оказать на в основе своей неграмотные массы, поскольку продолжал верить в способность рабочих и крестьян ощущать, в чем заключаются их истинные интересы. Боялся Струве другого — того, что произойдет, если либералы не сумеют создать в стране жизнеспособную конституционную систему, основанную на принципах политической и общественной демократии. Если место самодержавного абсолютизма займет «барская конституция», то массы рабочих и крестьян, поняв, что их опять обманули и унизили, станут искать помощи у антилиберальных экстремистских сил как правых, так и левых. В этой ситуации, с одной стороны, правительство может попытаться восстановить полицейско-бюрократический режим, а с

другой — радикалы могут ввергнуть страну в пучину непрерывных революционных катаклизмов. Но в любом случае политическая свобода в России будет уничтожена в зародыше.

Опасаясь этого, Струве призвал либералов занять в отношении политических и социальных вопросов самую радикальную, какая только совместима с либеральными принципами, позицию. По его мнению, очень важно было обеспечить рабочим и крестьянам возможность законными средствами защищать свои интересы, а также добиться того, чтобы в их сознании возможность экономического благополучия неразрывно связалась с принципами политической свободы. Только выполнение этих двух условий создаст надежный заслон на пути экстремистов, стремящихся стать во главе масс. Никогда в жизни Струве не был столь отчаянным радикалом, как в 1905 году. Этот период, в общем-то, остался за рамками его отрывочных воспоминаний, поскольку в дальнейшем он предпочитал не вспоминать защищаемые им в то время идеи.

После убийства Плеве правительство больше месяца медлило с назначением преемника на его пост. Это было связано отнюдь не с тем, что трудно было найти высокопоставленного чиновника, который захотел бы возглавить министерство внутренних дел, поскольку, несмотря на связанный с этим постом достаточно большой личный риск, недостатка в охотниках на него не было, а с невозможностью определить, какой политической ориентации должен придерживаться будущий министр. Надо ли продолжать репрессивную политику Плеве, или необходимо отойти наконец-то от продолжавшейся вот уже четверть века полицейской практики и назначить на пост министра человека, готового повести дело к согласию и примирению. В конце концов — и это решение оказалось фатальным для самодержавия — был выбран второй вариант. Князь Святополк-Мирский, о назначении которого было объявлено в середине августа 1904 года, имел репутацию

человека, твердо убежденного в необходимости перекинуть мост через все увеличивающуюся между правительством и обществом пропасть. Став министром, он провозгласил «новый курс», который должен был восстановить национальное единство и привести к общественному согласию. Для того чтобы показать серьезность своих намерений, он незамедлительно провел ряд реформ, повлекших за собой отмену коллективных наказаний в деревне и армии, частичную амнистию политических заключенных и ослабление цензурного надзора. Казалось, что это было предвестие более значительных изменений.

Назначение на самую важную административную должность в империи Святополка-Мирского, тон его речей и характер проводимых им реформ вызвали у населения страны гораздо большее воодушевление, чем то, которое ожидало и которого, возможно, хотело решившееся на этот шаг правительство. Оптимистические надежды масс росли очень быстро, создавая ситуацию, чреватую весьма серьезными осложнениями.

Конституционалисты приветствовали проводимые Мирским реформы, однако не торопились ни уверовать в благие намерения правительства, ни принять предложенного таким образом примирения. Они, скорее, были склонны видеть в назначении Мирского своего рода маневр, истинная цель которого заключалась в том, чтобы до окончания войны с Японией удержать народные волнения в определенных рамках, после чего можно будет повернуть армию на усмирение недовольных. Такова была цена, которую царскому правительству приходилось платить за обманутые в 1879–1881 годах надежды — интеллектуальная элита страны ему больше не верила. И теперь, когда оно рассчитывало на доверие и поддержку, от него требовали не обещаний, а конкретных действий — письменных гарантий того, что в дальнейшем законодательная и административная деятельность российского правительства будет подконтрольна и подотчетна. Иными словами, от него требовали конституции.

Струве был согласен с той позицией, которую заняли его друзья в России. Узнав о назначении Мирского, он поспешил выступить на страницах *Освобождения* с предупреждением, призывая читателей не поддаваться иллюзорным надеждам: вполне возможно, писал он, что сам по себе, как личность, новый министр действительно честный либерал, но это мало что значит, поскольку он является пленником системы. Она использует его, выжмет из него все, что можно, а затем, когда станет ненужным, избавится от него. Его деятельность несет с собой не реальные реформы, а «обольстительный запах уступок». В определенной степени он даже опасен: с его помощью монархия может расколоть единство сплотившихся против нее сил¹. России нужна только одна реформа — конституция. И если Мирский действительно намеревается делать то, что обещает, он должен позволить открыто поставить вопрос о конституции. В противном случае не о чем и говорить².

Тема «безоговорочной капитуляции» правительства достаточно подробно обсуждалась на страницах либеральной прессы на протяжении всего периода, когда Святополк-Мирский был министром. Милюков в двух своих напечатанных в *Освобождении* статьях — «Новый курс» и «Фиаско нового курса», — как и Струве, отверг возможность перемирия с правительством. Его девиз был: либо все, либо ничего — либо конституция, либо война. И речи не могло идти ни о какой «промежуточной позиции» между самодержавием и конституционным правительством³. Возглавляемый конституционалистами юридический еже-

¹ #234.

² #242.

³ *Освобождение*. — № 57. — 2/15 октября 1904. — С. 113-114; № 60. — 10/23 ноября 1904. — С. 161-162. В своих воспоминаниях Милюков утверждает, что на его отношение к Мирскому сильно повлияло заявление, сделанное Витте Петрункевичу, — о том, что царь твердо настроен против конституции. — П. Н. Милюков. Воспоминания, 1859-1917. — Т. 1. — Нью-Йорк, 1955. — С. 241.

недельник *Право* занял ту же позицию. В неподписанной редакторской статье, напечатанной в выпуске от 3/16 октября 1904 года, журнал напомнил своим читателям, что два года назад, в момент своего назначения на пост министра Плеве тоже обещал реформы, которые в реальности обернулись все теми же полицейскими репрессиями⁴. В последующих выпусках *Право* все более бесстрашно защищало политическую позицию, очень сходную с той, которую уже несколько лет занимал Струве. В конечном итоге ответ конституционалистов на «новый курс» Мирского был таков: «Нам нужны не реформы, а реформа»⁵. Одним словом, либералы были полны решимости не позволить правительству ни обойтись полумерами, ни расколоть либеральное движение, ни выговорить себе время для передышки.

Такое поведение свидетельствовало о весьма воинственных намерениях, которые подчас выражались вполне откровенно. Характеризуя подобное настроение, Струве высказал мысль, которая потом часто повторялась в ходе либеральных дебатов в период двух первых Дум: «Целый ряд позиций окончательно очищен самодержавным правительством. Но главная позиция — самодержавие — все еще не оставлена. А так как спор идет именно об этой позиции, то положение вещей должно обсуждаться и поведение общества должно определяться исключительно с точки зрения захвата этой позиции»⁶.

С точки зрения Струве любые уступки или обещания уступок со стороны царского правительства являлись, скорее, своего рода предупреждающими сигналами. Он смотрел на них как на попытки расколоть оппозицию, требующие, в свою очередь, принятия организационных контрмер. Так было в 1902 году, то же и теперь, в 1904-м. Поэтому он присоединился к подготовке тайной конфе-

⁴ *Право*. — № 40. — 3/16 октября 1904. — С. 1911-1916.

⁵ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 129. Реакция прессы на политику Мирского отражена в статьях, перепечатанных в: А. Н. Ачкасов (ред.). Повяло весною... — 2-е изд. — М., 1905.

⁶ #251/201.

ренции, которая должна была состояться в Париже и цель которой заключалась в координировании всех антисамодержавных партий в Российской империи — таков был ответ на «новый курс» Мирского.

На сегодняшний день трудно установить, откуда взялась идея этой конференции. Возможно, что первое предложение о ней поступило от Польской социалистической партии на Амстердамском съезде Социалистического интернационала⁷. Однако существуют данные о том, что идея принадлежала Н. В. Чайковскому и Ф. В. Волховскому, ветеранам социал-революционного движения 1860-х, которые в то время жили в Лондоне и были давними приверженцами концепции единого фронта⁸. Но кому бы ни принадлежала идея такой конференции, все согласны в том, что самым энергичным ее проводником был финский националист Кони Зиллякус. Впоследствии стало известно, что Зиллякус — «активист», дружески относящийся к эсерам и отстаивавший идею вооруженного восстания, — был подкуплен японцами⁹, но тогда об этом никто не знал. Разумеется, Струве, как и остальные, не помышлял ни о какой «японской руке». Если бы он знал об этом или хотя бы подозревал что-либо в этом же духе, то, конечно, воздержался бы от того, чтобы иметь к этой конференции какое-либо отношение. Самому Струве японцы, довольные той

⁷ Доклад Ратаева от 9/22 октября 1904 года за № 282. — Русский политический сыск за границей. — Париж, 1914. — С. 182-183; *Каторга и ссылка*. — № 3/32, 1927. — С. 60-61.

⁸ L. Mechelin Archive, Finnish State Archive, Helsinki. — № 1617 6/2. — Неподписанное письмо к Струве, возможно, от Мехелина и датированное, скорее всего, маем 1904 года. Идея всенародного фронта против самодержавия, пропагандировавшаяся *Освобождением*, была впервые высказана в девяностые годы лондонскими эмигрантами, большая часть которых вышла из социал-революционного движения 1860-х и 1870-х. Их лидером был С. М. Степняк-Кравчинский.

⁹ *Koni Ziliacus. Revolution und Gegenrevolution*. — Munich, 1912. — S. 88-89; *Michael Futrell. Colonel Akashi and Japanese Contacts with Russian Revolutionaries in 1904-5*. — St Antony's Papers. — №20, Far Eastern Affairs. — № 4, ed. G.F. Hudson (1967). — P. 7-22. Возможно, японцы давали читать *Освобождение* русским пленным.

позицией, которую заняло в отношении русско-японской войны *Освобождение*, однажды попробовали через одного из русских эсеров предложить деньги. Дело кончилось тем, что как только он услышал об этом предложении, он тут же вышвырнул визитера из своего дома¹⁰.

О том, что в Париже должна состояться конференция, Струве узнал в мае 1904 года из письма финского националиста Льва Мехелина. Основная ее цель, как ему было сообщено, состояла в согласовании «практических действий» против правительства¹¹. О том, что, собственно, подразумевалось под этим, в письме прямо не говорилось, но было совершенно ясно, что речь идет о вооруженном восстании. Мехелин просил Струве узнать, заинтересованы ли его друзья в такой конференции. При чтении писем, хранящихся в Архиве Мехелина в Хельсинки, становится ясно, что Союз освобождения не хотел быть втянутым ни в какие действия, связанные с подготовкой восстания, в силу чего поначалу отказался от участия в конференции¹². Но затем (возможно, в связи с убийством Плеве) Союз отказался от своего первоначального решения при условии, что на конференции будет принята только «программа-минимум», приемлемая для всех участвующих в ней партий, что подразумевало исключение из повестки дня вопроса о вооруженном восстании.

Финские организаторы разослали приглашения на конференцию восемнадцати партиям, как российским, так и партиям национальных меньшинств. Согласие на участие дали только восемь партий. От Союза освобождения в конференции участвовали Струве и трое делегатов из России: Милюков, Яковлев-Богучарский и Петр Долгоруков. В составе делегации эсеров, которые, вкупе с партиями национальных меньшинств, доминировали на конференции, находился провокатор Азеф. Именно он со-

¹⁰ А. Тьркова-Вильямс. На путях к свободе. – Нью-Йорк, 1952. – С. 194-195.

¹¹ Mechelin Archive. – Finnish State Archive, Helsinki. – Два письма, датированные маем 1904 года. – (1617 6/2).

¹² Два письма, датированные летом 1904 года. – Mechelin Archive.

общил полиции о том, что говорилось на ее закрытых заседаниях. (О том, что на конференции присутствовали Струве и Милюков, стало известно только в феврале 1909 года, когда об этом публично объявил Столыпин во время думских дебатов по делу Азефа.)¹³ Остальные шесть партий представляли пограничные области империи¹⁴.

Бросалось в глаза отсутствие на конференции российских социал-демократов. Первоначально они намеревались принять в ней участие и единогласно проголосовали за это на состоявшейся в начале июня встрече¹⁵. Но перед самым началом конференции они изменили свое решение, отчасти потому, что почувствовали, что здесь не обошлось без японского вмешательства, отчасти в силу того, что боялись остаться в меньшинстве перед лицом либерально-эсеровской коалиции¹⁶.

Конференция открылась в Париже 17/30 сентября 1904 года в *Hôtel d'Orléans* на Rue Jacob и продолжалась девять дней¹⁷. Либералы подтвердили на ней свое неприятие идеи вооруженного восстания и изложили план кампании по проведению банкетов, демонстраций и петиций, требующих введения конституции. Судя по всему, этот план был принят на состоявшемся в августе Совете Союза Освобождения. Большая часть времени ушла на дискуссии по национальным вопросам, поскольку основную часть участников составляли партии национальных меньшинств. Милюков писал, что был поражен тем, насколько

¹³ *Слово*. – 12/25 февраля и 14/27 февраля 1909 года.

¹⁴ В этот список входили Польская Социалистическая партия (ППС), представленная Иосифом Пилсудским, Польская Национальная лига, Латвийская социал-демократическая рабочая партия, Грузинская партия социал-федералистов-революционеров, Финская партия активного сопротивления и Белорусская Громада, присоединившаяся к конференции в самом конце.

¹⁵ *Каторга и ссылка*. – № 3/32, 1927. – С. 57-72. Ленин присутствовал на этом собрании.

¹⁶ *Пролетарская революция*. – № 12/35, 1924. – С. 119-122.

¹⁷ См.: Доклад Ратаева, а также П. Н. Милюков. *Воспоминания*. – Т. 1. – С. 241-244.

далеко был готов зайти Струве в своем желании найти общий язык с нацменьшинствами. Действительно, из публичных заявлений Струве, сделанных им в 1904 и 1905 годах, видно, что он не только готов был одобрить полное восстановление конституции Финляндии — с этим в той или иной степени было согласно большинство либералов, — но готов был согласиться на восстановление конституционной хартии в Польше, жалованной ей Александром I в 1815 году и аннулированной Николаем I после Польского восстания в 1830 году¹⁸. Милюков был против подобной постановки этих вопросов и за оставшиеся полтора дня конференции добился того, чтобы все специфические рекомендации относительно национальных меньшинств были исключены из программы¹⁹.

Принятые конференцией решения еще раз подтвердили приверженность ее участников принципам демократии и идее замены самодержавия конституционным и демократическим правлением. Что же касается национальных меньшинств, то в резолюции было сказано о «праве на национальное самоопределение» — эту формулу каждый мог интерпретировать так, как считал нужным. Правда, наложенные на национальные меньшинства ограничения в правах и политика русификации были осуждены в достаточно ясной форме²⁰. На конференции также обсуждались конкретные способы сотрудничества в ходе противостояния имперскому режиму, однако по этому поводу ничего не опубликовано и по сей день. Хотя есть основания считать, что речь при этом шла в том числе и об оказании активной помощи *Союзу Освобождения* в развертываемой им проконституционной кампании.

Как сообщалось в *Революционной России*, органе эсеров, главная цель конференции заключалась в создании не политического союза, а «временных коалиций для до-

¹⁸ #267/279.

¹⁹ П. Н. Милюков. Воспоминания. — Т. 1. — С. 243.

²⁰ *Листок Освобождения*. — № 17. — 19 ноября/2 декабря 1904.

стижения одновременности натиска» на правительство²¹. Каждая из партий-участников сохраняла полную самостоятельность в принятии решений как по теоретическим, так и по практическим вопросам.

По просьбе представителей Союза освобождения было решено пока воздержаться от сообщения каких-либо сведений о конференции — до декабря 1904 года — с тем, чтобы дать Союзу возможность публично заявить о своем существовании²². Это было сделано в середине ноября (ст. ст.), когда все партии-участники одновременно опубликовали в своих органах протоколы и резолюции Парижской конференции. Эта акция произвела сильное впечатление, поскольку в истории российской оппозиции еще не было случая, чтобы отдельные партии настолько отрешились от своих разногласий, чтобы стало возможно принятие общей программы.

Парижская конференция официально называлась «Конференцией оппозиционных и революционных организаций Российского государства». Тем самым было зафиксировано различие между теми, кто стремился вернуться к методам революционного насилия, и теми, кто решительно от них отказался. Ибо, как только кончились совместные заседания в рамках конференции, четыре «революционных» партии создали свое собственное тайное совещание, на котором был сформирован блок координации стратегии и тактики вооруженной борьбы. Об этом было тоже объявлено публично, но в декабре 1904 года²³.

Если проводить исторические параллели, то можно сказать, что аналогом Французской Национальной Ассамблеи 1789 года в истории русской революции является большой Земский съезд, состоявшийся в Санкт-Петер-

²¹ *Революционная Россия*. — № 56. — 5 декабря 1904. — С. 2.

²² *Д. И. Шаховской*. Союз Освобождения. — С. 137.

²³ *Революционная Россия*. — № 56. — 5 декабря 1904. — С. 1-2. Милюков пишет, что в то время он ничего не знал об этом совещании. — Воспоминания. — Т. 1. — С. 244.

бурге между 6/19 и 9/22 ноября 1904 года. Именно на нем большинство выборных представителей страны, тщательно взвесив свое решение, торжественно и при полном осознании совершаемого ими шага проголосовало за введение в стране представительного законодательного собрания. И как только конституционалистское движение получило такое неоспоримое признание, страну захлестнула революционная волна.

Инициатором этого съезда, ставшего своего рода демонстративной акцией, как и многого из того, что произошло в России в течение шести поворотных месяцев после убийства Плеве, был Союз освобождения. Еще в середине августа, как уже было отмечено, совет этой организации начал думать о реализации плана национальной кампании в поддержку конституции. Об этой кампании шла речь еще во время формирования Совета, в январе 1904 года, но ее проведение было отложено в связи с начавшейся войной с Японией. Совет полагал, что для оказания максимального давления на правительство было желательно, чтобы как можно больше провинциальных земских собраний приняли резолюции, одобряющие введение конституционного правления. В конце августа (ст. ст.) два члена Совета, работавших в Московском бюро земских съездов, обратились к Шипову, главе этого бюро, с предложением объявить о созыве общенационального съезда земских депутатов, задачей которого являлась бы выработка общей политики по вопросу о конституции²⁴. Однако, поскольку бюро фактически бездействовало уже в течение двух лет, то есть с того момента, как Шипов договорился о сотрудничестве с Плеве, Союз освобождения вовсе не надеялся на положительный ответ и, не желая терять время, сконцентрировался на организации банкетов, демонстраций и петиций в поддержку конституции²⁵.

²⁴ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 129-130.

²⁵ Там же. – С. 130.

Между тем, к большому изумлению Союза, идея созыва общенационального земского съезда практически сразу получила поддержку и одобрение бюро. К тому моменту большая часть консервативных земцев уже отчаялась в своих попытках хоть как-то договориться с бюрократическим режимом, чья полнейшая некомпетентность и тупость в деле управления была нагляднейшим образом продемонстрирована в ходе русско-японской войны. В принципе, при нормальном стечении обстоятельств, преданность династии Романовых заставила бы их воздержаться от публичного выражения своего недовольства. Но предпринятые Мирским шаги создали впечатление, что монархия ждет от них того, чтобы они высказались со всей откровенностью. Поверив в это, они присоединились к конституционалистам и дали свое согласие на созыв общенационального земского съезда. 8/12 сентября бюро объявило о своем решении созвать земский съезд в Москве в начале ноября (ст. ст.). В повестку дня этого съезда, в дополнение к обычным земским проблемам, далеким от острых политических проблем, был включен вопрос и о политическом будущем страны. Случайно узнав о планах съезда (относительно его полной повестки дня он был в неведении), Мирский не только не высказался против, но даже проявил инициативу и обратился за одобрением к царю²⁶. И нет ничего удивительного в том, что, получив августейшую поддержку, предстоящий съезд вызвал в стране огромную волну нетерпеливого возбуждения. Многим казалось, что инициатива его созыва на самом деле идет от самых верхов, что правительство начало-таки свои консультации с общественностью с целью выработки общенационального консенсуса относительно политического будущего страны. Пример таких консультаций уже имел место в истории России — подобного рода консультации предшествовали отмене крепостного права. Земцы полагали, что от них

²⁶ И. Л. Белокопский. Земское движение. — М., 1914. — С. 213.

требуется формулировка своего рода конституционной хартии. Таким образом, ненароком одоббив идею проведения дискуссии по конституционной проблеме и тем самым дав ей законное основание, Мирский, сам того не осознавая, толкнул консервативные элементы в объятия Союза освобождения, влиянию которого они до того времени стойко сопротивлялись. Это явилось залогом успеха действий Союза.

Накануне земского съезда Союз освобождения провел свою вторую конференцию, принявшую несколько резолюций, которым суждено было оказать существенное воздействие на последовавшие за этим события. Делегаты проголосовали за то, чтобы Союз наконец вышел из подполья и публично заявил о своем существовании. О чем и было объявлено в № 17 *Листка Освобождения* (от 19 ноября/2 декабря 1904 года). Кроме того, конференция приняла решение об активном участии Союза в предстоящем земском съезде и о том, что необходимо приложить все возможные усилия, чтобы съезд официально принял резолюцию, одобряющую введение конституции; а также побудить провинциальные земские собрания принять резолюции, требующие введения конституции демократического типа; инициировать по всей стране, пользуясь сорокалетием судебной реформы (20 ноября/3 декабря), кампанию общественных банкетов, на которых также должны быть провозглашены требования конституции; и, наконец, сформировать так называемый Союз Союзов, который должен объединить профессиональные ассоциации в империи²⁷. Таким образом, посредством земских собраний, как местных, так и общенационального уровня, устами почтенных граждан и представителей различных профессий российское общество должно было громко и дружно, в один голос, заявить о необходимости введения конституции. Незадолго до закрытия конференции из Парижа пришел проект

²⁷ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. – С. 131-132.

политической программы, подготовленной Струве с помощью нескольких членов Союза (возможно, трех делегатов Парижской конференции). Поскольку времени для его обсуждения на конференции уже не было, проект не был рассмотрен, но был роздан для обсуждения в отделениях Союза²⁸.

Земский съезд открылся 6/19 ноября в праздничной обстановке. Его судьба до последней минуты висела на волоске, поскольку под давлением сверху Святополк-Мирский был вынужден аннулировать разрешение на проведение этого мероприятия. Но поняв, что с разрешением или без оно, съезд все равно состоится, он смирился с фактом его проведения, но на том условии, что заседания съезда пройдут в Петербурге и будут иметь характер «частного совещания». Что именно происходило на этом съезде — самой значительной общественной ассамблее за всю историю России, — в данном случае не так важно, и мы не будем на этом подробно останавливаться, поскольку Струве на нем не присутствовал²⁹. Для нас представляют интерес его последствия, полностью изменившие политический климат страны и оказавшие немалое воздействие на жизнь и мировоззрение самого Струве. Делегаты съезда проголосовали за предоставление гражданам России неотъемлемых гражданских прав, включая равенство перед законом, а также за формирование выборного представительского органа, обладающего полномочиями издавать законы, контролировать бюджет страны и назначать правительство. Слово «конституция» при этом не произносилось, чтобы не раздражать славя-

²⁸ Там же. — С. 135. В отредактированном виде эта программа вышла в виде брошюры под названием «Основной государственный закон Российской империи: Проект русской конституции выработанный группой членов Союза освобождения». — Париж, 1905.

²⁹ Материалы этого съезда были опубликованы отдельной книгой «Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 г. в Санкт-Петербурге». — М., 1905. Съезд подробно описан в: *G. Fischer. Russian Liberalism.* — P. 177-191.

нофилов; но оно подразумевалось во всех решениях, за которые проголосовал съезд. Шипов и его сторонники — около сорока человек из ста делегатов съезда — поставили свои подписи под всеми резолюциями съезда, исключая статью 10, в которой определялись полномочия будущего парламента³⁰.

Ноябрьский съезд был не просто встречей земцев, похожей на те, которые время от времени проводились в доме Шипова с середины 1890-х годов. Это была революционная ассамблея, на которой было публично заявлено о необходимости освободить Россию от самодержавной власти. И население страны инстинктивно почувствовало его историческое значение. Отправлявшихся на съезд делегатов провожали на вокзалы ликующие толпы. По приезде в Петербург они удивленно обнаруживали, что, хотя съезд проводился в частных помещениях, не имел публичной рекламы и каждый день менял места своих заседаний, петербургские извозчики каждый раз безошибочно доставляли их в нужное место, а когда те все-таки запутывались, полицейские в униформе или в штатском весьма дружелюбно указывали им, куда надо ехать. Каждый день на съезд обрушивались потоки приветственных телеграмм, и хотя в качестве адреса на них зачастую указывалось: «Земский съезд, Санкт-Петербург», почтальоны доставляли их по месту назначения. Эти телеграммы уполномочивали делегатов съезда говорить от имени не только земств, но и всего народа, и открыто выступать в защиту конституции. Один из делегатов, ставивших свои подписи под резолюциями съезда на церемонии подписания, проходившей в доме Владимира Набокова (отца знаменитого писателя) на Большой Морской, 47, воскликнул, что

³⁰ См.: К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей. — М., 1905.

³¹ Р. Будберг. Съезд земских деятелей 6-9 ноября 1904 года в Петербурге (По личным воспоминаниям). — *Былое*. — № 3/15. — март 1907. — С. 70-88; Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. — М., 1918. — С. 258-259.

будущие поколения увековечат память об этом событии на мраморной доске³¹.

Струве отозвался о съезде следующим образом: «Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что съезд 6 ноября составит эпоху в истории политического развития России. Он показал, что поворот в нашей внутренней политике не зависит ни от чьей личной воли. В первый раз ясно, твердо и открыто заговорил настоящий хозяин страны — общественное мнение. После этого события всякие попытки правительства уклониться от прямой постановки конституционного вопроса будут жалкими уловками, осужденными на полную неудачу. Репрессивные же меры, о которых мечтают разные генерал-адъютанты Сергеи, Клейгельсы и Кутайсовы, были бы теперь актами безумия.

Несмотря на слабость Царя и кн. Святополка, благодаря решительности и мужеству земцев, путь мирного конституционного преобразования еще не закрыт для правительства. Стать твердо и решительно на этот путь будет актом элементарной государственной мудрости.

Окажется ли она налицо?

История дала свое, быть может, последнее предостережение.

Будет ли оно понято?»³²

Банкетная кампания, организованная Союзом освобождения в поддержку конституции, открылась 20 ноября/3 декабря 1904 года гигантским обедом, данным в Санкт-Петербурге под предводительством писателя В. Г. Короленко. На этот обед были приглашены 650 известных писателей, ученых и представителей других профессий. Все присутствовавшие поставили свои подписи под резолюциями Союза освобождения, призывающими к введению демократической конституции. Сходные мероприятия прошли и в других городах империи, на некото-

³² #245.

рых из них были приняты даже более радикальные, нежели предполагал Союз освобождения, резолюции, требовавшие не только гарантии демократической конституции, но и созыва Учредительного собрания, которое должно было определить будущее российской государственной системы и, по всей вероятности, даже разработать условия отмены монархии как таковой³³. На своих ежегодных зимних сессиях большое количество местных земских собраний тоже приняло резолюции о введении конституции³⁴. Хотя лидерство в проведении этой беспрецедентной кампании оставалось за либералами, эсеры и даже социал-демократы тоже не преминули приложить руку к происходящему³⁵. В результате кризисная атмосфера достигла такой плотности, что стала влиять даже на самых нерешительных, малодушных и оппортунистически настроенных людей. Такое демонстративное поведение интеллектуальной и профессиональной элиты страны, открыто бросающей вызов властям, в данной ситуации оказалось решающим. С этого момента революция была обречена на успех, поскольку, как и при любой революции, для успеха требовалось создать именно такую обстановку — при которой гораздо больше гражданской смелости требовалось для защиты *status quo*, чем для его разрушения.

Непредвиденным следствием проводимой Союзом освобождения кампании явилось так называемое Кровавое воскресенье. В этот день, 9/22 января 1905 года,

³³ И. П. Белокопский. Земское движение. — С. 238-239.

³⁴ Там же. — С. 240-257.

³⁵ Группа «Искры», в данном случае возглавляемая Аксельродом и Потресовым, судя по всему, выработала своего рода соглашение с конституционалистами, позволявшее социал-демократам принимать участие в банкетной кампании. — *Революционная Россия*. — № 61. — 15 марта 1905. — С. 5. Плеханов и особенно Ленин не одобряли эту политику, которая, по их мнению, ставила социал-демократов «в хвост» либералам, см. опубликованную внутривнутрипартийную записку Ленина «Земская кампания и план Искры». — Женева, 1904. Записка перепечатана в: В. И. Ленин. Сочинения. — 30 т. — Т. VII. — С. 1-20.

рабочие, входившие в финансирувавшемся полицией «Собрание русских рабочих», возглавляемое священником Г. А. Гапоном, организовали шествие к царскому дворцу. Причина создания этих жандармских «союзов» заключалась в том, что некоторые высокопоставленные чины жандармерии были убеждены (в этом же были убеждены и «экономисты», и Ленин, делавшие, правда, из этого совершенно другие организационные выводы), что российские рабочие хотят не политической революции, а улучшения экономических и социальных условий своей жизни. Исходя из этих соображений они решили, что, если нарождавшееся в России рабочее движение будет иметь правильное руководство, его нетрудно будет повернуть в безопасное, лояльное русло. Кампания спонсирования полицией рабочих союзов вошла в историю под именем «зубатовщина»; создаваемая при этом система контроля масс стала предшественницей куда более обширной и более эффективной системы социального контроля, созданной большевиками после 1917 года. Этот проводимый властями императорской России эксперимент в конечном итоге оказался неудачным. Как и многие священники, которых уже после второй мировой войны католическая церковь посылала на фабрики Франции и Италии, Гапон довольно быстро перестал отделять себя от тех, к кому он был послан с умирительными целями, и через некоторое время превратился в настоящего рабочего лидера, первого, который приобрел в России всенародную известность.

В октябре 1904 года Гапон по собственной инициативе вошел в контакт с Петербургским отделением Союза освобождения. С этого момента трое его активистов — Кускова, Прокопович и Яковлев-Богучарский — стали регулярно посещать собрания «актива», стоявшего во главе организации Гапона, и предпринимать усилия по его политизации. Их цель состояла в том, чтобы привязать выдвигаемые санкт-петербургскими рабочими в конце 1904 года экономические требования к иницииро-

ванной Союзом освобождения общенациональной кампании за гражданские свободы и конституцию³⁶. Для распространения среди рабочих своих политических идей Союз освобождения с ноября 1904 года начал издавать две ежедневные газеты — *Наша жизнь* и *Наши дни*. В этих изданиях, которые финансировал богатый фабрикант Савва Морозов, в основном заправляли связанные с Союзом освобождения эсеры. Рабочие читали их с большим интересом³⁷.

Гапон не сразу принял предложение Союза освобождения поддержать кампанию по требованию конституции, поскольку придерживался аполитических взглядов христианско-реформистского характера. Наконец, в конце ноября (ст. ст.) он сдался и согласился на проведение среди членов своих союзов систематической политической пропаганды, в основе которой лежали резолюции недавно завершившегося земского съезда³⁸. В декабре в Петербурге проходила всеобщая стачка промышленных рабочих; за это время организация Гапона основала свои отделения во всех районах столицы, а также в нескольких провинциальных городах. Используя аппарат этой организации, освобожденцы охватили своей пропагандой довольно большое число рабочих, которым они объясняли, что, наряду с экономическими необходимо выдвигать и политические лозунги. Судя по всему, они сыграли немалую роль и в планировании состоявшегося 9/22 января 1905 года шествия к царю, поскольку подобное меропр-

³⁶ Л. Я. Гуревич. Народное движение в Петербурге 9 января 1905 г. — *Былое*. — № 1. — январь 1906. — С. 195-223; В. Невский. Рабочее движение в январские дни 1905 года. — М., 1930. — С. 134; И. П. Белокопский. Земское движение. — С. 211; G. Fischer. Russian Liberalism. — P. 196; Большая советская энциклопедия. — Т. XX. — С. 799. Шаховской утверждает, что, хотя до январских событий члены Союза освобождения довольно часто встречались с Гапоном, никакого плана совместных действий они так и не выработали. — Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 145.

³⁷ Л. Я. Гуревич. Народное движение. — С. 197; И. П. Белокопский. Земское движение. — С. 211.

³⁸ Л. Я. Гуревич. Народное движение. — С. 197-198.

ятие было вполне в духе их кампании по организации публичных демонстраций и петиций.

Петиция, которую несли в то роковое воскресенье в Зимний дворец возглавляемые Гапоном рабочие, была выдержана в стиле, подобном тому, в каком покорные крестьяне умоляют своего хозяина спасти их от неминуемой смерти. Большую часть петиции составляли жалобы экономического характера, но был в ней и политический раздел, содержание которого явно свидетельствовало, что к нему приложил руку Союз освобождения — текст этого раздела был написан одним из членов его петербургского отделения.

«Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе, ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощь, прими ее; повели немедленно сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий. Тут пусть будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов — это самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны вечно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти»³⁹.

Несмотря на нарочито простонародный стиль этого текста, он, вне всякого сомнения, передает основное содержание политической платформы Союза освобождения — требование (в присущей Союзу форме) гражданской свободы, ответственного перед народом правительства и га-

³⁹ *Освобождение*. — № 65. — 27 января/9 февраля 1905. — С. 241-242.

рантий того, что администрация будет подчиняться требованиям закона⁴⁰.

Шествие, которое организовал и вел за собой Гапон, было воспринято всеми как еще одна «манифестация» Союза Освобождения. Узнав о нем накануне, полиция арестовала всех членов Совета Союза, в связи с чем их пришлось срочно заменять временно избранными членами⁴¹.

То, что Союзу освобождения удалось убедить единственную легально функционировавшую рабочую организацию включить в свою петицию требование политической свободы, тем самым выразив согласие совместно с другими социальными классами участвовать в создании конституционного правительства, стало его величайшей, единственной в своем роде победой. Сбылись самые смелые ожидания Струве: весь народ — от аристократа-славянофила до простого рабочего — встал под знамена политической свободы. Это был триумф его программы и его стратегии: все классы и практически все партии страны поняли, что свобода является неперенным условием жизни. Достижение ее перестало быть абстрактной идеей, с которой носились «обуржуазившиеся» помещики, и стало целью всего народа.

Союз освобождения надеялся, что всевозможные манифестации солидарности, проходившие под лозунгами решений Земского съезда, вынудят правительство уступить, и конституция будет введена мирным путем. Но надежда на возможность проведения политической ре-

⁴⁰ Ф. И. Дан утверждает, что Гапон и его люди включили в свою петицию политические требования «под влиянием социал-демократов», но не приводит никаких доказательств в пользу этого утверждения, которое представляется весьма сомнительным ввиду того, что социал-демократы относились к Гапону с большим подозрением и всячески сторонились его рабочих союзов, кроме того, содержащиеся в петиции политические требования вступают в противоречие с социал-демократической платформой. — Ф. И. Дан. Происхождение большевизма. — Нью-Йорк, 1946. — С. 337.

⁴¹ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 145.

формы сверху была расстреляна пулями, посланными в шедших за Гапоном рабочих. «Последнее предостережение», о котором Струве писал в своих заметках по поводу Земского съезда, не достигло своей цели. В номере *Освобождения*, вышедшем сразу после Кровавого воскресенья, большим жирным шрифтом был напечатан заголовок «Революция в России», а под ним стояло название страстной редакторской статьи Струве — «Палач народа».

«Народ шел к нему, народ ждал его. Царь встретил свой народ. Нагайками, саблями и пулями он отвечал на слова скорби и доверия. На улицах Петербурга пролилась кровь, и разорвалась навсегда связь между народом и этим царем. Все равно, кто он, надменный деспот, не желающий снизойти до народа, или презренный трус, боящийся стать лицом к лицу с той стихией, из которой он черпал силу, — после событий 22/9 января 1905 г. царь Николай стал открыто врагом и палачом народа. Больше этого мы о нем не скажем; после этого мы не будем с ним говорить. Он сам себя уничтожил в наших глазах — и возврата к прошлому нет. Эта кровь не может быть прощена никем из нас. Она душит нас спазмами, она владеет нами, она ведет и приведет нас туда, куда мы должны идти и прийти.

Вчера еще были споры и партии. Сегодня у русского освободительного движения должны быть едино тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало. Клятвой эта мысль жжет душу и неотвязным призывом гвоздит мозг.

Против ужасных злодеяний, совершенных по приказу царя на улицах Петербурга, должны восстать все, в ком есть простая человеческая совесть. Не может быть споров о том, что преступление должно быть наказано и что корень его должен быть истреблен. Так дальше жить нельзя. летопись самодержавных насилий, надругательств и преступлений должна быть заключена.

Ни о чем другом, кроме возмездия и свободы, ни думать, ни писать нельзя.

Возмездием мы освободимся, свободой мы отмстим»⁴².

Надо сказать, что именно в тот момент, когда влияние идей Струве достигло своего апогея, влияние его публикаций снизилось. Нет, он не повторил судьбу Герцена, который после 1863 года потерял свою аудиторию из-за того, что поддержал непопулярное среди большинства русских Польское восстание. Занимаемая Струве позиция отнюдь не вошла в противоречие с господствовавшим общественным мнением. Напротив, по мнению Шаховского, его редакторские и программные статьи, печатаемые в *Освобождении*, неизменно находили отклик у читателей и часто оказывали существенное влияние на деятельность Союза освобождения⁴³. Популярность печатной продукции Струве снизилась потому, что проведенное Святополком-Мирским смягчение цензуры привело к быстрому ослаблению государственного контроля над прессой, и прежняя нужда в нелегальных изданиях, которые публиковались за границей и доставлялись в Россию с немалой затратой сил и денег, значительно уменьшилась. Уже начиная с ноября 1904 года всего за несколько копеек можно было купить газету или журнал, совершенно открыто стоявшие на платформе *Освобождения*. *Наша жизнь* и *Наши дни*, а потом — их по-разному называвшиеся преемники фактически стали «домашними» органами Союза освобождения. В мае 1905 года Петербургский Союз даже выпустил свой *Листок Союза Освобождения*⁴⁴. Более того, несколько старых, уважаемых изданий, редактируемых либо членами Союза, либо его сторонниками, начали активно поддерживать его конституционно-демократическую программу. Речь идет о таких изданиях как *Право*, *Русь*, *Русские ведомости* и ряде других.

⁴² #259.

⁴³ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 150.

⁴⁴ Там же. — С. 157.

Из-за снижения спроса на *Освобождение* Струве решил отказаться от регулярного, раз в две недели, выпуска своего журнала. После февраля 1905 года он стал выходить нерегулярно, где-то раз в месяц — между февралем и октябрем вышло всего двенадцать номеров.

После января 1905 года Струве в основном сосредоточился на проблеме политической программы. Проблема введения конституции казалась уже решенной: теперь нужно было думать не о том, получит ли Россия конституцию или нет, а о том, что это будет за конституция.

Наиболее вероятными представлялись три варианта конституции — согласно трем фракциям, на которые распалось в 1905 году либеральное движение. На правом его фланге находились возглавляемые Шиповым славянофилы, которые поддерживали идею конституции с определенными оговорками, поскольку не принимали идею выборного законодательного собрания, то есть парламента. Однако они не обладали достаточно большим политическим весом, поскольку за последние три года общественное мнение значительно полевело. Центр либерального движения занимала достаточно большая группа, поддерживающая идею представительского управления страной, но опасавшаяся толпы, которая может начать действовать как самостоятельно, так и в союзе с реакционерами или революционерами всех мастей; поэтому эта группа ратовала за создание системы, способной держать в узде гидру, которая в любой момент может разбушеваться. Судя по всему, именно эту фракцию поддерживало большинство земцев. На левом фланге находились сторонники Союза освобождения, исповедовавшие радикальный либерализм и отстаивавшие необходимость всеобщих демократических выборов и полновесных аграрных и социальных реформ. Итак, правое крыло было за конституцию при бессильном парламенте; центр — за эффективный парламент, но такой, в котором большинство мест было бы гарантировано преуспевающим и образованным гражданам; левое крыло — за парламент не только эффективный, но и по-настоящему

представляющий всю нацию, а также активный в области социального законодательства. Таким образом, вера в политическую зрелость народных масс увеличивалась по мере движения справа налево.

Разумеется, Струве находился на левом фланге: он по-прежнему был привержен принципам политической и социальной демократии, в немалой степени способствуя тому, что этим принципам оставался верен и сам Союз освобождения. В данном вопросе Струве опирался прежде всего на соображения философского характера: как уже отмечалось, настоящим либерализмом он полагал такой, который базируется на идее равенства всех людей. Однако в своих статьях 1904–1905 года, адресованных прежде всего правому флангу и центру либерального движения, он обосновывал идею демократии, используя аргументы не столько философского, сколько прагматического характера. Он был убежден, что наилучшим способом превращения русского мужика в того самого свирепого зверя, от которого антидемократически настроенные либералы приходили в такой ужас, является непрекращающееся отчуждение этого мужика от его демократических прав. По его мнению, русские крестьяне и рабочие обладают здоровым социальным инстинктом, то есть они лучше других знают, в чем состоят их действительные нужды, а также то, на что они реально могут рассчитывать при их удовлетворении. Если политическая система предоставит им возможность защищать свои интересы законным путем, они будут вести себя ответственно; в противном случае они превратятся в опасный и деструктивный элемент. В конце 1904 года и весь 1905 год Струве предпринимал огромные усилия, чтобы склонить к этой мысли тех либералов, которые были против политической платформы Союза освобождения. Вот что он писал в связи с этим. (Я хотел бы обратить внимание читателей на то, что во всех его воззваниях и призывах подспудно присутствует сомнение в самой возможности существования в России надежных

гарантий свободы; это особенно заметно в статьях, относящихся ко времени после марта 1905 года, когда звуки первой весенней оттепели смешались с первыми громаханиями Жакерии.)

«Теперь, когда бытовые и сословные грани между интеллигенцией и народом поизгладились, когда интеллигенция идет всякими путями к народу, а народ из себя выделяет интеллигенцию — совесть русской интеллигенции никогда не примирится с политическими привилегиями. Это значит, что, если политический строй конституционной России не будет утвержден на демократическом фундаменте — то управлять Россией неизбежно придется против интеллигенции, в постоянной борьбе с ней, то есть с огромной растратой национальных сил. В то же время всякая конституция, как бы она ни была недемократична, сама по себе создаст такие условия для борьбы *радикальных* элементов, при которых с этими элементами придется считаться все более и более, как с *непосредственными представителями народных масс*.

В конституционной России социал-демократия перестанет быть тем, чем она является теперь — интеллигентской организацией, выражающей интересы и формирующей потребности пролетариата, а станет *подлинной* пролетарской или *рабочей* партией. В конституционной России заговорит *от себя* и крестьянство. И то, и другое произойдет очень быстро. И можно с полной уверенностью сказать, что только демократическая реформа сразу введет и рабочий класс, и крестьянство в нормальное русло отстаивания своих интересов *мирными средствами законной борьбы за право*.

При самодержавии Россия находится в состоянии скрытой, или, вернее, вогнанной внутрь народного организма, но разрастающейся вглубь и вширь хронической революции, которая неизбежно перейдет в острую форму, если не будет предпринята крупная реформа. *Маленькая конституция* может, или, вернее, должна сейчас же породить дальнейшее политическое движение, которое, в слу-

чае упорства правящих классов, *неизбежно приведет к большой революции*»⁴⁵.

«Я глубоко убежден в справедливости основанной на всеобщем голосовании избирательной системы, я твердо уверен, что она соответствует началам истинного и широкого либерализма. Но здесь я имею в виду отстаивать целесообразность всеобщей подачи голосов для современной России не как либерал и не как демократ, не с точки зрения моих идеалов политической справедливости, а с точки зрения социального умиротворения страны и водворения в ней прочного государственного порядка. Если стремление к этим благам угодно называть консерватизмом, то я берусь утверждать, что всеобщее избирательное право диктуется для России здравым дальновидным консерватизмом. Прежде чем обосновывать этот тезис, я должен отвести возражение либеральных противников всеобщего избирательного права, полагающих, что эта система выборов утверждает в России господство невежественной толпы, которая делается игрушкой в руках реакционеров.

На самом деле это возражение есть в высшей степени гадательная гипотеза, построенная на шатких исторических аналогиях. В конкретных условиях русской действительности она не имеет ни малейшей опоры. Народные массы в России, как и всюду, пойдут за теми политическими направлениями и деятелями, которые смогут обещать и провести действительное удовлетворение назревших нужд этих масс. А удовлетворение важнейших нужд народных масс возможно в России только путем широких экономических реформ в демократическом духе, таких реформ, которым не может сочувствовать ни одна из наличных и возможных в России реакционных сил. К тому же демократические экономические реформы настолько сложны в современной России, что их осуществление будет совершенно не под силу государственному аппарату, находящемуся в руках реакционеров. Те

⁴⁵ #237/129.

условия, в которых существовал демократический цезаризм Наполеона III, продолжающий до сих пор гипнотизировать многих политиков, враждебных всеобщему избирательному праву, не представляют с русской действительностью никакой серьезной аналогии. Во Франции второй империи не было крестьянского вопроса и не могло быть речи о крестьянской реформе. Крестьянин был политическим консерватором, потому что его экономические интересы не требовали никаких реформ, которые сталкивали бы его с властью и внушали бы ему мысль о реальном значении для него политической самодетельности. ...

Но, скажут нам, суть дела именно в том, что при всеобщем избирательном праве политически реакционное русское правительство, ценой удовлетворения всех экономических требований крестьянства, в союзе с ним раздавит всякое свободное движение в стране. Те, что рисуют, в результате всеобщего голосования, такие перспективы, забывают, что правительство страны не есть отвлеченная категория, которую можно по произволу вставлять для определенных целей в любую комбинацию социальных и политических сил. Реакционное русское правительство есть живое, исторически определенное, на данных социальных основах выросшее политическое явление, которое не может быть переставлено на совершенно новый и чуждый ему социальный фундамент. Земские начальники, губернаторы, министры-бюрократы, великие князья с их административными уделами, самодержавный царь — все это не отвлеченности, а живые явления. Они или, другими словами, русское реакционное правительство не может вдруг, ради сохранения своей власти, стать слугой крестьянства и опереться на него. Это было бы социологическое чудо, бояться которого нечего. Прочное введение такой радикальной политической реформы, как всеобщее голосование, само может явиться лишь следствием столь радикального перемещения социальных сил в нашей стране, которое отнимет почву у всякой

реакции и сделает ее сколько-нибудь длительное торжество абсолютно невозможным.

Наконец, тем, кто опасается, что крестьян, по их невежеству и беспомощности, легко будет обманывать на выборах, мы скажем, что против такого обмана в крупных размерах русских крестьян с самого же начала свободной политической жизни в значительной мере предохранит тот присущий массам верный социально-политический инстинкт, которого так основательно боялись и до сих пор боятся наши реакционеры. Когда по всей стране пройдет живительное дуновение политической свободы, когда везде будет безвозбранно выкинута политические знамена и лозунги, крестьяне быстро сумеют отличить своих друзей от врагов и отыскать настоящее крестьянское знамя.

Те, кто боятся искажающего давления реакционных факторов на крестьянские выборы, не учитывают той огромной очистительной работы, которая будет разом совершена самим фактом ликвидации самодержавно-бюрократического режима и которая в огромной степени просветит социально-политическое сознание народных масс. Нужно помнить, что в России происходит целая революция, то есть огромный социальный сдвиг, при котором комбинация политических сил должна радикальным образом измениться.

Но если дело обстоит так, то что же означает наше выраженное выше мнение, согласно которому всеобщее избирательное право диктуется для России здравым консерватизмом? Нет ли в этих двух утверждениях непримиримого противоречия? Мы глубоко убеждены в том, что между ними нет ни малейшего противоречия, а что, наоборот, одно утверждение с неумолимой логикой вытекает из другого.

Огромный социальный «сдвиг», совершающийся в современной России, требует для своего мирного осуществления самых широких политических форм. Процесс общественных изменений, переживаемый Россией, представляет одну из тех комбинаций, при которых радикальное решение политического вопроса является единствен-

ным умиротворяющим, единственным обеспечивающим истинный порядок.

Политическая реформа приходит в Россию не слишком рано, а слишком поздно для какого-нибудь промежуточного решения. Те «оппортунисты», которые с торжеством указывали на то, что народ в России относится безразлично к конституционной реформе, и отсюда выводили ненужность этой реформы, упустили из виду, что политическое безразличие и безучастие масс есть *conditio sine qua* поп такой умеренной реформы государственного строя, при которой эти массы могут не приниматься во внимание в качестве политического фактора. Выжидая, пока самодержавие само даст политическую реформу, «оппортунисты» опоздали со своими решениями политического вопроса. Опоздали в двояком смысле. Им не дадут провести их промежуточное решение, и даже если такое решение и будет проведено, оно не умиротворит страны.

Россия стоит не только перед политическим преобразованием. Вернее, в политическом преобразовании, как в фокусе, сходятся все ее назревшие нужды, все великие и сложные социальные проблемы, перед которыми самодержавие оказалось совершенно бессильно. Народные массы проснулись и зашевелились. Их движение показывает, что они вышли из косного состояния, чувствуют свою силу. Жизнь народных масс поставила целый ряд трудных вопросов и задач. Русская интеллигенция, в лице ее различных направлений, давно живет и болеет этими вопросами, у нее накопились различные, более или менее продуманные, их решения. Нужно открыть всем силам выход, предоставить всем решениям возможность вступить в состязание на широкой арене свободной политической жизни.

Только всеобщее избирательное право даст всем общественным элементам равную возможность измерить свою настоящую силу. Только оно даст нам познание действительной меры всех вещей в государстве. Нас пугают радикальными программами и увлечением масс этими программами при всеобщем голосовании. Но наличность

радикальных программ и политическое пробуждение масс суть факты, с которыми уже теперь приходится считаться и еще более придется считаться на следующий день после политической реформы, как бы далека она ни была от всеобщего голосования. И можно смело утверждать, что радикальные программы будут тем сильнее и в то же время бесплоднее влиять на народные массы, чем меньше эти массы будут властно и ответственно участвовать в устроении государственной жизни.

До тех пор, пока народные массы не будут на равных с имущими классами правах участвовать в законодательстве, ими всегда будут владеть такая тревога и неудовлетворенность, которую постоянно будет питаться всяческая «смута». Разве продолжающееся до сих пор стачечное движение не показывает, что, при невозможности удовлетворить свою потребность в политическом самоопределении, рабочие массы вступают на путь экономической борьбы, прямо губительной для них самих и разорительной для других классов общества? Разве мы не видим, что в этой борьбе рабочие нередко выставляют требования, объективно невыполнимые, требования, которые, при политической свободе и равноправии, не могли бы быть поддерживаемы ни одной минуты ни ими, ни их друзьями? Разве при возможности для крестьян нормально влиять на законодательство, аграрные беспорядки, подобно лесному пожару, могли бы захватывать огромную территорию? Разве те самые политические влияния, которые теперь обнаруживаются во всех рабочих и крестьянских беспорядках, не искали и не находили бы себе в демократическом строе более прямых и верных путей к достижению своих целей?

Единственное средство — ввести огромное социальное движение, охватившее теперь городской и сельский трудящийся люд России, в русло закономерной борьбы за интересы, заключается в призывании всего народа — на равных правах — к политической жизни, то есть во всенародном голосовании. Дайте политическую свободу и политическое равенство — и сама жизнь свободно отметет

все то, что заключается в радикальных программах преждевременного и неосуществимого. Но пусть все, что есть в них жизненного, необходимого и ценного для масс, пусть все это получит в политическом строе обновленной России возможность полного осуществления, ибо только при этом условии наступит в России нормальный ход государственной и общественной жизни. Тем, кто от всенародного голосования с трепетом или с восторгом ждет ужасов культурного варварства или чудес коренного социального переворота, — мы скажем, что никаких ни ужасов, ни чудес оно не произведет, что массы, призванные к политическому и социальному строительству, не поразят нас ни своим реакционерством, ни своим радикализмом. Всенародное голосование всему укажет свое надлежащее место и даст безошибочную оценку всякой социальной силе.

При всенародном голосовании народные массы, став ответственными распорядителями собственных судеб, узнают и поймут, что́ возможно и что́ невозможно. До тех пор, пока народным массам не будет дана возможность заявлять и осуществлять свою волю в законодательстве, в распоряжении государственными средствами и в контроле над правительством, — на пути к умиротворению общества будет всегда стоять указание на то, что народ устранен от должного влияния на государственную жизнь, что поэтому его интересы оставляются без внимания и удовлетворения. Это значит, что народные массы, не сознавая себя хозяевами государства, будут питать к нему вражду. При наличности крепкой революционной традиции в русской интеллигенции, при существовании хорошо организованных социалистических партий, при давнем и глубоком культурном отчуждении народных масс от образованного общества, — всякое иное разрешение вопроса о народном представительстве, кроме всеобщего голосования, будет роковой политической ошибкой, за которой последует тяжелая расплата»⁴⁶.

⁴⁶ #300/vii-x; ср. #286a.

Трудно найти более красноречивую апологию веры во всемогущество демократии, столь распространенную среди старой русской интеллигенции начала XX века.

Струве настолько увлекся этой проблемой, что в некоторых своих статьях 1904–1905 годов даже не упоминал ни о либеральной, ни о конституционалистской партии, ведя разговор о партии «демократической», как будто предчувствовал, что в конечном итоге Союз освобождения отойдет от конституционалистского движения⁴⁷. Кроме того, он всеми силами поддерживал идею всенародно избранного Учредительного собрания, которое составит проект основного закона страны⁴⁸.

Уделяя огромное внимание проблеме *политической* демократии, Струве проявлял не меньшее усердие по поводу *социальной* демократии, проблема которой была неотъемлема от вопросов аграрной реформы и социального законодательства. На раннем этапе существования Союз освобождения не определялся в своем отношении к этим вопросам (хотя уже на встрече в Шафгаузене для всех было ясно, что эта проблема существует), поскольку считал необходимым целиком сосредоточиться на пропаганде конституционалистских требований. Но к зиме 1904–1905 годов, когда социальная напряженность в России заметно усилилась, стало ясно, что необходимо выработать определенную позицию и по социальным вопросам. В центре открывшейся дискуссии снова оказался Струве, защищавший платформу либерально-демократической партии, строго придерживавшейся принципов социальной справедливости. Следующий отрывок был написан в марте 1905 года.

«Образование из разнообразных элементов интеллигенции крепко сплоченной демократической партии представляется в настоящий момент делом безусловной необходимости. Время критическое. Освободительное

⁴⁷ См., например: #267; #269/281; #277/337.

⁴⁸ #267/278.

движение именно в силу своего стихийного характера, я бы сказал, в силу внезапности своего натиска требует наличности демократической партии и притом партии, в высшей степени активной. На сцену выступают подлинные народные массы. Демократическая партия не имеет права в такое время пассивно созерцать движение народных масс. В особенности невозможна пассивность ввиду растущего крестьянского движения.

Крестьянское движение, конечно, носит стихийный и неорганизованный характер, но если интеллигенция, и в том числе земские люди, будут перед лицом его пребывать в пассивном состоянии, они в политическом смысле окажутся в тисках между бунтующим крестьянством и охраняющим самодержавие правительством. Правительство не прочь... натравить крестьян на образованные классы и в том числе на либеральных помещиков. Но, с другой стороны, правительство само боится и должно бояться крестьянского движения, так как серьезных уступок крестьянству самодержавное правительство не может сделать. Пока черные сотни, подобранные полицией, с некоторым числом одурманенных добровольцев из народа избивают интеллигенцию на улицах городов, самодержавное правительство может потирать руки от удовольствия. Но крестьянской аграрной революции оно должно бояться еще больше, чем сами помещики, ибо, поддерживая крестьян, оно восстановило бы против себя помещиков, а поддерживая помещиков и расстреливая крестьян, оно проделывало бы своими собственными руками гапоновский эксперимент над крестьянами, то есть создавало бы абсолютно крепкий, несдвигаемый фундамент для русской политической революции. Такова логика событий. Русская оппозиция, не только демократическая, но и умеренно-конституционная, должна в настоящий критический момент исходить из того факта, что *в стране уже началась аграрная революция*. Если так, то единственная разумная со всех точек зрения тактика состоит в том, чтобы овладеть революцией в самом начале и, признав в существе эту революцию законной, вдвинуть ее в русло закономерной социальной

реформы, осуществляемой в связи с полным политическим преобразованием страны теми средствами, которые даст демократическая конституция.

Вот почему решение аграрного вопроса в самой недвусмысленной формулировке введено в данную нами выше программу демократической партии. Я лично считаю такую резкую постановку аграрного вопроса в программе единственным разумным шагом, обязательным не только для демократов, но и для конституционалистов вообще. Точно также *активную, революционную* тактику в современной стадии русской “смуты” я считаю единственной разумной для русских конституционалистов. Если настоящий момент будет пропущен для активной тактики — то “закон действия” будет продиктован или, вернее, навязан русскому конституционализму, с одной стороны, самодержавным правительством, с другой — стихийным движением народных масс и поведением социалистических партий. Я нарочито в данном случае говорю не только о демократах, но и о всех вообще русских конституционалистах и даже особенно имею в виду конституционалистов из землевладельческого класса.

Им надлежит понять, что политическая реформа в современной России тесно сплелась с социальными проблемами и что при этом аграрная революция началась в России при условиях исключительных и в мировой, и в ее собственной истории. В стране существуют социалистические партии и рабочее движение. И социалистические партии, и еще более рабочее движение, на которое они влияют, передают и передадут революционную энергию крестьянской массе.

Из нужды крестьян в связи с социалистической агитацией и с социалистическим перевоспитанием рабочего класса получится такое движение, с которым было бы бессмысленно бороться. С революциями умные, истинно государственные люди вообще не борются. Или иначе: единственный способ борьбы с революцией заключается в том, чтобы стать на ее почву и, признав ее цели, стремиться изменить только ее методы ...

Революцию, повторяем, победить нельзя, революцией можно только овладеть»⁴⁹.

Того же мнения он придерживался и в ходе состоявшегося на страницах французской газеты *Humanité* обмена мнениями между ним и Жаном Жоресом: «...России нужно правительство сильное, правительство, которое не будет бояться революции, потому что оно станет во главе революции. ...революция в России должна стать властью»⁵⁰.

Скрытое за этими радикальными рассуждениями беспокойство не ускользнуло от внимания некоторых проницательных наблюдателей-социалистов. Комментируя сложившуюся в июле 1905 года ситуацию в России, Карл Каутский снисходительно заметил, что российские либералы, такие, как Струве, проявляют все большую озабоченность по поводу растущей анархии и готовы оплакивать отсутствие сильной власти. Подобные опасения Каутский находил совершенно необоснованными: история Франции показала, что рабочий класс лучше всего созревает как раз в революционных условиях. «Поэтому перманентная революция есть именно то, что нужно российскому пролетариату», — заключил Каутский, добавив, что, судя по всему, к этому дело и движется⁵¹. Струве полагал, что в этом, лично ему адресованном пассаже впервые была высказана концепция «перманентной революции»⁵².

В марте 1905 года Струве, наконец, сформулировал, какие именно социальные реформы он считает необходимыми. Прежде всего его волновало положение крестьянства. Теперь он отвергал политику высоких тарифов на импортные промышленные товары, за которую ратовал в бытность социал-демократом: эти тарифы должны быть существенно снижены, чтобы устранить условия, при ко-

⁴⁹ #269/281-282.

⁵⁰ P. Struve. La Révolution russe et la Paix: Lettre ouverte au citoyen Jean Jaurès. — *Humanité*. — № 417. — June 8, 1905; русский перевод см.: #281. Ср. #282.

⁵¹ *Die Neue Zeit*. — XXIII. — № 41. — 5 July, 1905. — S. 462.

⁵² *Русские ведомости*. — № 19. — 25 января 1907.

торых небольшая группа промышленников наживалась за счет сельского населения страны. Назрела необходимость и аграрных реформ. Крестьянские общины, которым не хватает земли, должны получить дополнительные земельные наделы. Эта «прирезка, которая — поскольку дело касается частновладельческих земель — должна быть осуществлена путем *обязательного выкупа* земель на *государственный счет*». Промышленные рабочие должны получить право на организацию профсоюзов и проведение забастовок, им также должна быть гарантирована социальная защита, в том числе государственное страхование. Кроме того, рекомендации Струве касались судебной и школьной реформ: по его мнению, они должны быть проведены таким образом, чтобы гарантировать всем российским гражданам начальное образование при условии невмешательства в образовательную систему церкви и полиции⁵³.

Выступая в защиту политических и социальных реформ, Струве имел в виду и предупреждение радикализации народных масс. Весной и летом 1905 года ему казалось, что этой опасности еще можно избежать. Отвечая на поставленный на страницах *Освобождения* вопрос одного из российских авторов — каким образом либералы собираются обойти радикалов в сфере влияния на массы и при этом остаться верными своим принципам, — Струве провел различие между «революцией» и «революционизмом». Революция, считал он, возникает в результате спонтанных, но, по сути своей, естественных действий населения, которые становятся опасными только тогда, когда что-то мешает нормальному развитию событий. Революционизм же является особым состоянием сознания, весьма характерным для той части интеллигенции, отличительной особенностью которой является потеря связи с реалиями жизни. Если говорить конкретнее, это означает «тенденцию подчинить живую политическую деятельность отвлеченно-радикальной программе и доктринерское отрицание всякого компромисса». Российские ради-

⁵³ #267/279. Ср.: Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — С. 150.

кальные партии поражены этой болезнью — революционизмом, — поскольку состоят почти сплошь из интеллигентов и не имеют поддержки масс. Как только они обретут эту поддержку, что неизбежно произойдет в условиях демократической системы, они либо откажутся от своего радикализма, либо исчезнут с политической сцены. Иными словами, в условиях политической и социальной демократии революционизм не представляет никакой реальной угрозы для страны⁵⁴.

Однако осенью 1905 года Струве был вынужден пересмотреть свои чересчур оптимистические прогнозы. Поступавшие из России сообщения говорили о том, что радикалы, в особенности социал-демократы, в гораздо большей, чем он мог предположить, степени преуспели в рекрутировании сторонников среди студентов и рабочих, поворачивая их сознание от борьбы за политическую свободу и удовлетворение своих экономических требований в сторону «революционизма». В некоторых университетах настроенные социал-демократами студенты прерывали занятия и даже бойкотировали профессоров, заподозренных в том, что они придерживаются «реакционных» взглядов. Рабочих же социал-демократы настраивали на выдвижение совершенно нереальных требований, которые с очевидностью не могли быть удовлетворены. Подобное развитие событий вызывало у Струве тревогу: «Тактика социал-демократов, конечно, определяется ее характером, как узкой интеллигентской группы, желающей представлять рабочий класс, но это только один корень этой тактики. Другой заключается в самом мировоззрении социал-демократии, которому чужда *идея права*. Реакционное насилие самодержавия социал-демократия желает побороть революционной силой народа. Культ силы общей с ее политическим врагом; она желает только другого носителя силы и предписывает ему другие зада-

⁵⁴ #277. Эти мысли он изложил в ответе на статью «Как не потерять себя?», присланную в *Освобождение* неким «У-в»ым. — № 69-70. — 7/20 мая 1905. — С. 333-334.

чи. Право в ее мировоззрении есть не идея должного, а приказ сильного»⁵⁵.

Узнав о том, что двое профессоров российского университета, обвиненные студентами в том, что они якобы придерживаются реакционных взглядов, вынесли свое дело на рассмотрение суда чести, Струве взорвался. «Нельзя ни за кем, даже за студентами, признать право на привлечение к суду за образ мыслей. Я не только не пошел бы сам судиться, если бы был обвинен в «реакционерстве», я никогда не пошел бы никого судить за это. И не только не пошел бы, но и громогласно заявил бы протест против того, что мне предлагают идти в такой суд. Право на «неблагонадежность» я признаю принципиально, философски, как право неотъемлемое, кто бы ни устанавливал понятие «благонадежности»; я не желаю подчиняться в этом деле никакой власти, никакому участку, все равно чем бы он ни был украшен — двуглавым орлом или фригийской шапкой и ведет ли его зеркало свое происхождение от Петра Великого или от Карла Маркса»⁵⁶.

В августе Струве вместе с семьей переехал из Парижа в Бретань. Сняв виллу на Pointe de St. Cast, Струве провели несколько спокойных недель — вдали от политических бурь и волнений в компании с Тырковой и незадолго до этого приехавшего из России их молодого друга — Семена Франка⁵⁷.

Но когда они в сентябре вернулись в Париж, то от политики уже было не спрятаться. Газеты ежедневно при-

⁵⁵ #294/497. Датировано 12 октября 1905 года (нов. ст.). В *My Contacts and Conflicts with Lenin*. — *The Slavonic and East European Review*. — XIII. — № 37. — July 1934. — P. 83 Струве утверждает, что при написании этого заявления он имел в виду прежде всего Ленина.

⁵⁶ Там же. См. также предисловие Струве к: *М. П. Драгоманов. Собрание политических сочинений*. — Т. 1. — Париж, 1905. — С. v-vii; *Betrachtungen über die russische Revolution* в: *Josef Melnic, ed. Russen über Russland*. — Frankfurt-am-Main, 1906. — P. 1-15.

⁵⁷ *А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе*. — С. 206-207; *С. Франк. Биография П. Б. Струве*. — С. 44.

носили сведения о происходивших в России волнениях и забастовках и о прогрессирующем бессилии властей. Поэтому, несмотря на риск быть арестованным на границе, Струве всерьез засобирався в Россию, ибо ему отчаянно не терпелось оказаться в эпицентре разыгравшейся бури. Однако уехать немедленно он не мог, поскольку его жена Нина вот-вот должна была родить. Тыркова позже вспоминала, что в эти последние для российского самодержавия дни Струве полностью потерял голову.

«По десять раз в день бегал он на станцию метро, к газетному киоску, хватал все выпуски, утренние, вечерние, ранние и поздние, полдневные и закатные, обычные и экстренные. Их все газеты выпускали. Целые страницы были полны Россией, и на каждой можно было найти новые подробности, подтверждавшие силу движения. Струве ходил по улицам Пасси, раскрыв перед собой газету, как щит, рискуя попасть под извозчика, натываясь на прохожих, не обращающих внимания на их поношения, довольно заслуженные. Дома он бессмысленно заглядывал во все комнаты, бормотал непонятные слова, смотрел на нас невидящими глазами. ...

И вдруг вечером, 17 октября, появились экстренные выпуски, где огромным шрифтом были напечатаны заветные слова:

ЦАРЬ УСТУПИЛ. КОНСТИТУЦИЯ ДАНА.

Как раз в тот день Нине Струве пришло время родить. Это был ее пятый ребенок. Нина не легла в больницу, а проделала привычную работу у себя дома. Как и подобало жене редактора конституционного журнала, она выбрала для родов знаменательный день 17 октября, когда была дана конституция...

Вздохмаченный Струве, потрясая пачкой газет, расталкивая всех, ворвался в спальню, где его жена напрягалась в последних родовых муках:

— Нина! Конституция!

Акушерка взяла его за плечи и вытолкнула из спальни. Через полчаса родился пятый струвененок»⁵⁸.

Друзья Струве потом шутили, что этапы его политической эволюции можно точно отследить по датам рож-

дения его детей: первый родился 1 мая, а последний — 17 октября.

Наконец наступил момент, когда он мог отправляться в дорогу⁵⁹. Один из друзей Струве, поэт Максимилиан Волошин, дал ему свой паспорт, с которым он 19 октября/1 ноября выехал в Берлин. Прибыв туда на следующий день, он уже намеревался пересесть на поезд до Санкт-Петербурга, как вдруг выяснилось, что в эти дни поезда в Россию не ходят, поскольку там объявлена всеобщая забастовка. Берлин был заполнен русскими, которые съехались туда со всей Европы и, как и Струве, стремились как можно скорее вернуться в Россию. Для того чтобы решить эту проблему, германское правительство снарядило специальный поезд до портового города Штеттина, откуда регулярно отходили пароходы до российской столицы. Приехав на вокзал, чтобы сесть на штеттинский поезд, Струве был встречен Иоллосом, главой Берлинского отделения телеграфного агентства Санкт-Петербурга, который прибыл специально для того, чтобы увидеться с ним и сообщить ему новость, только что переданную по телеграфу: по ходатайству Витте царь даровал Струве прощение.

После непродолжительного морского путешествия, во вторник, 25 октября/7 ноября 1905 года, Струве прибыл в Санкт-Петербург, на родину, которую уже и не надеялся когда-либо увидеть.

⁵⁸ А. Тьrkова-Вильямс. На путях к свободе. — С. 209-210. Здесь я вынужден сделать одно педантичное замечание: Струве узнал об Октябрьском Манифесте не из французских газет, а из телеграммы, посланной ему из Берлина Иоллосом. — *Россия и славянство*. — № 196. — 27 августа 1932.

⁵⁹ Последующий рассказ о возвращении Струве в Россию построен на основе его воспоминаний в: *Россия*. — № 24. — 4 февраля 1928; *Россия и славянство*. — № 196. — 27 августа 1932; см. также: В. А. Поссе. Мой жизненный путь. — М.-Л., 1929. — С. 402-403; *Русские ведомости*. — 27 октября 1905 года.

Именной указатель

- Азеф Е.Ф. — 508–509
Александр I — 510
Александр II — 32–33, 37, 49, 80, 404–406, 458, 486
Александр III — 36, 196, 224, 408
Аксаков, Иван — 27, 31–39, 41, 86, 404, 423, 429, 449
Аксельрод П. Б. — 79, 93, 98, 207, 313, 338, 351–352, 392–393, 411, 439
Амфитеатров А.В. — 221
Аничков Е.В. — 491–493
Арсеньев К.К. — 42–43, 115–116, 186, 223, 262, 477
- Багратион** — 18
Бакунин М.А. — 74, 135, 239, 399, 458
Бартеньев В.В. — 186
Барятинский В.В. — 360
Бауэр, Бруно — 231–232
Бауэр К.К. — 109
Бибель, Август — 489
Белинский В.Г. — 142
Бем–Баверк, Эйген — 326, 331
- Бердяев Н. А. — 416, 467
Бернштейн, Эдуард — 92, 232, 247, 300–301, 303–307, 314–319, 327, 338, 343–345, 351, 370, 418–419
Бисмарк, Отто фон — 98, 104, 235, 355, 460
Боголепов Н.П. — 385
Браун, Генрих — 132, 137, 141
Брахам Д.Д. — 494
Брентано, Луйо — 119, 134, 166–167, 170
Булгаков С. Н. — 267–269, 272–273, 312, 327, 342, 344–346, 414, 467
Бюхер, Карл — 296, 342
- Валентинов Н.В.** — 193
Вальрас, Леон Мари Эспри — 331
Варгунин В.П. — 46
Вебб, Беатриса — 341
Вебб, Сидней — 341
Вебер, Макс — 268, 485, 494
Вересаев В.В. — 311
Вернадский И.В. — 63, 467

- Визер, Фридрих — 331
Вильямс, Гарольд — 494
Витте С. Ю. — 384, 389, 391, 409,
436, 453, 455, 473, 542
Воден А.М. — 109, 111, 113–114,
132, 154
Водовозов Н.В. — 109, 113, 186,
493–494
Восейков А.А. — 310–311
Волошин М.А. — 542
Волховской Ф.В. — 507
Воронцов В.П. — 66–71, 95, 125,
127–130, 144, 151–152, 160,
173–176, 188, 191, 200
- Гакстгаузен, Август фон — 295
Гапон Г.А. — 519–523
Гарденберг, Карл — 33
Гартинг А.М. — 462, 481
Ге Н.Н. — 112
Гегель, Георг Вильгельм
Фридрих — 86, 91, 231–232, 270,
319
Гейден П.А. — 216–217
Герд В.А. — 102, 108, 186
Герд, Н.А. — 250
Геркнер, Генрих — 119
Герцен А.И. — 34, 50, 60–61, 63,
74, 117, 135, 138, 314, 435, 439,
486, 524
Гесс, Мозес — 229–230, 234
Гильдебрандт, Ричард — 118
Головин К.Ф. — 172
Голубев В.С. — 108, 114
Горемыкин И.Л. — 313, 316, 389
Горький, Максим — 258, 311, 443
Грюн, Карл — 229–231, 234
Госсен, Герман Генрих — 331
- Гумплович, Людвиг — 87,
118–119
Гурович М.И. — 309–311
Гуттен, Ультох фон — 431
- Даниельсон Н.Ф. — 95, 122–129,
137, 139–142, 144, 146–147,
151–153, 173–176, 188, 191, 200,
205, 242
Дарвин, Чарльз — 27, 52–53, 87,
262, 340
Дебогора–Мокриевич В. — 486
Дельбрюк, Ханс — 333, 489
Джевонс, Уильям Стэнли — 331
Дитц Дж. — 384, 442, 447
Долгоруков, Павел — 409
Долгоруков, Петр — 409, 411,
455, 467, 471, 508
Достоевский Ф.М. — 27, 31–32,
314, 399
Драгоманов М.П. — 435, 486
Дюма, Александр — 21
- Екатерина II (Великая) — 399
Елисеев Г.З. — 66
Еллингек, Георг — 424
- Жорес, Жан — 537
Жуковский Д.Е. — 358, 362, 365,
437–438, 447, 466–467, 493
- Засулич В. И. — 25, 76, 79–80,
130, 195, 228, 246–247, 259, 308,
315, 338, 359, 369, 376, 387, 439
Зиллякус, Кони — 490–491, 507
Зиммель, Георг — 161–162, 413
Золя, Эмиль — 259
Зомбарт, Вернер — 234, 303
Зотов Б.Л. — 111

Икскуль, баронесса — 171

Калмыков А.Д. — 44–46

Калмыкова А.М. — 45–46, 112,
117–118, 121, 154, 186, 226, 349,
248–250, 252, 256–258, 299–300,
309–310, 341, 357, 365, 387

Кампфмейер, Пауль — 303, 315

Кант, Иммануил — 85–86, 162,
268–270, 273, 413–414

Карамзин Н.М. — 410

Карпиви Лео, фон — 180

Катков М.Н. — 34

Каутский, Карл — 243, 306, 312,
338, 342, 353

Кенэ, Франсуа — 331

Кизеветтер А.А. — 211, 288

Кистяковский Б.А. — 467, 485

Классон Р.Е. — 109, 187

Клушин П.Н. — 22

Ковалевский М.М. — 63

Ковалевский Н.Н. — 471

Коген, Герман — 85

Комаровский Л.А. — 288

Кони А.Ф. — 43

Конт, Огюст — 51, 56, 83

Корнилов А.А. — 486

Короленко В.Г. — 517

Котляревский С.А. — 467

Кошелев А.И. — 31

Кремер — 241, 278–279

Кривенко С.Н. — 144, 152, 256,
259

Кропоткин П.А. — 53

Крупская Н.К. — 30, 46, 320, 439,
487

Кускова Е.Д. — 349–352, 453,
467, 471, 478, 483–484, 492, 519

Лавров П.Л. — 54, 87, 160

Лассаль, Фердинанд — 418–419,
423

Лелевель, Иоахим — 60

Ленин В.И. — 30, 46, 69, 131, 150,
167, 172, 176, 182, 186–209,
222–223, 239–243, 246, 257, 259,
276, 282, 308, 335, 340–360,
363–371, 379, 392–395, 413, 424,
438–440, 447, 467, 487, 498

Леруа, Пьер — 198

Лесков Н.С. — 112

Люксембург, Роза — 305, 315

Лист, Фредерик — 134, 142, 158

Локк, Джон — 86

Львов Н.Н. — 443–444, 446, 467,
471

Маклаков В.А. — 409, 461–462

Мальгус, Томас Роберт — 134,
169, 206

Маркс, Дженни — 80

Маркс, Карл — 51, 70, 72–76,
78–81, 86, 88–92, 94, 96–98,
105–106, 111, 120, 122–124, 129,
134, 136–137, 139, 142–144, 149,
151–152, 159–163, 166–175,
190–191, 197, 202, 204–206,
228–238, 247, 261–262, 267–268,
273, 284, 302, 320, 322, 324–333,
346, 370

Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.)—
200, 222–223, 240–243, 257, 259,
278, 282, 354, 356, 358–361,
363–366, 394–395

Маслов П.П. — 215, 222, 310

Мациеновский В.А. — 60

Мейендорф А. — 29

- Мейер, Рудольф — 98–99
Мейер, Эдуард — 293
Менгер, Карл — 331
Менделеев Д.И. — 101–102
Мережковский Д.С. — 311
Меринг, Франц — 235–237
Мехелин, Лев — 508
Микельс, Роберт — 334
Милюков П.Н. — 296, 435–437,
443–447, 458–459, 466, 468, 478,
505, 508–510
Михайловский Н.К. — 53–59,
71, 74, 84, 86, 99, 117, 129,
148–150, 152, 160–161, 173–175,
184, 192, 200, 214, 258, 269, 344,
416–417
Морлей, Джон — 197
Морозов С.Т. — 520
Муравьев Н.Н. — 17–18, 24
- Набоков В.В. — 516
Надсон С.Я. — 43
Наполеон, Луи Бонапарт — 14,
400
Некрасов Н.А. — 30
Неовус, Арвид — 488, 490
Нечаев С.Г. — 399
Николай I — 15–17, 36, 510
Николай II — 224–225, 250, 391,
408, 449, 455, 477
Никольский Б.В. — 109, 113
Ницше, Фридрих — 415, 417
Новиков Н.И. — 143
Ньютон, Исаак — 262
- Оболенский В.А. — 25–26, 109,
116, 356, 363
Оффенбах, Жан — 53
- Павлов–Сильванский Н.П. —
109, 113
Парвус (Гельфанд) — 305, 315
Петр I — 14, 36, 38, 291
Петрункевич И.И. — 405, 411,
434, 437, 454, 466–467, 469, 471
Пешехонов А.В. — 471
Писарев Д.И. — 117, 143, 223
Платон — 91
Плеве В.К. — 453–456, 460, 462,
477, 485, 495, 498–499
Плеханов Г.В. — 73, 78–81, 84,
91, 93, 98, 104–105, 130, 139, 143,
145, 147–149, 183–185, 195, 201,
207, 227, 243–244, 246, 259, 268,
273, 275–276, 282, 305–308,
312–313, 335, 337–338, 343, 351,
353, 364–370, 379, 382, 388, 392,
395, 411, 413, 424, 440, 467
Победоносцев К.П. — 112
Покровский М.Н. — 483
Попова О. — 255–257, 260, 299, 341
Поссе В.А. — 256–258, 443
Постников В.Е. — 191
Потресов А.Н. — 107–108, 113,
121, 131, 153, 155, 180–181,
183–187, 194, 197, 201–202,
2–0–210, 213–214, 242–244, 249,
251–252, 256, 285, 287, 300,
308–309, 312–314, 318, 327, 338,
342–343, 347–349, 354–359,
363–371, 376, 387
Прокопович С.Н. — 349, 467,
471, 519
Пругавин В.С. — 160
Прудон, Пьер Жозеф — 163, 319
Пушкин А.С. — 398
Пыпин, Александр — 43

- Радченко, Степан — 275, 279,
356, 364
Ратаев Л.А. — 462
Рейтлингер Н.А. — 213
Рикардо, Давид — 96, 331
Риль, Алоиз — 85–86, 91–92,
269, 272, 413
Родичев Ф.И. — 224, 227, 357,
405, 467, 469
Розанов В.В. — 314
Розеггер, Петер — 121
Розен А.Ф. — 18–20, 32
Румянцев Н.П. — 250
- Салтыков–Щедрин М.Е. — 43
Самарин, Юрий — 60
Сантаяна Г. — 396
Свешников М.И. — 113
Святополк–Мирский —
503–505, 513–515, 524
Семенов М.Н. — 256–257, 274
Сен–Симон, Клод Анри — 319
Скворцов А.И. — 94, 96–97,
133–134, 153, 176
Соколов Н.Д. — 109, 113, 186
Соловьев, В. С. — 43, 414–415
Спенсер, Герберт — 27, 52, 56–57,
87
Спиноза, Бенедикт (Барух) —
260
Стахович М.А. — 455–457, 460
Столыпин П.А. — 509
Странден Д.В. — 108, 114
Стрельцов Р. — 442, 463
Струве, Бернгард — 17–18, 44
Струве, Вильгельм (Василий) —
14–18
Струве, Глеб — 299, 340
- Струве, Якоб — 14
Струве, Петр — 14
- Тарле Е.В. — 259
Тахтарев Н.К. — 395
Ткачев П.Н. — 74
Толли, Барклай де — 18
Толстой, Дмитрий — 406
Толстой, Л.Н. — 27, 430
Трептов — 488
Туган–Барановский М. И. — 110,
195–196, 214–215, 217–219,
221–223, 257, 259, 297–298, 308,
310, 314, 327, 330, 346, 363–364,
371, 377, 386
Тун — 112
Тургенев И.С. — 27, 135
Тьюнен — 96
Тыркова А.В. — 386, 491–492,
540–541
- Ульянов А.И. — 196
Ульянова, Анна — 349
Уорд, Лестер — 269
- Фадеев Р.А. — 31
Федосеев Н.Е. — 202
Фейербах, Людвиг — 91, 229,
231–232, 234, 236–237, 319
Фет (Шеншин) А.А. — 30
Фихте, Йоган Готлиб — 418–420,
423
Фоллмар, Георг фон — 301
Франк С. Л. — 458, 467, 540
Фурье, Шарль — 319
- Херд, Джеймс — 250
Хижняков В.М. — 471

Цеткин, Клара — 315

Чайковский Н.В. — 507

Чернов, Виктор — 259

Чернышевский Н.Г. — 50, 53,
60–61, 63, 117, 138

Чехов А.П. — 259, 311, 443

Чичерин, Борис — 423, 457

Чупров А.И. — 63, 70, 219–222

Шафарик, Павел Йозеф — 60

Шаховской Д.И. — 227, 357, 409,
411, 443–444, 446, 467–468, 471,
487, 524

Шелгунов Н.В. — 107, 117–118

Шекспир, Уильям — 43

Шимкевич В.М. — 101–102

Шенланк, Бруно — 302, 315

Шереметьев П.С. — 409

Шинов Д.Н. — 408, 411, 454–457,
460–461, 512, 524

Штаммлер, Рудольф — 267–270,
322, 344, 348

Штейн, Лоренц фон — 33, 162,
234–237

Шульце-Геверниц, Г. фон — 119,
167

Энгельс, Фридрих — 51, 72, 74,
78–81, 90–91, 106, 111, 122,
129, 131, 136–137, 139, 142, 145,
166, 168, 175, 205, 208, 228–236,
270, 273, 284, 302–303, 327

Юзов-Каблиц — 130, 161

Южаков — 152, 160

Юм, Дэвид — 86

Яковлев-Богучарский В.Я. —
310, 372, 389, 442–443, 467, 471,
508, 519

Оглавление

- 7От издателя
9Предисловие к русскому изданию
12Предисловие к английскому изданию
- 13Часть I. ИМПЛАНТАЦИЯ СОЦИАЛ–ДЕМОКРАТИИ
- 14Глава 1. Юность и первые размышления
48Глава 2. 1880-е: интеллектуальный фон
82Глава 3. Переход на сторону социал-демократии
101Глава 4. Начало полемики
153Глава 5. Критические заметки
- 177Часть II. ЕДИНЫЙ ФРОНТ
- 178Глава 6. Встреча с Лениным
211Глава 7. Борец за социал-демократию
255Глава 8. Новое слово
299Глава 9. Ревизионизм
334Глава 10. Конец единого фронта
385Глава 11. Социал-демократы
 разрывают отношения с либералами
- 397Часть III. ОСВОБОЖДЕНИЕ
- 398Глава 12. Философия и политика либерализма
432Глава 13. Истоки Союза освобождения
472Глава 14. Либералы у руля
501Глава 15. Осуществление надежд — 1905

Ричард Пайпс
СТРУВЕ: ЛЕВЫЙ ЛИБЕРАЛ, 1870–1905
Том 1

Серия «Культура политика философия»

Художественное оформление серии *Ф. Домогацкого*

Ответственный за выпуск *О. Карпова*
Редактор *Л. Вязмитинова*
Корректор *С. Наджафова*
Компьютерная верстка *О. Козак*

ЛР № 00972 от 14.02.2000 г.
Подписано в печать 24.10.2001. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Печ. л. 17,25. Тираж 3000 экз. Заказ № 1035.

Московская школа политических исследований.
121854, ГСП-2, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22.
e-mail: mmps@co.ru
<http://www.mmps.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии № 6
Комитета Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций,
109088 Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24

ISBN 5-93895-025-2

9 785938 950252 >